

СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО

ДОННУ

ISSN 2522-4824

ВЕСТНИК СНО

ВЫПУСК 12

ТОМ 4:

Юриспруденция

Часть 1

Донецк -2020

ISSN 2522-4824

ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО

ВЕСТНИК

СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСК 12

ТОМ 4

Юриспруденция

Часть 1

Донецк – 2020

ББК У.я52
УДК 378:33(05)

Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк: ДонНУ, 2020. – Вып. 12, том 4: *Юриспруденция*, часть 1. – 271 с.

**Редакционная коллегия
Вестника студенческого научного общества
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»**

Главный редактор – Сторожев В.И., д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности

Зам. главного редактора – Дегтярев С.В., председатель Совета СНО

Ответственный секретарь – Самарёва Т.Н.

Технический редактор – Миронова А.К.

Члены редакционной коллегии:

Асланов П.В., канд. физ.-мат. наук, доцент

Гапотченко Н.Е., канд. филол. наук, доцент

Панчехина М.Н., канд. филол. наук, доцент

Разумный В.Н., к. ист. наук, доцент

Сафонов А.И., канд. биол. наук, доцент

Тимошенко Н.А., канд. юрид. наук, доцент

Воробьева Ю.С., ассистент

Химченко А.Н., канд. экон. наук, доцент

Щепин Н.Н., канд. физ.-мат. наук, доцент

Щепина Н.Д., канд. хим. наук, доцент

В двенадцатом выпуске ежегодного сборника (в 4 томах) опубликованы результаты научных исследований студентов ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» в области естественных (том 1), социально-гуманитарных (том 2 в 2-х частях), экономических (том 3) и юридических наук (том 4 в 2-х частях). Работы печатаются в авторской редакции, максимально снижено вмешательство в структуру отобранных материалов. *Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.* Редакционная коллегия не несет ответственность за достоверность информации, представленной в рукописях, и оставляет за собой право не разделять взгляды некоторых авторов на те, или иные вопросы.

Вестник СНО включен в Аналитическую базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), номер договора № 452-11/2018.

Адрес редакции:

283001, г. Донецк, пр-т Гурова, 14, гл. корпус ДонНУ, к. 215;

Тел.: (062) 302-92-26;

E-mail: t.samareva@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/science/sno>

*Печатается по решению Ученого совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
протокол № 2 от 06.03. 2020 г.*

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Авизова Е.Ю.</i> ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	6
<i>Алексейчук П.К.</i> ПРОБЛЕМАТИКА КАТЕГОРИИ «СУБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЯ» В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	9
<i>Анисимкин А.А.</i> ПРЕКРАЩЕНИЕ УСЛОВИЯ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ КАК ЗАКОНОДАТЕЛЬНО УСТАНОВЛЕННОГО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩЕГО ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ	15
<i>Аносова Я.Н.</i> НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ	19
<i>Базака В.В.</i> К ВОПРОСУ ОБ АДВОКАТСКОЙ ТАЙНЕ	23
<i>Базака В.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ ПРАВА ВО ВРЕМЕНИ	28
<i>Байша А.А.</i> К ВОПРОСУ О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В УГОЛОННОМ ПРАВЕ	32
<i>Басавро Е.В.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ	35
<i>Бережной П.С.</i> ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	38
<i>Бибикова А.А.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА КАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	42
<i>Богоявленская А.С.</i> О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ПОМОЩНИКА СУДЬИ КАК ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО	46
<i>Бондарь Н.А.</i> КЛОНИРОВАНИЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	50
<i>Бугаёва П.Н.</i> ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ	56
<i>Булавко О.В.</i> О ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	60
<i>Вакуленко А.П.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ МАТЕРИАЛОВ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ	63
<i>Варвашеня А.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЕЙ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	67
<i>Варвашеня А.В.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА	70
<i>Васильев В.А.</i> КОММЕРЧЕСКАЯ ТАЙНА И ЕЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ	74
<i>Володина А.Е.</i> ПРАВОМЕРНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ФАКТИЧЕСКОЙ ОШИБКИ В РАМКАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ МНИМОЙ ОБОРОНЫ	84
<i>Гилязова Е.М.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПЕНСИОННЫЕ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ	89
<i>Гокунь Ю.С.</i> ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: СОЦИУМ, СЕМЬЯ, НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ	93
<i>Горбань А.Д.</i> ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ	99
<i>Горбунова О.Е.</i> К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	104
<i>Гоц Н.Н.</i> К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	108
<i>Григоренко Н.Ю.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СФЕРЕ ТУРИСТИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ	111
<i>Григорьева Н.В.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ МЕДИАТОРУ	116
<i>Грязина Т.Ю.</i> ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ВЫПЛАТЫ ПОСОБИЙ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ	121
<i>Дарманьян В.А.</i> ОПЕКА И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	125
<i>Демкович Д.А.</i> ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	129

<i>Дорошенко Д.В.</i> РАССМОТРЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ	132
<i>Дронов А.Ю.</i> ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	136
<i>Дятлов В.К.</i> ВОЗМЕЩЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО И МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО УПРАВЛЕНИЕМ АВТОМОБИЛЯ КАК ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ	141
<i>Евтюхова Ю.В.</i> К ВОПРОСУ ОБ УЛУЧШЕНИИ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ СЕМЕЙ, В КОТОРЫХ ВОСПИТЫВАЮТСЯ ДЕТИ-СИРОТЫ И ДЕТИ, ОСТАВШИЕСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ	145
<i>Егурнова В.А.</i> ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	149
<i>Еремеева А.Д.</i> К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ	154
<i>Затейщикова Е.Л.</i> ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ	158
<i>Затейщикова Е.Л.</i> КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ РЕАЛИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ	161
<i>Затейщикова Е.Л.</i> К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ СИСТЕМ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ	166
<i>Зинченко И.В.</i> АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ	169
<i>Зоря А.А.</i> ТЕРРОРИЗМ КАК МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ	173
<i>Зоря А.А.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ	180
<i>Изюмская Я.В.</i> ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА НА ОКАЗАНИЕ ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ	185
<i>Исаева Я.Р.</i> ФИНАНСОВЫЙ МОНИТОРИНГ КАК ВИД ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ	190
<i>Исмагилова Д.Ш.</i> КОНЦЕПЦИЯ ВИДОВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН	194
<i>Исова В.В.</i> ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА	198
<i>Казакова А.А.</i> ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОДПИСКИ О НЕВЬЕЗДЕ	202
<i>Каменев А.С.</i> ПРЕДПРИЯТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА КАК СУБЪЕКТЫ НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	205
<i>Карпелянская Н.Н.</i> СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА	209
<i>Карпунина Е.М.</i> ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В МИРЕ МОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	215
<i>Картавенко Д.В.</i> ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ	219
<i>Кондратенко Ю.А.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОКУРОРА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ	224
<i>Кондрашов А.В.</i> К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ПОНЯТИЯ КОМИССИОННОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	228
<i>Кондрашова Э.В.</i> ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА В ПРАВОВОМ ПОЛЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИМ НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ОРГАНАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	232
<i>Конопелько Т.С.</i> ИНФОРМАЦИЯ О КАЧЕСТВЕ И БЕЗОПАСНОСТИ БИОИНЖЕНЕРНЫХ ПРОДУКТОВ	235
<i>Константинова К.А.</i> ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИОБРЕТЕНИЯ ИЛИ СБЫТА ИМУЩЕСТВА ЗАВЕДОМО ДОБЫТОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ	239
<i>Константинова К.А.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЯХ	243

<i>Корнев Д.А.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТАМОЖЕННЫХ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ	246
<i>Коробейников В.Н.</i> К ВОПРОСУ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	250
<i>Кочетова М.В.</i> ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ – ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВА	254
<i>Кравченко А.А.</i> ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ СТРАХОВАНИЕ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ	259
<i>Кувалдина П.А.</i> ОБЩЕСОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЛИЦАМИ ЖЕНСКОГО ПОЛА	266

ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Авизова Е.Ю.

*Научный руководитель: Сынкova Е.М. проф., д.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности административно-правового статуса Правительства Донецкой Народной Республики. Обосновано, что формы деятельности Правительства ДНР в сфере государственного управления представляют собой взаимоувязанную совокупность в соответствии с его компетенцией и полномочиями действий (разносторонних видов деятельности), нормативно определенных для реализаций поставленных целей, задач, функций. Предложена классификация функций и форм деятельности Правительства ДНР.

Ключевые слова: административно-правовой статус, Правительство, Донецкая народная республика, принципы деятельности, функции, компетенция

Научные исследования административно-правового статуса субъектов публичного права всегда являются актуальными, что обусловливается возможностью этих субъектов эффективно осуществлять свои задачи, функции, компетенцию и полномочия, права и обязанности, местом в системе государственного управления. Особенное внимание в научной литературе уделяется установлению административно-правового статуса органов исполнительной власти, которые занимают центральное место среди органов государственной власти, обеспечивая реализацию законов, законности, соблюдения прав и свобод лица, общегосударственных программ. Ввиду того, что высшим органом исполнительной власти является Правительство Донецкой Народной Республики, определение его административно-правового статуса, взаимоотношений с другими органами государственной власти приобретают особое значение в контексте последующего усовершенствования действующего законодательства [1-2].

Коренные изменения в содержании его деятельности и компетенции Правительства ДНР как высшего органа в системе органов исполнительной власти и совершенствования функций, контрольной деятельности, форм и методов в сфере государственного управления в значительной мере зависит от научно- теоретических наработок и создания целостной теоретической базы относительно органов исполнительной власти.

Цель исследования заключается в научно-теоретическом обосновании сущности и содержания административно- правового статуса Правительства ДНР.

Представителями административного права осуществлены определенные наработки в отмеченной сфере: создан понятийный аппарат, а именно: сформулировано определение понятия «субъект административного права», «административно-правовой статус», «административно-правовой статус должностного лица», других публичных лиц и органов исполнительной власти; определены правоотношения, в которых субъекты административного права могут реализовать свой статус; охарактеризованы полномочия и компетенция отдельных органов исполнительной власти. Что касается непосредственно административно-правового статуса Правительства ДНР, то данные вопросы не нашли детального отражения в научной литературе.

Административно-правовой статус Правительства ДНР характеризуются тем, что правительственная деятельность реализуется одновременно через политические и административные полномочия. При этом, содержание политических полномочий Правительства ДНР заключается в осуществлении им государственной политики, а содержанием административных полномочий является исполнительно-

предписывающая деятельность относительно руководства экономической, социально-культурной и административно политической сферами.

Структуру административно-правового статуса Правительства ДНР составляют задачи, функции, права и обязанности. Особенное внимание уделено ответственности Правительства, которая является политической ответственностью и применяется как к Правительству в целом, так и к каждому из его членов, в отдельности. То есть эта ответственность имеет политический характер и является составляющей конституционно-правового статуса Правительства ДНР. Для административно-правового статуса Правительства ДНР характерным является то, что ответственность лишь теоретически может быть его составляющей. В настоящее время законодательно не предусмотрено ответственности Правительства ДНР как элемента его административно-правового статуса (основания, процедуры, взыскания).

При определении административно-правового статуса Правительства ДНР предлагается учесть такие его существенные признаки как: а) тесная взаимосвязь Правительства с деятельностью других ветвей власти; б) относительная самостоятельность Правительства в системе единой государственной власти; в) предметность деятельности Правительства; г) наличие управленческих связей Правительства в системе органов исполнительной власти; д) исполнительная деятельность; е) отсутствие законодательно определенной административной ответственности как элемента статуса.

С учетом особенностей административно-правового статуса Правительства ДНР, его существенных признаков и структуры, понятие административно-правового статуса Правительства ДНР предложено рассматривать как определенные в нормах административного права задачи, функции, обязанности и права высшего органа исполнительной власти ДНР.

В связи с этим особое внимание следует уделить определению понятий «задачи органа государственного управления» и «функции органа государственного управления», которые являются базовыми для определения задач и функций Правительства ДНР как субъекта государственного управления» и учитывая отсутствие единого мнения относительно этих дефиниций в юридической литературе.

Анализ научной литературы дал возможность установить основные подходы к определению функций Правительства ДНР как субъекта государственного управления: а) подчиненность правительственных функций управления целям и заданиям государства; б) понимание функций как базовых видов деятельности субъекта власти, которые осуществляются для достижения запланированного результата; в) их объективный характер, властно организационная сущность; г) специфичность относительно объекта управления; д) реализация функций Правительства ДНР как основное содержание его деятельности; ж) трансформация функций Правительства ДНР в новых социально-экономических условиях.

Функциональная направленность деятельности Правительства ДНР имеет как общий, так и специальный характер. К общим функциям Правительства ДНР могут быть отнесены функции, которые связаны с процессами государственного управления. Это – функции организации, планирования, координации, государственной регуляции, контроля, организации работы с кадрами, информационного обеспечения правительственной деятельности.

Специальные функции Правительства ДНР разделяют на виды в зависимости от сфер управления (выделяют функции государственного управления в административно политической, экономической, социальной и гуманитарной сферах). Специальные функции Правительства ДНР являются многочисленными и разнообразными, они отображают особенности взаимодействия конкретных субъектов и объектов государственного управления.

Особое значение имеет регулирование форм и методов деятельности Правительства ДНР как субъекта государственного управления. Форма деятельности всегда включает способы действия. Так, постановления и распоряжения Правительства ДНР устанавливают определенные обязанности относительно организации деятельности, соответствующих действий должностных лиц и органов исполнительной власти. С другой стороны, методы находят свое проявление в форме деятельности. Так, невозможной является реализация управленческого действия без соответствующего правового акта.

Формы деятельности Правительства ДНР как субъекта государственного управления могут быть классифицированы по а) направлению государственного управления (внутренние: управленческие действия, которые имеют внутриорганизационный характер и внешние: непосредственное влияние органа исполнительной власти на соответствующий объект, который находится в его подчинении; б) условиям осуществления (в условиях чрезвычайного состояния или при обычных состояниях); в) адресатом субъекта (относительно должностного лица или органа власти); г) характеру правоотношений (горизонтальные и вертикальные); д) юридическими последствиями (правовые (принятие правовых актов управления; заключение договоров; осуществление других юридически значимых действий) и неправовые (внедрение организационных мероприятий и материально-технических операций).

Формы деятельности Правительства ДНР в сфере государственного управления представляют собой взаимоувязанную совокупность в соответствии с его компетенцией и полномочиями действий (разносторонних видов деятельности), нормативно определенных для реализаций поставленных целей, задач, функций [3].

Основными методами деятельности Правительства ДНР в сфере государственного управления являются убеждение, принуждение, поощрение, прямое и не прямое влияние.

При анализе компетенции и полномочий Правительства ДНР следует исходить из того, что компетенция государственного органа – это совокупность установленных законом властных полномочий для осуществления функций и заданий, положенных на него государством, а полномочия – это совокупность прав и обязанностей органа. Поскольку Правительство ДНР является коллегиальным органом, то его компетенция у большинства случаев является «неделимой», что не отрицает собственную компетенцию структурных единиц Правительства ДНР.

Соглашаясь с мнением А.П.Алехина, следует выделить следующие существенные признаки административно-правового статуса Правительства ДНР: тесная взаимосвязь Правительства с деятельностью других ветвей власти; относительная самостоятельность Правительства в системе единой государственной власти; предметность деятельности Правительства, в частности, наличие управленческих связей Правительства в системе органов исполнительной власти; исполнительная деятельность, которая находит отражение проявляется в выполнении Республиканского бюджета и утвержденных общегосударственных программ; отсутствие законодательно определенной административной ответственности как элемента статуса [4].

К полномочиям Правительства ДНР как высшего органа исполнительной власти принадлежат: обеспечение проведение государственной экономической политики; обеспечение разработки и выполнение общереспубликанских программ экономического и социального развития; обеспечение проведения государственной финансовой и налоговой политики и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян, С.А. Муниципальное право России. Учебник для бакалавров / С. А. Авакьян. – М.: Проспект, 2013. – 545 с.

2. Агапов, А.Б. Административное право в 2 т. Том 1. Общая часть. Учебник / А. Б. Агапов. – Москва: РГГУ, 2016. – 429 с.
3. Закон «О правительстве Донецкой Народной Республики»: Принят Постановлением Народного Совета 30 ноября 2018 года от 24.05.2019 № 38-ПНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-pravitelstve-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (Дата обращения 10.02.2020)
4. Алехин, А. П. Административное право России. Часть 1 / А.П. Алехин, А.А. Кармолицкий. – М.: Зерцало-М, 2017. – 500 с.

ON ADMINISTRATIVE LAW STATUS OF GOVERNMENT OF DONETSK PEOPLES REPUBLIC

Annotation. The features of административно-правового status of Government of Donetsk Folk Republic are considered in the article. It is grounded, that forms of activity of Pravitel'stva DNR in the field of state administration are a взаимоувязанную aggregate in accordance with his jurisdiction and plenary powers of actions (scalene types of activity), normatively certain for realization put goals, tasks, functions. Classification of functions and forms of activity of Government DNR is offered .

Keywords: administrative law status, government, Donetsk Peoples Republic, principles of activity, functions, jurisdiction

Avizova E.

Scientific adviser: E. Synkova Prof. Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: avizovak@mail.ru

УДК 340.133

ПРОБЛЕМАТИКА КАТЕГОРИИ «СУБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЯ» В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Алексейчук П.К.

*Научный руководитель: Степанова Ю.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Разработанная правовой доктриной категория «субъект правоотношения» в условиях информационного общества требует детального изучения. Перед юридической наукой стоит непростая задача в определении субъектов информационных отношений. Автор делает вывод о необходимости использования единой методологии при формулировании правовых дефиниций понятий субъектов информационных правоотношений; закреплении в информационном законодательстве системы субъектов информационного права и проведении их классификации по видам информационной деятельности.

Ключевые слова: субъект информационного правоотношения, информационная правосубъектность, информационная правоспособность, информационная дееспособность.

Постановка проблемы. Создание цифровой экономики, обеспечивающей взаимодействие бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан, обусловило появление ранее не известных форм социального взаимодействия, ввело в классические правоотношения новых участников. Традиционные субъекты правоотношений получают дополнительные функции, возможности осуществления новых видов деятельности, тем самым формируется их новое правовое состояние. В условиях информационного общества требуется переосмысление разработанной в правовой доктрине категории «субъект правоотношения» с учетом современной действительности.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Проблемы, касающиеся определения категории субъектов информационных правоотношений посвятили свои

работы такие ученые как: Т. А. Полякова и П. У. Кузнецов в своих трудах они определяют круг субъектов исходя из анализа их признаков. В свою очередь С. Ю. Наумов в своем труде вывел общую характеристику информационных отношений. В целом, поднимаемая в статье проблема в отечественной юридической науке разработана слабо, что подтверждает необходимость исследования по ней.

Цель исследования заключается в формулировании дефиниции понятия «субъект информационных отношений», выявлении особенностей регулирования информационных правоотношений на примере Российской Федерации.

Основные результаты исследования. Отдельные аспекты понятия «субъект информационного права», информационная правосубъектность, виды субъектов информационных правоотношений, их правовой статус выступают предметом исследований многих ученых-правоведов. Общее представление о субъекте информационных отношений дал в свое время В. М. Сырых. Он отмечал, что поскольку право на информацию по своим генетическим свойствам относится к праву естественному, то субъектами отношений в информационной сфере являются все известные праву субъекты [2, с. 418]. В. В. Лазарев обосновывает необходимость наличия у участников информационных правоотношений соответствующих правоспособности и дееспособности [5, с.322]. А. Ю. Мамычев выделяет специфический вид субъектов информационного права – субъекты информационно-кибернетических отношений, связанных с объектами киберпространства [4, с. 259].

Р. В. Шагиев, в свою очередь, определяет субъекта информационного правоотношения путем перечисления его признаков: это участник общественных отношений, возникающих по поводу информационных объектов; его индивидуальные характеристики строго определены нормами информационного права; он обладает информационной правосубъектностью [1, с. 62]. Указанные признаки позволяют выделить ряд проблем требующих уточнения (а, следовательно, комплексного их изучения): функциональных характеристик субъектов информационных правоотношений, определения условий возникновения их информационной правоспособности и дееспособности, конкретизации правового статуса субъектов и видов их ответственности.

В целях дальнейшего исследования, с учетом интеграционной политики Донецкой Народной Республики, считаем целесообразным обратиться к правовой базе Российской Федерации, регулирующей информационные отношения. Так, в законодательстве Российской Федерации имеются дефиниции отдельных участников информационных правоотношений. Например, Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) даны определения таких субъектов, как «обладатель информации», «владелец сайта в сети Интернет», «провайдер хостинга», «оператор информационной системы» (ст. 2), «организатор распространения информации в сети Интернет» (ст. 10.1), «владелец новостного агрегатора» (ст. 10.4) [9]. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» вводит понятия «рекламопроизводитель», «рекламораспространитель» (ст. 3) [8]. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» определяет понятия субъекта персональных данных и оператора персональных данных [10], Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» – понятия обладателя информации, составляющей коммерческую тайну, контрагента и т. д. [7].

Определяя понятие какого-либо субъекта информационных отношений, законодатель, как правило, подчеркивает его социально-экономический или политический статус (физическое лицо, гражданин, юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, государство и т. д.) и включает в дефиницию возможные или необходимые виды деятельности либо функции субъекта. Этими особенностями

отличаются, например, дефиниции обладателя информации, организатора распространения информации в сети Интернет, владельца сайта в сети Интернет. Приведенные примеры позволяют сделать вывод, что в информационном законодательстве, в первую очередь в Законе «Об информации», не выстроена единая система субъектов информационных правоотношений, отсутствует терминологическая иерархия их определений. Вследствие этого новые участники информационного взаимодействия не могут быть органично включены в число субъектов информационных правоотношений, стать обладателями субъективных прав и юридических обязанностей, быть наделенными соответствующим правовым статусом. А. В. Малько обоснованно отмечает, что в информационном законодательстве с 2012 г. происходит разрушение единой системы понятий, в том числе в отношении субъектного состава [3, с. 152]. В частности, Законом «Об информации» предусмотрены участники информационного правоотношения по распространению информации. Однако не все реальные субъекты распространения информации определены законодательно, соответственно не указаны их полномочия, права и обязанности, а также меры ответственности. В результате при разрешении информационных конфликтов судам зачастую приходится восполнять эти пробелы – самостоятельно включать в правовое поле таких субъектов, определять их функции, обязанности, ответственность. Но и здесь существуют противоречия: анализ судебной практики показывает, что в ряде случаев правоприменитель по-разному понимает права и обязанности соответствующих лиц. Например, в действующем законодательстве отсутствует понятие такого участника распространения информации, как администратор доменного имени. Однако при рассмотрении дел, обычно связанных с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, суды как участника правоотношения по распространению информации наряду с владельцем сайта рассматривают администратора доменного имени, устанавливают его функции и ответственность. При этом Суд по интеллектуальным правам, давая определение понятия администратора доменного имени, указывает функции, а также права и обязанности, принадлежащие владельцу сайта (страницы сайта) в сети Интернет, тем самым наделяя администратора доменного имени правовым статусом владельца сайта. Судебная практика придерживается следующего: ответственность за нарушения, связанные с размещением объектов авторских прав на сайтах, несет администратор доменного имени.

Некоторые суды придерживаются иной позиции по этому вопросу. Согласно постановлению Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 сентября 2016 г. по делу № А50-29320/2015 администратор доменного имени отвечает лишь за нарушения, связанные с выбором и регистрацией доменного имени, и не должен нести ответственность за нарушения, связанные с размещением информации на сайте, так как он владельцем сайта не является.

Необходимо отметить, что законодатель явно непоследователен при определении понятий участников информационных отношений: сначала в их число он вводит нового субъекта, устанавливает его функции, правовой статус, а через некоторое время этот участник исключается из информационного законодательства, но не исчезает из информационной сферы, оставаясь активным субъектом информационных правоотношений.

Характерным примером является блогер. Данный участник распространения информации был введен Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Но уже в 2017 г. в связи с принятием Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» ст. 10.2 была

признана утратившей силу и блогер как участник информационного взаимодействия исключен из базового информационного закона. При этом он не исчез из информационной сферы, более того, упоминается в российском законодательстве как полноправный участник общественных отношений.

Аналогичная ситуация сложилась с таким субъектом информационных отношений, как пользователь, и его разновидностями (например, пользователь сети Интернет, пользователь информации). В Законе «Об информации» данные понятия упоминаются, но не имеют легальных определений, также не обозначены субъективные права и обязанности названных субъектов. Между тем именно пользователь как лицо, удовлетворяющее свои естественные информационные потребности (интересы) путем поиска информации, получения услуг связи, услуг в электронной форме и др., предопределяет создание и конъюнктуру всей информационной инфраструктуры. Поэтому включение в информационное законодательство и определение информационного субъекта «пользователь», указание его правового статуса представляются необходимыми.

Распространение информации представляет собой деятельность, связанную с доведением содержания информации до сведения многих, соответственно обязательным участником данного правоотношения, помимо отправителя (распространителя), является получатель информации. Закон «Об информации» обязывает лиц, которые осуществляют распространение информации с помощью средств, позволяющих определять ее получателей, обеспечить получателям возможность отказа от получения распространяемой информации (п. 3 ст. 10) [9]. Получателю электронного сообщения предоставляется право (а в некоторых предусмотренных федеральным законодательством случаях – обязанность) провести проверку, позволяющую установить отправителя электронного сообщения (п. 14 ст. 15 Закона) [9]. Однако Закон «Об информации» не содержит дефиниции понятия «получатель информации», не указывает его правовой статус, правосубъектность. Вместе с тем получатель информации выступает ключевым участником распространения информации, а само распространение имеет целью доведение информации до сведения многих (получателей). Следовательно, можно определить получателя информации как субъекта распространения информации, уточнить его права и обязанности, информационную право- и дееспособность.

В связи с этим представляется обоснованным при формировании устойчивой, целостной системы понятий субъектов правоотношений по распространению информации учитывать общую классификацию субъектов информационного права, проведенную Л. П. Рассказовым. В зависимости от функционально-деятельностного характера информационных правоотношений ученый выделяет следующие типы их участников: пользователи информации, ее обладатели, информационные посредники, уполномоченные органы исполнительной власти [6, с. 482].

Субъект информационного права становится субъектом информационного правоотношения, когда нормы права однозначно закрепляют его индивидуальные правовые характеристики. Как известно, предусмотренная юридическими нормами совокупность признаков, присущих правовому состоянию субъекта информационного правоотношения (информационная правосубъектность), зависит от предмета информационного отношения и от характера информационной деятельности. А значит, понимание признаков субъекта распространения информации важно при определении его информационной правосубъектности как предпосылки формирования его информационно-правового статуса.

В информационном законодательстве нет правил определения общей информационной правосубъектности. Поэтому при исследовании проблем информационной правосубъектности можно применить общетеоретические подходы и принципы. Следуя разработанным общей теорией права основным положениям

правосубъектности, можно выделить условия возникновения информационной право- и дееспособности, вид информационной правосубъектности субъектов со статусами гражданина, физического лица, юридического лица и т. д.

Вместе с тем статус некоторых субъектов распространения информации законом четко не определен. В частности, владельцем сайта в сети Интернет законодатель называет «лицо, самостоятельно и по своему усмотрению определяющее порядок использования сайта в сети Интернет, в том числе порядок размещения информации на таком сайте» (п. 17 ст. 2 Закона «Об информации») [9].

Использование термина «лицо» для общего определения субъекта правоотношения вполне обоснованно, поскольку позволяет включить в число субъектов всех известных праву участников правоотношений. Однако использование данного термина для определения конкретных участников реальных информационных правоотношений видится не вполне обоснованным, так как дефиниция станет предельно широкой, лишенной существенных признаков, не позволяющих отграничить одних субъектов информационных правоотношений от других. При этом использование законодателем разных конструкций при формировании статусов участников информационного взаимодействия – лицо, гражданин, российское юридическое лицо, юридическое лицо и т. д. – затрудняет определение условий, при наличии которых субъект может быть носителем прав и обязанностей, осуществлять, приобретать указанные права и обязанности, а также нести ответственность за совершаемые действия; не позволяет разграничить особенности распространения информации субъектами с разными статусами, установить пределы и меру их ответственности.

Применение единых подходов и правил при определении субъектов распространения информации позволит закрепить общие условия возникновения правоспособности, порядок и правила приобретения дееспособности, а также механизмы признания и защиты их прав.

Таким образом, проведенный анализ положений Закона «Об информации» позволяет выявить правовую неопределенность правовых статусов участников правоотношения по распространению информации, в частности, законодателем не предусмотрены права отдельных субъектов. Вместе с тем возможность совершения тех или иных действий еще не образует субъективного права, а это означает, что у субъекта отсутствует обеспеченное и гарантированное государством право на защиту своих интересов. Более того, поскольку субъективное право в своем основании имеет притязание на обладание социальным благом, то его неустановление в законодательстве презюмирует непризнание возможности субъекта вступать в соответствующие информационные отношения, удовлетворять свои информационные интересы, требовать их защиты, быть полноценным участником правоотношения. К таким субъектам можно отнести, например, оператора информационной системы, владельца сайта, организатора распространения информации в сети Интернет.

Однако при этом указанные субъекты наделены юридическими обязанностями. Л. П. Рассказов подчеркивает, что особенной характеристикой юридической обязанности является обеспечение удовлетворения интересов управомоченного лица [6, с. 502]. Субъективные права и юридические обязанности отражают диалектическое единство интересов участников правоотношения по распространению информации, возникающего по поводу особого объекта – блага информационного характера. Наделение субъекта только юридическими обязанностями изменяет структуру и содержание правового статуса, нарушает конструкцию правоотношения, легитимирует дискриминацию его участников, препятствует нормальному взаимодействию всех субъектов правовой сферы.

Исходя из проведенного исследования, можно сделать следующие выводы: для решения обозначенных проблем необходимо, во-первых, использовать единую

методологию при формулировании правовых дефиниций понятий субъектов информационных правоотношений, с учетом характера осуществляемой ими деятельности; во-вторых, закрепить в информационном законодательстве систему субъектов информационного права и провести классификацию участников информационного взаимодействия по видам информационной деятельности; в-третьих, в рамках внутри отраслевой классификации, упорядочить круг субъектов правоотношения по распространению информации, определить их правосубъектность и правовой статус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие / Р.В. Шагиева. – М.: Норма, 2015. – 214 с.
2. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В. М. Сырых. – М.: Эксмо, 2012. – 528 с.
3. Теория государства и права: учебник / А.В. Малько; Саратовский филиал Института государства и права РАН. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 384 с.
4. Теория государства и права: учебное пособие / А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев – 3-е изд. – М.: ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 526 с.
5. Теория государства и права: учебник / под ред. В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИД ФОРУМ: ИНФРА-М, 2011. – 624 с.
6. Теория государства и права: углубленный курс: учебник / Л.П. Рассказов. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. – 560 с.
7. О коммерческой тайне, федеральный закон № 98-ФЗ от 29.07.2004, в ред. по состоянию на 30.01.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699/. – Дата обращения: 30.01.2020. – Загл. с экрана.
8. О рекламе, федеральный закон № 38-ФЗ от 13.03.2006, в ред. по состоянию на 30.01.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/. – Дата обращения: 30.01.2020. – Загл. с экрана.
9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации, федеральный закон № 149-ФЗ от 27.07.2006, в ред. по состоянию на 30.01.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/. – Дата обращения: 30.01.2020. – Загл. с экрана.
10. О персональных данных, федеральный закон № 152-ФЗ от 27.07.2006, в ред. по состоянию на 30.01.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/. – Дата обращения: 30.01.2020. – Загл. с экрана.

PROBLEM OF CATEGORY «SUBJECT OF LEGAL RELATIONS» IN THE CONDITIONS OF THE INFORMATION SOCIETY

Annotation. The category “subject of legal relations» developed by legal doctrine in the conditions of the information society requires a detailed study. Legal science is faced with a difficult task in determining the subjects of information relations. The author concludes that it is necessary to use a single methodology in formulating legal definitions of the concepts of subjects of informational legal relations; consolidation in the information legislation of the system of subjects of information law and their classification by type of information activity.

Keywords: subject of informational legal relationship, informational legal personality, informational legal capacity, informational legal capacity.

Alekseychuk P.

Scientific adviser: Stepanova Yu., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: p.alekseychuk@mail.ru

ПРЕКРАЩЕНИЕ УСЛОВИЯ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ КАК ЗАКОНОДАТЕЛЬНО УСТАНОВЛЕННОГО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩЕГО ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Анисимкин А.А.

*Научный руководитель: Семькина Л.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Данное исследование определяет условия правомерности необходимой обороны, как законодательно установленного обстоятельства, исключающего преступность деяния. Определённое место уделяется вопросу превышения пределов необходимой обороны, а также вопросу отграничения института необходимой обороны от иных схожих уголовно-правовых институтов.

Ключевые слова: состояние необходимой обороны, институт необходимой обороны, превышение пределов, обстоятельства, исключающие преступность деяния.

В соответствии с нормами Конституции Донецкой Народной Республики, которыми провозглашается равенство правового регулирования общественных отношений, государственная политика соответствующих органов должна основываться на равной защите интересов всех участников правоотношений. Однако нередки случаи, когда государством применяются неравные меры для обеспечения указанного принципа. Основой их применения является первоочередная защита наиболее уязвимого субъекта правоотношений, путем создания неких преимуществ для определенных категорий граждан. Согласно мнению большого количества ученых, такой подход предопределил применение института необходимой обороны, посредством которого наблюдается отражение противоположных интересов их участников.

Так, к необходимой обороне следует относить правомерную защиту от общественно опасного посягательства, реализуемая в причинении вреда посягающему лицу. В соответствии с ч. 1 ст. 36 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики, не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Данный уголовно-правовой институт нацелен на поощрение любой правомерной активности граждан, направленной на пресечение преступных посягательств, но, как правило, правоохранительные органы сталкиваются с рядом сложностей, связанных с разграничением правомерности необходимой обороны от ее превышения. Ключевым фактором является правильность установления момента прекращения условия указанного института, что законодательно практически не регулируется.

Так, необходимая оборона считается правомерной, если посягательство имело такие признаки, как общественная опасность, наличность и действительность деяния.

В рамках рассматриваемой темы, основным определением является указанный признак наличности деяния, характеризующий пределы посягательства во времени: посягательство должно уже начаться (или непосредственная угроза его реального осуществления должна быть очевидной) и еще не завершиться. Таким образом, наличность посягательства определяется двумя моментами – начальным и конечным.

Т.Г. Шавгулидзе, в своих трудах, указал на то, что состояние необходимой обороны прекращается с прекращением посягательства. «Посягательство может быть

прекращено вследствие сопротивления обороняющегося или вмешательства посторонних лиц, или же вследствие отказа самого нападающего от посягательства. Посягательство считается прекращенным и тогда, когда нападающий достиг своей цели, и объект посягательства уже уничтожен или частично поврежден, а новая опасность ему уже не грозит» [2, с. 73].

Следуя данному определению, можно сделать выводы, что нельзя причинять вред посягающему после того, как само посягательство уже окончено. Данного мнения придерживался и Пленум Верховного Суда Российской Федерации. В своем постановлении от 27 сентября 2012 г. 19 в пункте 7 он указал, что «действия оборонявшегося, причинившего вред посягающему, не могут считаться совершенными в состоянии необходимой обороны, если вред причинен после того, как посягательство было предотвращено или окончено, и в применении средств защиты явно пропала необходимость» [3].

Так, можно сказать, что при прекращении посягательства оно уже не считается наличным и тем самым прекращается право на необходимую оборону, ибо причинение вреда нападающему уже не пригодно для защиты конкретного правового объекта. Однако, в пункте 8 указанного постановления сказано, что «состояние необходимой обороны может иметь место и тогда, когда защита последовала непосредственно за актом хотя бы и оконченого посягательства, но по обстоятельствам дела для обороняющегося не был ясен момент его окончания» [3].

Некоторые юристы не разделяют мнение Пленума при решении этого вопроса. Они считают, что центр тяжести переносится с объективного на субъективный момент, а это, в свою очередь, может привести к ошибкам, что видно по практике применения законодательства о необходимой обороне. Мнения различных ученых в сфере права сходятся на том, что Пленум должен был более ясно высказаться по поводу фразы: «Не был ясен момент окончания посягательства».

Так, В.В. Орехов считает, что в случаях, когда обороняющийся, не осознав факта окончания посягательства, причиняет посягавшему какой-либо вред, речь, на его взгляд, должна идти не о необходимой, а о мнимой обороне, так как в данном случае налицо фактическая ошибка. При этом вполне возможны ситуации, когда уголовная ответственность исключается, но не потому, что имела место необходимая оборона, а потому, что фактическая ошибка исключает вину обороняющегося, который добросовестно заблуждался и по обстоятельствам дела не должен был и не мог осознавать, что посягательство уже окончилось [4, с. 110].

В данной ситуации нельзя не согласиться с мнением вышеупомянутого профессора Т.Г. Шавгулидзе на этот счет: «Вопрос об ответственности лица, причиняющего вред нападающему после прекращения посягательства... должен рассматриваться в зависимости от того, какая вина ложится на «обороняющегося» в том, что он не заметил момента окончания посягательства. Если лицо не знало и не могло знать, что посягательство уже закончилось, тогда в действии «обороняющегося» нет вины и тем самым отсутствуют и основания для установления уголовной ответственности».

Таким образом, рассматривая вопрос о проблематике разграничения правомерности необходимой обороны от ее превышения, представляется сделать вывод о том, что в тех случаях, когда лицо не заметило прекращение посягательства, однако должно было и могло не допускать такую ошибку, данное лицо отвечает за неосторожное причинение вреда. Если же субъект знает, что посягательство прекратилось и, тем не менее, причиняет вред нападающему, то он должен отвечать за умышленное причинение вреда.

Однако, по мнению Н.Г. Кадникова, «на практике выяснение конкретного состояния обороняющегося и направленность его умысла при причинении вреда

посягающему после того, как само посягательство уже было прекращено, вызывает большое затруднение. Как правило, правоохранительные органы квалифицируют данные действия, как совершенные умышленно либо с превышением пределов необходимой обороны» [5, с. 337].

Таким образом, возникновение и прекращение состояния необходимой обороны полностью зависит от начала и окончания общественно опасного посягательства, наличие которого со своей стороны находится в зависимости от наличия реальной опасности для охраняемого уголовным правом объекта, и очень важно правильно применять данные правила в судебной практике во избежание судебных ошибок.

В качестве примера предлагается рассмотреть ситуацию, описанную Н.С. Таганцевым в своих трудах. Так, органы предварительного следствия предъявили обвинение гражданину «А» в умышленном убийстве гражданина «Б», совершенном с особой жестокостью. Судом первой инстанции гражданин «А» был оправдан за отсутствием состава преступления при следующих обстоятельствах.

9 февраля 2020 года гражданин «А» со своим несовершеннолетним братом «Х» пришли в гости к своим родственникам. Муж родственницы – гражданин «Б», находился в нетрезвом состоянии, употреблял спиртное и предлагал гражданину «А» выпить. Однако последний отказался употреблять спиртные напитки, обнаружив у родственницы на лице следы побоев, после чего стал выяснять причину их возникновения. Гражданин «Б» признался, что избил жену и начал нецензурно оскорблять ее, ударил по лицу. Гражданин «А» совершил попытки остановить гражданина «Б», однако тот совершил насильственные действия в адрес гражданина «А» путем избияния его головой о пол. Когда родственники гражданина «А» постарались нейтрализовать конфликт, гражданин «Б» набросился на него с кухонным ножом. Последнему удалось выхватить нож из рук гражданина «Б» и нанести ему множество ударов в различные части тела, в том числе, в сердце, от чего тот скончался.

Квалификация действий гражданина «А», которая была определена органами предварительного следствия, Судом не была принята во внимание в виду признания того, что убийство гражданина «Б» было совершено в состоянии необходимой обороны. В свою очередь прокурором был подан кассационный протест, основывавшийся на отмене вынесенного оправдательного приговора. Учитывая факты, предоставленные в материалах уголовного дела, судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оправдательный приговор остался без изменения по следующим основаниям.

Таким образом, согласно материалам дела, гражданин «А» на момент совершения преступления пребывал в состоянии необходимой обороны, что являлось прямым реакцией на нападение гражданина «Б», сопряженного с насилием, опасным для жизни гражданина «А». Действия гражданина «Б» характеризуются как «агрессивное нападение в состоянии алкогольного опьянения с применением ножа» в отношении гражданина «А». Заключение судебно-медицинской экспертизы помогло определить, что в момент совершения указанного нападения гражданин «А» находился в состоянии аффекта, что подтверждает невозможность достоверной оценки обстоятельств совершаемого преступления, а также момента окончания посягательства.

В иной ситуации, гражданин «В» был признан виновным в убийстве гражданина «Г», совершенном при превышении пределов необходимой обороны, при следующих обстоятельствах. В ночь на 1 января 2017 года гражданин «В», находящийся на государственной службе, имея при себе табельное оружие, самостоятельно покинул место работы и направился к развлекательному центру, где находилось кафе. По прибытию в общественное место, гражданин «В» стал наблюдать за неким, установленным следствием, лицом, чего не одобрил последний. В ходе возникших разногласий, установленным лицом были совершены в отношении гражданина «В»

активные действия, выражающиеся удушении его шеи удавкой в целях изъятия из кобуры оружия. Препятствуя его завладением, гражданин «В» дотянулся рукой до спускового крючка и с целью привлечения внимания работников полиции произвел выстрел в пол.

В свою очередь, данное предупреждение не оказало влияния на умысел установленного лица, которое продолжило удерживать его сзади. В ходе указанных активных действий, гражданину «В» удалось достать оружие у нападавшего и освободиться от удавки. В это время он увидел перед собой ранее неизвестного, который сделал атакующее движение в его сторону. Восприняв действия указанного лица как продолжение преступного посягательства по завладению оружием, гражданин «В» произвел выстрел ему в голову, причинив смертельное ранение.

Согласно предоставленным органами материалам дела, Заместителем Председателя Верховного Суда Российской Федерации был поставлен вопрос об отмене судебных решений в отношении гражданина «В» и прекращении дела за отсутствием в его действиях состава преступления, квалифицируя его действия состоянием необходимой обороны и отсутствием ее превышения. Президиумом суда протест был удовлетворен по следующим основаниям.

Исследовав фактические обстоятельства дела, суд правомерно обозначил в приговоре, что гражданин «В» воспринял действия установленного лица как реально направленные на завладение оружием и поступал исключительно исходя из сложившейся ситуации. Вместе с тем, признавая гражданина «В» виновным в превышении пределов необходимой обороны, суд сослался на то, что средства защиты превышали средства нападения, поскольку в руках у потерпевшего ничего не было. Между тем, рассматривавшие настоящее дело суды не дали надлежащей оценки тому обстоятельству, что перед производством выстрела установленным лицом было сделано угрожающее движение в направлении обвиняемого. По заключению судебно-медицинского эксперта, выстрел мог быть произведен в упор или с дистанции, близкой к «упору», то есть в тот момент, когда потерпевший находился в непосредственной близости от умершего. В этих условиях действия установленного лица гражданин «В» воспринял как агрессивные, направленные не только на завладение оружием, но и на применение впоследствии насилия, опасного для его жизни и здоровья, которому он подвергался. Действия умершего по существу являлись продолжением отражения нападения лиц, пытавшихся завладеть его оружием [6, с. 129].

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что установленное лицо находилось в состоянии необходимой обороны от преступного посягательства, которое представляло реальную и непосредственную угрозу для его жизни и здоровья.

На основании изложенного представляется возможным сделать вывод о том, что правомерная защита от общественно опасного посягательства, реализуемая в причинении вреда посягающему лицу именуется в уголовном законодательстве, как институт необходимой обороны. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, однако, последняя считается правомерной, в случае если посягательство имело такие признаки, как общественная опасность, наличность и действительность деяния. Проблематика данной темы заключается в отсутствии законодательно установленной процедуры разграничения правомерности необходимой обороны от ее превышения, при наличии достаточно обширной научно-теоретической базы исследования рассматриваемого института.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 27-2 от 17.08.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/doc/dokumenty-soveta-ministrov/>.

2. Шавгулидзе Т.Г. Необходимая оборона: Монография/ Шавгулидзе Т.Г. – Тбилиси: Мецниереба, 1966. – 158 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. – 2012. – № 11;
4. Орехов В.В. К проблеме необходимой обороны / В.В. Орехов // Вестник СПбГУ – Сер.6.- 2013. – вып. 2 – 198 с.;
5. Кадникова Н.Г. Уголовное право. Общая и Особенная части : учеб. для вузов / Кадникова Н.Г. // – М.: Городец, 2006. – 627 с.;
6. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая : в 2 т. / Н. С. Таганцев // – М.: Юрист, 2009. – Т. 1. – 576 с.

TERMINATION OF THE CONDITIONS OF NECESSARY DEFENSE, AS A LEGAL ESTABLISHED CIRCUMSTANCE EXCLUDING CRIMINAL ACTION

Annotation. This study determines the conditions of lawfulness of the necessary defense, as a legally established circumstance that excludes the crime of an act. A certain place is given to the issue of exceeding the limits of necessary defense, as well as the issue of delimiting the institute of necessary defense from other similar criminal law institutions.

Keywords: state of necessary defense, institution of necessary defense, exceeding limits, circumstances precluding criminal acts.

Anisimkin A.

Scientific adviser: Semykina L., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: 303000@inbox.ru

УДК 343.625.5

НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аносова Я.Н.

*Научный руководитель: Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматриваются проблемы квалификации такого преступления, как неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, предусмотренного ст. 162 УК ДНР. Определены проблемы, которые возникают в связи с несовершенством изложенных в норме признаков объективной стороны преступления. Исследована неоднозначность мнений ученых-теоретиков относительно вопросов трактовки объективной стороны данного состава преступления. В результате работы были определены существующие проблемы квалификации и предложены варианты их решения.

Ключевые слова: неисполнение обязанностей, ненадлежащее воспитание, несовершеннолетний, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, жестокое обращение, формы жесткого обращения.

Уголовно-правовая охрана прав и законных интересов несовершеннолетнего лица и, следовательно, правовая охрана общественных отношений, обеспечивающих надлежащее воспитание и нормальное развитие ребенка, на сегодняшний день приобрела особую актуальность. Помимо этого, одной из главных целей и приоритетных задач государства является непосредственно надлежащее исполнение обязанности по воспитанию несовершеннолетних детей, ведь это напрямую отражается на развитии общества в целом.

Поэтому, для надлежащего исполнения своих обязанностей по воспитанию несовершеннолетних лиц законодательно предусмотрено несколько видов

ответственности: семейно-правовая (ст. 164, 170 Семейного Кодекса Украины), гражданско-правовая (ст. 1178-1180 Гражданского Кодекса Украины), административная (ст. 184 Кодекса об административных правонарушениях Украины) и уголовная (ст. 162 Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики, далее – УК ДНР). Последний из представленных видов ответственности применяется только в том случае, когда неисполнение обязанности по воспитанию напрямую связано с жестоким обращением.

Однако, норма УК ДНР, действующая на сегодняшний день, не обеспечивает в полном объеме охраны прав несовершеннолетних от ненадлежащего воспитания, связанного с жестоким обращением. Норма также не обеспечивает в полной мере превенции от жестокого обращения со стороны родителей.

Помимо этого, одной из самых главных проблем, возникающей при квалификации преступления, предусмотренного ст. 162 УК ДНР, является наличие в объективной стороне множества оценочных понятий. Оценочные понятия служат основанием для возникновения споров и разногласий при расследовании или осуществлении правосудия.

Так, объективная сторона неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего состоит из альтернативных действий и выражается в неисполнении или же ненадлежащем исполнении обязанности по воспитанию несовершеннолетнего лица, если оно сопряжено с жестоким обращением, совершенным в форме действия, бездействия или пассивного поведения.

Как видим, законодательно четко не определены следующие понятия – «неисполнение обязанности по воспитанию», «жестокое обращение», «ненадлежащее исполнение обязанности», от чего может возникать вынесение необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовного дела или вовсе – неправильная или неполная квалификация совершенных деяний.

Соответственно, главной целью данной работы является изучение выведенных учеными-теоретиками трактовок оценочных понятий, содержащихся в объективной стороне преступления, предусмотренного ст. 162 УК ДНР, а также выведение на основе полученной научной информации собственных определений с целью предотвращения проблем при квалификации.

Первое оценочное понятие, с которым можно столкнуться в объективной стороне преступления – это «неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего».

Шаганова О. М. определяет данное понятие как смешанное бездействие, которое выражается в систематической отстраненности субъекта совершенного преступления от возложенных на него законом обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего [1, с. 122]. Она также считает, что такие действия могут проявляться через: несоблюдение потребностей несовершеннолетнего с учетом его индивидуальных особенностей и состояния здоровья; отсутствие контроля над обучением ребенка и его поведением; отсутствие заботы о состоянии здоровья и психическом развитии ребенка.

Помимо этого, Белов В. Ф. считает, что к вышеописанным признакам необходимо добавить несоблюдение правильного режима дня, обусловленного психофизиологическими потребностями ребенка согласно его возрасту, невыполнение банальных гигиенических норм или рекомендацию врача по лечению [2, с. 3].

За счет того, что законодательное регулирование Донецкой Народной Республики только находится на стадии своего развития, то представляется возможным и даже необходимым обращаться в практику зарубежных стран. Так, судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации дала исчерпывающее определение понятию «неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию». Данное определение от 19.06.2012 №38-КГ12-1 звучит следующим образом: «Неисполнение

обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего может выражаться, в частности, в уклонении от выполнения обязанностей по обеспечению потребностей несовершеннолетнего в питании, одежде и обуви по сезону, проживании в благополучных санитарно-гигиенических условиях, полноценном отдыхе и сне, средствах гигиены, в своевременном получении медицинской помощи и лечении при болезни. А также в невыполнении обязанностей по обеспечению прав несовершеннолетнего на общение с родителями и сверстниками, по созданию условий для получения несовершеннолетним образования, для его занятий спортом, музыкой, танцами, рисованием, конструированием, проявления им иных видов творческой и физической активности, удовлетворения им других своих интересов и потребностей. А также в применении запрещенных законом способов и методов воспитания, эксплуатации несовершеннолетнего, в формировании асоциальной направленности личности несовершеннолетнего, а также в нечетком, нерадивом, формальном, несвоевременном, неправильном их выполнении, в злоупотреблении правами по воспитанию несовершеннолетнего» [3]. Данная дефиниция в полном объеме отражает все признаки неисполнения обязанностей по воспитанию, необходимые для правильной и точной квалификации деяний, подпадающих под объективную сторону ст. 162 УК ДНР.

В целом, можно сделать вывод, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних представляет собой отсутствие необходимой заботы о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии несовершеннолетнего. Однако уголовная ответственность возникает только в случае, если такое неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего сопряжено с жестоким обращением.

Теперь уже встречается второе оценочное понятие – «жестокое обращение», которое также характерно для объективной стороны рассматриваемого преступления. Именно оно требует более детального рассмотрения, так как значительно влияет на итоговую квалификацию и на сам факт совершения преступного деяния.

Так, по мнению Мшвениерадзе Г. П., применительно к изучаемому составу преступления, «жестокое обращение» необходимо рассматривать, как применение физического и (или) психического насилия, которое может повлечь возникновение душевных страданий у потерпевшего. Он также отмечает, что жестокое обращение может выражаться через активные действия (например, лишение свободы или нанесение побоев) или через пассивные действия (например, лишение пищи и воды или не предоставление одежды) [4, с. 187].

Сафонова Т. Я. и Цымбал Е. И. считают, что вышеописанных признаков недостаточно для правильного определения понятия «жестокое обращение с несовершеннолетним лицом» и выделяют следующие формы жестокого обращения – причинение физического насилия в виде истязания, побоев; причинение сексуального насилия, то есть, использование ребенка взрослым для удовлетворения собственных сексуальных потребностей (а равно – вовлечение в проституцию); наличие психического насилия, а равно – словесных оскорблений, угроз, унижений человеческого достоинства ребенка; пренебрежение нуждами и интересами несовершеннолетнего (например, недостаточное обеспечение ребенка пищей, одеждой, жильем и т.д.) [5, с. 5-6]. Также, по мнению ученых, такие действия могут возникать как в силу объективных причин, так и без таковых.

Однако, для поиска наиболее достоверного и полного определения понятия «жестокое обращение с несовершеннолетним», подходящего под объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 162 УК ДНР, необходимо обратиться к правоприменительной (судебной) практике. Например, Ворошиловский районный суд г. Донецка по делу №1/0508/339/2012 от 11.04.2012 года приговорил мать к двум годам

ограничения свободы на основании совершенного преступления по ст. 166 УК Украины (аналогично – ст. 162 УК ДНР) [6].

Подсудимая, являясь матерью несовершеннолетнего ребенка, на протяжении длительного срока злостно уклонялась от выполнения предусмотренных законом обязанностей по воспитанию и уходу за своим ребенком, а именно – не обеспечивала необходимого порядка, чистоты и других материально-бытовых условий, необходимых для достойного проживания ребенка, хотя имело для этого возможность. В данных действиях можно проследить признаки ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Помимо этого, подсудимая не предпринимала никаких действий на обеспечение своего несовершеннолетнего сына, то есть, полностью оставила ребенка на самовольное воспитание и не поддерживала полноценной связи с ним, не обеспечивала ребенка материально, к тому же, приобщала несовершеннолетнего сына к совместному систематическому распитию алкогольных напитков, демонстрировала негативный пример для подражания. Вследствие этих действий у ребёнка развилась психическая патология и возникла хроническая алкогольная зависимость. В таких действиях можно рассмотреть признаки проявления жестокого обращения с несовершеннолетним.

Таким образом, исходя из анализа научных дефиниций и правоприменительной практики, можно сделать следующие выводы. Понятие «жестокое обращение» может проявляться через различные признаки, которые приносят ребенку моральные и физические страдания, а также приводят к тяжким последствиям. Такими действиями могут быть: неоднократное и систематическое проявление физического насилия; неоднократное использование оскорбительных выражений, ругательства и унижений, в том числе с использованием ненормативной лексики, в адрес ребенка; игнорирование факта причинения вреда ребенку и уклонение от принятия мер по устранению вреда; систематическое употребление алкогольных напитков совместно с несовершеннолетним.

Однако стоит понимать, что формы жестокого обращения с несовершеннолетним, вне зависимости от своеобразия их исполнения, являются весомым основанием для привлечения к уголовной ответственности.

Подводя итоги по вышесказанному, необходимо отметить, что конкретным образом разграничить и определить границы «приемлемого» воспитания несовершеннолетнего невозможно. Уголовное право до сих пор не содержит легитимного понятия «жестокое обращение», «неисполнение обязанностей по воспитанию», «ненадлежащее исполнение», поэтому у понятий возникает оценочный характер.

На основании вышеизложенных фактов стоит полагать, что законодательное определение данных понятий в рамках уголовно-правовых норм является весьма целесообразным. Это позволит безошибочно толковать содержание нормы, правильно и точно квалифицировать содеянное преступление сотрудниками правоохранительных органов.

Например, данные понятия могут быть законодательно закреплены в примечании к ст. 162 УК ДНР и звучать следующим образом: «Под неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего следует понимать умышленное виновное противоправное деящееся бездействие лица, обязанного осуществлять в соответствии с законом или иным нормативным актом либо договором, обязанности по воспитанию либо надзору за несовершеннолетним, проявляющиеся в заботе о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии ребенка, а также о его здоровье. Под жестоким обращением следует понимать насильственное физическое и (или) психическое воздействие на ребенка, которое ведет или может привести к причинению ему физических страданий и (или) психологической травмы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шаганова, О. М. Субъект преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ – Известия Алтайского государственного университета, 2012 – С. 122 – 124.
2. Белов, В. Ф. Особенности квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего по действующему Уголовному кодексу Российской Федерации. – Следователь, 2006. – № 3. – С. 2—4.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2012 №38-КГ12-1 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vsrfg.ru/second.php> (дата обращения: 02.02.2020).
4. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый юрист, 1998. – 569 с.
5. Сафонова Т.Я., Цымбал Е.И. Жестокое обращение с детьми: сущность, причины, социально-правовая защита. – М., 1993. – 10 с.
6. Решение Ворошиловского районного суда г. Донецка от 11.04.2012 по делу №1/0508/339/2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Реестр судебных решений <http://reyestr.court.gov.ua/Review/22647395> (дата обращения 03.02.2020)

FAILURE TO FULFILL THE RESPONSIBILITIES FOR EDUCING A MINOR: QUALIFICATION PROBLEMS

Annotation. This work examines the problems of qualifying such a crime as non-fulfillment or improper fulfillment of the duties of raising a minor under Art. 162 of the Criminal Code of the DPR. The problems that arise in connection with the imperfection of the signs of the objective side of the crime set forth in the norm are identified. The ambiguity of the opinions of theoretical scientists regarding the interpretation of the objective side of this crime is investigated. As a result of the work, the existing qualification problems were identified and options for solving them were proposed.

Key words: non-fulfillment of duties, improper upbringing, minor, non-fulfillment of obligations to educate a minor, ill-treatment, forms of ill-treatment.

Anosova Y.

Scientific adviser: Timoshenko N., Ph.D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: anosova.work@gmail.com

УДК 343.211

К ВОПРОСУ ОБ АДВОКАТСКОЙ ТАЙНЕ

Базака В.В.

*Научный руководитель: Гулина С.Н., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной статье автором рассматриваются понятие и предмет адвокатской тайны и пределы ее сохранения, описывается значение необходимости соблюдения адвокатской тайны и ее важность, в целом, для адвокатской деятельности

Ключевые слова: адвокатская тайна, адвокат, доверитель, конфиденциальность, неразглашение адвокатской тайны

Адвокатская тайна неразрывно связана с профессиональной деятельностью адвоката. Адвокат – хранитель тайн доверителя.

Степень раскрытия информации доверителем зависит от него самого, от того, насколько он доверяет своему адвокату или что именно считает нужным ему сообщить. Также адвокат может получить сведения о доверителе и из других источников: документов, результатов опроса лиц, предположительно владеющих информацией,

относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, заключений специалистов и т.д.

Во все времена точного определения термина «адвокатская тайна» не существовало, но некоторые умы цивилистики дают свои варианты определения. Нет единого мнения и в нашей, и в зарубежной литературе, что именно следует включать в понятие «адвокатская тайна».

М.С. Строгович, считал само понятие неудачным, он говорил: «Суть вопроса не в тайне адвоката, а в том, чтобы обвиняемому и его близким, пользующимся помощью адвоката, гарантировать возможность свободно говорить адвокату все, что они считают нужным, без опасения, что сказанное будет обращена во вред обвиняемому». Другие же говорят, что само понятие «адвокатская тайна» является некорректным и заменяют его на «тайна судебного представителя», «адвокатская тайна» – это не однозначный термин, поскольку хранить данную тайну может не только адвокат, но и судебный защитник – представитель профсоюза и другие лица, выполняющие функции защитника. Так же есть термин – «тайна судебной защиты». По нашему мнению, наиболее точным является определение правоведа М. Ю. Барщевского: «С момента, когда клиент переступил порог юридической консультации, адвокатской фирмы или бюро всё дальнейшее является предметом адвокатской тайны. Уже сам факт обращения к адвокату – является профессиональной тайной. Суть просьбы клиента, содержание первичной консультации – это тоже предмет адвокатской тайны. Изучив данный аспект, мы осмелимся дать своё определение термину «адвокатская тайна»: «адвокатская тайна включает в себя все сведения, которые сообщены адвокату в силу носимого им звания и разглашение которых противоречит интересам его клиента».

Вопросам изучения адвокатской тайны посвятили свои работы такие ученые, как Цыпкин, Бентам, Миттермайер, Фридман, Кони, Арсеньев, Кулишер и другие великие умы цивилистики. [1, с. 15–17]. Уже в 1947 году цивилист А. Л. Цыпкин отмечал, что «...интерес к теме об адвокатской тайны в отдельные моменты истории особенно усиливался, это объяснялось либо отдельными судебными процессами, либо особой политической обстановкой...». Сейчас, разумеется, у нас есть и то, и другое.

Есть более обширное понимание значения «адвокатской тайны». А именно, это абсолютно любые сведения (которые полученные законным путём), знание которых необходимо адвокату для осуществления своего профессионального долга по рабочему делу.

Суммируя все вышеизложенное можно сказать, что в понятие «адвокатской тайны» необходимо включать не только факты и информацию, которая ухудшит положение обвиняемого(подозреваемого), но и все другие данные, которые по любым соображениям подзащитный хочет скрыть от органов дознания и предварительного следствия, а также суда, но и информацию, которая может помочь улучшить положение клиента (подозреваемого), но публичное афиширование которой адвокат, исходя из практики, считает преждевременным или вовсе не обязательной.

Сохранение профессиональной тайны распространяются и на всех помощников адвоката и сотрудников адвокатской организации. Все сотрудники, которые так или иначе имеют возможность узнать об «адвокатской тайне» подписывают договор о неразглашении.

Профессиональная тайна распространяется на такие вещи:

- ✓ условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем,
- ✓ содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных,
- ✓ факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей,

- ✓ все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу,
- ✓ всё адвокатское делопроизводство,
- ✓ сведения, полученные адвокатом от доверителей,
- ✓ информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи, факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей,
- ✓ любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи.

В соответствии с действующим законодательством и сложившейся практикой, адвокат обладает иммунитетом от проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении него, а конфиденциальность любой информации, сообщаемой в ходе свиданий, имеет общеобязательный характер.

В целях обеспечения гарантий соблюдения «адвокатской тайны» законодательно определены ограничения в отношении проведения процессуальных действий в отношении адвоката(защитника), а именно:

1) Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия в отношении адвокатов разрешаются только на основании акта правосудия.

2) Адвокатов запрещено допрашивать как свидетелей по обстоятельствам, ставшим им известными в процессе оказания правовых услуг.

3) Обыск у адвоката (в используемых им помещениях) допускается только при возбуждении уголовного дела в отношении адвоката и на основании судебного решения; исключения составляют случаи, когда в указанных помещениях обнаружены признаки совершения преступления. В ходе обыска и выемки предмета у адвоката запрещается изымать все адвокатские производства, фотографирование и иная фиксация адвокатского производства запрещается.

Может ли адвокат (защитник) раскрыть адвокатскую тайну, если доверитель не дал на это письменное соглашение? В каких случаях это допустимо? Возможно ли вообще?

Этот вопрос до сих пор остаётся спорным: с одной стороны, профессиональная долг, а также этика юриста заставляет адвоката молчать, а с другой стороны, есть ситуации, когда это молчание может привести к тяжким последствиям для других физических или юридических лиц. Адвокат в ходе оказания своих профессиональных услуг может узнать о готовящемся или дьящемся преступлении, но его действия в этой ситуации не регламентированы законом.

На заседании Совета Европейского Союза министры экономики и финансов стран Европейского Союза (на 2000 год) было достигнуто соглашение, которое обязывает адвокатов и защитников сообщать властям о подозрениях в отмывании денег. В 2003 году депутаты Европарламента проголосовали за изменения, которые в обязательном плане предписывали широкому кругу юристов, в том числе и адвокатам, доводить до сведения властей соответствующую информацию.

В досоветских, отечественных и зарубежных источниках указывается на необходимость избегать крайностей в практической реализации этой и подобных ей норм. Применение таких нормы вполне оправданно в тех случаях, когда в действиях или документах, предоставленных адвокату доверителем, вполне очевидно присутствуют, например, признаки осуществления террористических актов.

В это же время ее расширительная трактовка и тем более необоснованная реализация может иметь свои нарушения ,например, «принцип презумпции невиновности»[1]¹, необоснованное ограничение гражданских прав конкретного лица, обратившегося за

¹ В Донецкой Народной Республике признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Донецкой Народной Республики.

оказанием юридической помощи к правоведу. Как показывает практика, вмешательство третьего лица, а именно, представители различных силовых структур государства, несет наибольшую угрозу конфиденциальности сведений, составляющих предмет адвокатской тайны. Чаще всего эти действия оказываются формой оказания давления на адвоката, его помощников и материального \ психологического ущерба.

Адвокатская тайна – эксцесс из обычного судопроизводства, исключение и тяжелая ноша для защиты, редкий случай в его профессиональной деятельности. В силу этого содержание профессиональная тайна не может быть освещено распространительной. Профессиональная тайна, будучи особенностью из обычного течения дела и профессиональной деятельности защитника в процессе, должна бы пониматься ограничительно.

Деятельность адвоката (защитника), отличается тем, что узнав тайну своего клиента, соблюдение конфиденциальности – дело собственной чести, профессионального этикета. Можно провести аналогию с медиками, им тоже могут быть открыты тайны человека (заболевания, образ жизни и т.п.), но они дают «клятву Гиппократова». Адвокат, в свою очередь, никаких клятв не даёт, поэтому соблюдением тайны рассматривается, как часть его профессиональной деятельности.

Каждый гражданин может получить достойную юридическую помощь (это прописано в Конституции Донецкой Народной Республики), но только при условии, что он полностью доверится (без опаски и сомнения) своему адвокату.

Известный отечественный адвокат А. Ф. Кони говорил, что между адвокатом и его клиентом обязаны быть доверительные отношения. В результате, которых защитник узнает всю правду о деле и сможет грамотно построить линию защиты.

Нужно обязательно отметить, что адвокат (сторона защиты) никогда не стремится к тому, чтобы обладать подобной тайной. Будет профессионально не этично, если бы адвокат (защитник) в беседе со своим клиентом сказал бы ему: «Расскажите мне всю правду по делу, не утаивайте и то, что Вы скрыли от органов дознания, следователя и собираетесь скрыть от суда. Вы можете быть уверены – Вашу тайну я никому не расскажу». Будет уместно сказать, что не он подобной тайной овладевает, а она им – в том смысле, что он узнаёт её отнюдь не в результате своей профессиональной деятельности, направленной к конкретно её познанию.

При таком положении вещей, адвокат, узнав от клиента, что имеются новые улики, стремится (в установленном законом процессуальном порядке) представить суду только те факты, которые приводят к оправдательному приговору его клиента.

Наличие адвокатской тайны ставит сторону защиты в неудобное положение. Адвокат не может предоставить суду все ему известные обстоятельства дела, он обязан их скрывать и действовать так, как будто он их все обстоятельства дела он не знает, потому что суду и следователю эти факты не известны.

Адвокат не может быть никем освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну, кроме как доверителем (но споры на эту тему не утихли и по сей день). Если доверитель даёт соглашение на прекращение действия адвокатской тайны в письменной форме при свидетелях и при условии, что не было оказано воздействие третьего лица или самого адвоката.

Без письменного согласия доверителя адвокат вправе использовать сообщенные ему доверителем сведения в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении правового спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному судопроизводству или уголовному делу. Но что делать адвокату, если его клиент обращается с просьбой проконсультировать его о готовящемся преступлении? На наш взгляд, в данном случае, адвокат должен приложить максимум усилий для того, чтобы отговорить клиента от данных действий. Но как быть далее? Необходимо ли адвокату

принять другие меры, для предотвращения преступления? На наш взгляд, даже в таких ситуациях адвокат обязан хранить непоколебимое молчание.

Если при выполнении своих профессиональных функций адвокат(защитник) узнает об обстоятельствах дел, которые к подзащитному никакого отношения не имеют, то здесь нет на защите обязанностей, вытекающих из «адвокатской тайны». Если адвокат в разговоре со своим клиентом узнаёт о том, что другое физическое лицо, которое не имеет отношения к этому делу и подзащитному в целом, совершило преступление, то на адвокате «не лежит» сохранение этого факта как профессиональной тайны. Да, адвокат узнал это при выполнении своих адвокатских функций, но его клиента эта тайна не касается. И публичное раскрытие ее не будет представляться, как злоупотребления доверием.

В ходе проведенного научного исследования мы попытались углублённо рассмотреть тему «об адвокатской тайне». И считаем, что институт адвокатской (профессиональной) тайны рассмотрен не углубленно и ,в будущем, он будет пополнен новыми идеями и предложениями, нам и дальше необходимо обеспечивать и улучшать действенность института тайны, чтобы он смог продолжить стоять на защите интересов клиентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цыпкин, А. Л. Значение адвокатской тайны / А. Л. Цыпкин // Вестник Саратовского государственного института. – 1976. – 45 с.
2. Закон об адвокатской деятельности № 25-ІНС от 20.03.2015, действующая редакция по состоянию на 29.03.2019 Подробнее на сайте Народного Совета ДНР: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-advokature/>
3. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года / Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/> (Дата обращения: 03.02.2019).
4. Баранов Д.П., Смоленский М.Б. Адвокатское право. Адвокатская деятельность и адвокатура в России.- Москва: Дашков и К, 2013.- 368 с.
5. Кодекс профессиональной этики адвоката //Российская Газета.2005. 5 октября
6. Трунов И. Л., Трунова Л. К. Адвокатская тайна в свете реформ правового регулирования // Закон и право.-2002.- N 4. – С. 16-18.

TO THE QUESTION ABOUT LAWYER SECRET

Annotation. This article discusses the concept and the subject of advocate secrecy and the extent of its preservation, describes the meaning of the need to respect attorney-client privilege, and its importance in general for advocacy

Keywords: attorney-client privilege, a lawyer, trustee, confidentiality, disclosure of attorney-client privilege.

Bazaka V.

Scientific adviser: Gulina S., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: sng.nauka@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ ПРАВА ВО ВРЕМЕНИ

Базака В.В.

*Научный руководитель: Овинникова Р.В., ассистент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Осуществлена теоретико-правовая характеристика действия права во времени. Представлено соответствующее понятие. Раскрыта его сущность и содержание.

Ключевые слова: право во времени, правоотношения, закон, время, орган законодательной власти.

Упорядочение правоотношений при помощи права и правовых средств – важнейшая составляющая поддержания правопорядка в социуме, устойчивого общественного развития, а также необходимых преобразований в сфере государственного строительства. В этом контексте особую важность приобретает четкое определение пределов действия нормативных правовых актов (как основной формы права) во времени. С тем, чтобы в рамках правового регулирования осуществлялось правильное и четкое применение соответствующих правовых предписаний.

Актуальность выбранной темы исследования предопределена необходимостью дальнейшего теоретико-правового осмысления базовых юридических феноменов, к которым относится временной критерий действия права. Вместе с тем, развитие теории удовлетворяет практическим запросам. В частности, формирование системы права в государстве и активный законотворческий процесс – опосредуют наличие потребности в грамотном формулировании пределов действия того или иного нормативного правового акта во времени.

Целью данной статьи является осуществление теоретико-правовой характеристики действия права во времени.

Человеческое бытие тесно связано с таким явлением, как время. Так, время – является условной мерой для любых действий и процессов, в том числе и правовых (с присущей уникальностью юридической деятельности).

Правовое время как, особая категория юридической науки [1, с. 583], выражает начало, интенсивность и окончание любого правового действия, процесса, нормы, события. Её состояние служат основными критериями оценки четкости, целесообразности, регулирования, законности, гуманизма, эффективности, организации, а главное- справедливости правовой жизни общества и его граждан.

Следует отметить, что течение времени сказывается на характере, структуре правоотношений, опосредует их возникновение, развитие и прекращение.

Так, в комплексном, общем виде под правоотношением можно понимать отношения, возникающее между субъектами на основе норм права, охраняемые государством [2, с. 34].

Важно выделить ключевые свойства, которые присуще правоотношениям [3, с. 110]:

1. Правоотношения – это отношения, возникшие между двумя и более физическими или юридическими лицами;
2. Правоотношения – это отношения, возникшие при помощи субъективных прав(каждой из сторон) и юридических обязанностей;
3. Правоотношение – это волевое отношение. Помимо норм права, для возникновения правоотношения необходима воля участников правоотношения (есть

правоотношения, для возникновения которых необходима воля всех участников, а есть правоотношения, для возникновения которых достаточно воли одного субъекта). К примеру, чтобы вступить в брак необходимо добровольное согласие каждой из сторон (мужчины и женщины), но в уголовном праве, когда преступника осуждают за его преступление, он вступает недобровольно в правоотношения с государством;

4. Правоотношение – это отношение, охраняемые и гарантируемые государством. Государство, гарантирует выполнение требований юридических норм, так же охраняет и правоотношения, возникающие на основе этих норм. Охраняемые государством правоотношения – основа правопорядка любого государства.

В свою очередь, действие нормативных правовых актов во времени – временные распространённые рамки на отношения, которые являются предметом регулирования.

Эти рамки определяются установлением:

- точного момента прекращения им своей силы;
- отсутствие или наличие «обратной» или «переживающей» силы;
- конкретного момента вступления нормативного правового акта в свою силу.

В каждом государстве существует конкретный порядок вступления правового акта в силу.

При этом обычно решающее значение имеют:

- срок принятия;
- официальное опубликование [4, с. 73].

В соответствии с этим, законы подлежат официальному опубликованию, после чего немедленно или через определенный отрезок времени вступают в силу.

Как и любая объективная реальность, закон существует только во времени и пространстве. Связь правовой нормы с пространством и временем начинается уже с создания правовой нормы (ведь это действие совершаемо во времени и в пространстве).

Действие закона во времени ограничено вступлением его в силу и утратой силы.

Закон вступает в силу с определенного момента:

1. Немедленно после официального принятия и опубликования текста закона;
2. По истечении специально предусмотренного срока для конкретного закона (нормативно-правового акта) после его опубликования.

В Донецкой Народной Республике закон вступает в силу после истечения 10 дней с даты его опубликования (если иное не указано в самом законе) [5].

Вступление нормативно-правового акта в силу означает, что с этого момента его должны исполнять и соблюдать все лица, находящиеся на территории государства. Но, до вступления нового закона в силу действует старый закон, новым законом руководствоваться нельзя. Поведение участников правоотношений в соответствии с правовой нормой, которая ещё не имеет должной юридической силы, будет нарушением действующего законодательства. В связи с этим, определение момента вступления закона в силу – важный элемент в применении законов.

Нормативные правовые акты различаются по отведенному сроку их действия:

1. Неопределенно-длительного действия – акты, в отношении которых не содержится указаний о сроке действия, то есть акт действует до тех пор, пока не будет отменен.
2. Определенно-длительного действия – акты, в отношении которых специально указан срок, их действия либо он подразумевается характером самого акта [6, с. 13].

Утрата законом юридической силы обычно связана с:

1. официальной отменой;
2. истечением срока действия. Этот случай обычно касается временных нормативных актов, которые, принимаются на конкретный срок и по истечении этого срока автоматически утрачивают силу;
3. в случае изменения обстоятельств, на которые он был рассчитан. Такие обстоятельства нормативно определены [7];

4. закон признан судом неконституционными или незаконными;

5. в действие вводятся новые НПА, устанавливающие иные правила по тем же самым вопросам. В этом случае происходит фактическая утрата нормативным актом юридической силы. Например, в связи с принятием нового Гражданского кодекса ДНР, который вступает в силу со дня официального ее опубликования то, одновременно прекратилось действие иных НПА, которые «заполняли пробел» до принятия данного закона;

6. обратная сила закона – это сумма принципов, определяющая возможность применения вновь принятого закона к отношениям, имевшим место в период, предшествовавший его принятию;

7. иными случаями, предусмотренными в действующем законодательстве.

На сегодняшний день в науке выделены основные варианты, так называемые «принципы» действия юридической нормы во времени [8, с. 34]:

1. Немедленное – предполагает регулирование посредством новой нормы правоотношений, длящихся на момент приобретения ею юридической силы, а также возникших после такого приобретения.

2. Перспективное – опосредует регулирование новой нормой отношений, возникших после приобретения ею юридической силы и порождающих новые правоотношения.

3. Обратное – то есть распространение действия на правоотношения, которые возникли до вступления в силу соответствующей нормы.

4. Ультраактивное – противоположно обратной силе закона. Здесь закон (отмененный или замененный новым) продолжает жить и после введения в действие нового нормативного правового акта и как бы «переживает» отведенный ему временно-правовой срок.

По общему правилу, новый закон, который приняли, может регулировать только правовые отношения, которые возникли после его принятия. Вместе с тем, наиболее распространенный пример, согласно которому уголовный закон, устраняющий преступление или смягчающий наказание, или иными другими способами улучшающий положение лица, которое совершило преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на тех лиц, которые совершили соответствующие деяния до вступления этого закона в силу. Данное правило является проявлением принципа гуманизма в праве.

Трудности в реализации права возникают, когда правовые отношения в результате их длительности – возникают во время действия одной нормы, а реализовываются в границах временного действия иной, новой нормы. Такие отношения в науке называют «длящимися», и применение к ним законодательного акта, уже утратившего силу, как правило, вызвано необходимостью учета интересов лиц, вступивших в правоотношение до введения в действие нового законодательного акта.

Важное значение имеют, так называемые, разъяснительные законы – акты, которые по своему существу, трактуют обратную силу, созданы с целью обеспечить правильное толкования и обеспечение применения должной нормы поведения. Ряд ученых считают, что для придания обратной силы необходимо специальное указание органа законодательной власти.

В качестве примера такого положения можно привести п. 7 Заключительных и переходных положений Гражданского кодекса Украины [9], нормой которого определены особые правила применения исковой давности по действующему ранее законодательству для определенной категории исков.

Таким образом, можно сделать вывод, что начало и окончание действия нормативного правового акта характеризуют конкретные временные пределы, в рамках

которых на основе данного акта осуществляется юридическое регулирование. Под темпоральным действие права предлагается понимать его воздействие на общественные отношения, с целью их упорядочения, в пределах определенного временного промежутка. Вступление нормативного акта в законную силу означает, что нормы в этом акте начинают регулировать соответствующие общественные правоотношения. По общему правилу, закон распространяется только на те правоотношения, которые будут возникать после вступления нормативного акта в силу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попов В.В. Правовое и историческое время / В.В. Попов, Т.П. Агафонова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №2-2. – С. 580-587.
2. Ушницкий Р.Р. К вопросу о сущности правоотношения, о понятии объекта правоотношения, о «комплексном» правоотношении в методологии цивилистики / Р.Р. Ушницкий // Вестник Северо-восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. – 2017. – №2(06). – С. 32-38
3. Хоружий В.В. К вопросу о сущности правоотношения / В.В. Хоружий // Colloquium-journal. – 2019. – №2(26). – С. 109-110.
4. Саламов А.Х. Действие нормативно-правовых актов во времени, в пространстве и по кругу лиц / А. Х. Саламов, А.Н. Головин // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – №8. – С.72-75
5. Донецкая Народная Республика. Законы. Регламент Народного Совета Донецкой Народной Республики : Принят Постановлением Народного Совета 28 ноября 2014 года / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/reglament/> (дата обращения: 01.02.2020 г.)
6. Изаксон Р.А. Актуальные проблемы источников права / Р.А. Изаксон // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2014. – №3(70). – С. 12-20.
7. Донецкая Народная Республика. Законы. Об особых правовых режимах : Закон № 23-ИНС [Принят Постановлением Народного Совета 24 марта 2015 года] / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-osobyyh-pravovyyh-rezhimah/> (дата обращения: 01.02.2020 г.)
8. Бахрах Д.Н. Действие норм права во времени. Теория, законодательство, судебная практика / Д. Н. Бахрах. – Москва, 2004. – Издательство: «Норма» – 224 с.
9. Україна. Закони. Цивільний кодекс України : Закон № 435-IV від 16.01.2003 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2003 р. – №40. – Ст. 356.

FEATURES OF THE VALIDITY OF THE RIGHT IN TIME

Annotation. The theoretical and legal characterization of the effect of law in time is carried out. The corresponding concept is presented. Its essence and content are revealed.

Keywords: law in time, legal relations, law, time, legislative authority.

Bazaka V.

Scientific adviser: Ovinnikova R., assistant

Donetsk National University

E-mail: Degtyarev@donnu.ru

К ВОПРОСУ О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В УГОЛОМ ПРАВЕ*Байша А.А.**Научный руководитель: Гулина С.Н., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы сущностного понимания военных преступлений в уголовном законодательстве Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: военный конфликт, уголовно-правовые нормы, здоровье граждан, военные преступления.

Как известно, человеческая цивилизация имеет долгую историю существования, в ходе которой происходили процессы созидания и разрушения общественных ценностей, падения государства, значительные по масштабам и характеру вооруженные столкновения. Безусловно, военный конфликт является одним из наиболее эффективных средств с точки зрения противостоящих сторон, способов разрешения конфликта. Однако эти процессы наносят значительный ущерб, в том числе значительные потери среди населения, и, как показала Великая Отечественная война, унесшая жизни десятков миллионов людей, перед обществом стоит серьезный вопрос предотвращения повторения подобных событий и обеспечения безопасности всего человечества. Как известно, одним из наиболее эффективных средств предупреждения различного рода правонарушений, особенно тех, которые посягают на жизнь и здоровье граждан, являются уголовно-правовые меры. Однако для того, чтобы эти меры были эффективными, их необходимо сначала закрепить в уголовном праве, в частности предусмотреть ответственность за военные преступления.

В действующей редакции Уголовного кодекса ДНР (далее – УК) не используется термин «военные преступления», что, в свою очередь, согласуется с положениями действующего международного уголовного права и, кроме того, создает путаницу относительно перечня этих преступлений в уголовном праве, особенно учитывая продолжающийся вооруженный конфликт на территории Донбасса. В связи с этим доктрина уголовного права выносит различные суждения по проблеме сущностного понимания военных преступлений в уголовном праве, и в ряде работ военные преступления не выделяются как самостоятельная группа преступлений против мира и безопасности человечества [1, с. 298].

В целом военные преступления представляют собой особо серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные в ходе военных действий, независимо от того, является ли это вооруженным конфликтом Международного или немеждународного характера [2, с. 16].

В современном законодательстве, как и в других государствах, отсутствует единый подход к определению военных преступлений. Кроме того, отсутствует единство подходов к формулировкам названий разделов и глав уголовного законодательства, где расположены соответствующие акты: например, «преступления против мира и безопасности человечества» (Россия, Азербайджан, Армения, Казахстан и др.), «преступления против человечности и прав, гарантированных международным правом» (Сербия, Черногория), «преступления против ценностей, охраняемых международным правом» (Хорватия), «преступления против мира и безопасности человечества и военные преступления» (Беларусь, Молдова).

Несмотря на вышеупомянутые различия, большинство государств мира предусмотрели уголовную ответственность за военные преступления [3, с. 132] в той или иной форме, что также должно осуществляться в национальных реалиях. В то же время

для привлечения лица к ответственности необходимо наличие признаков преступления, в частности военного, которое не закреплено в уголовном законе, и главным признаком такого преступления, если оно закреплено, будет общественная опасность. Общественная опасность военных преступлений, в том числе международных, проявляется в их угрозе миру и безопасности человечества, международной безопасности и международному правопорядку, то есть они представляют собой «особо опасную угрозу всему международному сообществу» [4, с. 17].

Конечно, в современных условиях подход не просто актуализируется, необходимость рассматривать военные преступления как вид преступлений против мира и безопасности человечества и нормы об их преступности и наказуемости помещаются непосредственно в Уголовный кодекс ДНР (раздел XII – преступления против мира и безопасности человечества). В то же время в специальной литературе не без оснований делаются критические замечания по поводу реализации данного подхода в действующем уголовном праве.

Наиболее близкой стороной к военным преступлениям (в том смысле, который сложился в Международном уголовном праве) являются деяния, перечисленные в ст. 427 Уголовного кодекса ДНР, а именно: жестокое обращение с военнопленными или гражданскими лицами, депортация гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированных территориях, применение запрещенных международным договором средств и методов в вооруженном конфликте, повлекшее гибель двух и более лиц.

В целом существующие уголовно-правовые нормы в области уголовной ответственности за военные преступления (а также в целом за преступления против мира и безопасности человечества) носят преимущественно справочный характер, поскольку существует необходимость в международно-правовой криминализации таких деяний. В то же время уровень бланкетной нормы национального уголовного права должен отвечать требованию правовой определенности уголовного права и, соответственно, минимизировать случаи, потенциально осложняющие деятельность Национального правоохранителя при квалификации соответствующих деяний. Процесс совершенствования национального уголовного законодательства в области уголовной ответственности за военные преступления должен, по-видимому, учитывать специфические особенности формулировки ст. 427 Уголовного кодекса Российской Федерации [8, с. 79].

В частности, есть спорные моменты и пробелы, а именно, как отмечают российские исследователи (учитывая, что отечественное уголовное право в большей степени идентично российскому праву):

- * закрепление в диспозиции статьи 427 Уголовного кодекса ДНР далеко не полного перечня уголовно-правовых структур по сравнению с известным перечнем грубых нарушений международного гуманитарного права, применяемых в вооруженных конфликтах, приведенным в источниках действующего международного права;

- * прямая ссылка в диспозиции статьи 427 Уголовного кодекса ДНР только на две категории жертв (военнопленных и гражданских лиц) и, соответственно, отсутствие ссылки на другие категории лиц, которые защищены международным гуманитарным правом, применяемым в вооруженных конфликтах, и чьи правоохранительные интересы могут быть ущемлены военными преступлениями.;

- * включение в часть 2 статьи 427 Уголовного кодекса ДНР уголовно-правового запрета на применение оружия массового уничтожения, запрещенного международным договором Российской Федерации, т. е. в качестве квалифицирующего обстоятельства;

- * в статье 427 Уголовного кодекса ДНР отсутствует прямое упоминание об ответственности за серьезные нарушения международного гуманитарного права,

применяемые в немеждународных вооруженных конфликтах (подавляющее большинство современных вооруженных конфликтов, изобилующих грубыми нарушениями международного гуманитарного права, не носят международного характера, а преступность и наказуемость этих нарушений предусмотрены актами действующего международного уголовного права).);

* отсутствие ссылок на международное обычное право в диспозициях статьи 427 Уголовного кодекса ДНР (в условиях равной юридической значимости источников международного обычного и международного обычного права);

* наличие дублирования в нормативном регулировании международных преступлений рассмотрено в статье 427 Уголовного кодекса ДНР.

Поэтому мы поддерживаем мнение ученых . именно раздел XII действующего Уголовного кодекса ДНР «преступления против мира и безопасности человечества» должен предусматривать наряду с новой главой «военные преступления» новую главу «преступления против мира и безопасности человечества», которая, соответственно, включает в себя элементы преступлений, уже помещенных в этот раздел. Эти меры помогут защитить жертв вооруженного конфликта, используя уголовное право, и предотвратить новые преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лобанов С.А. Международная уголовная ответственность за международные преступления: дис. на соиск. учен. степ. доктор юрид. наук (12.00.10) / Лобанов Сергей Александрович; МГИМО МИД РФ. – Москва, 2018. – 495 с. С. 290-303.
2. Крепышев А.М. К вопросу о военном преступлении, как одному из видов международных преступлений/ А.М. Крепышев, Н.Е. Равлюк, А.Н. Казаков // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». – 2017. – №15
3. Степанов П.П. К вопросу понятию военных преступлений в международном уголовном праве и национальном законодательстве // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 11. Право – 2016. – №6. – С. 132-143. С. 132.
4. Крепышев А.М. К вопросу о военном преступлении, как одному из видов международных преступлений/ А.М. Крепышев, Н.Е. Равлюк, А.Н. Казаков // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». – 2017. – №15.
5. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс] : офиц. текст [принята Верховным Советом Донецкой Народной Республики 19.08.2014г.] Электрон. текстовые дан. – Режим доступа : <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения : 24 декабря 2019г.)
6. Военное право. Учебник для военно-учебных заведений РФ. Под ред. Кузнецова Н. И. -- М.: изд-во «Военный университет МО РФ, 2014.
7. Белый И.Ю. Международное уголовное судопроизводство. М., 2007. – 59 с.
8. Винокуров А.Ю. международно-правовые, теоретические и организационные основы уголовного преследования за совершение военных преступлений в отношении гражданского населения. Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., ВУ, 2011. – 79 с.

TO THE QUESTION OF WAR CRIMES IN THE CRIMINAL LAW

Annotation. This paper discusses the problems of the essential understanding of war crimes under the criminal law of the Donetsk People's Republic.

Keywords: military conflict, criminal law, health of citizens, war crimes.

Baisha A.

Scientific adviser: Gulina S., Senior Lecturer

Donetsk National University

Email: sng.nauka@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ

Басавро Е.В.

*Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема определения понятия «коммерческая тайна», выявляются основные проблемы, связанные с охраной и защитой коммерческой тайны в действующем законодательстве Донецкой Народной Республики. Сделан вывод о необходимости законодательного закрепления данного понятия.

Ключевые слова: коммерческая тайна, защита, информация, конфиденциальность.

Развитие экономики Донецкой Народной Республики во многом зависит от функционирования предпринимательства, которое является неотъемлемой частью рыночных отношений. Важным фактором является предоставление гарантий и возможностей для ведения прозрачного честного бизнеса в условиях жесткой конкуренции. В настоящее время, наиболее остро встал вопрос об экономической безопасности предприятия. Экономическая безопасность предприятия представляет собой сложную многоуровневую систему, одним из элементов которой является организация защиты коммерческой тайны.

Актуальность данной темы заключается в том, что само определение понятия «коммерческая тайна» до сих пор является предметом спора. Поскольку коммерческая тайна должна находиться под защитой от несанкционированного использования, то необходимо четко знать какие объекты входят в ее состав, что именно необходимо охранять, ее правовую природу – эти аспекты не исследованы в полной мере и не нашли свое отражение в законодательстве.

Вышеизложенное дает основание утверждать, что проблему правового регулирования коммерческой тайны следует отнести к числу актуальных и недостаточно исследованных проблем науки гражданского права. Эти обстоятельства, а также недостаточное изучение, научная и практическая значимость выбранной темы, необходимость разработки и совершенствования законодательства и правоприменительной практики предопределили выбор темы данного исследования.

Целью данной работы является рассмотрение и изучение сущности коммерческой тайны, способов ее защиты, предложение рекомендаций по совершенствованию нормативно-правовой базы для решения проблем, связанных с гражданским регулированием коммерческой тайны.

Вопросы регулирования института коммерческой тайны рассматривались такими известными учеными-правоведами, как С. С. Алексеев, А. Б. Венгеров, В. П. Казимирчук, Д. А. Керимов, В. Н. Кудрявцев, А. В. Малько, М. Н. Марченко, В. Д. Перевалов, В. М. Сырых, Н. Н. Тарасов, А. Ф. Черданцев и др.

Для сохранения информации, в том числе коммерческой, необходимы соответствующие правовые механизмы, позволяющие владельцам информации использовать свои полномочия надлежащим образом. Так, согласно словарю-справочнику Кошель П.А.: «коммерческая тайна – это охраняемое законодательством в условиях рыночных отношений право на засекречивание производств, торговых и финансовых операций, документации. Правила секретности и соблюдения коммерческой тайны ограничивают доступ государств и агентов к статистическим материалам, доступным фирмам и организациям» [1, с. 76-77].

Исходя из этого определения, можно выделить юридически значимые признаки коммерческой тайны, а именно:

- относится к предпринимательской деятельности компании;
- не содержит государственных секретов;
- принадлежит организации и не является собственностью третьих лиц;
- имеет реальную или потенциальную ценность для третьих лиц;
- владелец ограничил доступ к этой информации;
- организация приняла меры для защиты данных от несанкционированного доступа и распространения.

Эти признаки коммерческой тайны являются существенными, необходимыми и неразделимыми.

В то же время можно согласиться с тем, что в отношениях, связанных с коммерческой тайной, наиболее важными являются вопросы ее защиты. С того момента, как лицо, которое юридически контролирует информацию, принимает меры для обеспечения ее безопасности, можно говорить о появлении у такого человека прав на коммерческую тайну.

Право на коммерческую тайну является гарантией, предоставленной законом для владельца коммерческой информации, использовать ее по своему усмотрению, а также принимать меры для сохранения ее конфиденциальности.

На сегодняшний день в правовом поле Донецкой Народной Республики нет специального законодательного акта, которым были бы урегулированы вопросы, касающиеся коммерческой тайны, а значит, и нет четкого определения понятия «коммерческая тайна», что, безусловно, негативно сказывается на связанных с ней правоотношениях.

Отношения, связанные с охраной прав на результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации регулируются в новом Гражданском кодексе Донецкой Народной Республики, принятом 13 декабря 2019 года. В разделе VI Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации указано, что результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью), являются в частности секреты производства (ноу-хау).

Согласно статье 1556 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики, секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера, (производственные, технические, экономические, организационные и другие) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны. Секретом производства не могут быть признаны сведения, обязательность раскрытия которых либо недопустимость ограничения доступа к которым установлена законом или иным нормативным правовым актом [2].

Следует обратить внимание, что в статье 199 Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики, за незаконные действия по разглашению коммерческой тайны предприятия предусмотрена уголовная ответственность, т.е. речь идет именно о коммерческой тайне, а не о секретах производства (ноу-хау) [3].

Исходя из этого, следует более подробно рассмотреть соотношение понятий «секрет производства (ноу-хау)» и «коммерческая тайна».

Термин «ноу-хау» (know how) впервые был использован в договорной практике между компаниями Великобритании и США. Изначально под ноу-хау понимали информацию, специально опущенную заявителем в описании изобретения. Термину

придали смысл «знать, как применять патент». Со временем термин ноу-хау утратил свое первоначальное значение и стал пониматься буквально – «знать, как сделать». Этому способствовало и то, что ноу-хау стало самостоятельным объектом сделок, в том числе, не связанных с запатентованными изобретениями [4, с. 5].

Следует отметить, что связь между институтами коммерческой тайны и секретом производства (ноу-хау) проявляется, прежде всего, в нематериальном характере результата, который проявляется как в первом, так и во втором случаях в форме информации. Кроме того, содержание коммерческой тайны и секретов производства (ноу-хау) является конфиденциальной информацией, для которой применяются идентичные критерии защиты прав на нее.

С другой стороны, отличительной особенностью является различный состав информации, входящей в содержание коммерческой тайны и секретов производства (ноу-хау). Информацией, составляющая коммерческую тайну, является любая информация, кроме той, которая в силу закона не может являться таковой, попадание которой к лицам, заинтересованным в обладании данной информацией, может причинить вред правообладателю. Секрет производства (ноу-хау), на основе общепринятой практики, информация о сущности охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, о методах, технологиях, производственных процессах, информация о способах реализации экономических и организационных решений.

Понятие коммерческой тайны существенно шире, чем понятие «ноу-хау», так как коммерческую тайну могут составлять также списки клиентов, бухгалтерские документы и многие другие сведения, разглашение которых нежелательно по тем или иным причинам. Ноу-хау не включает в себя большой блок информации, которая могла бы входить в состав коммерческой тайны [5, с. 22].

Несмотря на различия между определением «секрет производства (ноу-хау)» и определением «коммерческая тайна», очевидно, что на самом деле речь идет об одних тех же правах, механизме их возникновения и объектах, в отношении которых возникают эти права.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующий вывод. В условиях рыночной экономики Донецкой Народной Республики защита коммерческой тайны является важнейшим элементом системы обеспечения экономической безопасности предприятия. Поэтому так важна разработка правовой базы в сфере охраны предпринимательской деятельности, однако в данной области существует целый ряд нерешенных проблем, среди них отсутствие в законодательстве четкого определения понятия «коммерческая тайна».

В частности, в соответствии со статьей 199 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики существует мера уголовного наказания за незаконные действия по разглашению коммерческой тайны предприятия, но нет законодательного акта, регулирующего охрану коммерческой тайны. В связи с этим, целесообразно принять Закон «О коммерческой тайне», который бы регулировал отношения, связанные с установлением, изменением и прекращением режима коммерческой тайны в отношении информации, которая имеет реальную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам.

Для этого, прежде всего, необходимо определить, что является коммерческой тайной. Целесообразной для введения в законодательство видится следующая формулировка: коммерческая тайна – это секретная информация охраняемая законом, имеющая реальную или потенциальную экономическую ценность. Она не является общеизвестной и не может быть легко получена законным образом другими лицами, которые могли бы извлечь выгоду от ее разглашения или использования. Перечень сведений, относящихся к коммерческой тайне, определяется руководителем предприятия.

Развитие законодательства в соответствии с международно-правовыми стандартами и опытом развитых стран в области регулирования подобного рода отношений является важным фактором обеспечения прав и законных интересов субъектов, создания условий для нормальной экономической конкуренции, а также интеграции Донецкой Народной Республики в мировые экономико-политические процессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кошель П.А. Словарь-справочник: экономика, внешняя торговля, выставки. – М.: Общество сохранения лит. наследия, 2012. – 342 с.
2. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики от 13 декабря 2019 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskiy-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
3. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 17.08.2014 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/doc/dokumenty-soveta-ministrov/>
4. Буч Ю.И., Колесникова М.А. Охрана ноу-хау – СПб, 2004. – 60 с.
5. Козырев А. И. Оценка интеллектуальной собственности. – М.: Экспертное бюро-М, 1997. – 289 с.

LEGAL REGULATION OF TRADE SECRETS

Annotation. This article discusses the problem of defining the concept of «trade secret». The main problems associated with the protection and protection of trade secrets in the current legislation are identified. The question of how to protect the rights of owners of trade secrets is being considered. The conclusion is drawn on the need for legislative consolidation of this concept.

Keywords: trade secret, protection, information, confidentiality.

Basavro E.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: ludshya@mail.ru

УДК 342.951

ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Бережной П.С.

*Научный руководитель: Сынкova Е.М., проф., д.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности правового обеспечения национальной безопасности. Раскрыто понятие угроз национальной безопасности, под которыми понимаются имеющиеся и потенциально возможные явления и факторы, создающие опасность жизненно важным национальным интересам государства. Обосновано, что национальная безопасность представляет собой состояние защищенности жизненно важных интересов предприятия, а также способность противостоять угрозам и реализовать внутренние цели.

Ключевые слова: правовое обеспечение, национальная безопасность, угрозы, защищенность, национальные интересы

В современных условиях углубления глобализационных процессов национальная безопасность государства приобретает решающее значение.

К решению проблемы национальной безопасности в условиях глобализированной экономики в разное время и в различных исторических условиях по-иному подходили научные школы и направления экономической мысли.

В настоящее время ведутся активные исследования различных аспектов национальной безопасности государства в условиях глобализации экономики в работах таких отечественных ученых как А. Г. Арбатов, В. К. Белозеров В. Ф. Ницевич и др., в которых поднимаются теоретические вопросы о сущности экономической безопасности, угрозах и вызовах для нее, возможностях и шансах на реализацию национальных интересов. С. Г. внес значительный вклад в развитие проблем национальной безопасности, в том числе экономической безопасности. Киселев М.Я. Корнилов А.Н. Михайленко и другие

Целью исследования является анализ стратегии обеспечения национальной безопасности, а также выявление механизмов, методов, новых форм и способов формирования стратегии экономической безопасности государства.

Проблема национальной безопасности государства актуальна в контексте общего развития страны и реализации ее национальных интересов. Сам термин «национальная безопасность» в последнее время все чаще встречается в законодательстве; в то же время многогранность и сложность этой проблемы сделали ее предметом исследования специалистов в разных областях деятельности. Анализ данного понятия, направлению его применения обусловлены тем, что данное понятие является основой для формирования концепции национальной безопасности любого государства, и это является основным стержнем в определении национальной безопасности. Стратегия государства, основной функцией которой является определение основных интересов нации и обеспечения лидерства в создании базовых стратегий с целью предотвращения будущих и настоящих угроз, а также возможностей для их устранения, ориентирована. В первую очередь, на обеспечение безопасности государства..

Понимание сущности, видения структурных и функциональных компонентов общей системы обеспечения национальной безопасности способствует методологическому обоснованию задач обеспечения национальной безопасности, в том числе нашего государства.

Освещение основных аспектов данного вопроса позволяет раскрыть их тесная взаимосвязь с практикой, добавляет ей возможность будет утверждаться в более точном системе теоретических знаний в области обеспечения государственной безопасности.

Рассмотрим основополагающие концепции, составляющие базовые понятия национальной безопасности государства.

Под национальной безопасностью понимается защищенность жизненно важных интересов человека и гражданина, общества и государства, при котором обеспечиваются устойчивое развитие общества, своевременное выявление, предотвращение и нейтрализация реальных и потенциальных угроз национальным интересам, которые включают жизненно важные материальные, интеллектуальные и духовные ценности народа, как носителя суверенитета и источника власти.

Под угрозами национальной безопасности понимаются имеются и потенциально возможны явления и факторы, которые создают опасность жизненно важным национальным интересам государства.

В соответствии со «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» под национальной безопасностью понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить достойное качество и уровень жизни, конституционные свободы, права граждан, устойчивое развитие, суверенитет, территориальную целостность и Российской Федерации, оборону и безопасность [2].

Проблема обеспечения безопасности всегда беспокоила человечество в процессе его цивилизационного развития. После двух мировых войн и прекращения режима «холодной войны» не оправдали себя надежды на уменьшение количества угроз национальной и международной безопасности.

Межгосударственные конфликты, террористические акты, угроза ядерной войны, чрезвычайные ситуации техногенного и природного характера продолжают представлять большую опасность и в XXI веке.

Перечень реальных и потенциальных угроз национальной и международной безопасности далеко не исчерпывается вышеприведенными примерами. В этих обстоятельствах обеспечение национальных интересов любого государства мира предполагает адекватное реагирование на вызовы и угрозы современности, то есть проведение эффективной политики национальной безопасности.

Политика безопасности в общем виде может быть определена как деятельность субъектов политических отношений по обеспечению национальной и международной безопасности. Политика национальной безопасности в государственном измерении имеет внутреннее и внешнее направления. Характер политики безопасности государства, ее направленность и методы осуществления значительной степени зависят от понимания сущности национальной безопасности субъектами принятия управленческих решений.

Правовые аспекты безопасности в ДНР регламентируются Законом ДНР «О безопасности», согласно которому защита государственной границы является неотъемлемой частью общегосударственной системы обеспечения национальной безопасности и заключается в обеспечении скоординированной деятельности военных формирований и правоохранительных органов государства, организация и порядок деятельности которых определяются законом [3]. Эта деятельность реализуется в пределах предоставленных им полномочий путем употребления, например, комплекса политических, организационно-правовых, экономических, пограничных, оперативно-разыскных, экологических, технических и других мероприятий.

Анализ действующего законодательства и практики его реализации дает основания констатировать, что инициатором взаимодействия правоохранительных органов при осуществлении ими своих функций на государственной границе, выступает пограничная служба ДНР и ее функциональные и территориальные подразделения, которые осуществляют необходимые правовые и организационные меры по усовершенствованию такого взаимодействия, координации усилий и разграничения функций указанных выше органов на государственной границе.

Особая роль в обеспечении безопасности принадлежит пограничным войскам. Пограничные войска в пределах полномочий, которые определены действующим законодательством, обеспечивают координацию деятельности государственных органов, которые осуществляют разные виды контроля при пересечении государственной границы или принимают участие в обеспечении пограничного режима и режима в пунктах пропуска через государственную границу ДНР.

При выполнении ими своих функциональных задач в пунктах пропуска и вне их, подразделения отмеченных органов исполнительной власти взаимодействуют с целью: выявления и задержания нарушителей границы; противодействия нелегальной миграции и другим правонарушениям, контрабандному и незаконному перемещению через границу товаров и других предметов с нарушениями действующего законодательства. Достижению этой цели способствует и деятельность пограничных органов.

Усиления процессов интеграции и глобализации, которое наблюдается сегодня, особенно увеличивает роль государственного управления в сфере безопасности, которая заключается в том, чтобы активно влиять на явления и процессы общественной жизни, предоставлять общественному развитию целенаправленный характер. В таких условиях нужно переосмысление уже традиционного понимания безопасности государства, поскольку безопасность как часть государственной политики, относится к важнейшим проявлениям суверенитета государства.

Еще одной проблемой, которую рассматривают многие авторы при изучении проблем безопасности, является недостаточное внимание выяснение места и роли национальных интересов и их соотношения с вопросами обеспечения национальной безопасности при формировании и проведении в жизнь государственной политики, хотя именно национальные интересы являются тем стержнем, на котором должна строиться государственная политика в сфере безопасности.

Между безопасностью и национальными интересами государства, безусловно, существует неразрывная связь не только военного, но и политического характера. Конкретное содержание национальной безопасности имеет диалектическую природу и определяется характером имеющейся или возможной угрозы, тем самым, актуализируя определенные ее составляющие. Подобные аспекты включают содержание основной национальной идеи, наличие угроз, которые возникли исторически, и противников в виде соседних стран. Проблема безопасности конкретного государства имеет индивидуальный характер и зависит не только от нынешнего геополитического положения государства, но и от исторических, политических и правовых аспектов возникновения и развития государства на протяжении всего времени его существования. Для примера можно привести Францию, часть ядерных сил которой была нацелена на территорию Федеральной Республики Германии, которая считалась одним из наиболее возможных противников на начало 90-х гг., и это несмотря на то, что с середины 50-х гг. обе страны были членами НАТО, Европейского Экономического Союза и не имели территориальные претензии [1].

В целом, безопасность государства, будучи частью национальных интересов государства, ориентирована на уменьшение или полное избегание имеющихся и будущих угроз нормальному развитию государства в соответствии с его целями развития. Представляет интерес такая структура понятия национальной безопасности: конкретные объективные условия функционирования субъекта этого интереса, субъективная система ценностей, которая обуславливает конкретные виды задач и необходимость их достижения и, наконец, конкретные цели, которые ставятся перед субъектами безопасности.

Таким образом, в то время как содержание безопасности отражается на состоянии защищенности государства в целом, отдельных его граждан и их жизненно важных интересов от разного рода угроз, понятия национальных интересов как раз и характеризует содержание главных ценностей, целей и стремлений общества и государства на конкретном историческом этапе развития.

Особое внимание при исследовании законодательства в сфере противодействия правонарушениям в сфере безопасности обращается на нарушения, которые затрагивают целый пласт отношений, которые охраняются законом, в частности в сфере собственности, жизни и здоровья граждан, работы органов государственной власти и т.п. Поведение лиц, совершающих данные правонарушения, обычно является агрессивным, бесконтрольным и зависимым от внешних факторов. Нередко эти действия приобретают социально угрожающие формы (расовые, межнациональные или межэтнические конфликты, уничтожение достопримечательностей истории и культуры, групповые погромы и поджоги, захват сооружений и участков местности, и т.п.).

Появление новых угроз, направленных против безопасности а и переоценка традиционных («старых») ценностей приводит к существенному расширению объема понятия безопасности как объекта правонарушений и в соответствии с увеличением видов этих посягательств.

Обеспечение безопасности, в том числе и с помощью норм административного законодательства, это объективный и непрерывный процесс. В соответствии с Декларацией ООН о преступности и общественной безопасности государства-члены этой организации должны стремиться защищать безопасность и благосостояние своих граждан и всех других лиц, находящихся под юрисдикцией государства. Эта защита

должна быть обеспечена путем принятия эффективных национальных мер борьбы с опасной транснациональной, в том числе организованной преступностью, незаконным обращением оружия, террористическими преступлениями и т.п.

Следовательно, общее содержание понятия «безопасность» отражает состояние защищенности важных интересов различных субъектов и их способность противостоять возникающим угрозам, и реализовать собственные цели. «Национальная безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов, а также способность противостоять угрозам и реализовать внутренние цели».

Таким образом, содержательный аспект безопасности, как и государственной политики в данной сфере, в целом, определяется ее организационным и регулятивно-контролирующим направлением, понятие национальных интересов как раз и отражает содержание главных ценностей, целей и стремлений общества и государства к обеспечению национальной безопасности на конкретном историческом этапе развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Донецкой Народной Республики «О безопасности» Принят Народным Советом Донецкой Народной Республики 12 декабря 2014 года (Постановление №17) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://dnr-online.ru/download/04-ihc-o-bezopasnosti/> (Дата оращения 23.01.2020)
2. Панкратова, В.И. Правовое регулирование отношений в процессе поступления и распределения таможенных платежей в Таможенном союзе ЕврАзЭС // Финансовое право. №6. 2012. С. 43.
3. Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации //Собрание законодательства РФ". – 2016. – N 1 (часть II). – Ст. 212
4. Murdoch C. Economic factors as objects of security : Economics security & vulnerability / К. Knorr, F. Trager. – Economics interests & national security. – Lawrence. – 2001. –С.86

ON ADMINISTRATIVE LEGAL SECURITY OF NATIONAL SECURITY

Annotation. The article considers the features of legal support of national security. The concept of threats to national security is disclosed, which refers to the existing and potentially possible phenomena and factors that pose a danger to the vital national interests of the state. It is proved that national security is a state of protection of the vital interests of the enterprise, as well as the ability to withstand threats and realize internal goals. ”

Keywords: legal support, national security, uzroz, security, national interests

Berezhnoy P.S.

Scientific adviser: Synkova E., Prof. Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: berezhnoy@mail.ru

УДК 343.34

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА КАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Бибикова А.А.

*Научный руководитель: Максименко О.Б., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Говоря о террористических актах, бесспорно, нужно сказать о том, что они являются одними из самых опасных и жестоких преступлений, как для каждого отдельного человека, так и для всего мира. На законодательном уровне закреплена дефиниция террористического акта, но в научной литературе по сей день ведутся споры о данном понятии, объективной стороне, способов совершения и т.д. В данной статье указаны пробелы террористического акта как состава преступления и предложены варианты совершенствования.

Ключевые слова: преступление, террористический акт, квалификация, дефиниция, террористическая деятельность.

Донецкая Народная Республика является молодым государством в стадии развития. Поэтому, на данном этапе своего развития в республике существуют недоработки в законодательстве.

Актуальность темы исследования обусловлена, прежде всего, тем, что террористический акт, безусловно, является одним из наиболее опасных преступлений как для индивида отдельно, так и в международном масштабе.

Террористический акт относится к достаточно обширной группе преступлений о терроризме. Сущность такого рода преступлений прежде всего заключается в понуждении людей, государственных органов, международных организаций к выполнению каких-либо требований, выдвигаемых злоумышленниками, которое проявляется в различных приемах устрашения.

Относительно большое количество смежных составов, относящихся к этой группе преступлений значительно усложняет работу правоохранительных органов, ибо сильно усложняется квалификация преступления [1, с. 52–53]. Встречается, что правоприменитель затрудняется с правильной квалификацией того или иного деяния, которое связано с террористическим актом, то для обычного человека это почти невозможно. Это также является проблемой, ибо из-за этого средства массовой информации распространяет информацию не соответствующую действительности, что может оказать эффект устрашения населения.

Можно сделать вывод, что правильная и грамотная квалификация таких деяний будет «двигателем» при реализации на практике основных принципов уголовного права.

В этой связи определение дефиниции «террористический акт» играет важную роль, поскольку некоторые составы преступлений идентичны ст. 229 «Террористический акт» Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее ДНР) [2].

Уголовный кодекс ДНР и Закон ДНР № 46-ІНС от 15.05.2015 «О противодействии терроризму» содержит идентичное определение понятия «террористический акт» – «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» [3].

Определение понятия данное в законодательстве очень сложно назвать совершенным. Законодатель очень узко представляет цель теракта, и не охватывает иные цели террористов.

Правильное определение цели, влечет за собой и правильную квалификацию преступного деяния как террористического акта. Цель, как признак субъективной стороны, трудно устанавливаемый элемент в террористическом акте, но именно определение цели способствует отграничением этого состава от смежных.

Разбираемый состав преступления по ст. 229 УК ДНР непосредственно направлен на осуществлении террористической деятельности, а именно на разрушения и причинение вреда здоровью и жизни масс, но не прослеживается цели воздействия на государственные органы, международные организации. Нередко действия террористов направлены именно на запугивание населения, наведение паники.

При террористическом акте преступники обычно не ставят цели вред физическим лицам или материальным предметам. Это некий способ воздействия для достижения главной цели: нарушение функционирования государственных органов, международных организаций, либо же оказание воздействия для принятия ими определенного решения. Оказание воздействия на принятие выгодных условий для

террористов проявляется в подталкивании соответствующих компетентных лиц к действиям выгодным для террористов. Именно для этого применяются такие крайние меры, как насилие. Следовательно, принятие условий террористов являются незаконными, создающие проблемы для государственного аппарата, авторитета власти и т.п. Но, с другой стороны, именно принятие таких условий и сохраняются жизни граждан и общественная безопасность.

В диспозиции ст. 229 УК ДНР на органы власти и международные организации указано во множественном числе, что дает задуматься о том, что для квалификации деяния необходимо, чтобы террористы оказали влияние минимум на два и более органа власти или международные организации. Ясно, что такие выводы являются ошибочными, поэтому целесообразно заменить формулировку на «... деятельности органа власти или международной организации...» [4, с. 104].

Также, в ст. 229 УК ДНР следует обратить внимание на формулировку объективной стороны, которая указывает на то, что террористический акт совершается непосредственно через активные действия. Но, в этом вопросе мнения ученых разделились, некоторые склоняются на возможность совершения террористического акта путём бездействия. Так, например, И.С. Таубкин считает, что в случае, если лицо умышленно допустило нарушение правил производственной безопасности, в связи с чем произошел взрыв, и при этом преследовало цели, указанные в ст. 229 УК ДНР, тогда данное преступление должно квалифицироваться по ст. 229 УК ДНР.

В. В. Мальцев также склоняется к позиции совершения террористического акта путём бездействия. Так, по мнению данного ученого террористический акт может быть осуществлен путем бездействия, в связи с невыполнением своих обязанностей, которые связаны с отключением технических или производственных процессов в энергетике, добывающей промышленности либо на транспорте.

Таким образом, хотя террористические акты практически всегда и совершаются путем активных действий, но также их совершение путем бездействия нельзя исключать. Исходя, из этого представляется целесообразным в диспозиции ч. 1 ст. 229 УК ДНР заменить термин «действия» на термин «деяния» [5, с. 32-33].

Такое положение не будет распространяться на объективную сторону данного состава преступления, выражающегося в форме угрозы. Поэтому нужно отметить слова В. Емельянова, « можно угрожать бездействием, но невозможно бездействовать при выражении угрозы».

На основании вышеизложенного следует вывод о том, что физическая форма объективной стороны, то есть взрыв, поджог и т.д. осуществляется как действием, так и бездействием. А вот информационная, то есть угроза взрывом, поджогом и т.д. выражается только в активных действиях.

Не совсем оправдано, по мнению ряда ученых, является и наличие в ст. 229 УК ДНР угрозы как одной из форм объективной стороны. Поэтому хотелось отметить слова В. Емельянова, « можно угрожать бездействием, но невозможно бездействовать при выражении угрозы».

Также существуют проблемы касательно способов совершения террористических актов. К таковым способам относится совершение взрыва, поджога либо иных действий, а также при угрозе совершения таковых. Статья 229 УК ДНР выделяет взрывы и поджоги, так как это основные способы совершения данного преступления. Говоря об «иных действиях», нужно сказать, что они представляют действия, которые также могут повлечь тяжелые последствия, как и при совершении взрыва или поджога. К «иным действиям» можно отнести, к примеру, заражение источников воды, местности и т.п.

Непосредственно в юридической литературе имеются высказывания о неточности такой формулировки.

Террористический акт – предусмотренные Уголовным кодексом преступления, которые преследуют террористические цели, такого мнения придерживается Ю. С. Горбунов [6, с. 105-106]. Следовательно, согласно этой позиции любое преступление сопряженное целью понуждения органов власти и международных организаций, может являться террористическим актом.

Вместо «иных действий» В. Емельянов указывает как «иные общепасные действия» [7, с. 43]. Такая поправка является не точной, так как в соответствии с УК любое преступление является общественно опасным. Возможно, что автор хотел подчеркнуть деяния совершенные общепасным путем.

В. В. Мальцев считает неоправданным приравнивание угрозы к совершению террористических действий, так как угрозу совершения таких действий нельзя отнести к реальному взрыву, поджогу или иным террористическим действиям.

Также, есть мнение о том, чтоб угрозу террористическим актом вообще предусмотреть в отдельной статье Уголовного кодекса, либо же в статье 236 УК ДНР о заведомо ложном сообщении об акте терроризма, к примеру, этого мнения придерживается такой ученый, как С. Д. Гринько.

Помимо С. Д. Гринько данной точки зрения, а именно исключения из состава такой формы объективной стороны как угроза, придерживаются и другие ученые.

Исходя из вышеизложенного представляется допустимым исключить объективную сторону в форме угрозы из статьи, предусмотренной ст. 229 УК ДНР, включив новую статью в УК ДНР, в которой объективная сторона и будет составлять ту самую «угрозу».

Также, целесообразно в понятие террористического акта включить такой элемент как субъект преступления. В качестве субъекта преступления рассматривать лицо, являющееся членом террористической организации или лицо, которое содействует террористической организации. Под субъектом (являющимся членом террористической организации) следует понимать физическое вменяемое лицо, достигшее 14 лет, состоящее в организации, деятельность которой запрещена на территории Донецкой Народной Республики, под субъектом (содействующим террористической организации) – физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет, которое было завербовано членами такой организации. Следовательно, нужно отметить, что с учетом политических, экономических и т.п. условий понятие должно дополняться и изменяться [8, с. 673].

В заключение, следует отметить, что террористический акт имеет сложную структуру, а с учетом развития в современном мире и непосредственно в Донецкой Народной Республики стремительного роста научно-технических процессов, различных экономических и геополитических проблем террористическим актам всё более сложно противостоять [9, с. 453]. Современное законодательство должно постоянно и активно развиваться, чтобы у общества было эффективное средство для борьбы с преступной деятельностью. Для большей эффективности такой борьбы важным фактором играет непосредственно грамотная квалификация преступлений такого рода и в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галкин А.Ю. Состав террористического акта и смежные составы преступления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурологи и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1 (5).
2. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 № ВС 28-1 (в ред. от 06.12.2019 № 78-ПНС). Донецк., 2014.
3. Закон Донецкой Народной Республики «О противодействии терроризму» от 15.05.2015 № 46-ПНС[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsoviet.su/zakon-dnr-o-protivodejstviyu-terr..> – Дата обращения: 05.02.2020

4. Мальцев В.В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования // Государство и прав. 1998. № 8.
5. Таубкин И.С. Взрывы. Уголовно-правовая квалификация // Закон и право. 2011
6. Горбунов Ю.С. Уголовно-правовая квалификация терроризма: история, теория, практика // Журнал российского права. 2016.
7. Емельянов В. Разграничение терроризма и посягательств с элементами терроризирования // Российская юстиция. 2011. № 8.
8. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – 2-е изд., исправл. и доп. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ИНФРА-М, 2010. – 895 с.
9. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. Ф.Р. Сундунова, М.В. Талан. – М.: Статут, 2012. – 532 с.

TO THE QUESTION OF THE UNDERWORK OF THE TERROR «TERRORIST ACT»

Annotation. Speaking about terrorist acts, no doubt, it must be said that they are one of the most dangerous and cruel crimes, both for each individual person and for the whole world. At the legislative level, the definition of a terrorist act is fixed, but to this day there is debate in the scientific literature about this concept. This article identifies gaps in the legislative definition of a terrorist act and suggests improvements.

Key words: crime, terrorist act, qualification, definition, terrorist activity.

Bibikova A.

Scientific adviser: Maksimenko O., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: Degtyarev@donnu.ru

УДК 342.951

О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ПОМОЩНИКА СУДЬИ КАК ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

Богоявленская А.С.

*Научный руководитель: Сынкova Е.М., проф., д.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности правового статуса помощника судьи общего суда как государственного служащего. Обосновано, что помощник судьи замещает в аппарате суда должность государственной службы, учрежденную для непосредственного обеспечения исполнения полномочий судей. Обоснована целесообразность создания системы резерва помощников судей.

Ключевые слова: государственные служащие, помощник судьи, резерв, полномочия государственных служащих, принципы деятельности государственных служащих.

В связи с реформированием органов судебной власти, а именно изменения юридической природы статуса помощников судей, вопрос определения их административно-правового статуса является достаточно острым, что обуславливает актуальность поставленных задач.

Теоретики права раскрывают понятие «правовой статус» как систему закрепленных в нормативно правовых актах и гарантированных государством прав, свобод, обязанностей, ответственности, согласно которым индивид как субъект права (то есть как такой, который имеет правосубъектность) координирует свое поведение в обществе [1]. Правовой статус рассматривается также это социально допустимые и необходимы возможности лица не только как индивида, а как гражданина государства, поскольку они гарантированы авторитетом государства. Содержание правового статуса в целом определяет пределы деятельности гражданина относительно других лиц, коллективов, государства, природы, рамки его активной и пассивной

жизнедеятельности [2]. Правовой статус – это совокупность исходных, неотчуждаемых прав и обязанностей человека, а также полномочий государственных органов и должностных лиц, которые непосредственно закрепляются за теми или другими субъектами права [3].

Целью статьи является анализ правового статуса помощника судьи.

Должность помощника судьи в судах общей юрисдикции является, несомненно, чрезвычайно важной, поскольку дает возможность качественнее и эффективнее обеспечивать работу судей, а следовательно, и качество судопроизводства

Правовой статус помощника судьи – это многоаспектная категория, которая во-первых, имеет общий, универсальный характер, включает статусы разных субъектов правоотношений – государства, общества, лица и т.п.; во-вторых, отображает индивидуальные особенности субъектов и реально положение их в системе общественных отношений; в-третьих, не может быть реализована без обязанностей, которые корреспондируются правом, без юридической ответственности, в необходимых случаях – без правовых гарантий; в-четвертых, категория «правовой статус» определяет права и обязанности субъектов в системном виде, который дает возможность осуществить сравнительный анализ статусов разных субъектов для открытия новых путей их усовершенствования. Правовой статус имеет четкую стабильную структуру и устанавливает характер и принципы взаимодействия субъектов общественных отношений между собой, а также путем определения прав, обязанностей и гарантий их реализации, определяет место субъекта в системе правоотношений.

Помощник судьи функционально выполняет высокоинтеллектуальные задачи, связанные с аналитикой, исследованием и изучением дел, законодательства, которое постоянно изменяется, отслеживает документацию, связанную с производством по судебным делам. На этих должностях работают люди с определенным образовательным уровнем и за годы добросовестной работы приобретают значительный опыт и навыки в процессуальных вопросах.

Правовой статус помощника судьи можно рассматривать как в широком, так и в узком понимании. В широком понимании правовой статус помощника судьи представляет собой систему обязанностей, прав, правоограничений, этико-правовых норм, социальной защиты и ответственности, определенных нормативно-правовыми актами и гарантированных государством. Со своей стороны, в узком понимании, правовой статус помощника судьи представляет собой систему его прав и обязанностей. Административно-правовой статус помощника судьи – совокупность его правосубъектности, профессиональных задач, обязательств и прав относительно помощи судьи и подготовки судебных дел к рассмотрению, выполнению других законных поручений судье и руководителя аппарата суда в сочетании с профессиональными ограничениями и специальной дисциплинарной ответственностью [1].

Следовательно, правовой статус помощника судьи – это особенное свойство лица, которое определяет его правовое положение в обществе и раскрывает ее основные права и обязанности. Его характеризуют права, обязанности и ответственность лица как субъекта административного права. Он обеспечивает участие данного лица в общественных отношениях и возникает в связи с обеспечением субъектами публичной власти прав и свобод физических лиц, во взаимодействии органов публичной власти с институтами гражданского общества. [2].

Помощники судей – достаточно большое звено судебной системы, созданное для обеспечения организационной эффективности судьи и сокращения его временных расходов.

В научных исследованиях вопросы статуса помощников судей рассматривались лишь в контексте деятельности аппарата суда. Целью статьи является рассмотрение

проблемных аспектов правового статуса помощника судьи как государственного служащего.

Должность помощника судьи является, несомненно, чрезвычайно важной, поскольку дает возможность более качественно и эффективно обеспечить работу судей, а следовательно, способствовать повышению качества судопроизводства.

В мировой практике организации судебной ветви власти помощники судей имеют разный статус. Так, в США, некоторых странах Европейского Союза помощник судьи является персональным ассистентом судьи. Судья наделен правом выбирать себе помощника и предлагать ему изменять место работы вместе с судьей. В Республике Польша помощник судьи не является персональным ассистентом судьи. Он работает в аппарате суда и помогает одновременно нескольким судьям; готовит проекты судебных решений и других документов, собирает информацию, которая необходима судье для рассмотрения дела, контролирует работу секретарей и т.п.

Должность помощника судьи в ДНР регламентируется Законом ДНР «О судебной системе» [4]. Необходимость введения такого института в суда ДНР была обусловлена существенным увеличением нагрузки на суды в целом и судей в частности. Основной целью введения должности помощника судьи была разгрузка судьи от выполнения рутинной технической работы во время подготовки и рассмотрения судебных дел.

Квалификационные требования к кандидатам на должность помощников судей судов общей юрисдикции установлены. В соответствии с положениями этой статьи, помощником судьи может быть гражданин, который имеет высшее юридическое образование и свободно владеет государственным языком. Относительно принятия помощника судьи на работу и его увольнения, то оно, хотя и оформляется представлением судье, проводится руководителем аппарата.

Кроме того, помощник судьи во время принятия на работу должен проходить специальную проверку, которую проходят все государственные служащие. Такая проверка является одной из важнейших антикоррупционных гарантий.

Сегодня существует большое количество предложений относительно совершенствования правового статуса помощника судьи. В частности, основное внимание сосредотачивается на назначении помощников судей путем конкурсного отбора, проведения психологического тестирования. Это, прежде всего, повысит уверенность в профессионализме и уровне знаний в отборе помощников судей. К тому же, индивидуальные тесты определяют уровень теоретических знаний кандидатов, наличие или отсутствие профессиональных амбиций, сущностного применения знаний и опыта.

Важным нововведением, которое нуждается в дополнительном обосновании является то, что помощник судьи по поручению судьи может при отсутствии секретаря судебного заседания осуществлять его полномочия. В частности, здесь видится немало рисков, связанных с тем, что помощник судьи является государственным служащим (в отличие от секретаря судебного заседания).

Помощник судьи осуществляет проверку своевременности оформления протоколов судебных заседаний и контроль за своевременной сдачей в канцелярию суда и/или архива суда судебных дел.

Рассмотрев аспекты, на которые по большей части обращает внимание сообщество помощников, следует отметить также то, что поскольку помощник является государственным служащим, во время принятия на работу он не должен проходить специальную проверку, которую проходят все государственные служащие. Общественность и экспертная среда подчеркивают, что важной опасностью для украинской судебной системы является наличие коррупционных рисков.

Кроме того, предлагается создать систему резерва помощников судей. Другими словами, судья должен будет возможность выбрать себе помощника из лиц, которые

прошли конкурс, но еще не стали помощниками судей.

Должность помощника судьи в аппарате суда в Российской Федерации является старшей должностью федеральной государственной службы и относится к категории «помощники (советники)».

Помощник судьи назначается на должность и освобождается от должности председателем суда. С помощником судьи заключается срочный служебный контракт срок действия которого, не должен превышать пяти лет.

Согласно статьи 9 ФЗ от 27 июля в 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» должности гражданской службы, отнесенные к категории «помощники (советники)», замещаются на определенный срок, причем этот срок в любом случае не может быть более срока полномочий лиц, которые замещают государственные должности, руководителей государственных органов, руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и руководителей представительств государственных органов [5].

Сегодня существует большое количество предложений относительно совершенствования правового статуса помощника судьи. В частности, основное внимание сосредоточивается на назначении помощников судей через конкурсный отбор, проведении психологического тестирования. Это, прежде всего, повысит уверенность в профессионализме и уровне знаний в отборе работника патронажной службы. К тому же, индивидуальные тесты определяют уровень теоретических знаний кандидатов, наличие или отсутствие профессиональных амбиций, сущностного применения знаний и опыта.

Кроме того, предлагается создать систему резерва помощников судей. Другими словами, судья должен будет возможность выбрать себе помощника из резерва, которые прошли конкурс, но еще не стали помощниками судей.

Следовательно, на основании вышеприведенного можно сделать вывод, что помощник судьи является государственным служащим и замещает в аппарате суда должность государственной службы, учрежденную для непосредственного обеспечения исполнения полномочий судей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административное право: учебник / Э. Г. Липатов и др. – Москва: Дашков и К°, 2018. – 452 с.
2. Административное право Российской Федерации: учебник / Ю. И. Мигачев, Л. Л. Попов, С. В. Тихомиров. – Москва: Юрайт, 2017. – 519 с.
3. Административное право: учебник / Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – Москва: Норма: Инфра-М, 2018. – 575 с.
4. Закон Донецкой Народной Республики «О судебной системе» Принят Постановлением Народного Совета 31 августа 2018 года [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-sudebnoj-sisteme-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (Дата обращения 20.01.2020)
5. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» //Собрание законодательства. –2004. – N 31. – ст. 3215

ON THE LEGAL STATUS OF THE ASSISTANT JUDGE AS A STATE OFFICER

Annotation. The article discusses the features of the legal status of the assistant judge of the general court as a state person. It is substantiated that the assistant judge substitutes in the court apparatus a civil service position established to directly ensure the exercise of the powers of judges. The expediency of creating a reserve system for assistant judges is justified.

Key words: civil servants, assistant judge, reserve, powers of civil servants, principles of activity of civil servants.

Bogoyavlenskaya A.

Scientific adviser: Synkova E., Prof. Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: angelika06081973@mail.ru

КЛОНИРОВАНИЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Бондарь Н.А.

*Научный руководитель Карпенко Л.К., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. На основании научного, нормативно-правового и фактического материала раскрыто понятие клонирования, проведен сравнительно – правовой анализ законодательства зарубежных стран о клонировании человека, раскрыты уголовно – правовые, социально-этические, этико – религиозные аспекты клонирования.

Ключевые слова: клонирование, история развития клонирования, уголовная ответственность за клонирование, зарубежный опыт по вопросам клонирования

Клонирование является одним из самых ярких достижений ученых в сфере науки на сегодняшний день и представляет производство клеток или организмов с такими же нуклеарными геномами, как и у предыдущей клетки.

Актуальность. Выбор данной темы обусловлен возможностью выяснения сущности клонирования, его особенностей, истории развития клонирования, этапов развития и изучение принципов борьбы государств с относительно новым явлением в науке. Сформулировано понятие клонирования, которое подразумевает создание человека, генетически идентичного другому живому или умершему человеку, путем переноса в лишенную ядра женскую половую клетку ядра соматической клетки человека; эмбрион человека – зародыш человека на стадии развития до восьми недель. Были рассмотрены такие нормативно – правовые акты, как конвенция «О защите прав и достоинства человека», «Всеобщая декларация о геноме человека и о правах человека», резолюция №69 «Права человека и биоэтика», Федеральный Закон «О временном запрете клонирования человека».

Теоретические основы юридического закрепления такого сложного явления, как клонирование, рассматривались многими учеными, однако в рамках данного исследования целесообразно выделить таких ученых, как Алексеев С.С., Баринов В.Г., Бородин С.С., Коркунов Н.М., Крамур Г.С., Лисева В.Р., Лодырев Д.Т., Макаренко В.Р., Макачева А.Л., Смоленский М.Б., Труханова Э.Ф., Фрунин К.В.

Цель научной работы – на основе научного, нормативно-правового и фактического материала раскрыть понятие клонирования, проанализировать исторический аспект развития клонирования, провести сравнительно – правовой анализ законодательства зарубежных стран за клонирование человека, осветить уголовно – правовые, социально-этические, этико – религиозные аспекты клонирования.

Основная часть. Обращаясь к историческому аспекту клонирования, мы видим, что ученые из университета имени Джорджа Вашингтона в 1987 году смогли разделить клетки человеческого зародыша и постепенно клонировать их, пока не дошли до тридцати двух клеток. Активным участием в жизни клонирования занимались эдинбургские ученые, которые в 1996 году опубликовали свои эксперименты над ягнятами, в связи с их стараниям уже через год на свет появилась овечка Долли, которая стала популярна во всем мире, как первый клонируемый организм.

Следует отметить, что успехи в сфере клонирования на сегодняшний день остаются призрачными, ведь клетки овечки старели в три раза быстрее, чем изначально предполагала группа ученых, занимающихся экспериментом. Уже в 2002 году у Долли обнаружили стремительное развитие артрита, который стал результатом генных мутаций, которые начали свое развитие из-за переноса соматического ядра. У животного также наблюдался определенный перечень отклонений от обычного

развития, помимо артрита, в связи с чем Долли прожила всего шесть лет.

Коркунов Н.М. отмечал, что соматическая клетка, взятая из организма клонируемого человека, проходит определенный путь: на протяжении короткого времени клетка стареет и расходует какие-либо ресурсы для поддержания естественного состояния. Вышеуказанное свидетельствует, что уже изначально используется дефективный генетический материал, а также следует помнить о том, что перенос ядра является искусственным вмешательством, в связи с чем велик шанс негативных последствий [1, с. 85].

По мнению Макаренко В.Р., история клонирования показывает нам, что после продолжительных опытов ученые пришли к выводу, что клонирование необходимо проводить в несколько этапов: изначально извлечение яйцеклетки из женского организма, а затем уже удаление ядра и замена его соматическим ядром, то есть не половой клетки, непосредственно содержащей гены организма, который клонируют. После данной процедуры яйцеклетку с новым ядром имплантируют в матку и в случае удачной беременности и родов на свет появляется клонируемое существо [2, с. 51]. В связи с этим мы видим, что клонирование не является производной комбинацией генов родителей, как при обычном оплодотворении, а создает генетическую копию.

В следствии этого, когда происходит клонирование человека, мы несколько раз нарушаем этические нормы, а именно проведение самого эксперимента, а также подвергаем возможности стать инвалидом, а также другие неблагоприятные последствия, связанные со здоровьем человека

Следующим шагом в развитие клонирования стала научно – исследовательская группа под руководством Р. Ланза из компании «Advanced Cell Technology», которые также подтвердили несовершенство экспериментов, ведь организм проживает слишком короткий период времени и бесконечное клонирование домашнего скота для разрешения проблем с перенаселением невозможно на сегодняшний день.

В связи с этим, ряд ученых таких, как Баринов В.Г., Макачева А.Л., Лисева В.Р., утверждают, что риск дефективного развития слишком велик, главной причиной которого является репрограммирование донорского ядра, но опыты над животными продолжаются во всем мире. Например, американская компания «BioArts International» объявила о непрерывном клонировании различных пород собак, стоимость данной процедуры начиналась от 50 тысяч долларов. Первый опыт данной компании проходил в 2009 году, когда группа ученых клонировала пса породы лабрадор. Данная собака умерла за год до этого события, а клон был получен с помощью замороженных тканей пса, в связи с чем получил кличку Ланселот [3, с. 127]. В тот же период времени, в 2009 году, в Объединенных Арабских Эмиратах ученые смогли клонировать верблюда, который получил прозвище «Injaz», который в переводе обозначает «достижение» Данная самка прожила на протяжении 5 лет, а затем стремительно начали развиваться генные мутации, приведшие к смерти.

В США группа австрийских ученых добилась успеха и получили клон скаковой лошади, которая являлась десятикратной чемпионкой соревнований родео. На свет появился Скемпер, который обошелся наезднице Ч. Джеймс порядка 150 тысяч долларов, но австрийская фирма «ViaGen Inc.» долго держала в секрете данное достижение, так как в Австралии и Новой Зеландии уже на тот момент существовал запрет клонирования лошадей, а также борзых собак.

М. Б. Смоленский на ряду с вышеизложенными событиями, предлагает к историческому аспекту данной темы отнести взгляды церкви на столь революционное явление в современном мире, как клонирование. Например, католическая церковь выступает против и обосновывает свое мнение тем, что такая технология, как клонирование, сигнализирует о стремлении превратить все человечество в генный материал. Православная церковь в свою очередь также выступает с протестом против

клонирования, даже не взирая на то, что руководствуются следующим принципом: «Эксперименты с клонированием человека – это вызов самой природе», тем не менее священник Михаил Дудко, который является секретарем по взаимодействию Церкви и общества Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата заявил, что Русская Церковь не отрицает клонирование человека, если будут достигнуты благоприятные последствия проведения эксперимента [4, с. 78].

Клонирование – это одна из человеческих технологий, сложность которой доказывает закономерности, что в мире ничего не происходит случайно. Следует заметить, что для клонирования животных потребовался длительный промежуток времени, большой пласт знаний и опытные ученые, на фоне этого и мнения ряда ученых, таких как Крамур Г. С, Лодырев Д. Т., Фрунин К. В, атеистическая идея «самозарождения» отходит на второстепенный уровень, а все происходит по воли высшего Разума, в связи освоение такой тяжелой технологии, как клонирование, еще раз подтвердит, что человек произошел и наделен волей Творца [5, с. 8].

Однако, в 2002 году компания «Clonaid» заявила о рождении первого ребенка с помощью кесарева сечения. Дитя получило имя Ева, весила порядка 3,5 кг, чувствовала себя нормально, генетических мутаций обнаружено не было. Сама компания была создана на Багамских островах Р Раэлем с целью клонирования человека в 1997 году, а уже в 2000 г. желающими опробовать столь новую технологию было порядка 200 богатейших людей мира. Изначально компания скрывала личность и местонахождение самого ребенка, но в связи с интересом общества, Глава «Clonaid» пообещал опубликовать результаты генетических тестов новорожденного ребенка и матери донора в течении последующих 10 дней. Следует отметить, что реакция общества была довольно скептической, так как большие сомнения вызывал уровень ученых, работающих в данной компании, а также вызывало опасение наличие возможной патологии у клонированного ребенка.

Алексеев С.С. присоединился к мнению большинства, что Р. Раэль так и не опубликовал официальное подтверждение клонированного ребенка Евы, так как родители не решились называть своих имен общественности. В свою очередь суд штата Флорида своим решением постановил передать данного ребенка государству, в связи с тем, что ребенок может иметь скрытые патологии и привести к непредвиденным последствиям [6, с. 17]. Буаселье Е. Д. отмечал, что родителям давался промежуток времени, равный 2 дням, для того чтобы родители определились с оглаской данного эксперимента, но родители были против. В связи с этим глава «Clonaid» в своем выступлении упомянул, что в ближайшем будущем, в Европе, произойдет рождение на свет второго клонируемого ребенка.

Дальнейшие события развивались постепенно и лаконично. Буаселье Е. Д. объявил о рождении второго ребенка, вес которой был порядка 2,7 кг, клона датской пары, а также подчеркнул в своем заявлении, что в будущем планируется еще клонирование трех детей.

Следует отметить, что научное сообщество всего мира придерживается все также скептической точки зрения, так как рассчитаны на общественность, а сама научная доказанность отсутствует. Р. Раэль в этом случае указывал, что родители ребенка отказались проводить ДНК – тесты, опасаясь за жизнь и здоровье своей дочери, а также возможности потерять ребенка в связи с огромным интересом различных государств. Экспертизы рождения данных детей на сегодняшний день так и не были приведены и в научных кругах носят до сих пор носят скептический характер

По мнению Трухановой Э.Ф., на сегодняшний день проблема клонирования приобрела международный характер, в связи с чем было принято множество различных нормативно – правовых актов, например, одним из первых является «Всеобщая декларация о геноме человека и о правах человека», которая была принята Генеральной

конференцией ООН. Анализируя данный нормативно – правовой акт, мы видим, что предусмотрен запрет практики, связанной с деятельностью, противоречащей человеческому достоинству, такая как клонирование человеческой особи [7, с. 11].

Конвенция «О защите прав и достоинства человека» была разработана в Европе в связи со стремительным развитием науки и медицины в конце 20, начале 21 века. В данной конвенции отражены основные принципы использования генетического материала в медицинских целях, но уже через год был принят дополнительный протокол, который запретил любое вмешательство, целью которого будет являться создание нового человеческого существа.

В 2003 году по инициативе таких государств, как Франция, Германия, Италия, Швейцария была принята резолюция № 69 «Права человека и биоэтика», которая также запрещала воспроизводство человеческих существ, но тем не менее допускала дискуссию между субъектами международного права.

Непосредственно, активная деятельность на международном уровне привела к появлению предложений на внутригосударственном уровне. Например, Д. Марчи, который являлся сенатором – республиканцем, предложил рассматривать клонирование, как правонарушение, в свою очередь президент Б. Клинтон запретил бюджетное финансирование опытом, затрагивающих сферу клонирования. Сенаторы-демократы Д. Фейнштейн и Э. Кеннеди вносили предложение в американский парламент для установление запрета экспериментов, связанных с клонированием на протяжении последующих 10 лет, за исключением клонирования эмбрионов. Такие республиканцы, как К. Болд, Б. Фрист, Дж. Грег настаивали на запрете любых форм клонирования. «Унизительной атакой на человечность» – так назвал Ж. Ширак клонирование и обратился к французскому парламенту для запрета данной деятельности.

Бородин С.С. сосредотачивает внимание, что в Великобритании в отношении клонирования была высказана более либеральная позиция: палата Лордов одобрила законопроект, который разрешил получение стволовых клеток из клонируемых эмбрионов. На основании этого документа был создан первый в мире банк стволовых клеток при Национальном институте биологических стандартов и контроля в графстве Хартфордшир [8, с. 43].

В 2004 году было также разрешено терапевтическое клонирование в Японии, а Китай в свое очередь запретил любую деятельность, связанную с клонированием, кроме получения стволовых клеток в биологических и научных целях.

В законодательстве Российской Федерации полного отражения проблема клонирования так и не нашла: в 1997 году был разработан законопроект « О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения, в котором был установлен запрет, связанный с изменением генома человека, а получение стволовых клеток на законодательном уровне должно было разрешено, но данный законопроект на протяжении 20 лет так и не был принят парламентом, на сегодняшний день действует мораторий на клонирование исходя из ФЗ «О временном запрете клонирования человека». На наш взгляд, принятие данного решения было правильным, так как была обусловленность недостаточностью знаний в сфере клонирования, а также приоритет уважения прав человека. Вместе с тем, следует отметить, что законодатель подчеркнул временный характер Федерального Закона, так как было закрепление следующего положения: он может быть пересмотрен с учетом перспектив исследуемых технологий. Впервые было определено такое понятие, как клонирование человека – создание человека, генетически идентичного другому живому или умершему человеку, путем переноса в лишенную ядра женскую половую клетку ядра соматической клетки человека; эмбрион человека – зародыш человека на стадии развития до восьми недель

Следует отметить, что и очень медленно, запрет клонирования человека получает всё большее распространение в различных странах мира и на международном уровне.

Клонирование человека может быть осуществлено при соответствующем техническом обеспечении в любой из развивающихся стран, но, следует отметить, что данное деяние уже отнесено к особой категории преступлений против личности (Венгрия, Колумбия, Румыния, Сальвадор, Эстония).

В уголовном кодексе Венгрии такого рода нормы размещены в разделе V «Генетические манипуляции». Они предусматривают ответственность за создание генетически идентичных человеческих существ, наказывается сроком до десяти лет лишения свободы (ст.185 УК).

Вслед за венгерским законодателем разумный подход к закреплению ответственности за посягательства на правоотношения, складывающиеся в сфере осуществления манипуляций с человеческими генами, проявили румынские нормотворцы, которые закрепили, что создание человеческих эмбрионов в других целях, чем порождение, должно быть наказано строгим заключением от трех до десяти лет и запрета на определенные права (ст.181 УК).

Идентичным венгерскому уголовному кодексу является законодательство Колумбии, в котором создание генетически идентичных человеческих существ наказывается сроком до шести лет. Тот же самый штраф должен санкционировать также создание человека, генетически идентичного другому человеку любой живой или мертвый, клонируясь (ст. 181 УК).

В Сальвадоре законодатель зафиксировал, что клонирование с целью репродукции человека наказывается сроком до шести лет (ст. 140 УК), а в эстонском уголовном праве данную норму закрепили так, что клонирование человека, а также о создании гибридного или химерного человека наказывается сроком до трех лет (ст. 177 УК).

Следует отметить, что в УК Колумбии и УК Венгрии данные составы включены в главу «О генетических манипуляциях», в УК Румынии – «Преступления, связанные с генетической манипуляцией», в УК Эстонии – «Незаконное обращение с человеческим эмбрионом».

Между тем встречается и принципиально иной подход. В УК Молдовы (ст. 144 – создание человеческих существ путем клонирования наказывается лишением свободы на срок от 7 до 15 лет) этот состав содержится в главе «Преступления против мира и безопасности человечества, военные преступления».

В УК Франции эта норма ответственности включена в раздел «О преступлениях против человечества и против человеческого вида» («Des crimes contre l'humanité et contre l'espèce humaine») [11, с. 383].

Ст. 226-25. – Исследование генетических свойств какого-либо человека в медицинских целях без предварительного получения его согласия в порядке, предусмотренном статьей L 145-15 Кодекса законов о здравоохранении, наказывается одним годом тюремного заключения и штрафом в размере 100 000 франков.

Ст. 226-26. – Использование не по назначению сведений, полученных о каком-либо человеке путем изучения его генетических свойств в медицинских целях или в рамках научного исследования, наказывается одним годом тюремного заключения и штрафом в размере 100 000 франков.

Ст. 226-27. – Идентификация какого-либо человека посредством его генетических признаков в медицинских целях без предварительного получения его согласия в порядке, предусмотренном статьей L. 145-15 Кодекса законов о здравоохранении, наказывается одним годом тюремного заключения и штрафом в размере 100 000 франков.

Только в УК Франции проводится дифференциация ответственности между репродуктивным и иными видами клонирования. Почти во всех странах мира, где специально криминализировано рассматриваемое деяние, в качестве санкции за него предусмотрено лишение свободы.

Как показывает анализ зарубежных законодательств, юридические конструкции составов клонирования носят достаточно простой и лаконичный характер. В некоторых из них вообще не раскрывается данное понятие. Например, ст. 144 УК Молдовы гласит: «Создание человеческих существ путем клонирования наказывается лишением свободы на срок от 7 до 15 лет». УК Эстонии говорит о «клонировании человека, а также о создании гибридного или химерного человека» (ст. 130).

В тех уголовных законах, где понятие «клонирование» раскрывается, речь идет определенно только о его репродуктивной (а не терапевтической) разновидности. Например, в УК Венгрии, наказуемо лицо, которое создает генетически эквивалентную человеческую особь в ходе экспериментального исследования или в рамках медицинской процедуры.

Следует отметить, что клонирование человека объявлено вне закона лишь в относительно небольшом числе государств мира, на сегодняшний день их порядка десяти. Все попытки ввести запрет на международном уровне тормозились в основном из-за возможного успешного использования клонирования в борьбе с серьезными заболеваниями.

Таким образом, многие положения зарубежных уголовных кодексов в части регламентации ответственности за клонирование представляются перспективными и для уголовного законодательства Донецкой Народной Республики

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коркунов, Н.М. Проблемы эволюции человечества [Текст]: учебник / Н.М. Коркунов. – Москва, 2010. – 451с.
2. Макаренко, В.Р. Теория развития медицины [Текст]: учебник / В.Р. Макаренко– Москва: Издательство Просвещение, 2009. – 500с.
3. Баринов, В.Г. Актуальные проблемы клонирования [Текст] / В.Г. Баринов, А.Л. Макачева, В.Р. Лисева – 2-е изд, перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрист, 2008. -300с.
4. Смоленский, М.Б. Аспект клонирования в медицине [Текст]: учебник / М.Б. Смоленский – Ростов на Дону, 2005. – 346с
5. Крамур Г.С. Этико – религиозные проблемы клонирования / Г. С. Крамур, Д.Т. Лодырев, К.В. Фрунин // Проблемы репродукции: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 10 апреля 1998 г.). – Москва, 1998. – С. 8.
6. Алексеев, С.С. Клонирование в зарубежных странах [Текст] / Алексеев, С.С. Митрюшин Н.Г. // Практикум по клонированию. – 2005. – № 2 – С. 17.
7. Труханова Э.Ф. Защита прав человека при проведении биомедицинских исследований: : автореф. дисс. ... к-та юрид. наук: спец. 12.00.05 –социального обеспечения человечества / Труханова Эльвира Федоровна. – М., 2012. – 28с.
8. Бородин С.С. Проблемы уголовного права зарубежных стран [Текст] / С.С. Бородин, С.С. Громыко // Уголовное право зарубежных стран: курс лекций. – 2007. – №3 – 432с.

CLONING: FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. On the basis of scientific, standard and legal and actual material the concept of cloning is opened, it is carried out rather – the legal analysis of the legislation of foreign countries on cloning of the person, are opened criminal, social and ethical, ethics – religious aspects of cloning, suggestion for improvement of the legislation on cloning is formulated.

Keywords: cloning, history of cloning development, criminal liability for cloning, foreign experience on cloning issues.

Bondar N.

Supervisor: Karpenko L., Ph. D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: anananas2012@yandex.ru

ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ

Бугаёва П.Н.

*Научный руководитель: Савченко А.А., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассмотрены правовые механизмы, касающиеся защиты гражданского населения в условиях вооруженных конфликтах. Анализируются международные нормы, защищающие данную категорию лиц. Особое внимание уделяется положениям Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 1949 года и двум дополнительным протоколам к ней от 1977 года.

Ключевые слова: Международное гуманитарное право, гражданское население, вооруженный конфликт, Четвертая Женевская конвенция, Дополнительный протокол.

Несмотря на современные тенденции по ускорению мировой глобализации, феномен войны, как одного из негативных регуляторов мировых общественных процессов, не исключен из социальной действительности. По данным сайта Global Conflict Tracker, по состоянию на 31 января 2020 года в мире происходит около тридцати глобальных конфликтов [1]. Часть из них, как гражданские войны в Сирии или Ливии, находятся в критической фазе и широко известны мировой общественности, в то время как противостояние в Нигерии террористической группировке «Боко Хорам» или территориальные споры Индии и Пакистана остаются в тени годами. Достаточно часто проведение военных действий осуществляется с нарушением норм международного гуманитарного права, а одной из основных и наиболее сложных проблем, возникающих в ходе вооруженных конфликтов, является проблема обеспечения защиты гражданского населения, на долю которого выпадают основные тяготы и лишения во время войны.

Как отмечает М.Д. Давитадзе, право вооруженных конфликтов ранее в основном содержало нормы, защищающие представителей вооруженных сил государства, а гражданскому часто уделялось несущественное значение [2]. Однако, с развитием международного гуманитарного права, круг норм, касающихся защиты мирных жителей, стал постепенно расширяться. Так, на недопустимость нападения воюющих сторон на мирное население непосредственно указывает Петербургская декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль 1868 года. В ней отмечается, что «единственная законная цель, которую должны иметь государства во время войны, состоит в ослаблении военных сил неприятеля» [3]. Также правовое положение гражданского населения в период вооруженных конфликтов определяется Конвенцией о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года. В середине XX века, как реакция на прошедшую Вторую мировую войну, были приняты важнейшие источники международного гуманитарного права – четыре Женевские конвенции. В рассматриваемом нами вопросе центральную роль занимает IV Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года (далее – Конвенция, Четвертая Женевская конвенция) [4].

Принятие Четвертой Женевской конвенции осуществлялось с целью решения проблемы незащищенности гражданского населения в будущем. В 1977 году положения Женевских конвенций были дополнены двумя протоколами: Дополнительный протокол от 8 июня 1977 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (далее – I Дополнительный протокол) и Дополнительный протокол от 8 июня 1977 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (далее – II Дополнительный протокол).

Примечательно, что универсальная юридическая сила Четвертой Женевской конвенции закреплена в ее второй статье. Так, нормы документа будут применяться в случае объявления войны или другого вооруженного конфликта как между государствами-участниками Конвенции, так и между конфликтующими сторонами, одна из которых не принимает или не признает ее положения. Также указанная Конвенция в 1993 году Советом Безопасности ООН была включена в состав норм международного права и стала обязательной для исполнения не только для стран, присоединившихся к ней, но и для сторон вооруженных конфликтов.

Следует отметить, что положения Конвенции распространяются на лиц, которые находятся во власти одной из сторон конфликта. Граждане какого-либо государства, не связанного настоящей Конвенцией, не состоят под ее защитой. Также лица, защищаемые остальными тремя Женевскими конвенциями, не рассматриваются в качестве покровительствуемых лиц Четвертой Женевской конвенции. В случае, когда какое-либо покровительствуемое Конвенцией лицо подозревается или уличено в деятельности, наносящей вред безопасности государства, находящегося в конфликте, такое лицо лишается прав и преимуществ, предоставленных Конвенцией, в отношении действий, направленных против интересов указанного государства. Покровительствуемое лицо не может отказаться от защиты Конвенции. Важным является факт того, что Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны применяется с начала какого-либо конфликта или оккупации, а прекращает свое действие после окончания ведения военных действий всеми сторонами конфликта, а в случае оккупации – через год после окончания военных действий.

К гражданскому населению, согласно части 1 статьи 50 I Дополнительного протокола, относятся лица, не принадлежащие ни к одной из таких категорий лиц, как лица, входящие в состав вооруженных сил и военнопленные [5]. Если в отношении какого-либо лица имеется сомнение о принадлежности его к гражданскому населению, согласно указанному Протоколу оно признается таковым, пока не выяснено иное. Также факт нахождения военных лиц среди гражданского населения не лишает данное население его статуса. Все лица, находящиеся на территории вооруженного конфликта, и подпадающие под признаки гражданского населения пользуются защитой Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны и Дополнительными протоколами.

В соответствии со статьей 14 Конвенции о защите гражданского населения во время войны под ее защиту попадают: раненные и больные комбатанты и некомбатанты, престарелые, инвалиды, дети в возрасте до 15 лет, женщины с детьми до 7 лет и гражданские лица, не участвующие в военных действиях и не выполняющие работу военного характера. В Конвенции отмечается, что беременные женщины, инвалиды, раненные и больные пользуются особой защитой. Каждая сторона конфликта обязана защищать данную категорию лиц, предпринимать действия по выявлению раненых, больных и убитых, а также заботиться о том, чтобы к ним относились подобающим образом. Любое лицо, находящееся на территории страны, которая находится в конфликте, или на оккупированной территории, имеет право на связь с семьей для сообщения сведений семейного характера путем ведения переписки, которая должна доставляться без промедлений. Также Конвенцией предусмотрена возможность поиска друг другом членов разлученных войной семей. На данный момент функцию воссоединения семей активно выполняет Международный Комитет Красного Креста. Кроме того, Конвенция наделяет стороны, находящиеся в конфликте, полномочиями установить нейтральные зоны в районах, где идут бои. Такие зоны необходимы для защиты гражданского населения от опасностей военных действий.

В соответствии со статьей 27 Четвертой Женевской конвенции покровительствуемые лица при любых условиях имеют право на гуманное отношение к ним, уважение их чести

и достоинства. Все стороны конфликта обязаны обращаться с гражданским населением исключая дискриминацию, основанную на признаках расы, пола, возраста, состояния здоровья, языка, религии, социального и имущественного положения, гражданства, политических взглядов. Стороны обязаны с уважением относиться к личности, чести, убеждениям и религиозным обрядам всех таких лиц. Согласно указанной Конвенции также запрещены и будут оставаться запрещенными в любое время и в любом месте в условиях вооруженного противостояния следующие действия независимо от того, совершают ли их представители гражданских или военных органов:

- насилие над жизнью, здоровьем и физическим или психическим состоянием лиц;
- убийство;
- пытки всех видов, будь то физические или психические;
- телесные наказания и увечья;
- надругательство над человеческим достоинством, в частности, унижительное и оскорбительное обращение, принуждение к проституции или непристойное посягательство в любой его форме;
- взятие заложников;
- медицинские или научные опыты, которые не вызваны необходимостью врачебного лечения;
- коллективные наказания или угрозы совершить любое из вышеуказанных действий.

Не могут применяться никакие меры принуждения, будь то психические или физические, для получения от гражданских лиц каких-либо сведений. Запрещено любое насилие со стороны властей воюющего государства, запугивание, террор, репрессии. Лицо не может быть наказано за правонарушение, которое оно не совершало. Неправомерное лишение лица его собственности не допускается. Любое лицо имеет право покинуть территорию воюющего государства, если это не противоречит интересам самого государства. Любое лицо, утратившее работу по причине вооруженного конфликта, должно иметь возможность найти иной заработок. Покровительствуемых лиц можно привлекать к работе на общих условиях с гражданами государства, на территории которой он находится. Работающим лицам гарантируется наличие у них прав на заработную плату, на предварительное обучение и различного вида компенсации.

Статья 45 Четвертой Женевской конвенции ведет речь о передаче задержанных. Задержанные покровительствуемые лица могут быть переданы другому государству только при условии, что оно желает и может применять нормы Конвенции. Также лица не при каких обстоятельствах не могут быть переданы в страну, в которой им придется опасаться, что ему будет причинен вред по религиозным или политическим причинам.

Под особой защитой международного гуманитарного права находится такая группа покровительствуемых лиц, как дети. В соответствии с пунктом 2 статьи 77 I Дополнительного протокола запрещается участие в военных действиях детей, не достигших 15 лет. Дети пользуются особым уважением, и им обеспечивается защита от любого рода непристойных посягательств со стороны кого-либо. Конфликтующие стороны обязаны в рамках конвенции обеспечить им защиту и помощь, которые им требуются ввиду их возраста или по любой другой причине. Лица, не достигшие 18 лет, также имеют свои особенные права, определенные в статье 77 I Дополнительного протокола. Формами особой защиты по данной статье является невозможность содержания несовершеннолетних в одном помещении со взрослыми в случаях задержания, ареста или интернирования несовершеннолетнего, а также не приведение в исполнение смертного приговора в отношении несовершеннолетних на момент совершения преступления лиц. Государства должны принимать все необходимые меры по обеспечению детей надлежащим уровнем образования и воспитания. Также регулируются вопросы, связанные с эвакуацией детей в период конфликта. Согласно

статье 78 I Дополнительного протокола ни одна из конфликтующих сторон не должна принимать меры по эвакуации детей, если они не являются ее гражданами, за исключением случаев, если ребенку необходима эвакуация по причинам, связанным с его состоянием здоровья или если они находятся на оккупированной территории.

В соответствии с частью 2 статьи 54 I Дополнительного протокола запрещается нападение, уничтожение, приведение в негодность объектов, необходимых для выживания гражданского населения. Такими объектами являются: объекты водоснабжения и электричества, склады пищевых продуктов, посевы, скот, запасы продовольствия и т.д. Запрещается использовать голод гражданского населения для давления на воюющую сторону.

Под защитой находятся также гражданские больницы. Данные объекты не при каких обстоятельствах не могут подвергаться нападению. Государства обязаны взять эти объекты под свое покровительство. Гражданские больницы должны помечаться эмблемой, которую будет отчетливо видно, а также особыми удостоверениями, в которых будет указано, что данные объекты используются только в целях оказания медицинской помощи. Гражданские больницы лишаются покровительства в случае, если будет выявлено, что они совершают какие-либо действия, направленные против стороны конфликта. Медицинский персонал пользуется особой защитой. Необходимо принять все меры для легкого опознавания другими лицами данного персонала. Любой транспорт, используемый исключительно для перевозки раненых, больных, инвалидов или рожениц не может подвергаться нападению.

Таким образом, можно сделать вывод о неоспоримой важности защиты гражданского населения, как самого уязвимого субъекта вооруженного конфликта. Государства безусловно обязаны оказывать поддержку гражданскому населению, обеспечивать его необходимыми продуктами питания и продовольствием, защищать права и свободы мирного населения. Важную роль в перечне норм международного гуманитарного права в данном случае занимает IV Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны. Учеными подчёркивается необходимость ее точного соблюдения, а также жесткого механизма контроля за выполнением ее положений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Global Conflict Tracker // Карта вооруженных конфликтов мира онлайн URL: <https://www.cfr.org/interactive/global-conflict-tracker?category=us> (дата обращения: 01.02.2020).
2. Давитадзе М.Д. Защита гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов в рамках международного права // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 3. – С. 185 – 191.
3. Санкт-Петербургская декларация 1868 г. об отмене взрывчатых и зажигательных пуль (полный текст) // Официальный сайт МККК URL: <https://www.icrc.org/ru/document/sankt-peterburgskaya-deklaraciya-1868-g-ob-otmene-vzryvchatyh-i-zazhigatelnyh-pul-polnyu> (дата обращения: 01.02.2020).
4. О защите гражданского населения во время войны: IV Женевская конвенция от 12 августа 1949 года // Официальный сайт МККК URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-4.htm> (дата обращения: 02.02.2020).
5. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) // Официальный сайт МККК URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 02.02.2020).

PROTECTION OF CIVILIANS IN INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Annotation. The article deals with legal mechanisms related to the protection of civilians in armed conflicts. The article analyzes international norms that protect this category of persons. Special attention is paid to the provisions of the Geneva Convention relative to the protection of civilian persons in time of war of 1949 and its two additional protocols of 1977.

Keywords: International humanitarian law, civilian population, armed conflict, Fourth Geneva Convention, Additional Protocol.

Bugaeva P.

Scientific adviser: Savchenko A., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: bugaeva_polina@mail.ua

УДК 342.951

О ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Булавко О.В.

*Научный руководитель: Сынкova Е.М., проф., д.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности правового регулирования охраны общественного порядка и общественной безопасности. Обосновано, что охрана общественного порядка непосредственно связана с обеспечением прав человека, которые являются одной из наивысших социальных ценностей. Обосновано, что обеспечение общественного порядка как функция государства включает совокупность различных форм, методов и способов реализации, таких, как а) деятельность специальных органов государства и общественных организаций; б) социальное и правовое обеспечение общественного порядка, обеспечение нормальных условий для жизни, отдыха и труда физических лиц; в) различные виды юридической, а также моральной ответственности за нарушение общественного порядка.

Ключевые слова: государственные служащие, помощник судьи, резерв, полномочия государственных служащих, принципы деятельности государственных служащих.

В современном административном законодательстве под общественным порядком как объектом правонарушения понимается система общественных отношений, которая призвана обеспечивать общественное спокойствие, нормальные условия жизнедеятельности граждан, а также нормальную работу предприятий, учреждений и организаций. В связи с тем, что охрана общественного порядка является одним из главных показателей жизни населения, в законодательстве регламентируется ответственность за правонарушения и преступления в сфере общественного порядка в той степени, в которой это необходимо.

Целью исследования является анализ административно-правовых основ охраны общественного порядка в Донецкой Народной Республике.

Различные вопросы изучения и использования мирового опыта уголовно-правовой охраны общественного порядка в той или иной степени освещались в работах А. В. Губанова, Б. С. Крылова и других ученых, которыми был проведен исторический и правовой анализ концептуальных основ охраны общественного порядка в европейских государствах, определены основные причины избрания развитыми странами пути децентрализации правоохранительных функций.

Необходимость охраны общественного порядка впервые была обоснована в работах французского ученого Деламаара (градоначальник Парижа при короле Людовике XIV). В своем «Трактате полиции» он характеризовал полицейскую деятельность как важную сферу государственной деятельности, направленную на охрану порядка в общественных местах и прекращение проявлений «кулачного» права, основанного на своеволии. Однако, понятие «охрана общественного порядка» впервые стало использоваться во Франции в начале XIX века после проведения наполеоновских реформ, когда состоялось разграничение между уголовной полицией и административной, на которую возлагалась обязанность «охранять общественный порядок в каждой местности» [1; 2].

При исследовании сущности охраны общественного порядка, В.А. Кузнецов подчеркивает, что это одна из важнейших подсистем охранительной сферы жизнедеятельности общества, где с помощью специфических правовых форм, институтов и методов обеспечивается только функционирование государства и его институтов, но и такие функции, как регулирование и защита общественных отношений и социального качества – физического и духовного – личности, социальных групп и общества в целом от влияния воздействующих на них неблагоприятных с точки зрения общества процессов и явлений [3, с.119].

Сферу общественного порядка составляют преимущественно отношения, которые формируются и развиваются в общественных местах, к которым относятся, в первую очередь, места проживания, общего отдыха и труда, а также взаимодействия людей с целью удовлетворения различных жизненных потребностей. Наряду с различной трактовкой общественного порядка в законодательстве и юридической литературе его понятие используются и в более узких значениях, прежде всего в практической деятельности по охране общественного порядка, когда рассматривается не вся система общественных отношений, а лишь отдельная совокупность отношений, возникающих в отдельных сферах общественной жизни.

Общественный порядок направлен на обеспечение безопасности граждан, защиту их прав и свобод, охрану всех форм собственности, нормальные условия труда и быта. Охрана общественного порядка непосредственно связана с обеспечением прав человека, которые в соответствии с Конституцией ДНР определяются как одна из наивысших социальных ценностей. Поэтому преступления против общественного порядка признаются опасными для общества. В основе охраны общественного порядка находится естественное право людей на жизнь и ее защиту, закрепленное Конституцией ДНР. Поэтому общественный порядок отнесен законодателем к числу основополагающих ценностей (объектов), правовое обеспечение охраны которых является задачей административного и уголовного законодательства, а в его Особенной части предусмотрена ответственность за посягательство на этот объект.

Проблемы общественного порядка всегда были и остаются актуальными для человека, общества, человечества. В связи с тем, что охрана общественного порядка является самой необходимой из потребностей, одним из главных показателей жизни, в законодательстве регламентируется ответственность за правонарушения и преступления в сфере общественного порядка в той степени, в которой это необходимо.

Важнейшим субъектом реализации правоохранительной деятельности в сфере общественного порядка выступает государство, которое имеет в распоряжении большой арсенал организационных и юридических средств обеспечения правопорядка. Субъектом правоохранительной деятельности наряду с государством может выступать и отдельный гражданин, либо социальный коллектив, и, в этом случае деятельность по общественному порядку приобретает характер общественной деятельности.

Обеспечение общественного порядка как функция государства включает совокупность различных форм, методов и способов реализации, в частности:

а) деятельность специальных органов государства (прокуратуры, внутренних дел, суда, службы безопасности и т.п.) и общественных организаций (общественных формирований по охране общественного порядка);

б) социальное и правовое обеспечение общественного порядка, обеспечение нормальных условий для жизни, отдыха и труда физических лиц,

в) различные виды юридической, а также моральной ответственности за нарушение общественного порядка.

Содержание деятельности по охране общественного включает следующие виды деятельности:

а) предупредительную, профилактическую (осуществление государственного контроля в форме инспекций и проверок; реализация мер по предупреждению правонарушений; разрешительная деятельность; осуществление взаимодействия с населением);

б) осуществление охранительной деятельности, направленной на обеспечение охраны общественного порядка, в том числе в экстремальных, опасных и чрезвычайных условиях;

в) осуществление предварительного следствия и дознания для выявления обстоятельств возникновения уголовных ситуаций и совершения преступлений;

г) реализация мер оперативно-розыскного характера [1]

Содержание деятельности в сфере охраны общественного порядка определяется формами и методами субъектов охраны, содержанием их деятельности, а также их функциями. В зависимости от характера и правовых последствий деятельности субъектов охраны общественного порядка выделяют две основных группы форм деятельности по охране общественного порядка: а) в общих чертах организационные, не имеющие юридического характера и правовых последствий; б) правовые, которые устанавливают правила поведения и порождают возникновение, изменение, реализацию, прекращение административно-правовых отношений или определенных правовых последствий. Следовательно, как видим, целью охраны общественного порядка является обеспечение социального благоустройства, нормального развития общества, стабильности политической и экономической систем, эффективности правовых форм регулирования общественных отношений в разных сферах жизни. Ведь правовая основа охраны общественного порядка является важнейшим элементом в системе мероприятий из обеспечения правопорядка в стране.

Характеризуя понятие правовой охраны общественного порядка следует исходить из того, что – это подзаконная исполнительно-распорядительная деятельность государственных, правоохранительных органов, местного самоуправления и населения, целью которой является создание условий для обеспечения законных интересов, свобод и прав физических и юридических лиц, защиты этих прав, создания для широкой общественности условий правового комфорта, которые заключаются в недопущении нарушения законных интересов, прав и свобод лиц в общественных местах, а, также в обеспечении административного надзора и применении средств административного принуждения к правонарушителям режима общественного порядка [2].

В то же время изучение практики взаимодействия государственных и правоохранительных органов и населения позволяет выявить наличие проблемы: с одной стороны, возрастает потребность в совершенствовании взаимодействия правоохранительных органов и общественности, а с другой, – сложившийся на сегодняшний день уровень этого сотрудничества нельзя считать полностью соответствующим современным условиям развития РФ как демократического государства [3].

Законодательство, направленное на борьбу с административными правонарушениями в сфере общественного порядка, призвано обеспечить устойчивость в обществе. Основу современного законодательства о правонарушениях, направленных против общественного порядка составляют общепризнанные принципы, закрепленные в нормах международного права, законодательство в сфере уголовно-правовой и административно-правовой охраны общественного порядка.

Формирование государственной правовой доктрины в сфере обеспечения охраны общественного порядка может рассматриваться как многомерный и сложный процесс, который ориентирован на развитие, формирование и совершенствование законодательства в сфере организации охраны общественного порядка, средств, механизмов и инструментов ее обеспечения. В процессе становления демократического

государства и развития общественных отношений необходимость реформирования административно-правовой доктрины в сфере обеспечения охраны общественного порядка возрастает, что связано с необходимостью повышения эффективности общественных отношений, стабильности их функционирования и реформирования структуры, функций и полномочий всех органов, в компетенцию которых входит реализация публичной функции по обеспечению общественного порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин Ю.И., Силантьев В.В. Применение сотрудниками полиции физической силы в ходе обеспечения общественного порядка при групповых нарушениях общественного порядка //Modern Science. 2019. № 10-3. С. 129-135.
2. Литвинов В.А. Основы национальной безопасности России / В.А. Литвинов. – М.: Ленанд, 2016. – 320 с.
3. Атаев Р.А., Шанько В.В., Стецун М.Ю. Организационные и правовые основы охраны общественного порядка и общественной безопасности при проведении спортивных мероприятий //Юрист-Правоведь. 2019. № 1 (88). С. 36-40.
4. Кузнецов В.А. Детерминанты и предупреждение наиболее опасных преступлений против общественной безопасности и общественного порядка // Молодой ученый. 2019. № 45 (283). С. 119-122.
5. Новичкова Е.Е., Толстикова Э.Р. Отдельные вопросы охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры полицией на транспорте // Правопорядок: история, теория, практика. – 2020. – № 1 (24).– С. 86-90.

ON LEGAL FRAMEWORKS OF PUBLIC LAW AND PUBLIC SAFETY ENFORCEMENT

Annotation. In the article features are considered legal regulation of public law and public safety enforcements. It is grounded, that public law enforcement is directly related to providing of human rights which are one of the greatest social values. It is grounded, that providing of public peace as a function of the state includes the aggregate of different forms, methods and methods of realization, such, as and) деятельность special organs of the state and public organizations; б) социальное and legal providing of public peace, providing of normal terms for life, rest and labour of physical persons; in) different kinds legal, and also to moral responsibility for a public nuisance.

Keywords: civil servants, assistant judge, reserve, plenary powers of civil servants, principles of activity of civil servants.

Bulavko O.

Scientific adviser: Synkova E., Prof. Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: admfinpr@mail.ru

УДК 343.14

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ МАТЕРИАЛОВ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ

Вакуленко А.П.

*Научный руководитель: Левендаренко О. А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматриваются проблемы, новшества, перспективы использования в доказывании по уголовным делам материалов следственной проверки.

Ключевые слова. Следственная проверка, доказывание, следственные действия.

На современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства особое внимание уделяется проблемам производства следственных действий,

обеспечения безопасности участников процесса, использования в доказывании объяснений опрошенных лиц. Материалы «доследственной проверки» являются очень актуальными, способствуют сбору важнейших сведений о произошедшем событии, однако не всегда они могут быть получены с такими же процессуальными гарантиями их достоверности, как сведения, собираемые в ходе предварительного расследования.

Вопросы использования в доказывании материалов «доследственной проверки», сообщения о совершенном преступлении можно с полной уверенностью можно отнести к числу наиболее актуальных, востребованных, интересных и наименее урегулированных в уголовно-процессуальном доказательственном праве. Лаконичность норм, регламентировавших «доследственную проверку», способствовала существованию научной дискуссии и неоднозначности складывающейся судебной практики [1].

Для конкретизации действий дознавателя необходимо сформировать перечень познавательных средств, которыми располагает следователь (дознаватель), рассматривающий сообщение о совершенном преступлении.

Ст. 116 УПК ДНР регламентирует порядок производства дознания по уголовным делам. В ч.1 данной статьи указано, что при наличии признаков преступления, не являющегося тяжким, орган дознания возбуждает уголовное дело и, руководствуясь правилами уголовно-процессуального закона, проводит следственные действия до установления лица, его совершившего. После этого орган дознания, соблюдая сроки, предусмотренные частью 1 статьи 120 УПК ДНР, составляет постановление о передаче дела следователю, которое направляет прокурору для утверждения. При необходимости орган дознания проводит осмотр места происшествия до возбуждения уголовного дела в порядке, предусмотренном статьей 206 настоящего Кодекса [2].

В УПК Российской Федерации следственные действия, производство которых возможно в не терпящих отлагательства случаях, еще до возбуждения уголовного дела подробно регламентированы, поэтому они в наибольшей степени обеспечивают достоверность получаемых сведений, защищая при этом и права участников судопроизводства от возможных нарушений. К их числу отнесены:

- осмотр места происшествия, документов и предметов (ч. 2 ст. 176 УПК РФ),
- осмотр трупа (ч. 4 ст. 178 УПК РФ),
- назначение и производство судебной экспертизы (ч. 1 ст. 144 УПК РФ),
- производство документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, а также право привлекать к участию в этих действиях специалистов (ч. 1 ст. 144 УПК РФ),
- получение объяснений лиц, осведомленных о значимых обстоятельствах происшествия,
- оперативно-розыскные мероприятия, проводимые органом дознания на основании обязательного для исполнения письменного поручения следователя (дознавателя),
- право следователя (дознавателя) на получение образцов для сравнительного исследования еще до возбуждения уголовного дела прямо предусмотрено в ч. 1 ст. 144 УПК РФ,
- истребование у соответствующих юридических или физических лиц предметов и документов,
- освидетельствование (ч. 1 ст. 179 УПК РФ).[3]

При производстве осмотра места происшествия следователь (дознаватель) должен не только самым добросовестным образом, с использованием криминалистических рекомендаций, изучить и отразить в протоколе обстановку места происшествия, выявить и зафиксировать следы преступления, изъять значимые для дела предметы. Очень важно, чтобы следователь также правильно определил состав участников осмотра, а допустив к участию в нем одного из очевидцев происшествия, выслушал и точно зафиксировал его

пояснения. Это не только поможет в поиске следов преступления, но и позволит использовать сами пояснения в дальнейшем доказывании, при этом важно точно соблюсти процессуальную форму фиксации полученных материалов [4].

При проведении экспертизы имеется одна особенность, которая должна учитываться правоприменителем. Дело в том, что, согласно ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению. Данная норма предписывает, что назначая экспертизу, следователь не должен разрешать эксперту применение разрушающих методов, приводящих к уничтожению объекта исследования, иначе производство дополнительной или повторной экспертизы станет невозможным, что нарушит права стороны защиты и потерпевшего, предоставленные им ст. 198 УПК РФ.

Перечень следственных действий, производство которых допускается при доследственной проверке, уже неоднократно корректировался законодателем, поэтому не исключены дальнейшие изменения законодательства с учетом новых теоретических разработок ученых и потребностей практики. Целесообразным было бы несколько расширить существующий перечень следственных действий в УПК ДНР, допустив в ходе «доследственной проверки» допрос заявителя и очевидцев происшествия, производство судебной экспертизы, производство документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, а также право привлекать к участию в этих действиях специалистов. Данные дополнения способствовали бы процессуальной экономии и соблюдению разумного срока судопроизводства. В зависимости от конкретных обстоятельств каждого сообщения о преступлении правоприменитель выбирает то или иное указанное выше средство проверки такого сообщения или их определенную совокупность. При этом дознаватель или следователь получает право на производство всех неотложных следственных действий, на выдвижение и одновременную проверку всех возможных версий и т.д.

Вопрос о доказательственном значении материалов, собранных в ходе «доследственной проверки» представляет огромный интерес в рассматриваемой теме. Возможность их использования в доказывании в советские времена, когда действовал УПК РСФСР 1960 г., не вызывала сомнений ни у правоприменителей, ни у большинства ученых. Характерная позиция по этому вопросу, изложенная в одной из фундаментальных монографий тех лет, звучит так: «В процессе проверочных действий органа, разрешающего вопрос о возбуждении уголовного дела, нередко поступают различные заявления и объяснения граждан, объяснения (рапорты) должностных лиц об известных им обстоятельствах дела».[5]

То обстоятельство, что заявление или объяснение содержит фактические данные об обстоятельствах, которые должны стать предметом допроса заявителя, не лишает самостоятельного доказательственного значения поступившее заявление или объяснение, так же как необходимость производства экспертизы не устраняет само по себе доказательственное значение акта ревизии. Было бы неправильно игнорировать документы, собранные в стадии возбуждения уголовного дела, они должны использоваться в качестве доказательств при дальнейшем расследовании.[6] Учеными верно замечено, что еще до возбуждения уголовного дела данные о преступлении устанавливаются действиями процессуального характера и неизбежно приобретают обусловленную этими действиями процессуальную форму. Если же исходить из того, что вопрос о возбуждении уголовного дела решается по внепроцессуальным материалам, лишенным доказательственной силы, то нужно признать, что процессуальная форма действий, посредством которых эти материалы собираются, ничему не служит и превращается в формальность.[7] Расхождение позиций процессуалистов по вопросу о доказательственной ценности материалов

«доследственной проверки» нашли свое отражение не только в научной дискуссии, но и в правоприменительной практике. Судьи нередко признавали те или иные сведения, содержащиеся в таких материалах недопустимыми доказательствами. В марте 2013 г. в УПК РФ внесена норма, которая призвана поставить точку в затянувшейся дискуссии. Теперь в законе (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ) прямо указано, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ. Иными словами, законно полученные в ходе «доследственной проверки» материалы имеют признанный статус уголовно-процессуальных доказательств. Дополнительным аргументом, подтверждающим подобный вывод, могут служить положения гл. 32.1 УПК РФ, регламентирующие новый отечественный процессуальный институт – дознание в сокращенной форме. В ст. 226.5 УПК РФ установлены особенности доказывания при производстве такого дознания.

Подводя итог можно сделать вывод о необходимости дополнить УПК ДНР следующими положениями:

– во-первых, материалы «доследственной проверки» имеют самостоятельное доказательственное значение и в соответствии с принципом свободной оценки доказательств могут играть важную роль для точного установления значимых обстоятельств совершенного преступления.

– во-вторых, при производстве предварительного расследования в виде дознания в сокращенной форме доказательственная база обвинения почти полностью состоит из названных материалов, т.е. они приобретают значение ключевых доказательств по делу.

– в-третьих, сами средства, используемые следователем (дознавателем) при производстве «доследственной проверки», нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрухин, И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. – Ч. II. – М.: ТК Велби, 2005. – 192 с.
2. Уголовно процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики: Закон от 20 сентября 2018 год № 240-ПНС (ред. от 29.11.2019) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsesualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 15.01.2020).
3. Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации: Закон от 18 декабря 2001 год N 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.01.2020).
4. Халиков, А. Н. Вопросы оптимизации досудебного производства // Российская юстиция. – 2006. – № 9. – 51 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : Закон от 01 января 1970 год (ред. от 18.05.1995) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010093&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 15.01.2020).
6. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина; изд. 2-е. – М.: Юридическая литература, 1973. – 736 с.
7. Белоусов, А. В. Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений. – М.: Юрлитинформ. – 2001. – 174 с.

USE OF PRELIMINARY INSPECTION MATERIALS IN CRIMINAL CASES

Annotation. This paper discusses the problems, innovations, prospects of using materials of pre-trial verification in proving criminal cases.

Keywords: subsequent verification, proving, investigative actions.

Vakulenko A.

Scientific adviser: Levendarenko O., Candidate of Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: leha.vakulenko@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЕЙ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Варвашеня А.В.

*Научный руководитель: Савельева В.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассматриваются возможные практические аспекты допроса свидетеля в арбитражном процессе Донецкой Народной Республики с целью получения точной и правдивой информации. По мнению автора, работа со свидетелем в судебной системе Донецкой Народной Республики в рамках современного арбитражного процесса может существенно повлиять на качество рассмотрения арбитражных дел судом.

Ключевые слова: допрос свидетелей, арбитражный процесс, арбитражное судопроизводство.

Согласно Постановлению Правительства Донецкой Народной Республики «О применении Законов на территории Донецкой Народной Республики в переходный период» на территории Донецкой Народной Республики действует Хозяйственно-процессуальный кодекс Украины. В данном кодифицированном законе отсутствуют нормы, которые закрепляют применение свидетельских показаний в арбитражном процессе. В связи с этим возникает проблема: действительно ли институт свидетельских показаний необходим в арбитражном процессе Донецкой Народной Республики, и как он повлияет на полноту и всесторонность рассмотрения арбитражных дел в суде. Для того чтобы всецело в этом разобраться, рассмотрим законодательство Российской Федерации в вопросе практики применения свидетельских показаний в арбитражном процессе.

Допрос свидетелей в арбитражном процессе Российской Федерации является одним из общих судебных действий, суть которого состоит в том, чтобы получить и зафиксировать, в порядке, установленном законом, свидетельские показания об известных фактах, обстоятельствах, которые важны в рамках арбитражного дела.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает понятие свидетеля как участника арбитражного процесса. В соответствии с этим законодательным актом свидетель назначает третье лицо, которое не является стороной, заявителем или участником, заинтересованным в процессе, прокурором или любым другим представителем государственного или муниципального органа. Такое лицо, как правило, является гражданином, имеющим информацию, относящуюся к рассматриваемому делу.

Свидетель – любое лицо, которое было вызвано в суд хотя бы один раз, чтобы получить в ходе слушания доказательства, необходимые для дальнейшего разбирательства и установления истины. Участником судебного процесса может быть любой, кто вызван в суд для дачи показаний, независимо от стадии разбирательства. [1]

Показания свидетелей в арбитражном процессе играют меньшую роль, чем в гражданском. В арбитражных спорах важную роль играют вещественные и письменные доказательства, объяснения сторон, экспертизы и т. д. Данные доказательства часто имеют решающее значение, но иногда свидетельские показания раскрывают важные обстоятельства, влияющие на ход дела, а иногда небольшая деталь в словах свидетеля влияет на результат экспертизы.

Права и обязанности свидетеля устанавливаются в рамках арбитражного процессуального законодательства Российской Федерации. Свидетель имеет следующие обязанности:

– давать только правдивые доказательства. Важно, чтобы во время допроса свидетель сообщил всю информацию, известную ему по делу, и ответил на все заданные вопросы;

- по требованию суда свидетель должен представить все свои заметки и документы;
- свидетель, как и любой другой участник процесса, должен соблюдать порядок в зале суда;
- свидетель должен выполнять все распоряжения председательствующего судьи;
- за дачу ложных показаний в арбитражном процессе свидетель может нести уголовную ответственность;
- выполнять все распоряжения председательствующего судьи.

На законодательном уровне существует лишь несколько ситуаций, в которых неявка свидетеля может быть признана уважительной:

- болезнь, из-за которой свидетель не может явиться в суд;
- болезнь члена семьи, если невозможно поручить заботу о нем другому лицу;
- несвоевременная доставка повесток;
- невозможность явки в суд из-за стихийных бедствий.

Почему некоторые российские суды принимают свидетельские показания, в то время как другие отклоняют их, и какие аргументы убедят суд в том, что допрос свидетеля необходим?

Согласно ст. 88 АПК РФ свидетельские показания являются разновидностью доказательств в арбитражном процессе и подлежат оценке судом наравне с другими доказательствами. Оставление их судом без оценки может послужить основанием для отмены судебного акта.

При этом суд вызывает свидетеля как по ходатайству стороны в деле (ч. 1 ст. 88 АПК РФ), так и по собственной инициативе (ч. 2 ст. 88 АПК РФ). Суд может отклонить просьбу стороны и удовлетворить ее. Как показывает анализ судебных споров, заявления чаще всего отклоняются судом. Причин может быть несколько, и мы используем примеры из практики для их иллюстрации.

Так, в деле о взыскании неосновательного обогащения по договору на выполнение строительно-монтажных работ арбитражный суд Уральского округа отклонил ходатайство о вызове свидетеля, поскольку вызов свидетеля относится к праву суда, которое он реализует, если с учетом всех обстоятельств дела придет к выводу о необходимости осуществления такого процессуального действия для правильного разрешения спора. В текущем деле стороны предоставили большой объем письменных доказательств, и поэтому необходимость допроса свидетелей отсутствовала [2].

В другом споре, касающемся внесения долга в реестр требований кредиторов, арбитражный суд Московского округа отклонил необходимость вызова свидетеля – бывшего главного исполнительного директора должника, установив, что эти доказательства не соответствуют требованиям объективности и достоверности, учитывая, что договор на оказание услуг и акт приемки выполненных должником работ были подписаны свидетелем [3].

В третьем случае о взыскании убытков в контексте бездоговорного потребления энергии арбитражный суд Западно-Сибирского округа отклонил ходатайство о вызове свидетеля, поскольку показания являются недопустимыми доказательствами для установления наличия или отсутствия бездоговорного потребления, но в то же время приобщил письменные доказательства, поименованных ответчиком как свидетелей [4].

Суды могут отказать в допросе лица в качестве свидетеля и исходя из необходимости использования их показаний в качестве других видов доказательств. Например, арбитражный суд Дальневосточного округа отклонил ходатайство о допросе в качестве свидетелей указанных истцом лиц ввиду того, что названные лица, являясь работниками сторон в деле, вправе давать пояснения в суде в порядке статьи 81 АПК РФ в качестве представителей на основании доверенности. Кроме того, заявленный в

ходатайстве в качестве свидетеля представитель администрации района ранее участвовал в судебном заседании по настоящему делу от лица истца по доверенности [5].

Процессуальные «технические» ошибки в ходатайствах также приводят к отказу вызова свидетеля. В соответствии с ч. 1 ст. 88 Арбитражного кодекса Российской Федерации, просьба о назначении свидетеля должна содержать данные о его фамилии, имени и отчестве (при наличии) свидетеля и его места жительства. Отсутствие таких данных послужило основанием для отказа допроса свидетеля в арбитражном суде Дальневосточного округа [6].

Необоснованный отказ суда от вызова свидетеля может, в свою очередь, служить основанием для отмены судебного акта, но для этого показания свидетеля должны иметь важное значение при разрешении спора.

Отменяя судебные акты и отправляя дело на новое рассмотрение, арбитражный суд Московского округа отметил: суды недостаточно выяснили объем полномочий Ч. на получение от подрядчика оспариваемых актов, что можно было сделать путем вызова Ч. в качестве свидетеля, и истцом ходатайство об этом заявлялось, но суд отклонил его на основании якобы отсутствия необходимости в допросе Ч. Между тем в актах, приложенных к письму, отправленному истцом ответчику, стоит подпись Ч. об их получении, но оценка судом данному факту не дана. При этом суд не принял во внимание факт наличия в материалах дела документов, из которых усматривается, что ответчиком принимались различные работы от истца, на которых имеются, в частности, подписи должностных лиц почтовой связи, удостоверенные печатью филиала ответчика [7].

Как видно из приведенных выше примеров, вызов свидетеля для допроса на самом судебном процессе может быть затруднительным, но это не так уж плохо, вторая половина отвергает показания свидетеля, вызванного в качестве неприемлемых доказательств по делу.

Во время допроса свидетелей также возникают процессуальные нарушения, для которых эти доказательства становятся неприемлемыми. Например, в налоговом споре свидетельские показания арбитражным судом Северо-западного округа были отклонены, поскольку свидетеля не предупредили об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и заведомо ложные показания, и это послужило одной из причин отмены решения суда [8].

С помощью примеров судебной практики Российской Федерации, нами была выявлена неоднозначность использования свидетельских показаний при рассмотрении арбитражных споров, так как в некоторых случаях, свидетельские показания могут действительно оказать большое значение при рассмотрении дела, если другие доказательства не раскрывают всю суть появившегося спора, и наоборот, отпадает необходимость в свидетельских показаниях, если другие доказательства всесторонне и полно располагают суть арбитражного дела. Не смотря на выявленные недостатки применения свидетельских показаний в арбитражном процессе Российской Федерации, в Донецкой Народной Республике при разработке собственного Арбитражно-процессуального кодекса необходимо внести нормы, касающиеся правового статуса свидетеля в арбитражном процессе, а также правовые нормы использования свидетельских показаний в суде, так как это поможет в дальнейшем полно и всесторонне рассматривать арбитражные дела судом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Репникова М. С. Институт свидетельских показаний в российском законодательстве // Молодой ученый. – 2017. – №16. – С. 362-364. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/150/42366/> (дата обращения: 10.02.2020).
2. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.09.2015 №Ф09-6096/15 по делу № А60-56499/2014). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=165420#06125027041078825>

3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.06.2016 № Ф05-15883/2015 по делу №А40-188653/14. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=330232#027564750903591073>
4. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.04.2016 №Ф04-1527/2016 по делу № А81-2964/2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/38187993/>
5. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 02.06.2015 № Ф03-1834/2015 по делу N А73-14883/2014 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/37155589/>
6. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 10.12.2010 №Ф03-8811/2010 по делу № А73-14304/2009). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://resheniya-sudov.ru/2010/39105/>
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.12.2015 № Ф05-17499/2015 по делу №А40-216854/14. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=236235#04650897793980484>
8. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 12.04.2006 по делу № А42-3823/2005. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/sev-zap/54946>

FEATURES OF QUESTIONING WITNESSES IN THE ARBITRATION PROCESS

Annotation. The article discusses the practical aspects of questioning a witness in court in order to obtain accurate and truthful information. The author draws attention to the psychological characteristics and tactics of questioning witnesses. According to the author, the work with a witness in the judicial system in the modern arbitration process can and should be significantly improved.

Keywords: interrogation of witnesses, arbitration process, arbitration proceedings.

Varvashenya A.

Scientific adviser: Saveleva V., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: artem57689@gmail.com

УДК 347.191.5

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Варвашеня А.В.

Смирнова Е.В., ст. преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Аннотация. В данной работе рассматриваются основные проблемы, возникающие при реализации юридическим лицом своего права на защиту деловой репутации. В частности, автор акцентирует внимание на отсутствии соответствующей дефиниции в законодательстве, единого подхода к пониманию природы деловой репутации юридического лица среди ученых, и единого подхода в решении дел данной категории судами.

Ключевые слова: деловая репутация юридического лица, репутационный вред, моральный вред.

На сегодняшний день в законодательстве отсутствует дефиниция «деловая репутация юридического лица». В тоже время, проводя комплексный анализ норм гражданского законодательства, можно говорить о том, что деловая репутация юридического лица представляет собой нематериальное, неотчуждаемое благо.

Актуальность рассматриваемой темы связана с тем, что развитие предпринимательской и коммерческой деятельности вывело юридических лиц на кардинально новый уровень. Конкуренция в бизнесе нередко становится недобросовестной, в связи с чем используются различные методы влияния на конкурентов, в том числе и распространение порочащих сведений о том или ином субъекте хозяйствования.

Целью данной работы является определение понятия деловой репутации юридического лица, а также способов и порядка ее защиты.

Право на защиту деловой репутации юридического лица прямо закреплено в гражданском законодательстве. В соответствии со ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации право на защиту деловой репутации юридического лица уравнивается с правом на защиту деловой репутации физического лица (исключение составляет только невозможность компенсации морального вреда в первом случае) [1]. Аналогичная позиция содержится в ч. 11 ст. 197 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики [2].

Что касается определения понятия «деловая репутация», причем как физического, так и юридического лица, в научной литературе существует большое количество различных точек зрения. Во-первых, цивилисты рассматривают данное понятие в широком и узком смысле. Так, под деловой репутацией в широком смысле принято понимать положительную оценку общества, которая дается профессиональным, служебным и деловым качества физических и юридических лиц, как участвующих в деловом обороте, так и исключенных из него. В узком смысле деловая репутация представляет собой положительную оценку деловых качеств участников делового оборота [3, с.79 – 80].

По мнению Малеиной М.Н. деловая репутация юридического лица представляет собой определенный «набор качеств и оценок, с которыми их носитель ассоциируется в глазах своих контрагентов, клиентов, потребителей, коллег, поклонников (для шоу-бизнеса), избирателей (для выборных должностей) и персонифицируется среди других профессионалов в этой области деятельности [4, с. 206]. Таким образом, в данном случае можно говорить о том, что деловая репутация юридического лица – это представление субъектов права друг о друге, складывающееся в процессе заключения сделок.

Сахапов Ю.З. считает, что деловая репутация юридического лица имеет информационную природу, которая выражается в том, что она представляет собой сведения о деловом потенциале субъекта предпринимательской деятельности, которые могут получить третьи лица. Он определяет деловую репутацию субъектов предпринимательской деятельности как основанную на публичной оценке информацию (совокупность сведений и данных) о деловом потенциале субъекта предпринимательской деятельности [5, с 7–8].

Дьяченко Е.М. считает, что термин «деловая репутация» не может применяться к участникам делового (предпринимательского) оборота, к ним необходимо применять термин «коммерческая репутация», под которым следует понимать деловую репутацию коммерческого юридического лица, представляющую собой общественную оценку его деловых качеств, имеющих значение в сфере предпринимательской деятельности для её успешного осуществления [6, с. 118–120]. Тимерханов А.А., напротив, утверждает, что деловой репутацией могут обладать только юридические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, для которых деловая репутация носит имущественный характер, может быть оценена в денежном выражении, является конкурентным преимуществом и используется в целях извлечения прибыли [7, с. 2–3].

Таким образом, понятие деловой репутации юридического лица отсутствует как в научной доктрине, так и в законодательстве, и в судебной практике. Это, в свою очередь, влечет за собой расхождение в решениях суда о защите деловой репутации в части применения способов защиты, а также расчета причиненного ущерба.

Законодательством предусмотрены следующие способы защиты чести, достоинства и деловой репутации юридических лиц:

1. удаление информации, содержащей сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию;
2. пресечение или запрещение дальнейшего распространения сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, путем изъятия и уничтожения

без какой бы то ни было компенсации, изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения;

3. удаление информации в сети Интернет.

Проблема заключается в том, что физическое лицо, в случае посягательств на его честь, достоинство и деловую репутацию имеет право на компенсацию морального вреда, а юридическое лицо, в соответствии с ч. 11 ст. 152 ГК РФ – нет.

Противоположная позиция содержится в законодательстве Украины. Так, в соответствии со ст. 23 Гражданского кодекса Украины, моральный ущерб состоит в унижении чести и достоинства физического лица, а также деловой репутации физического или юридического лица [8]. Лицо имеет право на возмещение морального ущерба, причиненного вследствие нарушения его прав.

ГК ДНР также не содержит определения деловой репутации юридического лица, а также способов защиты нарушенной деловой репутации. Соответственно, к защите деловой репутации могут применяться общие способы защиты гражданских прав.

Деловая репутация юридического лица является нематериальным благом, однако с другой стороны именно деловая репутация может выступать предметом договорных отношений. Примером этого может служить договор коммерческой концессии. Согласно ч. 2 ст. 1027 ГК РФ, договор коммерческой концессии предусматривает использование комплекса исключительных прав, деловой репутации и коммерческого опыта правообладателя в определенном объеме (в частности, с установлением минимального и (или) максимального объема использования), с указанием или без указания территории использования применительно к определенной сфере предпринимательской деятельности (продаже товаров, полученных от правообладателя или произведенных пользователем, осуществлению иной торговой деятельности, выполнению работ, оказанию услуг).

Принимая во внимание положения вышеуказанной статьи можно говорить об отчуждаемости деловой репутации юридического лица и как следствие о возможности ее оценки. Так, согласно Положению по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов», утвержденному Приказом Министерства финансов Российской Федерации от 27.12.2007 г. № 153н, в составе нематериальных активов учитывается также деловая репутация, возникшая в связи с приобретением предприятия как имущественного комплекса (в целом или его части). Для целей бухгалтерского учета стоимость приобретенной деловой репутации определяется расчетным путем как разница между покупной ценой, уплачиваемой продавцу при приобретении предприятия как имущественного комплекса (в целом или его части), и суммой всех активов и обязательств по бухгалтерскому балансу на дату его покупки (приобретения) [9].

Таким образом, в хозяйственном обороте деловая репутация юридического лица имеет свою «стоимость» и юридическое лицо, деловой репутации которого был нанесен ущерб, имеет право требовать возмещения такого ущерба. То есть, по своей сути деловая репутация юридического лица имеет двойственную природу, которая заключается в том, что с одной стороны эта правовая категория относится к нематериальным неотчуждаемым благам (если проводить параллель с деловой репутацией физического лица), а с другой стороны имеет свою «стоимость» и может быть отчуждена.

В законодательстве отсутствует определение такого вида ущерба, а в научной литературе существует немало наименований данного ущерба: «вред деловой репутации», «моральный вред, причиненный юридическому лицу», «неимущественный вред», «нематериальный вред», «репутационный вред» [10]. На сегодняшний день, в виду отсутствия закрепленного в законодательстве понятия, в судебной арбитражной практике используется именно термин «репутационный вред», однако вместе с тем, судебной практикой еще не выработана характеристика указанного понятия. В связи с

этим, суды нередко отклоняют иски о компенсации такого вреда, мотивируя это отсутствием доказательной базы, подтверждающей причинение такого вреда. Истцу достаточно проблематично доказать то, что вследствие неправомерных действий третьих лиц пострадала его деловая репутация, что отразилось на оттоке инвестиций или уменьшении количества клиентов. Проблему составляет и доказывание причинно-следственной связи между деянием ответчика и негативными последствиями для деловой репутации истца. Таким образом, в подобных делах решение может выноситься исключительно на основании мнения суда (судьи).

В тех же случаях, когда по делу о возмещении репутационного вреда суд принимает решение об удовлетворении исковых требований, разрешению подлежит еще один вопрос, связанный с размером возмещенного вреда. В действующем законодательстве, как РФ, Украины, так и ДНР, отсутствуют нормы, регулирующие порядок, способы и размер компенсации репутационного вреда.

Анализируя судебную практику, можно говорить о том, что на размер компенсации репутационного вреда влияют такие факторы:

- 1) характер нарушения деловой репутации юридического лица;
- 2) каким образом и способом порочащая деловую репутацию юридического лица информация была распространена;
- 3) степень вины распространителя порочащих сведений (как правило данный критерий применяется к информации, размещенной в сети Интернет).

Таким образом, на сегодняшний день в действующем законодательстве отсутствует понятие «деловая репутация юридического лица». Это, в свою очередь, приводит к ряду затруднений, связанных с реализацией прав на защиту. Единого подхода к пониманию природы деловой репутации юридического лица нет и в научной доктрине. На наш взгляд, деловая репутация юридического лица представляет собой оборотоспособный объект, имеющий стоимостную оценку, принадлежащий юридическому лицу, осуществляющему предпринимательскую деятельность, и характеризуется как положительная оценка деловых качеств юридического лица со стороны других субъектов.

Кроме того, в законодательстве не предусмотрен вид ущерба, подлежащий возмещению при нарушении права на деловую репутацию юридического лица. В научной литературе и сложившейся судебной практике такой вид ущерба именуется репутационным. Проблема при возмещении репутационного ущерба заключается в отсутствии норм, регулирующих порядок, способы и размер компенсации такого вреда. В связи с этим истцу сложно доказать, что те или иные действия третьих лиц привели к негативным последствиям работы его компании. Учитывая изложенное, считаем целесообразным закрепить в законодательстве понятие деловой репутации юридического лица, а также способы и порядок ее защиты. Это позволит судам решать споры по аналогичным делам, руководствуясь не только особым мнением, но и законодательством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/1de6cd3c6056a2ecd2c64ff087b13c8de585/#dst702
2. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
3. Дианова Д.О. Деловая репутация юридических лиц [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/delovaya-reputatsiya-yuridicheskikh-lits/viewer>
4. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. – М.: МЗ Пресс, 2001. – 244 с.
5. Сахапов Ю.З. Деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности в системе объектов граждански прав и особенности ее гражданско-правовой защиты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007. – С. 7-8.
6. Дьяченко Е.М. Деловая репутация юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. -Краснодар, 2005. – 218 с.

7. Сабирова Л.Л. Теоретические основы обоснования права юридического лица на деловую репутацию и другие нематериальные блага [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/104539/Statya_Sabirovoj_L.L.Kazanskiye_shkoly.KFU.pdf?sequence=-1.
8. Цивільний кодекс України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15>
9. Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 27.12.2007 № 153н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=199488&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.7821322179755946#08088736794784681>
10. Игнатъева Е.В. Компенсация репутационного вреда юридическим лицам: проблемные аспекты. – [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompensatsiya-reputatsionnogo-vreda-yuridicheskim-litsam-problemnye-aspekty/viewer>

REALIZATION OF THE RIGHT TO PROTECT THE BUSINESS REPUTATION OF A LEGAL ENTITY

Annotation. This paper discusses the main problems that arise when a legal entity exercises its right to protect business reputation. In particular, the author focuses on the absence of an appropriate definition in the legislation, a unified approach to understanding the nature of the business reputation of a legal entity among scientists, and a unified approach to solving cases of this category by courts.

Keywords: business reputation of a legal entity, reputational harm, moral harm.

Varvashenya A.

Scientific adviser: Smirnova E.V., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: artem57689@gmail.com

УДК 347.775

КОММЕРЧЕСКАЯ ТАЙНА И ЕЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Васильев В.А.

*Научный руководитель: Харжевская Т.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с коммерческой тайной, ее сущностью, понятием, признаками, видами, правовым регулированием и защитой. На основе изучения и анализа материалов научной и учебной литературы, действующего законодательства по теме исследования, сделаны выводы и сформулированы предложения по совершенствованию норм законодательства, регулирующего вопросы, связанные с коммерческой тайной. В результате исследования, сформировано приемлемое определение понятия коммерческой тайны, выделены ее характерные признаки, виды составляющих ее сведений, рассмотрены меры, необходимые для их защиты.

Ключевые слова: коммерческая тайна, понятие, признаки, классификация, защита.

В настоящее время, вопросы, связанные с коммерческой тайной, ее правовым регулированием и защитой являются весьма актуальными. В современных условиях развития (в т.ч. политических, экономических, технических, социальных и др.) важность защиты конфиденциальной информации вообще и информации, составляющей коммерческую тайну, в частности, сложно переоценить. От сохранности имеющих коммерческую ценность сведений, связанных с деятельностью субъекта хозяйствования, во многом зависит его конкурентоспособность (как в пределах внутреннего рынка, так и при осуществлении внешнеэкономической деятельности), а порой – даже само существование субъекта хозяйствования, возможность получения им прибыли.

В настоящее время отсутствует единая точка зрения относительно сущности такого социального и правового явления как коммерческая тайна, а также относительно

организации защиты коммерческой тайны, количества и содержания необходимых мер. Не все субъекты хозяйствования осознают важность проблем информационной безопасности. Понятие коммерческой тайны, закрепленное статьей 505 Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины), действующего на территории Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), не в полной мере отражает сущность данного явления. Также, законодательством, действующим на территории ДНР, не в достаточной мере урегулированы вопросы, связанные с составом сведений, составляющих коммерческую тайну, и не закреплена их классификация; практически не урегулирован порядок введения режима коммерческой тайны субъектом хозяйствования.

13.12.2019 г. принят Гражданский кодекс ДНР № 81-ПНС (далее – ГК ДНР). При этом, согласно ч. 2 ст. 1640 ГК ДНР, со дня вступления его в силу (т.е. с 01.07.2020 г.) на территории ДНР не применяются: ГК Украины и Хозяйственный кодекс Украины (далее – ХК Украины). Однако, ГК ДНР не закрепляет определения понятия коммерческой тайны, в полной мере отражающего сущность данного явления.

Это способствует возникновению проблем, связанных как с незаконным получением, использованием и разглашением коммерческой тайны, так и со злоупотреблением правом на коммерческую тайну, необоснованным отказом самих субъектов хозяйствования предоставлять ту или иную информацию (а порой – и вообще любую информацию), а также – с попытками незаконного привлечения к ответственности сотрудников за разглашение любой информации, связанной с деятельностью работодателя.

Целесообразно совершенствование законодательства, действующего на территории ДНР, направленное на предупреждение нарушения прав и законных интересов обладателей информации (субъектов хозяйствования) и лиц, получивших к ней доступ на основе трудового, гражданского договора или закона (конфидентов информации), на повышение уровня зрелости обеспечения информационной безопасности субъектов хозяйствования ДНР, более эффективное формирование правомерного поведения участников гражданских и хозяйственных правоотношений.

Вопросы, связанные с коммерческой тайной, ее правовым регулированием и защитой информации, рассматривали в своих работах: Миньянь Л. [1], Зенин И. А. [2], Алексеев С. С. [4], Тыщенко А. И. [5], Соловьев Э. Я. [6], Прохоров А. М. [8], Денисов А. И. [9], Тихомиров М. Ю. [10], Грудцына Л. Ю. [11], Спектор А. А. [11], Жилинский С. Э. [12], Кушиев К. С. [13], Сергеев А. П. [14], Толстой Ю. К. [14], Рузакова О. А. [15; 16], Дедов Д. И. [17], Голофаев В. В. [18], Харитонов Е. О. [19], Романович А. Н. [20], Бошно С. В. [21], Беляева О. А. [22], Ершова И. В. [23], Демченко С. [28], Рожкова А. И. [29], Колдин А. В. [30], Корнеев И. К. [31], Хапай А. А. [32], Северин Р. В. [33] и др.

Целью настоящей статьи является формирование приемлемого определения понятия коммерческой тайны, выделение ее характерных признаков, видов составляющих ее сведений, рассмотрение мер, необходимых для их защиты.

Указанной целью определяются задачи исследования:

- анализ материалов научной и учебной литературы;
- изучение и анализ действующего законодательства по теме исследования;
- обоснование необходимости совершенствования норм действующего законодательства, относительно регулирования вопросов, связанных с коммерческой тайной, ее правовым регулированием и защитой.

Развитие института коммерческой тайны имеет свои особенности в различных государствах в разные исторические периоды. В настоящее время, отсутствует единое понимание сущности коммерческой тайны, различна и степень правовой урегулированности вопросов, связанных с данным явлением (социальным и правовым) в различных государствах. На формирование соответствующих правовых норм

оказывают влияние не только национальные правовые традиции, но и современные стандарты международной торговли.

В настоящее время отсутствует единая точка зрения относительно сущности такого социального и правового явления как коммерческая тайна. Соответственно, в учебной и научной литературе предлагаются различные определения понятия «коммерческая тайна». Различаются и определения, закрепленные во внутренних нормативно-правовых актах различных государств, а также используются различные термины, что способствует возникновению проблем, в частности, при осуществлении внешнеэкономической деятельности (хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования государства и иностранных субъектов хозяйствования, построенная на взаимоотношениях между ними, которая имеет место как на территории государства, так и за ее пределами).

Лян Миньянь справедливо отмечает, что коммерческая тайна и другие права интеллектуальной собственности (товарные знаки, патенты) разные понятия [1, с. 284].

Зенин И.А., рассматривая служебную и коммерческую тайну как единую категорию, относит к ней имеющую реальную или потенциальную коммерческую ценность, в том числе в силу неизвестности ее третьим лицам, неохранию конфиденциальную информацию, к которой нет доступа на законном основании [2, с. 101]. Однако, действующее на территории ДНР законодательство относит коммерческую тайну к охраняемой законом информации (например, ч. 1 ст. 50; п. 4 ч. 1 ст. 57; п. 7 ч. 1 ст. 68 Закона ДНР «О средствах массовой информации») [3].

Также, он подчеркивает, что в совокупности с неохранию информацией, известной лишь живым ее носителям, конфиденциальная информация во всем мире именуется «ноу-хау» [2, с. 101], с чем сложно согласиться, т.к. не каждую конфиденциальную информацию можно отнести к «ноу-хау» (секретам производства).

Алексеев С.С. также выделяя в одну категорию служебную и коммерческую тайну, относит к ней сведения (информацию) любого характера, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам, когда к ней нет свободного доступа на законном основании и их обладателем введен режим коммерческой тайны. Однако, отмечает, что информация, составляющая секрет производства или коммерческую тайну, защищается способами, предусмотренными законодательством [4, с. 93-94]. Т.е. в данном случае автором отдельно выделяется секрет производства.

Тыщенко А.И. подчеркивает, что, в частности, сведения, содержащиеся в учредительных документах, не могут составлять коммерческую тайну (т.к. одной из целей учредительных документов является предоставление информации контрагентам коммерческой организации об объеме ее правоспособности, о целях деятельности и порядке принятия решений) [5, с. 43]. С таким категоричным утверждением сложно согласиться. Например, согласно ч. 5 ст. 24 Закона ДНР «О средствах массовой информации», редакция вправе оговорить, какие сведения, содержащиеся в ее уставе или заменяющем его договоре, составляют коммерческую тайну [3].

Соловьев Э.Я. под коммерческой тайной понимает преднамеренно скрываемые по коммерческим соображениям экономические интересы и сведения о различных сторонах и сферах производственно-хозяйственной, управленческой, научно-технической, финансовой деятельности фирмы, охрана которых обусловлена интересами конкуренции и возможными угрозами экономической безопасности фирмы [6, с. 5]. С такой точкой зрения сложно согласиться, т.к. интересы (то, что составляет благо кого-либо, чего-либо, служит на пользу кому-либо, чему-либо; нужды, потребности [7, с. 395]) могут не быть надлежаще зафиксированы, документально оформлены, а составлять личную тайну.

Прохоров А.М. считал, что коммерческая тайна – в буржуазных государствах право акционерной компании, фирмы, банка и т.п. на сохранение в тайне ряда документов,

отражающих их деятельность [8, с. 609]. Денисов А.И. под коммерческой тайной подразумевал охрану буржуазным законом от общественного контроля торговых книг, документов, отчетности, оборотов и прибылей капиталистических предприятий и отдельных капиталистов; орудие скрывания финансовых мошенничеств и невероятных прибылей крупного капитала (разделяя точку зрения В.И. Ленина (Ульянова) [9, с. 637]. Подобное узкое понимание коммерческой тайны не отвечает современным условиям (политическим, правовым, экономическим, техническим, социальным).

Анализ точек зрения относительно определения понятия коммерческой тайны и ее признаков, изложенных в научной и учебной юридической литературе, позволяет выделить различные подходы, в соответствии с которыми коммерческая тайна рассматривается, в частности, как:

1) право на засекречивание (охраняемое законодательством):

– хозяйственных операций и документации по ним (производственных, технологических, торговых, финансовых и других) – принадлежит предприятиям (Тихомиров М. Ю. [10, с. 204], Грудцына Л. Ю., Спектор А. А. [11, с. 388]);

– ряда документов (отражающих деятельность) – принадлежит акционерным компаниям, фирмам, банкам и т.п. в буржуазных государствах (Прохоров А. М.) [8, с. 609];

– сведений о своей деятельности (производственной, экономической и финансовой) – принадлежит индивидуальным предпринимателям, коммерческим и некоммерческим организациям (Жилинский С.Э.) [12, с. 289-291];

2) информация, обладающая ценностью (реальной или потенциальной):

– научно-техническая, коммерческая, организационная и иная, используемая в предпринимательской деятельности – обладает экономической ценностью (Кушиев К.С.) [13, с. 117];

– неизвестная третьим лицам, огражденная от свободного доступа на законном основании, в отношении которой обладатель принимает меры по охране конфиденциальности – обладает коммерческой ценностью (Сергеев А. П., Толстой Ю. К. [14, с. 276-277], Алексеев С. С. [4, с. 93-94], Рузакова О. А. [15, с. 60; 16, с. 104], Дедов Д. И. [17, с. 382-423], Голофаев В. В. [18, с. 426-427]);

– неохраняемая законом конфиденциальная, огражденная от свободного доступа на законном основании – обладает коммерческой ценностью (Зенин И. А.) [2, с. 101];

3) сведения (известия, сообщения о чем-либо; характеризующие данные; познания в какой-либо области [7, с. 1154]):

– связанные с производством, технологической информацией, управленческой, финансовой деятельностью, не являющиеся государственной тайной (Харитонов Е. О.) [19, с. 198];

– любые, не составляющие государственный секрет и не защищаемые авторским и патентным правом, не касающиеся негативной деятельности субъектов хозяйствования, способной нанести ущерб интересам государства (Романович А. Н.) [20, с. 311];

– касающиеся предпринимательской деятельности, имеющая коммерческую ценность, неизвестная третьим лицам, огражденная от свободного доступа на законном основании, в отношении которой обладатель принимает меры по охране конфиденциальности (Бошно С. В. [21, с. 287-288], Тыщенко А. И. [5, с. 43]);

4) конфиденциальность информации, позволяющая ее обладателю получить коммерческую выгоду (Беляева О. А. [22, с. 119], Ершова И. В. [23, с. 356]);

5) экономические интересы и сведения, скрывающиеся по коммерческим соображениям (Соловьев Э. Я.) [6, с. 5];

6) охрана законом от общественного контроля торговых книг, документов, отчетности, оборотов и прибылей капиталистических предприятий и отдельных капиталистов (Денисов А. И.) [9, с. 637].

В настоящее время, на территории ДНР относительно вопросов, связанных с коммерческой тайной, действуют, в частности, нормы ГК Украины (ст.ст. 505-508), ХК Украины (ст.ст. 25, 32, 36, 155, 162), Кодекса Украины об административных правонарушениях (ст. 164³) в редакции 2014 года, а также Уголовного кодекса ДНР (ст. 199), Закона ДНР «Об информации и информационных технологиях» № 71-ІНС от 24.08.2015 г. (ст.ст. 9, 12), Закона ДНР «О средствах массовой информации» № 59-ІНС от 08.07.2015 г. (ст.ст. 4, 24, 50, 51, 57, 68) и др.

Понятие коммерческой тайны закреплено статьей 505 ГК Украины, действующего на территории ДНР, согласно которой коммерческой тайной является информация, которая является секретной в том понимании, что она в целом или в определенной форме и совокупности ее составляющих неизвестна и не является легкодоступной для лиц, обычно имеющих дело с видом информации, к которому она относится, в связи с этим имеет коммерческую ценность и была предметом адекватных существующим обстоятельствам мер по сохранению ее секретности, принятых лицом, законно контролирующим эту информацию. Коммерческой тайной могут быть сведения технического, организационного, коммерческого, производственного и другого характера, за исключением тех, которые согласно закону не могут быть отнесены к коммерческой тайне [24].

Исходя из понятия, закрепленного статьей 505 ГК Украины, можно выделить следующие признаки коммерческой тайны (информации):

- секретность (она в целом или в определенной форме и совокупности ее составляющих неизвестна и не является легкодоступной для лиц, обычно имеющих дело с видом информации, к которому она относится);

- имеет коммерческую ценность;

- является предметом адекватных существующим обстоятельствам мер по сохранению ее секретности (принятых лицом, законно контролирующим эту информацию);

- не содержит сведений, которые согласно закону не могут быть отнесены к коммерческой тайне.

Также, исходя из норм действующего законодательства, к признакам коммерческой тайны можно отнести:

- определение состава, объема сведений и способа их защиты субъектом хозяйствования согласно закону (ч. 1 ст. 36 ХК Украины);

- наличие вероятности (объективной возможности) нанесения ущерба интересам субъекта хозяйствования при разглашении (ч. 1 ст. 36 ХК Украины);

- наличие связи с деятельностью субъекта хозяйствования (ч. 1 ст. 36 ХК Украины) [25];

- конфиденциальность (обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя) – п. 7 ч. 1 ст. 2; ч. 4 ст. 9 Закона ДНР «Об информации и информационных технологиях» [26];

- охраняется законом (ч. 1 ст. 50; п. 4 ч. 1 ст. 57; п. 7 ч. 1 ст. 68 Закона ДНР «О средствах массовой информации») [3].

Само слово «тайна» толкуется, как нечто, скрываемое от других, известное не всем; секрет; сведения, знания, приемы, неизвестные непосвященным [7, с. 1302-1303]; информация о ком-либо, чем-либо, которая известна узкому кругу лиц и не предназначена для посторонних людей [27, с. 1331].

Таким образом, понятие коммерческой тайны, закрепленное статьей 505 ГК Украины, не в полной мере отражает сущность данного явления. А ГК ДНР, который вступает в силу с 01.07.2020 г., отменяя действие на территории ДНР ГК Украины и ХК Украины, не закрепляет определения понятия коммерческой тайны, в полной мере

отражающего сущность данного явления. Статьей 1556 ГК ДНР закреплено лишь понятие секрета производства (ноу-хау).

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что коммерческой тайной является охраняемая законом имеющая коммерческую ценность конфиденциальная информация, связанная с деятельностью субъекта хозяйствования (производственной, технологической, управленческой, финансовой и другой), являющаяся предметом законных мер по сохранению ее секретности (принятых лицом, законно контролирующим эту информацию), содержащая определенного субъектом хозяйствования состава и объема сведения, разглашение которых может нанести ущерб его интересам (за исключением сведений, которые, согласно закону, не могут быть отнесены к коммерческой тайне).

Кроме того, необходимо учитывать то, что ХК Украины, действующий в настоящее время на территории ДНР, отождествляет понятия «хозяйственная коммерческая деятельность» и «предпринимательство» (Глава 4), а к субъектам хозяйствования (согласно ч. 2 ст. 55 ХК Украины) относит: 1) хозяйственные организации – юридические лица (осуществляющие хозяйственную деятельность и зарегистрированные в установленном законом порядке); 2) физических лиц – предпринимателей (граждан, иностранцев и лиц без гражданства, осуществляющих хозяйственную деятельность и зарегистрированных в соответствии с законом в качестве предпринимателей) [25].

Также, законодательством, действующим на территории ДНР, не в достаточной мере урегулированы вопросы, связанные с составом сведений, составляющих коммерческую тайну, и не закреплена их классификация.

Согласно ч. 1 ст. 36 ХК Украины, состав и объем сведений, составляющих коммерческую тайну, способ их защиты определяются субъектом хозяйствования согласно закону.

Перечень сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну, утвержден подзаконным актом (Постановлением Кабинета Министров Украины «О перечне сведений, не составляющих коммерческую тайну» № 611 от 09.08.1993 г.), а не законом, как предусмотрено ч. 2 ст. 505 ГК Украины. Причем, действие норм указанного Постановления распространяется лишь на предприятия (обязанностей для других субъектов хозяйствования не предусмотрено).

Это способствует возникновению проблем, связанных, в частности, со злоупотреблением правом на коммерческую тайну, необоснованным отказом субъектов хозяйствования предоставлять ту или иную информацию (а порой – и вообще любую информацию), а также – с попытками незаконного привлечения к ответственности сотрудников за разглашение любой информации, связанной с деятельностью работодателя.

Демченко С. подчеркивая, что практически ничего из финансово-хозяйственной информации предприятия нельзя отнести к коммерческой тайне, отмечает, что все виды информации, которые могут считаться коммерческой тайной, условно можно разделить на две группы: 1) техническая информация (не запатентованные научно-технические разработки, базы данных и другие компьютерные программы, созданные предприятием, ноу-хау, различные технические проекты, промышленные образцы, не запатентованные товарные знаки и т.д.); 2) коммерческая информация (условия контрактов, данные о поставщиках и покупателях, информация о переговорах, различные маркетинговые исследования, данные о расчете отпускных цен, размеры скидок и т.д.) [28, с. 21].

Рожкова А.И. справедливо отмечает, что информация как элемент информационной сферы может рассматриваться в качестве объекта права как в материализованном, так и нематериальном виде, так как самостоятельность и ценность

информации не исчерпывается характеристиками и свойствами материального носителя, на котором она зафиксирована. В отношении информации, зафиксированной на материальном носителе либо представленной в нематериальном виде, возможно и правомерно распространение права собственности [29, с. 12].

Колдин А.В. классифицирует источники информации на непосредственные и опосредованные, а также на материальные (вещественные) и идеальные (личные) [30, с. 9].

Корнеев И.К. и Степанов Е.А. выделяют два вида информации, интеллектуально ценной для предпринимателя: 1) техническую, технологическую (методы изготовления продукции, программное обеспечение, производственные показатели, химические формулы, рецептуры, расчеты, результаты испытаний опытных образцов, данные контроля качества и т.п.); 2) деловую (стоимостные показатели, результаты исследования рынка, списки клиентов, экономические прогнозы, стратегия действий на рынке и т.п.). Также, они выделяют документы долговременного периода конфиденциальности (программы и планы развития бизнеса, технологическая документация, ноу-хау, ноу-ноу, изобретения и др.; имеют усложненный вариант обработки и хранения) и кратковременного периода конфиденциальности (имеющие оперативное значение для деятельности; обрабатываются и хранятся по упрощенной схеме и могут не выделяться из технологической системы обработки открытых документов при наличии в этой системе минимальных защитных, контрольных и аналитических элементов) [31, с. 34-40].

Хапай А.А. справедливо отмечает многогранность, сложность феномена информации, множественность форм его объективного проявления (многовариантность проявления), выделяя при этом, ее функции: инструментальную (участие в организации производства и управлении); познавательную (как средство отражения объективной реальности и передачи данных); интегративную (сплочение членов организации в единое целое); коммуникативную (общение и взаимопонимание) [32, с. 8-10].

Северин Р.В. разграничивая информацию, составляющую коммерческую тайну, и другую защищаемую информацию, отмечает, в частности, что срок охраны права на коммерческую тайну неограничен и зависит от усмотрения правообладателя до тех пор, пока сохраняется конфиденциальность сведений (в то время, как срок действия исключительных прав на изобретение, полезную модель или промышленный образец определен ГК) [33, с. 85].

Учитывая вышеизложенное, можно классифицировать сведения, составляющие коммерческую тайну, выделяя:

I. В зависимости от субъекта, которому они принадлежат: 1) сведения, составляющие коммерческую тайну хозяйственных организаций – юридических лиц; 2) сведения, составляющие коммерческую тайну физических лиц – предпринимателей.

II. В зависимости от характера: 1) технические; 2) организационные; 3) коммерческие; 4) производственные и др.

III. В зависимости от деятельности субъекта хозяйствования, с которой такие сведения связаны: 1) связанные с производственной деятельностью; 2) связанные с технологической деятельностью; 3) связанные с управленческой деятельностью; 4) связанные с финансовой деятельностью и др.

IV. В зависимости от носителя информации: 1) зафиксированные на материальном носителе; 2) представленные в нематериальном виде.

V. В зависимости от сферы использования: 1) технические и технологические (не запатентованные научно-технические разработки, базы данных и другие компьютерные программы, созданные предприятием, ноу-хау, различные технические проекты, промышленные образцы, не запатентованные товарные знаки, методы изготовления продукции, программное обеспечение, производственные показатели, химические

формулы, рецептуры, расчеты, результаты испытаний опытных образцов, данные контроля качества и т.п.); 2) собственно коммерческие (деловые) – условия контрактов, данные о поставщиках и покупателях, информация о переговорах, различные маркетинговые исследования, данные о расчете отпускных цен, размеры скидок, стоимостные показатели, результаты исследования рынка, списки клиентов, экономические прогнозы, стратегия действий на рынке и т.п.

VI. В зависимости от выполняемых функций: 1) инструментальные (используемые в организации производства и управления); 2) познавательные (используемые как средство отражения объективной реальности и передачи данных); 3) интегративные (используемые для сплочения членов организации); 4) коммуникативные (используемые для организации общения и взаимопонимания).

VII. В зависимости от продолжительности периода конфиденциальности: 1) долговременного периода конфиденциальности; 2) кратковременного периода конфиденциальности.

VIII. В зависимости от степени защищенности: 1) высокой степени защищенности (с усложненным вариантом обработки и хранения); 2) низкой степени защищенности (с упрощенным вариантом обработки и хранения, с применением минимальных защитных, контрольных и аналитических элементов).

IX. В зависимости от места нахождения (расположения, хранения) носителей: 1) хранящиеся (находящиеся) по месту осуществления деятельности субъекта хозяйствования; 2) хранящиеся (находящиеся) удаленно от места осуществления деятельности субъекта хозяйствования.

X. В зависимости от степени важности: 1) особо важные (разглашение которых может нанести крупный ущерб интересам субъекта хозяйствования); 2) важные (разглашение которых может нанести значительный ущерб интересам субъекта хозяйствования); 3) невысокой важности (разглашение которых может нанести незначительный ущерб интересам субъекта хозяйствования).

В настоящее время, отсутствует единая точка зрения относительно организации защиты коммерческой тайны, количества и содержания необходимых мер. Не все субъекты хозяйствования осознают важность проблем информационной безопасности.

Законодательством, действующим на территории ДНР, практически не урегулирован порядок введения режима коммерческой тайны субъектом хозяйствования.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о необходимости совершенствования законодательства, действующего на территории ДНР. Так, можно считать целесообразным:

1) закрепление в ГК Украины, действующем в настоящее время на территории ДНР (путём внесения изменений в ч. 1 ст. 505), и в ГК ДНР [34], вступающем в силу с 01.07.2020 г. (путём дополнения его отдельной статьей 1556¹), определения понятия коммерческой тайны, следующего содержания: «Коммерческой тайной является охраняемая законом имеющая коммерческую ценность конфиденциальная информация, связанная с деятельностью субъекта хозяйствования (производственной, технологической, управленческой, финансовой и другой), являющаяся предметом законных мер по сохранению ее секретности (принятых лицом, законно контролирующим эту информацию), содержащая определенного субъектом хозяйствования состава и объема сведения, разглашение которых может нанести ущерб его интересам (за исключением сведений, которые, согласно закону, не могут быть отнесены к коммерческой тайне)»;

2) разработку и принятие в ДНР отдельного закона о коммерческой тайне, закрепляющего, в частности:

– исчерпывающий перечень сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну (любых субъектов хозяйствования);

– чёткую классификацию сведений, составляющих коммерческую тайну, исчерпывающий перечень их видов;

3) разработку и утверждение общих рекомендаций по организации защиты коммерческой тайны субъектом хозяйствования, предусматривающих, в частности, положения относительно:

– перечня (комплекта) и структуры регламентирующих документов, минимально необходимых для функционирования на предприятии режима коммерческой тайны;

– перечня мер по защите коммерческой тайны (правовых, организационных, технических, контролирующих, психологических и др.);

– порядка реализации таких мер.

Закрепление в законодательстве нового определения понятия коммерческой тайны, перечня сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну (любых субъектов хозяйствования), а также чёткой классификации сведений, составляющих коммерческую тайну, исчерпывающего перечня их видов, позволило бы избежать различного понимания участниками гражданских и хозяйственных правоотношений вопросов относительно сущности коммерческой тайны, использования информации, ее защиты. Это способствовало бы более эффективному формированию правомерного поведения участников гражданских и хозяйственных правоотношений. Разработка и принятие в ДНР отдельного закона о коммерческой тайне позволило бы урегулировать объективно существующие правоотношения в указанной сфере.

Разработка и утверждение общих рекомендаций по организации защиты коммерческой тайны субъектом хозяйствования может способствовать решению проблем, связанных с практической реализацией норм законодательства, закрепляющих право субъекта хозяйствования на коммерческую тайну.

Такое совершенствование законодательства также способствовало бы повышению уровня зрелости обеспечения информационной безопасности субъектов хозяйствования ДНР, позволило бы повысить их конкурентоспособность (как в пределах внутреннего рынка, так и при осуществлении внешнеэкономической деятельности), что, в свою очередь, может оказать стимулирующее действие на развитие экономики государства.

Такие факторы, как: важность защиты конфиденциальной информации вообще и информации, составляющей коммерческую тайну, в частности; актуальность вопросов, связанных с коммерческой тайной, пониманием сущности и важности данного явления; недостаточность урегулирования вопросов, связанных с составом сведений, составляющих коммерческую тайну, их классификацией, перечнем сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну, порядком введения режима коммерческой тайны субъектом хозяйствования, организацией защиты коммерческой тайны, количеством и содержанием необходимых мер определяют перспективность дальнейших исследований в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миньянь Л. Правовая защита коммерческой тайны в Китае / Л. Миньянь // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 283-285.
2. Зенин И.А. Основы права / И.А. Зенин. – М.: Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права, 2003. – 184 с.
3. О средствах массовой информации: Закон Донецкой Народной Республики от 08.07.2015 г. № 59-ІНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakon_doneckoj_narodnoj_respubliki_o_sredstvah_massovoj_informacii/ (дата обращения: 16.12.2019 г.). – Загл. с экрана.
4. Гражданское право: Учебник / [Алексеев С.С., Гонгало Б.М., Мурзин Д.В. и др.]; под общ. ред. С.С. Алексеева. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 528 с.
5. Тыщенко А.И. Правовое обеспечение профессиональной деятельности: Учебник / А.И. Тыщенко. – Ростов н/Д.: Феникс, 2007. – 252 с.
6. Соловьев Э.Я. Коммерческая тайна и ее защита / Э.Я. Соловьев. – М.: Ось-89, 2002. – 128 с.

7. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
8. Советский энциклопедический словарь / [Прохоров А.М., Абашидзе И.В., Азимов П.А. и др.]; под общ. ред. А.М. Прохорова. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – 1600 с.
9. Большая Советская Энциклопедия / [Денисов А.И., Лебедев-Полянский П.И., Ротштейн Ф.А. и др.]; под общ. ред. О.Ю. Шмидта, Ф.Н. Петрова. – Т. 33. – М.: Советская энциклопедия, 1938. – 959 с.
10. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров. – М.: Юриформцентр, 1997. – 526 с.
11. Грудцына Л.Ю., Спектор А.А. Гражданское право России: Учебник / Л.Ю. Грудцына, А.А. Спектор. – М.: Юстицинформ, 2008. – 560 с.
12. Жилинский С.Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности): Учебник / С.Э. Жилинский. – Изд. 8-е, пересмотр. и доп. – М.: Норма, 2007. – 944 с.
13. Кушиев К.С. Институализация коммерческой тайны / К.С. Кушиев // Бизнес в законе. – 2008. – № 4. – С. 116-119.
14. Сергеев А.П., Толстой Ю.К. Гражданское право: Учебник / А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – Т. 1. – М.: Проспект, 2005. – 773 с.
15. Рузакова О.А. Гражданское право / О.А. Рузакова. – М.: Московская финансово-промышленная академия, 2004. – 422 с.
16. Лищук В.В., Рузакова О.А., Рукавишников С.М. Основы права / В.В. Лищук, О.А. Рузакова, С.М. Рукавишников. – М.: Московская финансово-промышленная академия, 2004. – 370 с.
17. Корпоративное право: Учебник / [Афанасьева Е.Г., Бакшинская В.Ю., Дедов Д.И. и др.]; под общ. ред. И.С. Шиткиной. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 648 с.
18. Предпринимательское право России: Учебник / [Белых В.С., Берсункаев Г.Э., Голофаев В.В. и др.]; под общ. ред. В.С. Белых. – М.: Проспект, 2009. – 656 с.
19. Харитонов С.О., Старцев О.В. Цивільне право України: Підручник / С.О. Харитонов, О.В. Старцев. – Вид. 2-ге, перероб. і доп. – К.: Істина, 2007. – 816 с.
20. Гражданское право Республики Беларусь: Учебник / [Каравай А.В., Лаевская Е.В., Романович А.Н. и др.]; под общ. ред. В.Ф. Чигир. – Т. 1. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Минск: Амалфея, 2007. – 611 с.
21. Бошно С.В. Правоведение: Учебное пособие / С.В. Бошно. – М.: Право и закон, 2002. – 416 с.
22. Беляева О.А. Предпринимательское право: Учебное пособие / О.А. Беляева. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 271 с.
23. Ершова И.В. Предпринимательское право: Учебник / И.В. Ершова. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М.: Юриспруденция, 2006. – 560 с.
24. Гражданский кодекс Украины от 16.01.2003 г. № 435-IV (в редакции 2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15> (дата обращения: 16.12.2019 г.). – Загл. с экрана.
25. Хозяйственный кодекс Украины от 16.01.2003 г. № 436-IV (в редакции 2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/436-15> (дата обращения: 16.12.2019 г.). – Загл. с экрана.
26. Об информации и информационных технологиях: Закон Донецкой Народной Республики от 24.08.2015 г. № 71-ІНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsoviet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-informatsii-i-informatsionnyh-tehnologiyah/> (дата обращения: 16.12.2019 г.). – Загл. с экрана.
27. Толковый словарь русского языка / [Ахапкин Д.Н., Гаврилова Т.О., Дмитриев Д.В. и др.]; под общ. ред. Д.В. Дмитриева. – М.: Астрель, 2003. – 1582 с.
28. Демченко С. Коммерческая тайна на предприятии / С. Демченко // Вестник бухгалтера и аудитора Украины. – 2006. – № 21-22. – С. 20-25.
29. Рожкова А.И. Теоретические аспекты правового регулирования информационной сферы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / А.И. Рожкова; Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. – Тамбов, 2005. – 30 с.
30. Колдин А.В. Процессуально-криминалистические проблемы исследования источников информации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 – Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность / А.В. Колдин; Нижегородская академия МВД РФ. – Нижний Новгород, 2005. – 200 с.
31. Корнеев И.К., Степанов Е.А. Защита информации в офисе: Учебник / И.К. Корнеев, Е.А. Степанов. – М.: Велби, 2008. – 336 с.
32. Хапай А.А. Правовое регулирование информационных отношений в современной России (теоретико-правовой аспект): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / А.А. Хапай; Кубанский государственный аграрный университет. – Краснодар, 2006. – 30 с.

33. Северин Р.В. Формирование механизма защиты прав на коммерческую тайну / Р.В. Северин // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2010. – № 3. – С. 82-93.
34. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики от 13.12.2019 г. № 81-ПНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 19.12.2019 г.). – Загл. с экрана.

THE COMMERCIAL SECRET AND ITS LEGAL REGULATION

Annotation. The article considers the issues, that related to the commercial secret, its essence, concept, features, types, legal regulation and protection. On the basis of the study and analysis of materials of scientific and educational literature, of current legislation on the research topic, were made conclusions and were formed the proposals for improvement of legislation, that regulate issues, that related to the commercial secret. In the result of research, was formed an acceptable definition of the commercial secret, was determined its features, types of the information, that comprise it, was discussed the measures necessary to protect them.

Keywords: commercial secret, concept, features, classification, protection.

Vasiliev V.

Scientific adviser: Kharzhevskaya T., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: vasiliev2017ur@mail.ru

УДК 343:343.228

ПРАВОМЕРНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ФАКТИЧЕСКОЙ ОШИБКИ В РАМКАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ МНИМОЙ ОБОРОНЫ

Володина А.Е.

*Научный руководитель: Семькина Л.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Данное исследование содержит анализ признаков существования мнимой обороны в уголовном законодательстве различных стран посредством ее сопоставления с основными условиями применения фактической ошибки. Осуществлено сравнение критериев правомерности действий обороняющегося лица в состоянии, когда в объективной действительности общественно опасное посягательство отсутствует, а также при правомерном существовании необходимой обороны в действиях субъекта. Предложено внесение изменений в действующее законодательство Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: состояние необходимой обороны, институт фактической ошибки, превышение пределов, мнимая оборона, действительность посягательства, критерии правомерности.

Нормами Конституции Донецкой Народной Республики Конституция установлено, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 38) [1]. Однако, не всегда представляется возможным рассмотреть истинную причину возникновения того или иного защитного механизма в рамках действия норм уголовного законодательства, а как известно, правильность применения той или иной уголовно-правовой нормы при квалификации преступления, является одним из важнейших условий единообразия правоприменительной практики в данной сфере. В настоящее время одной из основополагающих проблем многочисленных споров среди ученых и юристов-практиков является вопрос выявления фактической ошибки в конкретных преступных деяниях, ее дальнейшего разграничения со смежными понятиями, а также целесообразности определения на законодательном уровне критериев ее существования.

Вопрос правильной квалификации деяния того или иного лица находится в прямой взаимосвязи с наличием материальных и психологических факторов оценки

обстоятельств совершенного события. При выявлении наиболее схожих к фактической ошибке понятий, учеными было замечено, что наличие конституционно установленных норм о защите прав и интересов человека и гражданина находится в прямом взаимодействии с назначением наказания при выявлении случаев необходимой обороны. Данное суждение находит свое подтверждение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», согласно которому, уголовно-правовая норма о необходимой обороне, являясь одной из гарантий реализации конституционного положения о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, обеспечивает защиту личности и прав обороняющегося, других лиц, а также защиту охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства.

Для проведения наиболее конкретного анализа взаимодействия указанных понятий, следует обратиться к дефиниции каждого из них. Так, согласно ст. 36 Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР), под необходимой обороной, следует понимать причинение вреда посягающему лицу при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия [2]. В свою очередь следует отметить, что законодатель четко определил, что при отражении посягательства без причинения вреда посягающему или с причинением вреда, не имеющего сходства с общественно опасным деянием, указанным в уголовном законе, защиту нельзя рассматривать как необходимую оборону.

Таким образом, действие лица в пределах необходимой обороны является правомерным при наличии совокупности условий, характеризующих посягательство и соизмеримую защиту от него. Указанное выше уголовно-правовое определение необходимой обороны позволяет определить условия ее существования, то есть законодательно закрепленную правомерность такого деяния, к которой относятся два основополагающих фактора: наличие общественной опасности посягательства, действительность посягательства. При осуществлении анализа того или иного преступления, совершенного в рамках ст. 36 УК ДНР, следует точно обозначать, что посягательство должно являться реальным, а не быть лишь в воображении обороняющегося, как и действия, против которых предпринята защита (иметь не только внешнее выражение, но и быть общественно опасными и порождающими установленное законодательством право обороняющегося на необходимую оборону).

Судебная практика содержит достаточное количество случаев, когда действия обороняющегося являются результатом ошибочно воспринятого общественно опасного действия нападающего, которое объективно таковым не являлось. В частности, в приговоре № 10000 Суда Вологодской области от 17 февраля 2014 г. указано следующее: «...как в ходе следствия, так и в судебном заседании установлено, что потерпевший лопатой ни на кого не замахивался, ударов никому не наносил, угроз причинения вреда лопатой не высказывал, о помощи гражданина Иванова А.А. не просил, в связи с чем отсутствовала какая-либо необходимость нанесения удара ножом потерпевшему, то есть отсутствовало состояние необходимой обороны». В теории уголовного права и в судебной практике такие случаи именуются мнимой обороной, которая предопределяет защиту от объективно несуществующего посягательства. В подобной ситуации лицо ошибочно полагает, что имеет место общественно опасное посягательство, чаще нападение, от которого ему необходимо активно защищаться, что впоследствии приводит к причинению вреда охраняемым законом интересам, тогда как

в этом никакой необходимости не было, поскольку посягательства объективно не существовало [3, с.104]. Таким образом, выявление посредством анализа предоставленных доказательств и существующих обстоятельств дела, признака действительности является одним из ключевым критериев, позволяющим отграничить необходимую оборону от мнимой обороны.

Следует отметить, что подробный анализ ст. 36 УК ДНР не приведет к положительным результатам относительно определения законодательно зафиксированного понятия мнимой обороны, поскольку данное понятие не уголовно-правовая категория. Мнимая оборона, скорее – исключительно научное понятие, призванное отграничить пределы существования обороны в рамках ст. 36 УК ДНР. Однако пунктом 16 указанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум) определяется, что при вынесении решений по уголовным делам, затрагивающим состояние необходимой обороны, судам в обязательном порядке следует определять наличие разграничений между необходимой обороной и состоянием мнимой обороны, анализируя наличие реального общественно опасного посягательства для лица, ошибочно предполагающего его наличие. Пленум разъясняет, что в те случаи, при которых обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны. При этом лицо, превысившее пределы защиты, допустимой в условиях соответствующего реального посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, или с непосредственной угрозой применения такого насилия, подлежит ответственности за превышение пределов необходимой обороны. Те случаи, когда лицо не осознавало, но по всем обстоятельствам дела должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, его действия подлежат квалификации по статьям уголовного законодательства, предусматривающим ответственность за преступления, совершенные по неосторожности. В случаях отсутствия общественно опасной угрозы в действительности, а также каких-либо оснований в окружающей обстановке полагать, что она происходила в реальном времени, действия лица подлежат квалификации на общих основаниях [4, с. 78].

При мнимой обороне, как было указано выше, субъект причиняет вред другому лицу, ошибочно воспринимая его поведение как общественно опасное посягательство на охраняемые законом права и интересы, то есть, полагая, что он правомерно защищается либо защищает иных лиц от такого общественно опасного посягательства. Действия лица, находящегося в состоянии мнимой обороны, отличаются от необходимой обороны, так как они всегда объективно общественно опасны, поскольку мнимая оборона направлена на отражение не существующего в действительности посягательства. Данные доводы следует подтвердить словами Н.Д. Дурманова, который свою позицию излагал следующим образом: «Все обстоятельства, характеризующие необходимую оборону, при мнимой обороне отсутствуют, но в представлении лица, действующего в состоянии мнимой обороны, эти обстоятельства, прежде всего наличие общественно опасного посягательства, имеются» [5, с. 19]. Среди теоретиков и практиков существует также мнение, что рассмотрение правовых последствий мнимой обороны не должно основываться исключительно условиями правомерности необходимой обороны. Данным суждением предлагается оценивать еще и психологическую составляющую обороняющегося субъекта, правильность его поведения и исключительное, присущее именно ему в данный период времени восприятие ситуации касавшегося совершающегося преступления. Данным анализом затрагивается то смежное понятие, которым необходимо руководствоваться в первую очередь при определении правильной квалификации совершенного деяния – наличие фактической ошибки.

По своей сути, ошибка в уголовном праве – это заблуждение лица, относительно совершенного им деяния, которое чаще всего происходит относительно фактических обстоятельств, определяющих характер и степень общественной опасности этого деяния, его юридической характеристики и последствий. Фактической ошибкой с научной точки зрения принято считать неверное представление лица о фактических обстоятельствах совершенного им деяния, выступающих в роли объективных признаков состава конкретного преступления, а также определяющих характер преступления и степень его общественной опасности.

Основываясь на указанном определении, следует отметить, что при наличии в действиях лица мнимой обороны, оно склонно ошибочно определять свои действия социально нейтральными, однако при реально существующей ситуации и проведенном достоверном анализе, действия этого лица объективно являются опасными. Данное суждение поддержал С.Ю. Учитель, констатируя, что понятие мнимой обороны не должно соотноситься с понятием необходимой обороны, так как при первом не существует нападения, поэтому исключается и последующая защита от него [6, с. 137]. Следовательно, если мнимая оборона – это оборона, направленная против воображаемого, кажущегося, но фактически не существующего в объективной действительности посягательства, то ее юридические последствия следует определять посредством применения правил о фактической ошибке. Действие данного вывода вполне обоснованно осуществимо, поскольку условие действия норм о необходимой обороне предполагает обязательное наличие общественно опасного посягательства, в свою очередь его отсутствие подтверждает на законодательном и теоретическом уровнях недопустимость применения обороны, которая явно выходит за какие-либо пределы. То есть, отсутствие посягательства любого характера как такового в объективной действительности определяется понятием мнимой обороны. Следовательно, в первом случае применимо правило необходимой обороны вместе с условиями, ей принадлежащими, во втором – должен действовать какой-то иной институт, поскольку необходимая оборона и право на ее применение отсутствуют как таковые. И в данном конкретном случае мнимая оборона как таковая будет являться одним из частных случаев условия наличия фактической ошибки.

Уголовное законодательство Российской Федерации и Донецкой Народной Республики не содержит норм, регламентирующих основные условия существования юридической и фактической ошибок, вопросы их разграничения в рамках основных понятий уголовного закона в целом. Однако следует обратить внимание, что институт ошибки в уголовном праве был отражен в одном из первых проектов Уголовного кодекса Российской Федерации на стадии его разработки и последующей подготовки к опубликованию. Наличие исключительно теоретических определений указанным характеристикам, которые следует учитывать при правильной квалификации деяний, позволяет обратиться к примерам зарубежного уголовного законодательства, и проанализировать их. Так, в ст. 30 Уголовного кодекса Латвийской Республики определено, что оборона считается мнимой в том случае, когда не было реального нападения и лицо по ошибке считало, что такое нападение совершается в отношении его. В случаях, когда обстоятельства происшествия давали основание для предположения, что совершается реальное нападение, а лицо, применившее средства обороны, не признавало ошибочности такого предположения, к тому же оно не могло и не должно было признавать его ошибочность, действия этого лица расцениваются как необходимая оборона. В свою очередь ч. 4 данной статьи определено, что лицо, причинившее мнимому нападавшему вред, соответствующий признакам преступного деяния, и не осознававшее мнимость нападения, хотя при конкретных обстоятельствах оно должно было и могло признавать его мнимость, подлежит ответственности за данное деяние как за совершенное по неосторожности. Уголовные кодексы Грузии (ст. 36),

Беларуси (ст. 37), а также Франции (ст. 122-3), ФРГ (§ 16, 17) и Испании (ст. 14) оценивают данное обстоятельство по правилам юридической ошибки [7, с. 48].

Таким образом, существование института необходимой обороны предполагает наличие признаков, позволяющих квалифицировать то или иное деяние как необходимую оборону. Однако отсутствие указанных признаков не всегда проявляется однозначно, а требует детального и конкретного изучения в каждом частном случае. Анализ уголовного законодательства совместно с многочисленными трудами ученых-криминалистов позволяет обозначить существующую необходимость включения в уголовное законодательство института ошибки, что позволило бы усовершенствовать правоприменительную деятельность в отношении лиц, неверно оценивших обстоятельства объективной действительности. В целях устранения возникающих противоречий при квалификации действий субъекта в случае причинения им вреда при отсутствии объективных на то причин (ситуация мнимой обороны) предлагается дополнить ст. 36 УК ДНР ч. 4 и изложить ее в следующей редакции: «4. Действия лица, причинившего вред в состоянии мнимой обороны, то есть когда общественно опасное посягательство отсутствовало в реальной действительности, оцениваются по правилам фактической ошибки».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/doc/zakony/>.
2. Об утверждении Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики №27-2 от 17.08.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/doc/dokumenty-soveta-ministrov/>.
3. Верина Г.В. Концептуальные основы современного российского уголовного законодательства: противоречия и пути их преодоления // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2006. – № 6. – С. 101–105.
4. Клюев А.А. Практика применения судами Российской Федерации положений об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: науч.-практ. пособие. // М. – 2016. – 208 с.
5. Дурманов Н.Д. Советское уголовное право: обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния. Часть Общая // под ред. М.А. Гельфер, П. И. Гришаев, Б. В. Здравомыслов. – М. – 1961. – Вып. 9. – 45 с.
6. Учитель С.Ю. Необходимая оборона и ее роль в правоохранительной деятельности // М. – 2004. – 177 с.
7. Пипия А.Г. Институты Общей части уголовного права современного зарубежного государства (Франция, Испания, США, ФРГ, Италия): науч.-практ. Пособие. // М. – 1993. – 160 с.

LAWFULNESS OF APPLICATION OF THE PROVISIONS OF THE ACTUAL ERROR WITHIN THE FRAMEWORK OF THE EXISTENCE OF IMAGINARY DEFENSE

Annotation. This study contains an analysis of the signs of the existence of imaginary defense in the criminal legislation of various countries by comparing it with the basic conditions for applying the factual error. The author compares the criteria for the legitimacy of the actions of the defender in a state where there is no socially dangerous attack in objective reality, as well as the legitimate existence of the necessary defense in the actions of the subject. It is proposed to amend the current legislation of the Donetsk People's Republic.

Keywords: state of necessary defense, institute of factual error, exceeding limits, imaginary defense, validity of an attack, criteria of lawfulness.

Volodina A.

Scientific adviser: Semykina L., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: alexavldn@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕНСИОННЫЕ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Гилязова Е.М.

*Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной статье рассмотрены виды пенсионных систем, их плюсы и минусы. Проанализированы характерные особенности развития пенсионных систем Российской Федерации, США, Германии и Донецкой Народной Республики. Каждое государство имеет ряд преимуществ в области пенсионного обеспечения. Недостатки, с которыми сталкиваются государства и пытаются их решить, также можно проследить у каждой страны. На основе проведенного исследования предлагается внести изменения в пенсионные системы таких стран, как Российская Федерация и Донецкая Народная Республика, а именно включение и активное развитие негосударственных пенсионных фондов.

Ключевые слова: пенсионная система, накопительная пенсионная система, распределительная пенсионная система, демографический кризис, негосударственное пенсионное обеспечение.

В 1948 году была принята Всеобщая декларация прав человека в которой и было определено право каждого человека цивилизованного государства на социальное обеспечение. Пенсионное обеспечение является важнейшей социальной гарантией и составной частью системы социальной защиты населения.

На данный момент существует три типа пенсионных систем: распределительная или солидарная система, накопительная система и смешанная система. Сущность распределительной пенсионной системы состоит в том, что работающее население осуществляет отчисления в общий « пенсионный котёл», откуда позднее выплачиваются денежные средства всем тем, кто достиг пенсионного возраста. Плюс данной системы состоит в том, что пенсии получают и те, кто самостоятельно не смог своими отчислениями обеспечить себе пенсии. Минус – зависимость системы от соотношения доходов (количество плательщиков и размеров отчислений) и расходов (количества пенсионеров и размера выплат). Если падает рождаемость, а продолжительность жизни растет, то отчислений не будет хватать на выплаты пенсий.

Накопительная пенсионная система противоположна распределительной и заключается в том, что в течении жизни человек или его работодатель делает отчисления из заработной платы, эти деньги инвестируются и приносят доход и именно на них человек живёт на пенсии. Плюс – рост продолжительности жизни, рост численности пенсионеров, снижение рождаемости мало влияют на накопительную пенсионную систему. Сколько человек сам накопил, столько он и будет получать в старости. Минусы:

1. Беззащитность тех, кто сам не смог накопить на пенсию (инвалиды, люди с маленьким стажем, многодетные матери и т.д.);
2. Размер пенсии зависит от инвестиционной стратегии;
3. Положительный эффект внедрения накопительной системы чувствуется не сразу, так как существующим пенсионерам не затронутых накопительной системой необходимо платить пенсии, что в свою очередь увеличивает нагрузку на государственный бюджет.

Во многих странах пенсионная система смешанная – распределительно-накопительная. Сами граждане или их работодатели делают отчисления в пенсионный фонд страны, часть этих денег идет на выплаты нынешним пенсионерам, а другая часть – на их собственную будущую пенсию.

На протяжении последних лет национальные пенсионные системы во многих развитых странах оказались в сложной ситуации. Существенное негативное влияние на деятельность пенсионных систем оказывают:

1. Демографический кризис (низкая рождаемость, повышение продолжительности жизни).

2. Структурные изменения на рынке труда (увеличение численности самозанятого населения, поздний выход молодежи на рынок труда) [1].

Многие развитые страны предпринимают меры для снижения воздействия вышеуказанных факторов и стабилизации финансовой устойчивости пенсионных систем, а именно:

- 1) стимулирование более позднего выхода на пенсию;
- 2) ужесточение правил выхода на досрочную пенсию;
- 3) повышение пенсионного возраста и т.д.

Российская Федерация является страной с высоким уровнем взносов на пенсионное обеспечение, но не смотря на это реальный уровень пенсий невысок. Российская пенсионная система является изменённой советской, ориентированная на низкий и средний класс и низкую дифференциацию доходов. При этом Современной рыночной экономике Российской Федерации характерно значительное неравенство доходов, чем в СССР. В результате значительная группа населения с высокими доходами и высокими стандартами жизни отсекается.

Средний класс по сути исключен из обязательной пенсионной системы, ведь верхняя граница зарплат, с которых выплачиваются страховые взносы, устанавливается на уровне, соответствующем нижним границам зарплат средних классов. В свою очередь средний класс выступает донором по отношению к низкооплачиваемым работникам на этапе формирования солидарного пенсионного фонда.

1. Солидарная система адресованна работникам с низким уровнем заработной платы, которая поддерживает уровень пенсий на прожиточном минимуме пенсионера.

2. Промежуточное положение занимает средний класс: его притязания выше пенсий образующихся в солидарной пенсионной системе, но потенциал для формирования сбережений за пределами пенсионной системы недостаточен.

3. Население с высоким доходом почти не принимает участие в формировании пенсионной системы и формируют свои сбережения за рубежом.

Немаловажной проблемой является увеличение численности пенсионеров. Низкий уровень рождаемости приводит к разнице между гражданами пенсионного возраста и трудоспособным населением, что к своему времени приводит к старению нации. Это в свое время увеличивает нагрузку на пенсионную систему и приводит к дефициту Пенсионного фонда. Солидарная ответственность решает проблему пенсионного обеспечения при стабильном росте уровня оплаты труда и благоприятных демографических условиях.

Экономический рост зависит от экономических условий и если население стареет, то в результате появляется проблема нехватки финансовых средств для выплаты пенсий будущим пенсионерам [2].

При этом переход к накопительной пенсионной системе не решит проблему полностью, так как он требует дополнительных ресурсов для финансирования работающих граждан во время переходного периода, а также высокий уровень макроэкономической стабильности. Кроме этого в Российской Федерации наблюдается высокая доля выхода на досрочную пенсию. Если за рубежом право на досрочную пенсию имеют 3–4 профессиональные группы, то в России число профессий и производств дающих право выхода на досрочную пенсию составляет около 2 тыс., объединенных в 27 групп получателей.

Низкий уровень пенсионной грамотности населения является ещё одной проблемой. В условиях недостаточной информированности граждан не предоставляется возможным повышение качества услуг, предоставляемых негосударственными пенсионными фондами [3].

Другой аспект проблемы состоит в том, что существуют принципиальные различия в структуре потребностей пенсионеров разных возрастов. Относительно «молодым» пенсионерам в большей степени нужны деньги, то в старшем возрасте выхода на пенсию резко возрастает спрос на оказание услуг социального сектора (здравоохранение, лекарственные средства, услуги по уходу), которые не могут быть удовлетворены на основе умеренного повышения пенсий. Из этого следует, что реформа пенсионной системы должна сопровождаться реформами в здравоохранении и формированием рынков по оказанию услуг для пожилых людей.

Огромное влияние на экономику страны имеет пенсионный фонд, так как его главной целью объявляется обеспечение нормального уровня жизни с помощью перераспределения и накопления средств во времени и в пространстве. Независимо от места проживания, каждый человек своим трудом и при помощи взносов на социальное страхование гарантирует себе определенный прожиточный уровень в будущем.

Сегодня реформирование пенсионной системы Российской Федерации с включением в нее и активным развитием института негосударственного пенсионного обеспечения становится необходимостью.

Организационную основу для негосударственного пенсионного обеспечения должны составлять негосударственные пенсионные фонды, то есть организация с правом юридического лица на введение исключительно пенсионного вида деятельности [4].

На данный момент накопилось множество недостатков в старой модели пенсионной системы Российской Федерации, что в свою очередь оказывает негативное влияние на экономику страны и предотвращает ее развитие и именно поэтому реформирование на данном этапе является необходимым.

Одной из наиболее успешных пенсионных систем считается пенсионная система США, однако даже она имеет свои плюсы и минусы.

Средняя гарантированная пенсия работающего американца составляет около 1000 долларов (приблизительно 67000 руб.), для тех, кто не отчислял обязательные пенсионные взносы – 500 долларов (33 500 руб.).

В США существует несколько видов пенсионного обеспечения: государственная пенсия, частная коллективная пенсия по месту работы, частная индивидуальная пенсия путем открытия личного счета.

Государство предоставляет возможность пенсионерам льготную медицинскую страховку, которая положена им с 66 лет. Кроме этого в дополнение к пенсии они получают отдельные финансовые средства на питание, предоставляется помощь по оплате ЖКХ, оплачивается наблюдение медсестрой.

Любой человек, работающий в государственных структурах, получает пенсию по отдельной пенсионной схеме. Но несмотря на большое количество плюсов, пенсионная система США имеет значительный перечень отрицательных характеристик.

Основной проблемой пенсионной системы США является неоптимальный объем средств. За 2017 год дефицит составил около триллиона долларов.

В поисках решений по минимизации расходов на пенсии было выдвинуто два варианта: снижение величины пенсий, либо увеличение времени выхода на пенсию, либо же комбинацию этих двух вариантов, что в свою очередь не несёт положительного исхода для граждан Америки.

Изучая пенсионную систему Германии можно встретиться с большим количеством плюсов, чем минусов. На данный момент в Германии существует два вида пенсионного обеспечения – государственное и частное. Первое является обязательным для граждан с доходами не более 3900 евро в месяц, второе – добровольное. Люди, зарабатывающие более 3900 евро обращаются к частным пенсионным фондам. Это даёт возможность регулировать объем пенсии самостоятельно и контролировать возможность дефицита средств [5].

Пенсионный фонд Германии формируется за счёт отчислений работающего населения, которые идут на выплату пенсий. При этом обязанностью каждого работника является отчисление части заработной платы на поддержание оптимального объема средств Пенсионного фонда.

В Германии возможность выхода человека на пенсию предоставляется после 5 лет стажа. При этом государство не только предоставляет возможность выхода на пенсию после такого маленького отработанного периода, но и отчисляет государственные дотации размером 50 % Пенсионного фонда. Если же начисленная государством сумма ниже чем прожиточный минимум, каждому пенсионеру доплачивается сумма до его уровня. Особые условия выплаты пенсий предусмотрены и для отдельных граждан, например для вдов и вдовцов выплачивается двойная пенсия, а для государственных служащих оформляется дополнительная пенсия.

Среди недостатков пенсионной системы Германии следует отметить то, что размер государственной пенсии в ФРГ зависит от уровня заработной платы и не предполагает перераспределение ресурсов в пользу социально незащищённых слоев населения. Вторым минусом выступает то, что для достижения «среднемесячной пенсии» стоит приложить немало усилий, которые не выполняются большинством пенсионеров.

Пенсионная система Донецкой Народной Республики состоит из двух уровней. Пенсионное и социальное обеспечение в значительной мере влияет на качество жизни населения. Качество жизни населения можно определить при помощи сопоставления прожиточного минимума и заработной платы населения, но до настоящего времени прожиточный минимум в ДНР не установлен на законодательном уровне. Во время переходного периода на территории Донецкой Народной Республики применяется законодательство о пенсиях Украины в части, непротиворечащий Конституции Донецкой Народной Республики. Поэтому для расчета прожиточного минимума используется показатель Украины на момент проведения референдума в 2014 году в перерасчёт на российский рубль по курсу 1:2и на 01.01.2017 составляет 2600 руб.

К причинам, которые обуславливают внесение изменений в прежнюю пенсионную систему относятся: неспособность государственной системы обеспечить потребности населения, отсутствие развитой рыночной экономики и инвестиционного механизма на рынке труда, появление дополнительных форм социального обеспечения в странах ближнего зарубежья.

Во многих развитых странах мира государства используют негосударственные пенсионные фонды как систему софинансирования. Суть негосударственных пенсионных фондов заключается в формировании пенсионных накоплений населения путем уплаты дополнительных страховых взносов (вместе с обязательными страховыми взносами) на накопительную часть своей будущей трудовой пенсии.

Учитывая во внимание то, что действующий Пенсионный Фонд Донецкой Народной Республики не в силах должным образом удовлетворить потребности граждан в достойном пенсионном обеспечении, является целесообразным направить силы на разработку и совершенствование пенсионного законодательства, а также формирование и развитие негосударственных пенсионных фондов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурлака Н.П. Основные тенденции реформирования пенсионных систем в современном мире. – 2009. – № 5. – С. 25-30.
2. Кудрин А.А , Гурвич Е. Г. Стратегия населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. – 2017. – №3. – С. 52-79.
3. Филипповская О.В. Актуальные проблемы пенсионной системы РФ. – 2017.– С. 22-34.
4. Соловьев А.К. Пенсионная реформа в Росси – новый этап // Вестник финансового университета при Правительстве РФ. – 2014. -№ 5. – С. 179-184.

MODERN PENSION SYSTEMS OF OUR TIME

Annotation. This article discusses the types of pension systems, their pros and cons. The characteristic features of the development of pension systems of the Russian Federation, the USA, Germany and the Donetsk People's Republic are analyzed. Each state has a number of benefits in the field of pension provision. The shortcomings faced by states and trying to solve them can also be seen in each country. Based on the study, it is proposed to amend the pension systems of countries such as the Russian Federation and Donetsk People's Republic, namely the inclusion and active development of non-state pension funds.

Keywords: pension system, funded pension system, distribution pension system, demographic crisis, non-state pension provision.

Gilyazova E.

Scientific: Efremova A., Ph.D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: egilazova42@gmail.com

УДК 343.92

ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: СОЦИУМ, СЕМЬЯ, НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

Гокунь Ю.С.

*Научный руководитель: Гулина С.Н., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Преступное поведение, являющееся отклонением от нормы, зависит не только от самого индивида, но и от общества, семьи и наследственных факторов. Влияние социума подразумевает под собой влияние на преступное поведение социального положения будущего преступника, отношения к нему со стороны общественности, определённых ситуаций, возникших в социуме, в связи с которыми человеческое мышление искажается, а поведение отклоняется от нормального. В зависимости от состава семьи, отношения её членов друг к другу и всем остальным людям у ребёнка начинает складываться соответствующее отношение к определённым вещам и окружающему миру. Наследственность показывает каким способом генетическая обусловленность преступного поведения предыдущих поколений влияет на совершение преступлений индивидом, а различные наследственные теории ещё раз подтверждают влияние генофонда на преступное поведение.

Ключевые слова: преступное поведение, общество, семья, наследственность.

Факторы, обуславливающие преступное поведение, являются поводом для дискуссий уже не одно столетие. Это связано с тем, что философы, учёные, психологи и специалисты в области криминологии не имеют единого мнения о причинах формирования преступного поведения. Сложившаяся проблема имеет важное значение, т.к. определение причин, обуславливающих преступное поведение, позволит на практике снизить уровень преступности и предотвратить совершение новых преступлений. На современном этапе проблема разработана частично, а, следовательно, нуждается в дальнейшей разработке. Ранее причины, обуславливающие преступное поведение, изучались по отдельности, комплексное исследование не производилось. Следовательно, целью данной статьи является комплексное исследование факторов, обуславливающих преступное поведение.

Томас Мор полагал, что преступность имеет социальную обусловленность [1, с. 11-12]. Общество подразумевает под собой слаженный непрерывно работающий механизм. Однако даже в нём случаются сбои, которые имеют вид причин и предпосылок, повлёкших за собой совершение преступлений и, соответственно, рост

преступности. Такие предпосылки и причины следует разделить на две категории, первая из которых связана с денежными средствами, а вторая – с нравственным состоянием общества. Первая категория включает в себя ряд причин, вызванных проблемами в экономической сфере общества и государства. Например, для экономического кризиса, как причины роста преступности, характерны: спад производства, нарушение производственных связей, банкротство предприятий, невыплата зарплат, пенсий, пособий и других материальных средств. За этими процессами следует массовая потеря людьми их рабочих мест. Человек, лишённый средств на существование, становится способным пойти на всё, даже на нарушение закона, чтобы выжить самому и спасти свою семью. Он может, не задумываясь, совершить противозаконное действие, например, украсть, убить или ограбить. С другой стороны, человек в условиях экономического кризиса может убить или ранить другого защищаясь от противоправных посягательств, вызванных трудным материальным положением нападавшего. Помимо этого, на совершение преступлений значительное влияние оказывает и риск стать безработным. У человека, оказавшегося под влиянием страха остаться без работы, т.е. без единственного источника дохода, начинает зарождаться преступное мышление, которое зачастую переходит в совершение преступления или в систему преступлений. Так, если перед начальником станет выбор уволить одного сотрудника или второго, один из сотрудников может начать распространять клевету, угрожать убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, подстроить совершение убийства или самоубийства конкурента, подтолкнуть его к убийству, самоубийству или иному противоправному деянию. Следовательно, социальные причины совершения преступлений, связанные с денежными средствами, встречаются наиболее часто.

Согласно научной основе марксистского учения о нравственности, в связи с тем, что человек получает свои знания, ощущения и т.д. из окружающей среды и из опыта, необходимо сделать окружающую среду благоприятной. Это позволило бы каждому члену общества «почувствовать себя человеком» [2, с. 405-427]. Однако современное общество в некоторых аспектах не соответствует данному идеалу марксизма. Государство создаёт все необходимые условия для жизни в нём, но, тем не менее, в обществе находятся индивиды, разрушающие всё созданное. Это напрямую зависит от моральных качеств населения, в частности, от нравственности. Хотя низкий уровень нравственности и морали по большей мере относится к личностным причинам совершения преступлений, однако в современном обществе ему подвластно значительное количество людей, что делает его общественной проблемой.

Низкий уровень нравственности делит людей на две группы. Первую группу составляют те, кто непосредственно нарушает закон. Зачастую человек сам решает, нарушить ему закон или быть законопослушным гражданином. В некоторых случаях на решение влияют примеры из жизни окружающих. Противозаконное и разрушительное поведение других лиц оставляет отпечаток на сознании многих членов общества. Пьянство, наркомания, совершение противоправных деяний и другие общественно вредные явления разрушают жизни не только тех, кто пьёт, употребляет наркотики или совершает преступления, но и тех, кто наблюдает за всем этим со стороны. Взрослым людям иногда сложно понять, что подтолкнуло человека на такой образ жизни, как живут те, кто тратит все деньги на алкоголь, наркотики, как отдельные индивиды решаются нарушить закон и т.д. Несформировавшаяся психика, неокрепший разум и не оформившееся мировосприятие детей способствуют быстрому перениманию увиденного образа жизни. Дети, которые ещё не понимают, что есть «плохо», а что есть «хорошо» невероятно быстро впитывают полученную информацию и, повзрослев, начинают активно следовать примеру взрослых. Конечно, значительное место в этом вопросе отведено семье, но влияние общества отрицать невозможно.

Вторая группа состоит из тех, кто подталкивает на совершение преступлений. При этом нельзя назвать данную группу лиц подстрекателями или иными соучастниками преступления, т.к. влияние, которое они оказывают на правонарушителей не похоже на то, которое оказывают указанные выше лица. Организатор отличается от лиц второй группы тем, что он организовывает совершение преступления или руководит процессом его совершения. Также организатором принято считать человека, создавшего организованную группу или преступное сообщество. Лица второй группы не организовывают преступления, не осуществляют никаких руководящих действий для его совершения, не создают организованную группу или преступное сообщество. От пособника лица второй группы отличаются тем, что они не оказывают никакого содействия преступнику. Подстрекателем является тот человек, который только при наличии прямого умысла склоняет к совершению преступления. Лица второй группы могут только без прямого или косвенного умысла сказать или сделать что-нибудь по отношению к преступнику. Они действуют, не задумываясь о последствиях и о том, как другой человек может отреагировать на их слова и действия, т.к. они безразлично относятся к нему, хотя выглядят лучше на его фоне, хотят, чтобы он стал таким же, как они или почувствовал то же самое, что они чувствовали когда-либо. Эти люди не всегда безнравственны. Возможно, одни из них просто адаптировались и стали вести себя как некоторые другие, т.к. считают, что так проще и лучше жить, а остальные таким образом формируют механизм защиты, стремясь оградить себя от «жестокого» мира. На ряду с этим, они даже не задумываются над тем, что именно они делают этот мир таким.

Френк Танненбаум и Эдвин Лемерт определили, что действия людей не являются сами по себе хорошими или плохими, указав на то, что нормальность и девиация определяется обществом. Говард Беккер сформулировал классическую теорию стигмации, согласно которой социальные группы создают девиацию самостоятельно. Это происходит в силу того, что они руководствуются правилами, нарушение которых считается отклонением. В дополнение к этому, социальные группы требуют соблюдения данных правил от некоторых людей, на которые наклеивают ярлыки аутсайдеров [3, с. 15]. При этом, девиация подразумевает под собой не сам поступок, а применение обществом правил и санкций против нарушителя.

В тех случаях, когда отличающееся от установленных в обществе норм и правил поведение угрожает нормальному функционированию социальных процессов, на него устремляется социальный контроль. Здесь социальный контроль существует не в привычных нам формах, а искажается, принимая вид недопустимых советов, замечаний, комментариев и действий, которые только усугубляют и так крайне тяжёлую ситуацию. Следовательно, человек, находящийся в трудном положении, начинает видеть меньше законных способов решения сложившейся проблемы. У него постепенно складывается представление о том, что выйти из сложившейся ситуации и наладить свою жизнь можно только нарушив закон.

Общественное осуждение, критика, а в некоторых случаях психологическое давление, которое, не задумываясь, оказывают лица второй группы, способно привести к ужасным последствиям. Значительное влияние на уровень нравственности оказывают сложившиеся в обществе стереотипы. Стереотип подразумевает под собой прочно закрепившийся в памяти людей шаблон, любое отхождение от которого выливается в виде крайнего недовольства, в данном случае, окружающими. Например, общественное осуждение беременной женщины, которая собирается растить ребёнка без отца, может повлечь за собой детоубийство, совершённое новоиспечённой матерью.

Многие учёные при определении причин преступности не разделяют социум и семью. Однако на наш взгляд, необходимо отделить семью от общества. Семья оказывает значительное влияние на формирование сознания ребёнка. Родители,

старшие братья и сёстры, другие родственники направляют ребёнка, обучают тому, что знают сами, помогают понять мир и окружающих людей. Именно от тех условий, в которых растёт ребёнок, зависит то, кем он станет и то, как у него сложится жизнь. Поэтому в неблагополучных семьях в большинстве случаев вырастают дети с нарушенным представлением о жизни и окружающем мире. Это вызвано отсутствием необходимого внимания, любви, заботы и опеки. В неблагополучных семьях превалирует ложь, унижение, агрессия, насилие, конфликты и ссоры. Как следствие, ребёнок замыкается в себе, становится скрытным, начинает думать, что ложь и другие отрицательные явления вполне нормальные и подходят для общения с окружающими. Такой ребёнок начинает общаться на привычном ему языке, который неприемлемый для общения в нормальной среде. Это происходит из-за того, что ребёнок не знает, что нормально, а что нет. Поведение ребёнка выходит за рамки допустимого, он начинает плохо себя вести, ссориться с другими детьми, забирать у них игрушки, ломать их и т.д.

Глядя на плохой пример, который подаёт родители, стараясь быть похожим на них и выглядеть взрослее, ребёнок может начать подражать родителям. Он может в очень раннем возрасте начать пить, курить, воровать, хулиганить, а также любыми другими способами демонстрировать поведение, не соответствующее ребёнку. Нарушая при этом закон, дети и подростки не задумываются о последствиях и о том, что, если вовремя не остановиться, можно стать преступником. Однако некоторых из них такие перспективы устраивают, т.к. став преступником, ребёнок или подросток станет «ровней» своим родителям или родственникам, приобретёт определённый опыт, авторитет и таким образом станет полноценным членом семьи.

Многие дети из неблагоприятных семей лишены элементарного ухода, обладают заниженной самооценкой, подвергаются телесным наказаниям, голодают, мёрзнут из-за дефицита тёплой одежды, а, значит, и часто болеют. При этом такие дети болеют не только физически, но и психологически. Последнее наблюдается в случаях, когда дети не показывают свои истинные чувства и переживания. Дети скрывают свои чувства и эмоции боясь, что родители радикально на это отреагируют. Такая реакция может быть выражена в виде нецензурной лексики, оскорблений, причинения физической боли ребёнку (удары, пощечины) или в виде принуждения к совершению какой-либо недетской работы. За этим следует становление детей из подобных семей грубыми, скрытными, такие дети всячески пытаются изолировать себя от окружающих, постоянно испытывают страх и тревогу, слишком быстро взрослеют, считают, что они хуже, чем остальные дети, а становясь старше, понимают, что разочаровались во всём и во всех, презрительно ко всем относятся, становятся недоверчивыми, не могут сострадать и сопереживать, ожесточаются, считают людей ничтожными и «низкими» существами, перестают ценить человеческую жизнь.

Одним из случаев, когда страдает физическое здоровье ребёнка, является то, что дети из неблагополучных семей не говорят о своих потребностях. Это вызвано тем, что родители этих детей когда-либо резко отреагировали на некоторые потребности ребёнка. Например, употребляющие алкоголь родители могли ударить ребёнка, который попросил поесть, попить, сказал, что замёрз. Без пищи или при её недостатке несформированный организм ребёнка может остановиться в развитии. Детский иммунитет слабее взрослого, следовательно, дети более восприимчивы к заражению каким-либо заболеванием. А при низких температурах дети заболевают значительно быстрее взрослых и болеют дольше.

Не только в неблагополучных семьях, но и в некоторых обычных, бывают случаи, когда психологическое здоровье детей ухудшается. Этому могли предшествовать такие факторы, как:

- 1) чрезмерная строгость воспитания. Строгое воспитание зачастую благотворно влияет на ребёнка, однако родителям необходимо помнить об определённых границах.

Дети, которых родители воспитывали чрезмерно строго, растут безынициативными, становятся замкнутыми, болезненными и агрессивными, подверженными чужому мнению, следовательно, их легче склонить к совершению преступлений;

2) вседозволенность. Действия детей почти ничем не ограничены, нет почти никаких правил, дети могут бегать где попало и делать, что им захочется. Подростки заводят сомнительные знакомства, попадают в плохие компании, не думают о будущем. Вседозволенность в воспитании способствует тому, что чувство жалости у ребёнка не развивается. Как дети, так и подростки не понимают слова «нет», для них не существует запретов. Со временем это приводит к тому, что, уже повзрослевшие дети думают, что им всё можно. Они начинают нарушать закон, думая, что за этим не последует никакого наказания;

3) гиперопека. Ребёнок растёт несамостоятельным, легкомысленным, не знает о негативных сторонах жизни, а значит не имеет представления о том, как выражать негативные эмоции, в частности, гнев и злость, и бороться с ними. Дети, выращенные в семьях с гиперопекой, не знают, что такое труд, работа. Став взрослее, такие дети делают всё возможное, чтобы показать свою зрелость, независимость и самостоятельность, в том числе они решаются и на совершение преступлений;

4) фобии и психические расстройства родителей, например, мания чистоты и порядка родителей, матери. Создание взрослыми идеальной чистоты в доме может сопровождаться давлением на ребёнка. Ребёнок может вырасти заикленным на чём-либо, запуганным, т.к. родители постоянно заставляли его убирать и прилагать все усилия для поддержания чистоты. Порой это могло сопровождаться криками и оскорблениями. В более зрелом возрасте у человека, воспитанного такими родителями, может сложиться впечатление, что решить какую-либо проблему можно только избавившись от её источника, как в случае с грязью. Так, материальную проблему он будет решать с помощью кражи, разногласия – путём нанесения телесных повреждений или убийства. Интересным при этом является тот факт, что мания чистоты передаётся наследственным путём.

Рассматривая наследственность, как причину совершения преступлений, можно опираться лишь на ряд теорий. Теория наследственного дерева ставит своей целью доказать наличие наследственной предрасположенности к нарушению закона, изучая генеалогию преступников на нескольких поколениях. Наследственность как причина совершения преступлений подразумевает под собой передачу признаков и задатков, подталкивающих к нарушению закона. Можно предположить, что как такового «гена преступности» («гена преступника») не существует. Как и в случае с шизофренией [4, с. 25-33], за наследование преступных качеств и преступного поведения отвечают десятки, а возможно и сотни фрагментов генома, в которых присутствуют аномалии. При этом также следует определить, участки каких генов несут в себе угрозу стать преступником, – аутосомных или сцепленных с полом.

Согласно теории близнецов, однояйцевые близнецы по сравнению с двуяйцевыми, чаще совершают одинаковые преступления и имеют конкордантное поведение. Главным недостатком данной теории принято считать неразделение биологических и социальных предпосылок, т.к. близнецы растут в одной семье, т.е. в одинаковых социальных условиях.

Хромосомная теория связана с изучением хромосомных аномалий. Нормой половых хромосом считается: у мужчин – XY, у женщин – XX. При этом встречаются случаи, удвоения «мужской» половой хромосомы – XYX-синдром. Учёные предполагают, что такая аномалия приводит к формированию «сверхмужского» типа личности, склонного к агрессивному и жестокому поведению.

Идея о том, что склонность к совершению преступлений может передаваться наследственно является спорной. Некоторые учёные полагали, что наследственность

зависит от пожилого возраста родителей, алкоголизма, раздражительности отца, преступности родителей. При этом многие из них указывали на то, что по внешности можно определить, какое преступление может совершить то или иное лицо. Марро обнаружил, что убийцам свойственна широкая челюсть, выдающиеся скулы, черные и густые волосы, отсутствие бороды и бледное лицо. Чезаре Ломброзо считал, что от врожденной предрасположенности зависит, станет человек преступником или нет. Также он определил, что каждому типу преступлений свойственны свои аномалии физиологии, психологии и анатомического строения [5, с. 9-149]. Э. Кремер, проводя свои исследования установил, что телосложение человека указывает на то, какой тип преступного поведения ему может быть присущ. Согласно закономерности, которую он вывел, люди высокие, широкоплечие, крепкого телосложения могут совершить насильственные преступления. Совершение преступлений против собственности свойственно низкорослым и полным людям.

Ссылаясь на исследования вышеназванных учёных, можно сделать следующий вывод: внешность влияет на место человека в обществе, определяет отношение окружающих к нему, а также оказывает значительное влияние на формирование самооценки. Большинство людей при выборе друзей и просто собеседников отдают предпочтение тем людям, которых считают привлекательными внешне. Умственные способности, нравственные качества и так называемый «внутренний мир» имеют при этом второстепенное значение. Зачастую подобная ситуация складывается в подростковом возрасте, когда из-за acne подростков отвергают сверстники. Специфическая и неординарная внешность может повлиять на отношение окружающих к какому-либо человеку и сформировать у последнего различные комплексы. Он может перестать принимать себя таким, каким он есть, попытается стать кем-то другим и в процессе этого нарушить закон. Либо оскорблённый и обиженный человек может ожесточиться, стать злым и в виде мести своим обидчикам совершить против них какое-либо преступление. Здесь к наследственности примыкает личностный фактор. На наш взгляд, личностный фактор, способствующий становлению человека преступником, заслуживает особого внимания и должен быть исследован отдельно от остальных.

Каждый из рассмотренных факторов по-своему влияет на искажение мировоззрения человека и становление его преступником. При этом сложно установить, что оказывает большее влияние: общество, семья или наследственность. Однако становится очевидным то, что при смешении указанных факторов человек в большинстве случаев начинает нарушать закон. Следует отметить, что теоретическая и практическая ценность этого направления значительна, т.к. нами была составлена комплексная характеристика факторов, обуславливающих возникновение преступного мышления и поведения. Считаем данное направление перспективным и в дальнейшем планируем развивать данное направление в научных работах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. М.: НОРМА, 2001. С. 11-12.
2. Плеханов Г. В. Карл Маркс и Лев Толстой // Л. Н. Толстой в русской критике: Сб. ст. / Вступ. ст. и примечания С. П. Бычкова. – 2-е изд., доп. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. – С. 405—427.
3. Г. Беккер. Аутсайдеры. М.: Элементарные формы. – 2018. – 272 с.
4. O'Donovan MC; Williams N.M., Owen M.J. Recent advances in the genetics of schizophrenia (англ.) // Human Molecular Genetics (англ.) русск.. – Oxford University Press, 2003. – Vol. 12 Spec No 2. – P. R125–33.
5. Чезаре Ломброзо. ПРЕСТУПНЫЙ ЧЕЛОВЕК. СПб.: МИДГАРД. – 2005. – 874 с.

CRIMINAL BEHAVIOR: SOCIETY, FAMILY, HEREDITARY

Annotation. Criminal behavior, which is a deviation from the norm, depends not only on the individual himself, but also on society, family and hereditary factors. The influence of society implies the influence on the criminal

behavior of the social status of the future offender, public attitudes towards him, certain situations that have arisen in society, in connection with which human thinking is distorted, and behavior deviates from normal. Depending on the composition of the family, the relationship of its members to each other and all other people, the child begins to develop an appropriate attitude to certain things and the world around him. Heredity shows in what way the genetic conditionality of criminal behavior of previous generations affects the commission of crimes by an individual, and various hereditary theories once again confirm the influence of the gene pool on criminal behavior.

Keywords: criminal behavior, society, family, heredity.

Gokun J.

Scientific adviser: Gulina S., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: yulya.gokun@mail.ru

УДК 351.86

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Горбань А.Д.

*Научный руководитель: Краснонос Е.Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматриваются основные проблемные аспекты национальной безопасности Российской Федерации. Проанализировано нормативное правовое обеспечение некоторых положений национальной безопасности и современная политика государства, направленная на обеспечение основных прав и законных интересов граждан в области национальной безопасности. Сделаны выводы относительно усовершенствования законодательной базы в сфере безопасности.

Ключевые слова: безопасность, целостность, преступность, терроризм, конфликт.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в ходе становления и развития цивилизованного общества перед ним встают трудные, иногда не разрешимые проблемы мирового масштаба. Основные положения безопасности на международном и межнациональном уровнях дают нам понять, что существуют видимые проблемы. И связано это, прежде всего, с появлением новых угроз и конфликтов.

Целью моего исследования является выявление проблемных аспектов национальной безопасности Российской Федерации, поиск и анализ нормативно-правового обеспечения некоторых положений национальной безопасности и эффективности его применения в части актуальности сохранения и укрепления целостности государства.

Современная политика государства позволяет обеспечить главные и основные права и законные интересы своих граждан и выдвигает новые требования к обеспечению национальной безопасности страны.

Необходимо уделить особое внимание термину «безопасность», как парадокса интернациональной политической составляющей, представляющей защищенность государством своих законных границ от посягательств, исходящих из внешнего мира. Национальная безопасность, как составляющая доля международной безопасности, считается стратегией, сосредоточенной в предоставлении актуальных жизненно значимых заинтересованностей гражданина, личности и государства. Так, понятие национальной безопасности закреплено статьей 6 «Стратегии Национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537, и является положением безопасности личности, социума и государства от внутренних и внешних посяганий,

позволяющее гарантировать конституционные права, свободы, территориальное единство и качественный уровень жизни гражданина в государстве, независимость и стойкое развитие Российской Федерации, а также ее обороноспособности.

В Концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 года № 640) в качестве основной задачи определяется «обеспечение безопасности страны, ее суверенитета и территориальной целостности» [1, с. 23].

Единичного интереса потребует рассмотрение одного из основных проблемных вопросов, являющегося одним из важнейших на сегодняшний день и встающих перед Российской Федерацией, – это недостаток основательно обдуманного, занимающего все без исключения главные ниши на национальном уровне, социального существования концепции государственной защищенности. Ко всему прочему, необходимо выделить наличие последовательных политических операций, выполненных, в том числе основными господствующими ветвями власти и академическими обществами Российской Федерации.

Расценивая определенные внутренние трудности защищенности Российской Федерации, необходимо принять тот факт, что сама государственная защищенность государства не в полной мере соответствует всем характеристикам, гарантирующих надлежащую степень государственной безопасности. Наглядно это можно увидеть на примере развития национальной безопасности, где в результате создания Содружества Независимых Государств Российская Федерация утратила несколько изначально собственных территорий, мореходных портов и средств стратегического направления.

Крайне сложный промежуток времени высококачественного реформирования испытывает армия Российской Федерации, наткнувшись на потребность перехода в новейшие виды спецвооружений в обстоятельствах недостатка бюджетных денежных средств, а также сложного гражданского состояния, включающего в себя рядовой и офицерский состав.

Кроме того, в тяжелом положении пребывает российское военное производство, так как госзаказы, в том числе и иностранные, не используют абсолютно всего существующего у него потенциала, а объявление государством о снижении для кредиторов доходности по займам, полученным государством, не в состоянии систематически и результативно реализовываться по причине отсутствия денежных ресурсов.

В сложном состоянии находится и российское научное сообщество: в течение 90-х годов прошлого столетия из страны уехало приблизительно 300 тысяч экспертов в той или иной области. Такая «потеря умов» обозначает годовой ущерб государству объемами равными 60-70 миллиардов долларов США.

Действительно пугающих масштабов подверглась и криминологическая составляющая Российской Федерации. Противозаконный мир имеет на сегодняшний день в своем строе порядка десятков тысяч людей с оружием. Сплотившись, они готовы регулировать и контролировать не только проблемы местного значения, а также и воздействовать на развитие политики внутри страны и далеко за ее пределами. Согласно анализам, проведенным криминалистами-учеными, каждый год в Российской Федерации происходит примерно 10-20 млн. преступлений. Анкетирование населения демонстрирует, что боязнь перед преступностью ставится лицами, принимающими участие в социологическом опросе, на первые ряды, обходя порой классические тревоги перед увеличением поднятия цен и разорением.

Защищенность российского гражданина испытывает ущерб, в первую очередь, от волюнтаристских посягательств.

По данным экспертов-криминологов, изменилось не только количество, но и «качество» убийств, их общественная опасность. Ведущая мотивация – корыстная,

которая в недалеком прошлом не превышала 3-8% мотиваций умышленных убийств. Одновременно с появлением слоя «новых русских» появились новые виды корыстных убийств, так называемые «заказные», совершаемые на почве купли-продажи либо аренды недвижимости [2, с. 283].

С меркантильными посягательствами на жизнь начали демонстрировать конкуренцию политико-государственные и шовинистические преступления. Происходят акты террористического характера, со временем превращающиеся в каждодневные явления современности: терроризм, взятие заложников, похищения, многочисленные организованные убийства при между региональных военных разногласий – грустные признаки современного мира. Смертоубийства и насилие, совершающиеся чеченскими боевиками и интернациональными террористами в пределах Чеченской Республики и прочей Российской Федераций, пока ожидают собственной уголовной квалификации.

Характерной особенностью убийств и насилий последнего времени является применение военного снаряжения, нередко оружия массового поражения. Со времен окончания Великой Отечественной Войны не было столь высокой оснащенности средствами, приспособленными технически пригодными для нападения или защиты, взрывными устройствами преступных группировок. В руках преступников – новейшие образцы, которые по законам криминального рынка продаются и покупаются повсеместно на территории бывшего СССР и за его пределами [3, с. 317].

Финансовая защищенность личности, социума и государства претерпевает огромный убыток, причиненный корыстной преступностью. Последняя добилась степени, превышающей отметку 70 % удельного веса по отношению ко всей преступности, несмотря на отсутствие таких показателей в прошлом десятилетии, не переступающих отметку 50 %. Ее размеры равны миллиардам и триллионам рос. рублей.

Данные корыстной материальной преступности имеют принципиально обновленную конструкцию. Кража общегосударственного и социального имущества осуществляется на сегодняшний день путем их приватизации, «искусственного происхождения банкротства», экономических и сырьевых сделок.

Глобальных масштабов общенационального бедствия добилась наркозависимость населения. Согласно проведенному анализу, прибыль с оттеняющего производства достигает около 50-60 миллиардов рос. рублей ежегодно. Следовательно, примерно 3 миллионов российских граждан втянуты в употребление наркотических веществ, являющееся колоссальной угрозой для генофонда и развития страны в будущем.

Государственная безопасность подрывается интернационализацией преступности, ее коррумпированием и политизацией, а также криминализацией политики. Скандальные заказные убийства (например, произошедшее совсем недавно в Москве убийство магаданского губернатора В.Цветкова), скандалы вокруг региональных выборов – тому яркие подтверждения [4, с. 56].

В области внешней экономической преступности уже заметны хищения и контрабанда стратегически важных объектов, в том числе и ядерных. Популярности получило неизвестное ныне преступление в качестве «отмывания» денежных средств и экономических ценностей. В этом же аспекте внутренние трудности и негативные условия в целом никак не ограничивают список угроз национальной защищенности Российской Федерации.

Знаменитый общероссийский политический деятель, в прошлом министр Министерства иностранных дел, Службы внешней разведки и кабинета министров Примаков Е.М. в своем докладе определил следующие главные внешние угрозы национальной безопасности Российской Федерации. По его мнению, первой группой внешних опасностей для Российской Федерации является лишение Российской Федерации репутации могучего государства, вытекающее из желания конкретных сил, принудить ей нерентабельные условия интернационального сотрудничества.

Несомненно, не следует принимать тот факт, что главы всех развивающихся промышленных стран соглашаются с таким мнением.

Проявлением угроз первого типа является продолжающееся качественное совершенствование вооружений. По мнению Е.М.Примакова, этот вызов для Российской Федерации остается и нуждается в адекватной реакции. Утрата Россией преимуществ от обладания ядерным потенциалом не позволит ей сохранить статус великой державы [5, с. 259].

Угрозы безопасности Российской Федерации, исходящие извне, являющиеся замахом на ослабление ее безопасности, можно считать навязыванием невыгодных условий межгосударственного сотрудничества, связанными с действиями в настоящее время совершающимися в российской социально-экономической сфере.

Характерны примеры с протестами Соединенных Штатов Америки по поводу поставок Российской Федерацией двигателей Индии (в итоге так и не осуществленных), давление в связи с поставками ряда отечественных технологий «двойного назначения» Ирану. Можно вспомнить и попытки вытеснить Российскую Федерацию с рынков вооружений в то время, когда Запад увеличивает свои усилия в области торговли оружием [6, с. 187].

В данном случае особенно следует обратить внимание на весьма насущную для Российской Федерации проблему – постепенное уничтожение ее научного и технологического резерва. На сегодняшний день перед Российской Федерацией стоит ключевое задание: приложить максимальные усилия по сбережению научного кадрового потенциала, приобретенного уровня изучений как теоретического, так и практического свойства. К тому же действительное положение дел втягивается в резкое разногласие с этой стратегической задачей.

Вторая категория происходит из остро выраженных с недавних пор региональных и интернациональных инцидентов. Данное усугубление, по мнению Примакова Е. М., сопровождается новыми признаками:

– увеличением границ остроконфликтной области. В последние годы мы думали, что договоренности по безопасности и сотрудничеству в Европе, заключенные в г. Хельсинки, основательно дают гарантию границам европейских стран и непосредственно самому порядку на материке. Сейчас ситуация совершенно образом претерпела изменений, и как пример продолжительные и ужасающие межнациональные войны в странах бывшей Югославии;

– ни разу на послевоенном этапе конфликтующая область не приближалась «лицом к лицу» к территориям Российской Федерации. В данный момент вооруженный конфликт истекает в пределах границ Чеченской Республики;

– невзирая на усиленные действия Соединенных Штатов Америки и их сторонников, не усматривается на данный момент обеспечение устойчивости и регулирование конфликта в Афганистане, что в силах на будущее затруднить ситуацию в соседних странах Центральной Азии;

– с недавних пор увеличил свои просторы и влияние определенно отрицательное действие на международную ситуацию исламский экстремизм. В то же время необходимо провести конкретную черту между классическим исламом, основывающимся на многолетней традиции и не ставящим главной задачей насильственное распространение «исламского образца» по всему миру, и исламским экстремизмом (в первую очередь ваххабизмом), целью которого является «глобальный джихад» и принуждение следованию такой модели жизни целым народам и государствам. Такой экстремизм усиливает и способствует развитию глобальных конфликтов: Чеченская Республика, Афганистан, Центральная Азия, Косово и ряд других.

Кроме того, значительную опасность предполагает прогрессирующие в зарубежных странах эпизоды предумышленного искажения исторических событий,

восстановление идей нацизма, фашизма. Информативные и телевизионные сети, киберпространства (Интернет), на сегодняшний день являются основными орудиями для экстремистов и террористов, использующиеся ими в целях пропагандирования своих организаций для привлечения новых «членов банды» и группировок, расширяя при этом собственную идеологию.

Подводя итог изложенного выше, для совершенствования законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации необходимо:

– провести оценку угроз национальной защищенности и разработать определенную политику с целью противодействия им. Следует сформировать современную систему корректировки национальной безопасности Российской Федерации;

– установить преимущества законодательного обеспечения проблем национальной безопасности и провести экспертный анализ существующей правовой базы;

– разработать и ввести в действие законодательные проекты, касающиеся противодействия некоторых видов угроз (к примеру, угрозе территориальной целостности, угрозе терроризма, сепаратизма и т. д.);

– сделать первые шаги по усовершенствованию национальной безопасности, создать механизм нормативно-правового регулирования такого рода области регулирования, при котором будет достигнут максимальный эффект действенности реализации национальной безопасности Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 30 ноября 2016 года № 640// Собрание законодательства Российской Федерации. – С. 23.
2. Зубков А. И. Геополитика и проблемы национальной безопасности России / А.И. Зубков. – М.: Юридический центр, 2015. – С. 849.
3. Наумова Т.В. Безопасность России: Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Словарь терминов и определений// Т.В. Наумова. – Изд. 2-е, доп. М.: МГФ «Знание», 1999. – С. 704.
4. Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве // В. А. Карташкин. – М.: ИГиП РАН, 1995. – С. 135.
5. Авдийский В.И. Теневая экономика и экономическая безопасность государства: Учебное пособие / В.И. Авдийский. – М.: Альфа-М, ИНФРА-М, 2018, – С. 496.
6. Тонких В. А., Лытнева Н. А. Национальная безопасность России в условиях современных вызовов и угроз // В.А. Тонких, Н.А. Лытнева// Молодой ученый №11. – 2017. – С. 408.

BASIC PROBLEM ASPECTS OF THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PROSPECTS FOR THEIR RESOLUTION

Annotation. This paper discusses the main problematic aspects of the national security of the Russian Federation. The regulatory legal support of certain provisions of national security and modern state policy aimed at ensuring the basic rights and legitimate interests of citizens in the field of national security are analyzed. Conclusions are made of the relative improvement of the legislative framework in the field of security.

Keywords: security, integrity, crime, terrorism, conflict.

Gorban A.

Scientific adviser: Krasnonosov E., Ph.D in Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: gorban.nasty@yandex.ru

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Горбунова О.Е.

*Научный руководитель: Краснонос Е.Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы, связанные с поиском путей повышения эффективности деятельности органов исполнительной власти, регламентирующих и реализующих таможенные правоотношения.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, таможенные органы, юридические меры воздействия

Приоритетными направлениями деятельности таможенной службы ДНР были и остаются: осуществление правоохранительной функции, совершенствование технологий таможенного оформления и таможенного контроля, обеспечение экономической безопасности государства и защита его экономических интересов [1, с. 57].

Существует несколько путей решения данных проблем:

1. Развитие и совершенствование таможенной инфраструктуры. Важную роль для инфраструктурного развития приграничных субъектов Донецкой Народной Республики играет дальнейшее совершенствование законодательной базы в области таможенного дела. Это должно сопровождаться применением современных информационных технологий.

2. Подготовка и переподготовка кадров (должностных лиц таможенных органов и специалистов в области таможенного дела) посредством повышения квалификации и обучения в специализированных высших учебных заведениях республики. Решение указанной проблемы позволит создать мощный кадровый потенциал для таможенных органов ДНР, способный решать любые задачи в области защиты интересов республики.

3. Модернизация технического оснащения таможенных органов, в особенности передовой его части – таможенных постов. Решение задач, которые стоят перед таможенными службами любого государства, не может быть в полной мере эффективным без привлечения современных достижений науки и техники, без использования возможностей, которые ежедневно предоставляет человечеству научно-технический прогресс.

Научно-технический прогресс (НТП) предполагает использование современных достижений науки для создания и усовершенствования орудий труда, разработка на основе этих достижений и внедрение в практическую деятельность человека новых технологических решений, направленных на повышение производительности труда, получение более высоких показателей труда, выполнение больших объёмов работ с меньшими расходами [2].

Использование результатов НТП в деятельности таможенных органов должно носить комплексный характер. Основными направлениями использования достижений НТП в сфере таможенного дела являются: изучение и внедрение мирового опыта организации технического обеспечения деятельности таможенных структур; повышение уровня технических знаний сотрудников таможенных органов; исследование и анализ эксплуатационных возможностей технических средств таможенного контроля, их своевременное изменение на современные, более эффективные средства; проектирование (разработка технических заданий),

изготовление высокоэффективных технических средств с использованием достижений НТП; проектирование, организация и внедрение высокоэффективных форм перемещения лиц, транспортных средств и товаров через таможенную границу государства, обеспечение этих форм соответствующими технологическими схемами.

Характеризуя основные направления развития современной науки и техники относительно возможностей их приложения в таможенном деле целесообразно остановиться на: разработке комплексных систем идентификации физических лиц и контроля грузов; разработке новых систем видеонаблюдения за зонами ограниченного доступа и прилегающих к ним территории; разработке новых и усовершенствовании традиционных источников электрической энергии; разработке новых и усовершенствовании традиционных носителей информации, технических средств её воспроизведения и утилизации; усовершенствовании средств документирования (фото- и видеокamer); разработке и усовершенствовании поисковых средств контроля (металлоискателей, эндоскопов и т.п.).

Современные тенденции развития налогообложения, торговли и таможенного дела разработке новых технических средств идентификации и исследования веществ, сырья и материалов [3, с. 48].

Среди новейших достижений, способных поднять эффективность таможенного контроля на качественно новый уровень, можно отметить следующие: специализированные системы, позволяющие существенно снизить вероятность несанкционированного перемещения опасных предметов, например, взрывчатых веществ (комплекс автоматического контроля пассажиров и их багажа через «электронный нос», который может не только анализировать запахи, но и воссоздавать их впоследствии, используя базовый набор химических компонентов; система выявления подозрительных личностей на основе анализа их поведения; система распознавания настроения (эмоционального состояния) человека по выражению его лица, жестам, позе; система ограниченного доступа в служебные помещения, оснащённая специальными дверьми с биометрической защитой; биометрические гражданские паспорта, содержащие фотографию, электронное изображение владельца, паспортные данные, личную подпись и другую информацию, характерную для подобных документов; рентгеновские микроскопы нового поколения, способные рассмотреть самые мелкие детали структуры объекта даже под его поверхностью; прибор даёт возможность изучать не только однородные вещества, но и многослойные и пористые структуры; микроскоп позволяет получать изображение одного и того же участка под разными углами [4].

Применение новых технических средств, для проведения таможенного контроля даст участникам внешнеэкономической деятельности значительные преимущества. Современные тенденции развития налогообложения, торговли и таможенного дела позволит значительно сократить накладные расходы; сократить время прохождения таможенных процедур.

Подводя итоги можно отметить, что все проблемы, связанные с административной ответственностью за таможенные правонарушения, решаемы. Несмотря на то, что Донецкая Народная Республика – молодое государство, её законодательная база достаточно быстро развивается, в том числе и в таможенном деле.

Для решения вышеуказанных проблем в таможенном деле необходимо:

- 1). Унифицировать законодательство, регламентирующее административную ответственность со странами – участницами Таможенного союза, выход ДНР в их плоскость. Единые принципы и нормы регулирования ВЭД должны сопровождаться одинаковой ответственностью за их нарушение и несоблюдение.

- 2). Дальнейшее развитие и совершенствование отношений в сфере таможенного дела, соблюдение принципов построения таможенной системы, эффективное

использование всех видов таможенных платежей, определённых в законодательных актах ДНР.

3). Перспективным способом является упрощение законодательства, отказ от второстепенных ограничений и предписаний. Продолжением этого подхода должно быть создание благоприятных условий для контроля за административной ответственностью за таможенные правонарушения, сокращение числа, сложности и продолжительности таможенных формальностей. Сведение к минимуму или устранение необходимости непосредственного общения субъектов, пересекающих таможенную границу, и должностных лиц таможни – электронное декларирование.

4). Создание нетерпимого отношения к нарушителям таможенного законодательства. Следует понимать, что нарушения таможенного законодательства «бьют» не только по государству. Например, неуплата таможенных платежей – это не только недополученные бюджетом причитающихся налогов. Не уплатив таможенные платежи, нарушитель получает значительные конкурентные преференции, а это уже прямо затрагивает интересы добросовестных экспортёров/импортёров, работающих в том же сегменте рынка. Худшим развитием событий при этом может быть экономическая невозможность ведения бизнеса «по-честному» в силу преобладания на рынке незаконно ввезённых товаров. Такой подход создаст благоприятную среду для снижения числа правонарушений против установленного порядка таможенного регулирования.

5). Превентивные меры. Быть честным и законопослушным, ответственным субъектом-гражданином должно быть выгодно. Получаемые преференции должны прямо или косвенно превращаться в финансовые и конкурентные преимущества пересекающего таможенную границу: сокращение сроков поставки товара, эффективное использование транспорта, отсутствие штрафов и наказаний, гарантированное соблюдение условий контрактов и т.д.

6). Определённые проблемы связаны с большой «вилкой» наказаний за административные таможенные правонарушения. Несмотря на наличие рекомендаций по их применению в конкретных обстоятельствах, отличающиеся в несколько раз минимальные и максимальные санкции создают почву для серьёзных злоупотреблений и коррупции в среде таможенных органов.

Несколько слов о резервах эффективности правоохранительной деятельности таможенных органов в части пресечения и профилактики административных правонарушений. Основные проблемы в области организации правоохранительной деятельности лежат в плоскости координации взаимодействия различных государственных органов в деле обеспечения экономической безопасности и различных структурных подразделений таможен. Определённой проблемой является комплектование правоохранительных подразделений таможенных органов профессиональными кадрами.

Анализ проблем реализации мер административной ответственности за таможенные правонарушения, поиски направлений совершенствования деятельности таможенных органов позволил сделать следующие выводы: таможенная политика ДНР на данном этапе не совершенна, но имеет множество путей развития и модернизации. Для решения поставленных задач требуется комплексный подход: совершенствование и дальнейшее развитие законодательной базы в области таможенного дела, привлечение инвестиций, внедрение новых технологий и оснащённости техническими средствами в местах проведения таможенного контроля. Необходимо максимально использовать опыт таких государств как: Республика Косово, Приднестровская Молдавская Республика, Республика Абхазия, Республика Южная Осетия. Решение этих задач позволит развивать внешнеэкономические связи, обеспечит защиту прав граждан ДНР при реализации таможенных процедур и, как следствие, пополнит Государственный бюджет ДНР и защитит её экономические и политические интересы.

Законодательная база административной ответственности за таможенные правонарушения в ДНР сформирована, работает. Но, безусловно, существует ряд проблем.

1. Фактически всё производство в деле об административной ответственности за нарушение таможенных правил сводится к составлению протокола, который является основным и зачастую единственным носителем доказательственной информации о нарушении. Неединичны случаи составления протокола об административном правонарушении лицом, которое согласно закону не имеет на это права, что является нелегитимным. Это пробел в законодательстве. Перечень обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении (ст. 247 КоАП), необходимо уточнить: «оформление протокола неуполномоченным лицом».

2. Основной проблемой таможенных органов республики является дальнейшее развитие и совершенствование отношений в сфере таможенного дела, соблюдение принципов построения таможенной системы, эффективное использование всех видов таможенных платежей, определённых в законодательных актах ДНР. Огромный потенциал в ускорении товарооборота, экономическая выгода – основные причины для вступления нашей республики в Таможенный союз ЕАЭС.

3. Пути совершенствования деятельности таможенных органов позволил сделать следующие выводы: таможенная политика ДНР на данном этапе не совершенна, но имеет множество путей развития и модернизации. Для решения поставленных задач требуется комплексный подход: совершенствование и дальнейшее развитие законодательной базы в области таможенного дела, привлечение инвестиций, внедрение новых технологий и оснащённости техническими средствами в местах проведения таможенного контроля.

4. Перспективным способом является упрощение законодательства, отказ от второстепенных ограничений и предписаний. Продолжением этого подхода должно быть создание благоприятных условий для контроля за административной ответственностью за таможенные правонарушения, сокращение числа, сложности и продолжительности таможенных формальностей. Сведение к минимуму или устранение необходимости непосредственного общения субъектов, пересекающих таможенную границу, и должностных лиц таможни – электронное декларирование.

5. Превентивные меры. Быть честным и законопослушным, ответственным субъектом-гражданином должно быть выгодно. Получаемые преференции должны прямо или косвенно превращаться в финансовые и конкурентные преимущества пересекающего таможенную границу: сокращение сроков поставки товара, эффективное использование транспорта, отсутствие штрафов и наказаний, гарантированное соблюдение условий контрактов и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Экономика ДНР: состояние, проблемы, пути решения: научный доклад / коллектив авторов ГУ «Институт экономических исследований» в рамках сотрудничества с Институтом народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук; под науч. ред. А.В. Половяна, Р.Н. Лепы;. Донецк: 2017., 57 с.
2. Рубин С. Формирование правовой системы Донецкой Народной Республики в современных условиях. Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика// Материалы международной практической конференции 17 мая 2017 года [Электронный ресурс] Режим доступа: expert-dnr.ru...pravovoy...donetskoy-narodnoy...v...2/Дата обращения: 12.11.2019. Загл. с экрана.
3. Современные тенденции развития налогообложения, торговли и таможенного дела. Тезисы докладов и выступлений II Региональной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (22-23 ноября 2016 года) / общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Белопольской Т. В. – Донецк: ДонНУ, 2016. с. 48
4. Стратегия развития г. Донецка на период до 2020 года [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://lukuanchenko.dn.ua/userfiles/Strategiya_razvitiya_goroda_Donecka_do_2020_g.pdf]. Дата обращения: 13.11.2019. Загл.с экрана

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF THE CUSTOMS AUTHORITIES OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. The article discusses theoretical and practical issues related to the search of ways of increase of efficiency of activity of Executive authorities of regulating and implementing customs.

Keywords: law enforcement, customs agencies, law enforcement measures.

Gorbunova O.

Supervisor: Krasnonosov E., Ph. D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: olga.1990g@mail.ru

УДК 341.1/8

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гоц Н.Н.

*Научный руководитель: Савченко А.А., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о необходимости реформирования действующей системы международной безопасности ООН, путем перехода от централизованного метода осуществления миротворческой деятельности к автономной, по средствам создания региональных международных организаций.

Ключевые слова: миротворчество, миротворческая деятельность, международные организации, коллективная безопасность.

Изначально при создании института международной коллективной безопасности государства исходили от единой гипотезы – система мировой безопасности должна базироваться и действовать на принципе централизации, что позволяет обеспечить наиболее эффективное взаимодействие государств через единственный орган, который наделен исключительными полномочиями по поддержанию Мира – ООН, который и будет являться координационным центром системы международной безопасности.

На сегодняшний день существуют множество международных (региональных) организаций, которые по своей сути являются аналогом ООН для осуществления установления (поддержания) мира и безопасности конкретных территорий, государств, объединенных общими интересами, которые осуществляют миротворческую деятельность по территориальному принципу. Наиболее яркими представителями являются НАТО, СНГ, ОБСЕ, ЭКОВАС и ряд иных международных организаций и объединений участвуют в процессе стабилизации отношений между странами и поддержания мира в отдельных регионах. Не смотря на то, что в учредительных документах таких организаций указано, что они признают задачи, цели и принципы миротворческой деятельности, которые закреплены в Уставе ООН и действуют исключительно на его основе, признавая главенствующую роль ООН в миротворческой деятельности, по факту данные организации действуют автономно.

Рассмотрим данный аспект более подробно через призму анализа мнений ведущих отечественных и зарубежных учёных, касательно этого вопроса, а также обратимся непосредственно к практике деятельности конкретных организаций. Безусловно, взгляды ученых в области международного права на эту ситуацию разделились.

Фёдоров В.Н., являясь ведущим отечественным ученым международного права в области анализа роли и сущности ООН, утверждает, что миротворческая деятельность

может представлять собой только единую централизованную систему структур, возглавляемой ООН, которой предоставлена главенствующая и координирующая роль миротворческого процесса. Данное положение является фактом, не подлежащим оспариванию, поскольку только данной Организации исторически принадлежат исключительные полномочия по разработке и реализации миротворческих процессов, поэтому недопустимо создания автономных локальных организаций, выполняющих аналогичные функции. Подобные явления и процессы приведут к разрушению единой системы миротворчества, созданной лидерами государств после Второй Мировой Войны, а также к утрате системы международного контроля за законностью и обоснованностью проведения миротворческой деятельности [1, с. 18].

Хан Г.Б., Булекбаев, С.Б., Рахманова Г.Б. считают, что появление региональных международных миротворческих организаций является не самоуправством и гегемонией могущественных государств, а результатом (ответной мерой) ряда объективных факторов, с которыми ООН очевидно не может самостоятельно справиться, из которых вполне прогнозируемым и логичным следствием является утрата ООН главенствующей роли в миротворческом процессе и передаче таких функций региональным структурам для проведения миротворческой деятельности непосредственно «на местах», что по мнению ученых будет более эффективным, чем командование ООН «с центра».

Таковыми факторами являются:

- нерешённость вопросов соотношения права наций на самоопределение и единства государственной целостности ряда стран, где в результате военных действий в 90-х годах XX-го века, образовались новые непризнанные мировым сообществом государственные образования;
- сохраняющиеся кризисные тенденции экономического и социального развития ряда вновь образованных государств и существующие внутри них межэтнические и межклановые противоречия;
- неурегулированность территориальных проблем;
- распространение террористических и экстремистских движений и рост влияния воинствующего фундаментализма на политику ряда стран; соперничество государств за передел сфер влияния [2, с. 120].

Зарубежные учёные А. Хенриксон и А. Беллами полагали, что для того, чтобы миротворческая деятельность была достаточно эффективна необходима региональная поддержка, которая хоть и не гарантирует явного успеха, однако способствует принятию согласованных решений о действиях миротворческих сил, призывают другие государства к ответственности и обеспечивают выполнение установленных правил. Такое сотрудничество между ООН и региональными миротворческими объединениями государств, возможно лишь при условии возможности выполнении задач миротворчества и взятии на себя такой ответственности последними [3, с. 127].

Что касается деятельности конкретных региональных миротворческих операций, то особый интерес в исследовании всегда вызывает НАТО, в силу своей неоднозначности в политике проведения миротворческих операций, и в вопросе насколько эти операции действительно соответствуют своему определению – как «миротворческие».

Исходя из анализа основных положений Концепции касательно содействия НАТО в операциях по поддержанию мира и безопасности, делаем вывод о том, что проведение миротворческих и иных операций НАТО может осуществляться как по мандату ООН, так и на основании собственного решения глав-участников Альянса, в ситуации наличия угрозы безопасности хотя бы для одного союзника [4].

На сегодняшний день НАТО представляет собой военно-политический инструмент, центрального звена в осуществлении политики США и их союзников в

области обеспечения безопасности не только в Евроатлантическом регионе, как изначально это было предусмотрено п.16 Концепции и ст.5 Варшавского договора, но и за его пределами [5].

Так в начале 2006 года госдепартамент США заявил о намерениях активно использовать Североатлантический альянс для реализации своих функций как миротворческой организации и распространить зону своего влияния на Африку, Азию и Ближний Восток.

Заключение НАТО и ЕС союза «Берлин Плюс» (1996) и совместной декларацией ЕС и ООН о сотрудничестве в области предотвращения и урегулирования кризисов (2003) позволили НАТО расширить своё влияние и возможность проведения «своих» миротворческих операций на пространстве всей Европы. В общей сложности, ЕС совместно с НАТО провели 25 миротворческих операций, включая 17 гражданских или смешанных гражданско-военных операций, 9 из которых осуществляются по сей день. Исключительно военный характер носят только операция «Алтея» в Боснии и Герцеговине, где ЕС взял на себя функции, ранее выполнявшиеся НАТО, и «Аталанта», проводящаяся с 2008 г. против сомалийских пиратов в Аденском заливе. Миротворческая деятельность ЕС регулируется Европейской стратегией безопасности (2003), Амстердамским договором (1997), Петерсбергской (1994) и Хельсинкской (1999) декларациями.

Важно понимать, что ООН на сегодняшний день не имеет никаких правовых средств сдерживания, влияния и контроля деятельности ЕС и НАТО в аспекте проведения миротворческих операций, особенно военного характера. Известны случаи, когда НАТО в ходе операций применялись оружия (боеприпасы), запрещенные общепризнанными Конвенциями [6, с. 2-3].

Выражая свою позицию к данному вопросу, которая является смежной по отношению к двум вышеуказанным, а именно – сторонников развития региональных миротворческих организаций и их противников, которые считают неприемлемым развития «сепаратных» явлений в системе международной безопасности, подчеркивая неизбежность авторитета ООН как исторически-главной Мировой Организации по вопросам мира и безопасности, предлагаем реформировать нормативно-правовую базу, регламентирующую коллективную безопасность таким образом, когда государствам разрешается заключение международных локальных соглашений о создании региональных миротворческих организации, при условии соответствия всем требованиям, предусмотренных Уставом ООН и иных НПА, касательно осуществления миротворческой деятельности. С обязательным контролем деятельности таких организаций от ООН, в первую очередь – предоставления им мандата на совершение миротворческой операции, с выполнением всех процедур развертывания миротворческой операции.

Региональные миротворческие организации должны являться структурным подразделением ООН. В состав таких организаций должны входить постоянные коллегии в качестве контрольного органа ООН, которые будут наделены надзорными полномочиями по вопросам проведения миротворческой операции, с обязательным их участием в разработке, проведении последних. Конечный план миротворческой операции возможно реализовывать лишь после его утверждения СБ ООН, с вручением мандата на проведение таковой.

В ходе исследования, также обратили внимание на вопрос об ответственности за причинение ущерба, в результате совершения правонарушения миротворческим контингентом, в ходе осуществления своей деятельности. А именно – необходима точная и полная правовая регламентация субъекта ответственности, состав правонарушения, мера ответственности и самое главное – определение конкретного специализированного органа или подразделения, в полномочие которому будет

вменено расследование правонарушений такого характера, и вынесение соответствующих решений о привлечении к ответственности или освобождения от неё.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федоров В.Н. Организация Объединенных Наций, другие международные организации и их роль в XXI веке. – М.: Логос, 2007. – 944 с.
2. Хан Г.Б., Булекбаев, С.Б., Рахманова Г.Б. Проблемы современных международных отношений. – Алматы: Print Express, 2008. – С. 120.
3. Henrikson A. The Growth of Regional Organizations and the Role of the United Nations // Fawcett L., Hurrell A. Regionalism in World Politics: Regional Organizations and International Order . – Op.cit. – P. 122–168
4. Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического договора. Активное участие, современная оборона. 19.11.2010. // Официальный сайт НАТО. [Электронный ресурс] URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm. (дата обращения 28.11.2019)
5. Североатлантический договор (Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апреля 1949 г.). // Официальный сайт НАТО. 2008. [электронный ресурс] URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_17120.htm (дата обращения 28.11.2019)
6. Старкин С.В. Сотрудничество ЕС-НАТО: факторы институционального взаимодействия // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». – Нижний Новгород, 2013. – 7 с.

ON THE QUESTION OF WHETHER IT IS APPROPRIATE TO DECENTRALIZE THE MECHANISM FOR IMPLEMENTING PEACEKEEPING ACTIVITIES

Annotation. The article discusses the need to reform the current system of international security of the United Nations, by switching from a centralized method of peacekeeping to an Autonomous one, by means of creating regional international organizations.

Keywords: peacekeeping, peacekeeping activities, international organizations, collective security.

Gotc N.

Scientific adviser: Savchenko A., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: nick.gots@yandex.ua

УДК 347.21

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СФЕРЕ ТУРИСТИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Григоренко Н.Ю.

*Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматриваются понятия «турагент» и «туроператор», отличие их функций, а также ответственность поставщиков туристического продукта перед потребителями, в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств.

Ключевые слова: туристическая деятельность, турагент, туроператор, туристские услуги, потребитель.

В наши дни практически каждый полноценный член общества пользовался услугами туристического агента. В перечне предоставляемых услуг, агентство предлагает не только комфортабельные туры за границу, но и маршруты для путешествий по стране, в которой вы проживаете. Туристические агенты не только помогут вам выбрать лучшее место для отдыха и развлечения, но и облегчат вам работу по перевозке документов и посылок.

В связи с этим не исключены ситуации, когда между потребителем и агентством возникают конфликтные ситуации на предмет невыполнения условий договора о предоставлении туристических услуг. В результате сотни граждан, которые недовольны качеством предоставляемых услуг, подают судебные иски о возмещении морального и материального вреда.

Обратившись к статистике Всемирной Туристической Организации, можно проследить изменение дохода туристических организаций в Российской Федерации и Украине и увидеть рост и падение показателей на рис. 1.

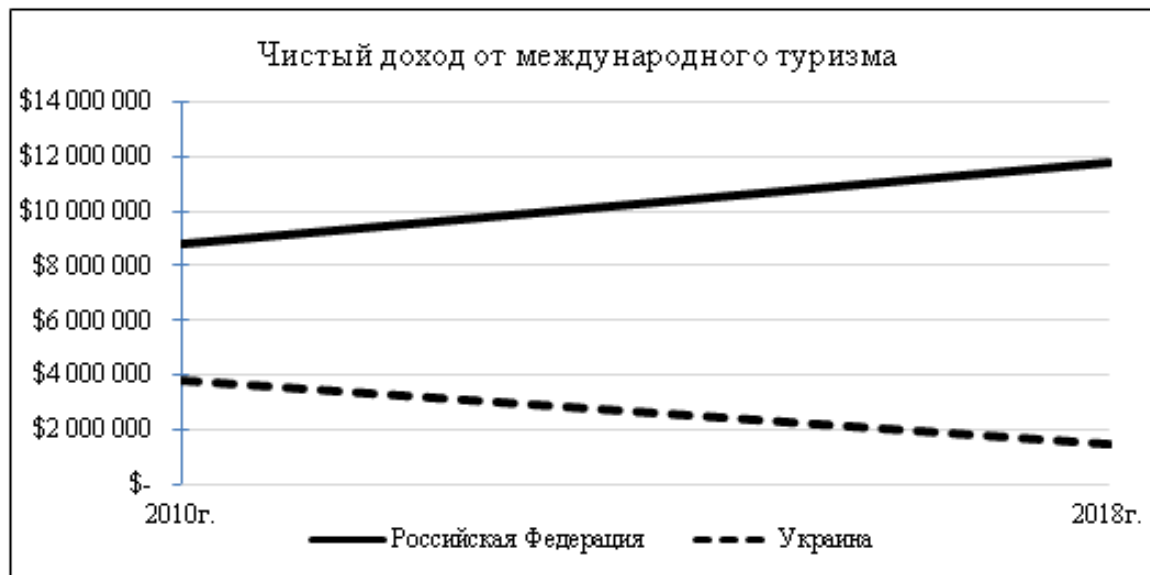

Рис. 1. Изменение дохода туристических организаций в Российской Федерации и Украине

В Российской Федерации чистый доход от международного туризма в 2010 году составлял 8,830 млн. долл., а в 2018 году этот показатель вырос до 11,802 млн. долл. В Украине данный показатель в 2010 году составлял 3,788 млн. долл., но на момент 2018 года чистый доход от международного туризма упал до 1,445 млн. долл. Согласно оценкам Всемирной туристической организации, доходы от туризма в ВВП, приведенных выше стран в 2018 году составляли: Российской Федерации – 2,1%, Украине – 0,3% [1].

Основой для законодательства, регулирующего туризм, как и для остальных сфер жизнедеятельности человека, являются основные права и свободы человека, которые находят свое отражение, в первую очередь, в конституции государства. Согласно ст. 3 Конституции Донецкой Народной Республики: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц» [2].

Признав «высшей ценностью» права и свободы человека, Конституции стран закрепили за ним: право на жизнь, право на охрану здоровья, право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью и имуществу, право на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, в том числе равенством всех перед судом, а также право на отдых (ст. 20, 37, 41–43, 45–46).

Основы правового статуса гражданина как потребителя кроме Конституции находят свое отражение в иных нормативно-правовых актах. Одним из основополагающих кодифицированных законодательных актов, который регулирует сферу гражданско-правовых отношений, включающая в себя сферу отношений, в

которых субъект права выступает потребителем, является Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики, который вступил в законную силу с 1 июля 2020 г. [3].

Закон Донецкой Народной Республики № 53-ІНС от 05.06.2015 «О защите прав потребителей» регулирует отношения, возникающие между потребителями и производителями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о товарах (работах, услугах) и об их производителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав. Положения данного нормативно-правового акта распространяются в том числе и на сферу туризма [4].

Согласно п.2 Постановления Совета Министров ДНР «О применении Законов на территории ДНР в переходный период»: до принятия Законов ДНР, регулирующих отношения между субъектами права Министерством и ведомствам ДНР применять Законы Украины или Законы других государств в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете Донецкой Народной Республики, Конституции ДНР [5].

Поэтому, из-за отсутствия законодательного акта, регулирующего правоотношения в сфере туризма на территории Донецкой Народной Республики действует закон Украины «О туризме».

Правовое регулирование в сфере предоставления туристических услуг имеет ряд коллизий, в первую очередь из-за количества сторон, которые участвуют в сложившихся отношениях. Существует, как минимум, четыре стороны: туристическая фирма (туроператор), турист (потребитель), государство и организация туристической индустрии (перевозчики, средства размещения, предприятия общественного питания и др.).

Ахтямова Е.В. в своей работе «Гражданско-правовое регулирование туристской деятельности в Российской Федерации» обращается к вопросу об отличии ответственности туроператора и турагента. Она считает, что не существует на данный момент весомых доводов в правовой сфере для уравнивания статуса туроператора и турагента, так как они обладают разным объемом правомочий и функций [6, с. 53].

Существует значительное отличие в таких понятиях, как «турагент» и «туроператор».

«Туристические агенты (далее – турагенты) – юридические лица, созданные в соответствии с законодательством Украины, а также физические лица – субъекты предпринимательской деятельности, которые осуществляют посредническую деятельность по реализации туристического продукта туроператоров и туристических услуг других субъектов туристической деятельности, а также посредническую деятельность по реализации характерных и сопутствующих услуг».

«Туристические операторы (далее – туроператоры) – юридические лица, созданные в соответствии с законодательством Украины, для которых исключительной деятельностью является организация и обеспечение создания туристического продукта, реализация и предоставление туристических услуг, а также посредническая деятельность по предоставлению характерных и сопутствующих услуг и которые в установленном порядке получили лицензию на туроператорскую деятельность» [7].

Главное отличие этих понятий состоит в том, что турагент не принимает участия при формировании тура, а лишь приобретает его у туроператора в готовом к реализации виде или реализует его по поручению туроператора. В таком случае турагент является только посредником между туристом и туроператором. Юридическая ответственность туристического агента ограничивается соответствующим предоставлением полного объема информации о предоставляемых услугах, об условиях путешествия, правах и обязанностях туриста, третьих лиц и своевременной оплаты туроператору.

В связи с тем, что турагент предоставляет только услуги по продвижению и реализации продукта, который был предварительно создан туроператором, в перечень его функций входит:

- продажа подготовленного туроператором продукта в роли посредника между оператором и потребителем;
- отсутствие обязательного страхования своей ответственности.

Одной из главных проблем в сфере туристического обслуживания является ненадлежащее выполнение условий договора между потребителем и турагентом/туроператором, а именно ответственность лица, предоставляющего услуги в сфере туристического бизнеса.

Выполнение предписаний и норм закона обеспечивает стабильность правоотношений в государстве. Однако, без устойчивого механизма, который побуждает субъектов тех или иных правоотношений действовать в соответствии с правовыми нормами, это невозможно. Если же происходит нарушение установленных предписаний, тогда участник правоотношений будет подвержен санкциям. Они могут иметь различный характер, начиная от штрафа и заканчивая лишением прав собственности. Институт ответственности является гарантом для субъекта, чьи права и интересы были нарушены.

Особенностью сферы туристического обслуживания является неосвязаемость продукта, а также качество предоставляемых услуг оценивается потребителем в условиях эмоционального всплеска, который зависит от многих факторов, в первую очередь – это особенности восприятия окружающей обстановки и психологическое состояние субъекта. Именно из-за взаимозависимости вышеперечисленных условий, оценка продукта, предоставляемого туристическими фирмами является субъективной.

Туристическая услуга как «невидимый» товар имеет ряд особенностей, а именно:

- 1) неосвязаемость – их невозможно продемонстрировать, увидеть или попробовать до получения;
- 2) неразрывность производства и потребления – оказать услугу можно только тогда, когда поступает заказ или появляется клиент;
- 3) изменчивость – качество туристической услуги зависит от того, когда и где её предоставляют;
- 4) неспособность к хранению – их нельзя складировать, накопить [8, с. 74].

Ошибка при предоставлении туристических услуг недопустима, ведь их невозможно исправить. Потребитель, воспользовавшийся недоброкачественной туристической услугой, не сможет вернуть ее производителю.

Степень юридической ответственности зависит не только от специфических свойств туристического продукта, но и в первую очередь от того, кто именно предоставляет туристические услуги: турагент или туроператор.

В статье 32 Закона Украины № 324/95-ВР «О туризме» говорится о том, что «за ненадлежащее исполнение своих обязательств туроператор, турагент, другие субъекты туристической деятельности несут имущественную и иную ответственность, определенную в договоре в соответствии с действующим законодательством» [7].

Туроператор является изготовителем туристического продукта, который несет полную ответственность перед потребителем, при неисполнении либо ненадлежащем исполнении обязательств. Последний, в праве истребовать материальную компенсацию в сроки, установленные договором. При этом возмещение туристу осуществляется даже в том случае, если такие услуги, предусмотренные договором, не были предоставлены вследствие неправильных или иных действий партнеров туроператора.

В работе Кудрявцевой Л.В. и В.В. Афисова «Особенности защиты прав потребителей в сфере туристской индустрии» говорится о том, что турагент не несет ответственности за последствия ненадлежащего формирования туристического

продукта и исполнение договора о реализации туристического продукта, если он действует от имени туроператора [9, с. 46].

Одной из форм ответственности перед потребителем является страховое возмещение в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств со стороны турагента/туроператора.

Согласно ст. 9 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»: «по договору о реализации туристического продукта, заключенному турагентом, туроператор несет ответственность за неоказание или ненадлежащее оказание туристу и (или) иному заказчику услуг, входящих в туристический продукт, независимо от того, кем должны были оказываться или оказывались эти услуги» [10].

Из вышесказанного следует, что турагент, являясь посредником в предоставлении туристических услуг, не несет ответственности в случае неоказания или ненадлежащего оказания заказчику услуг. Но лишь при наличии заключенного турагентом договора и реализации туристического продукта.

Положение турагента имеет свои преимущества перед статусом туроператора, так как он самостоятельно контактирует с исполнителями туристических услуг, но в тоже время ответственность перед потребителем несет, или туроператор, или же непосредственно лицо, отвечающее за то или иное действие.

Таким образом, страховое возмещение полностью осуществимо турагентом, как непосредственным исполнителем, но лишь при условии, что турагент совершил все возможные действия для того, чтобы потребитель был удовлетворен полученной туристической услугой.

В части 1 статьи 25 Закона Украины «О туризме» указано, что «Туристы и экскурсанты имеют право на возмещение материального и морального ущерба в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения условий договора» [5].

В украинском законодательстве нет четкого разграничения в степени ответственности туристического оператора и турагента. Последние считаются равными в своих полномочиях с туроператорами, что является огромной ошибкой, ведь турагент является лишь посредником между потребителем и изготовителем туристического продукта.

Исходя из этого, законодателю следует усовершенствовать механизм ответственности в сфере туризма, а именно разграничить степени ответственности турагентов и туроператоров в силу разного объема правомочий и функций. Но при этом, не исключать ответственности со стороны посредника – турагента, так как он, в свою очередь, при осуществлении турагентской деятельности, является одним из звеньев неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств перед потребителем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статистика Всемирной туристической организации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tourlib.net/wto/WTO_highlights_2018.pdf (дата обращения: 30.01.2020)
2. Конституция Донецкой Народной Республики от 27.02.2015 № 17-ИНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 30.01.2020)
3. Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики от 13.12.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su> (дата обращения: 30.01.2020)
4. Закон Донецкой Народной Республики «О защите прав потребителей» от 05.06.2015 № 53-ИНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-zashhite-prav-potrebiteljev/> (дата обращения: 30.01.2020)
5. Постановление Совета Министров ДНР «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» от 02.06.2014 № 9-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-9-1-2014-06-02/> (дата обращения: 30.01.2020)

6. Ахтямова Е.В. Гражданско-правовое регулирование туристской деятельности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. – 175 с.
7. Закон Украины «О туризме» от 15.09.1995 № 324/95-ВР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/324/95-%D0%B2%D1%80> (дата обращения: 30.01.2020)
8. Фролова, Т.А. Экономика и управление в сфере социально-культурного сервиса и туризма: конспект лекций / Т.А. Фролова. – Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2010. – 218 с.
9. Кудрявцева Л.В., Афисов В.В. Особенности защиты прав потребителей в сфере туристской индустрии // Бизнес в законе. – 2015. – С. 44-47.
10. Федеральный закон Российской Федерации «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 N 132-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 30.01.2020)

LEGAL REGULATION OF CONSUMER PROTECTION IN THE FIELD OF TOURIST SERVICES

Annotation. In the framework of this work, the concepts of «tour operator» and «tour operator» are used, as well as the responsibility of tourism product service providers to consumers in case of failure to fulfill or improper performance of obligations.

Keywords: tourist activity, travel agent, tour operator, tourist services, consumer.

Grigorenko N.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: gny9999@mail.ru

УДК 347.469.1

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ МЕДИАТОРУ

Григорьева Н.В.

*Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной статье рассматриваются профессиональные требования, предъявляемые медиатору в России и за рубежом, выделены их преимущества и недостатки, а так же требования, предъявляемые к личностным, социальным характеристикам фигуры медиатора. Автором представлены требования к профессионализму медиатора, которые помогли бы улучшить процесс медиации в целом.

Ключевые слова: медиатор, конфликт, профессиональные требования, медиативная практика, подготовка медиатора.

Каждый человек, хоть и принадлежит к общему виду *homo sapiens*, обладает индивидуальными, а порой и уникальными чертами характера. Знаменитый французский писатель Ги де Мопассан так сказал об этом: «Люди – они как книги: буквы одни и те же, но содержание разное» [1, с. 14]. Поэтому в социуме, где каждый человек имеет свой неповторимый индивидуально-психологический «портрет», закономерно появление межличностных противоречий, перерастающих иногда в настоящую вражду, тем более в наше время, когда жизненные процессы с каждым годом становятся все активнее и сложнее. В экономике происходят структурные реформы, трансформируется правовое регулирование. Эти перемены приводят к увеличению числа противоречий и конфликтов. В современном обществе люди привыкли решать все споры, будь то семейные или деловые, с помощью правосудия. Таким образом, стороны, вовлеченные в конфликтную ситуацию, заведомо занимают позиции пострадавшего и обвиняемого, тем самым лишая друг друга возможности быть услышанными и понятыми. Как следствие это приводит к новым обидам и отдаляет стороны от истинного решения проблемы. Ведь даже незначительный

судебный процесс может разрушить деловые отношения, запятнать репутацию и потребовать много времени и большого количества финансовых затрат. Поэтому в настоящее время все большую актуальность приобретает применение альтернативных методов решения конфликтов. Одним из которых является процедура медиации.

Медиация (от лат. *medius* – занимающий середину между двумя точками зрения) – это процедура примирения конфликтующих сторон путем их вступления в добровольные переговоры в присутствии нейтрального лица – медиатора с целью достижения взаимопонимания и составления взаимоприемлемого соглашения, минуя судебное разбирательство [2, с. 71]. Советник Президента Российской Федерации Яковлев В. Ф. так говорит о медиации: «После любого судебного разбирательства конфликт остается, ведь одна из сторон всегда будет проигравшей. Главное же преимущество медиации заключается в том, что после проведения этой правовой процедуры конфликт исчерпан, обе стороны находят для себя компромиссный вариант, интересы каждой конфликтующей стороны сохранены. Есть такое выражение: «Суд – это многоточие в споре и точка в отношениях. Медиация – это точка в споре и многоточие в отношениях» [3, с. 107].

На настоящий момент по проблеме медиации существует довольно большой объем научной литературы как зарубежных, так и российских авторов. Общие вопросы медиации затрагивались в трудах таких авторов как: О. В. Аллахвердова и А. Д. Карпенко, А. А. Елисеева, С. А. Курочкина, В. В. Лисицына и т.д. Медиация в сфере гражданско-правовых отношений, в гражданском процессе и в арбитражном процессе исследовалась Д. Л. Давыденко, Е. А. Добролюбовой, И. Ю. Захарьящевой, С. И. Калашниковой, Ю. С. Колясниковой, и др. Профессиональные и этические стандарты медиатора рассматривались такими авторами как А. С. Архипкина, Е. А. Бодрова, Д. В. Маткина и др. Из зарубежных авторов, исследовавших вопросы медиации, выделим следующих: В. Т. Конусова, С. Г. Пен, Гвайн Дэвис, Хайнц Мессмер и др.

Процедура медиации закреплена в законодательстве Российской Федерации, а именно в: Федеральном законе от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [4]; Кодексе медиаторов России и др. Так же процедура медиации регулируется международными нормативно-правовыми актами, такими как Европейская Директива о некоторых аспектах медиации в гражданской и предпринимательской сфере [5] и др.

Процедура медиации принята и признана как эффективный инструмент при разрешении споров различной сложности и разного уровня по всему миру. Существует множество подходов, а также моделей медиации – но вне зависимости от их особенностей, основными участниками процедуры медиации выступают стороны конфликта (физические и юридические лица) и медиатор, который играет ключевую роль в примирительной процедуре. Именно от него зависит благополучное и скорое разрешение конфликта.

Термин «медиатор» является буквальным воспроизведением английского *mediator*, означающего «посредник, примиритель» [6, с. 8]. Понятие «медиатор» определяется Директивой 2008/52/ЕС как любое третье лицо, к которому обратились с просьбой провести медиацию эффективно, беспристрастно, компетентно, независимо от вероисповедания или профессии этого третьего лица, и способа, которым это третье лицо было назначено или получило запрос провести медиацию [5]. В Федеральном законе от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» так же содержатся понятия «медиатор, медиаторы» и определяются как независимые физические лица, привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора [4].

Ключевой задачей медиатора является обеспечение сторонам помощи в понимании их реальных потребностей и интересов, налаживании диалога. Медиатор

должен помочь сторонам спора в восстановлении способности конструктивно общаться между собой, обеспечить условия для формирования общего понимания проблемы (то есть медиатор не заставляет стороны соглашаться друг с другом, но помогает им понять точку зрения, интересы и потребности другого), содействовать сторонам в поиске (выработке и оценке) их собственного, реалистичного, жизнеспособного решения. Чтобы выполнить эту задачу медиатор должен быть независим от сторон и не иметь заинтересованности в содержательном аспекте разрешения спора. Стороны должны доверять медиатору и полагаться на его профессионализм. В связи с этим многих волнует вопрос о том, какими качествами должен обладать медиатор.

В зарубежной практике существует ряд требований, предъявляемых к медиатору, в большинстве государств они закреплены в нормативных актах. В основном к ним относятся гражданство, дееспособность, отсутствие судимости, а вот требования к возрасту, образованию – разнятся. Так, например, в США нормативной базой медиации является «Единообразный АКТ о медиации 2001 г.», но в каждом штате действуют собственные местные акты, например, «Правила посредничества, применяемые в федеральном суде западного округа штата Мичиган». В них определено, что медиатором может быть лицо, проживающее в Западном округе штата Мичиган, имеющее только юридическое образование и практику не менее пяти лет [7, с. 6]. Данные правила не содержат никаких ограничений ни относительно возрастного ценза, ни относительно того сколько, все-таки, должно прожить лицо на территории Западного округа прежде чем будет выбрано в качестве медиатора.

В Австрии, в Федеральном законе более четко указаны требования, предъявляемые к медиаторам: возраст не менее 28 лет, наличие профессиональной квалификации, заслуживающие доверия и застраховавшие свою гражданско-правовую ответственность в соответствии с законом, но что подразумевается под требованием «заслуживающий доверия» в нормативно-правовых актах не комментируется никакими критериями [8, с. 48].

В законе «О медиации» Республики Казахстан медиация может осуществляться на профессиональной и непрофессиональной основе [9]. Интересным, на наш взгляд является разница в возрасте посредников: непрофессиональные медиаторы должны достичь 40-летнего возраста, а профессиональные – 25, а так же тот факт, что непрофессиональные медиаторы не могут разрешать споры, передаваемые на медиацию из суда и рекламировать себя в качестве медиаторов.

В Российской Федерации на основе Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» так же как и в Республике Казахстан, заниматься медиацией можно на непрофессиональной и профессиональной основе. В соответствии со ст. 15 вышеуказанного закона, установлены общие требования к лицам, которые могут действовать на непрофессиональной основе: совершеннолетие, полная дееспособность, отсутствие судимости. На основании ст. 16 Федерального закона осуществлять деятельность медиатора на профессиональной основе могут лица, достигшие возраста 25 лет, имеющие высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации [4].

Европейский кодекс поведения медиаторов (European Code of Conduct for Mediators) предъявляет минимальные требования к медиаторам: компетентность, необходимые знания в сфере медиации, надлежащее обучение и постоянное совершенствование теоретических и практических навыков в области медиации, достаточный опыт работы, независимость и беспристрастность [10]. На наш взгляд данный перечень требований является абстрактным и не имеет какого-то конкретного содержания.

Так же в законодательных документах не определена мера ответственности медиатора. На наш взгляд она должна базироваться на его роли и на объеме полномочий в проводимом им процессе. Как было указано выше, одним из основных моментов в процедуре медиации, является то, что медиатор не выносит решений и даже не предлагает сторонам его варианты, но именно он отвечает за эффективность проводимого процесса: проведена ли работа с эмоциями сторон, происходит ли общение в комфортном для всех участников темпе. Яковлев В.Ф. так отметил важность личности медиатора: люди, которые создают вокруг себя напряжение, разговаривают на повышенных тонах, не могут быть медиаторами. Важно, чтобы медиатор умел снять напряжение в обстановке вокруг себя. Медиатор – это, прежде всего, миротворец [3, с. 107].

Поэтому вопрос ответственности медиатора следует рассматривать именно в плоскости обеспечения процесса и соблюдения основных принципов медиации (особенно в части конфиденциальности). При нарушении медиатором норм установленных Кодексом медиатора сторона спора, должна обратиться с жалобой, которая будет рассмотрена квалифицированными медиаторами. В случае доказательства существенного нарушения профессиональных требований медиатор может быть исключен из организации медиаторов.

Проанализировав вышесказанное можно прийти к выводу, несмотря на то, что на сегодняшний день профессия «медиатор» не просто закрепилась в практике, а стала законной в юридическом смысле, у законодателей нет единой точки зрения относительно профессиональных требований к человеку, проводящего процедуру медиации. В настоящее время критерии оценки требований к профессиональному медиатору достаточно формальны и установлены по минимуму: возраст, отсутствие судимости, необходимые знания в сфере медиации. На наш взгляд этот список можно дополнить и внести некоторые уточнения. Дополнить можно требованием у лица занимающегося независимо от того на профессиональной или непрофессиональной основе медиацией наличие базового высшего образования. При этом мы согласны с мнением ученых, занимающихся изучением процедуры медиации, что медиатору не обязательно иметь юридическое образование, так как медиатор не должен давать правовую оценку конфликту – это абсолютно противоречит, прежде всего, принципам медиации. Так если медиатор начнет оценивать позиции сторон и факты с точки зрения закона, то он рискует утратить беспристрастность, непредвзятость в глазах участников конфликта. В случае, когда один из них расценит сообщаемую информацию как суждение, может возникнуть сомнение в нейтральности медиатора, что неизбежно нанесет ущерб совместному процессу поиска решения [11, с. 22].

Ученые правоведы предлагают не уточнять в профессиональных требованиях к медиатору специфику образования, так как они считают, что медиатор – в некотором смысле человек универсальный. Чтобы стать медиатором и заниматься медиативной практикой, необходимо освоить основы психологии, социологии, культурологии и приобрести многие навыки, которые свойственны именно профессии медиатора, но практически все согласны с тем, что образование должно быть высшим, особенно для медиаторов-профессионалов [11, с. 23].

Так же ученые спорят о том, должен ли медиатор быть экспертом в той области, в которой возник спор. На наш взгляд не должен. Например, если спор возник между врачом и пациентом, медиатор не должен досконально разбираться в медицине. Задача медиатора не углубляться в факты спора, он должен помочь сторонам быть в диалоге, быть услышанными друг другом. Его задача – поддерживать условия, в которых диалог возможен, сохранить процесс, в котором стороны будут продвигаться к удовлетворяющему обе стороны решению. Если же сторонам нужно экспертное мнение, они могут просто пригласить эксперта.

По нашему мнению, медиатором может стать лицо с любым высшим образованием не зависимо от профессии, лицо, тяготеющее к альтернативным способам решения конфликтов. По словам Яковлева: «Медиатор – это не только профессия, но и призвание» [3, с. 107]. Принадлежность к профессии юриста или психолога, экспертные знания в определенной отрасли иногда больше мешают, чем помогают, ведь непросто вести процесс таким образом, чтобы стороны сами нашли выход. Медиатор должен работать с интересами, а не предоставлять советы с учетом прошлого профессионального опыта.

Так же нам бы хотелось, уточнить возрастные ограничения, особенно для тех людей, которые занимаются медиацией на непрофессиональной основе. На наш взгляд лучше всего этот вопрос отражается в законе «О медиации» Республики Казахстан, где указано, что осуществлять деятельность медиатора на непрофессиональной основе могут лица, достигшие сорокалетнего возраста и состоящие в реестре непрофессиональных медиаторов [9]. Мы согласны с мнением законодателей, так как считаем, что большинство населения выберет человека с жизненным опытом, состоявшегося как личность профессионально, который не только будет разбираться в семейных, гражданских, трудовых правоотношениях, но и будет хорошим психологом.

Объединив вышесказанное, сделаем вывод, о том, что к человеку занимающегося медиативной практикой необходимо предъявлять следующие профессиональные требования: возраст – для людей занимающейся на профессиональной основе – 25 лет, на непрофессиональной основе – 40 лет, обязательно наличие высшего образования, отсутствие судимости, а так же обязательное наличие профессиональной подготовки. Кроме того хочется добавить, что «профессионалом можно считать человека, который не только овладел нормами профессиональной деятельности, профессионального общения и осуществляет их на высоком уровне, добиваясь профессионального мастерства, соблюдая профессиональную этику, а еще который изменяет и развивает свою личность и индивидуальность, который стремится внести творческий вклад в профессию, обогащая опыт профессии, который стремится и умеет вызвать интерес общества к результатам своей профессиональной деятельности, способствует повышению веса и престижа своей профессии в обществе, гибко учитывает новые запросы общества к профессии» [12, с. 115]. Представляется, что именно такой подход позволит обеспечить приход на рынок медиативных услуг высококлассных специалистов и поможет поддерживать их профессиональный подход на должном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хохлов А. С. Конфликтология. История. Теория. Практика: учебное пособие. – Самара: СФ ГБОУ ВПО МГПУ, 2014. – 312 с.
2. Цой Л. Н., Иванов О. Б. Медиация и конфликтология: методологические и предметно-содержательные различия // Власть. – 2016. – № 10. – С. 69-75.
3. Васильева А. Медиация в современной правовой практике. Возможности и перспективы // Закон. – 2014. – № 9. – С. 103-109.
4. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации). Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 23.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
5. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2008/52/ЕС от 21 мая 2008 г. «О некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах». [Электронный ресурс]. -URL:<http://docs.pravo.ru/document/view/22239280/>.
6. Гусев В. Е. Правовой статус медиатора // Молодой ученый. – 2011. – №11. Т.2. – С. 8-9.
7. Кратюк Д. А., Чернышов В. В. Процедура медиации в США. Сравнительно правовой анализ федеральных нормативно правовых актов США и РФ // История, философия, экономика и право. – 2013. – № 1. – С. 3-8.
8. Герасимова Ю.В., Нагорная М.С. Медиаторы в России и за рубежом: социальные ожидания и профессиональные требования // Вестник Совета молодых учёных и специалистов. – 2018. – № 3(22) Т.1. – С. 46 – 51.

9. Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 года № 401-IV «О медиации» // Вед. Парламента Республики Казахстан. 2011. № 2 (2579).
10. Европейский кодекс поведения для медиаторов (Code of Conduct) / Пер. с англ. М.: ЦМиП, [б. г.]. [Электронный ресурс]. – URL:http://mediacia.com/files/Documents/Code_of_Conduct.pdf.
11. Семикова Т. Кто вы, мистер медиатор? Медиатору запрещено предлагать решение враждующим сторонам // «Юрист спешит на помощь». – 2014. – № 3. – С. 21-24.
12. Маркова А. К. Психология профессионализма. – М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. – 312 с.

PROFESSIONAL REQUIREMENTS FOR THE MEDIATOR

Annotation. This article examines the professional requirements for the mediator in Russia and abroad, highlights their advantages and disadvantages, as well as the requirements for personal and social characteristics of the mediator's figure. The author presents requirements for the mediator's professionalism that would help improve the mediation process as a whole.

Keywords: mediator, conflict, professional requirements, mediation practice, training of the mediator.

Grigoreva N.

Scientific adviser: Efremova A., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: gratia@mail.ua

УДК 349.3

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ВЫПЛАТЫ ПОСОБИЙ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Грязина Т.Ю.

*Научный руководитель: Ефремова А.В. к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматривается правовое регулирование и проблемы выплаты социального пособия по безработице. Автор сравнивает законодательство ДНР и РФ в сфере безработицы и на основании сравнения в целях гармонизации законодательства предлагает урегулирование пробелов в законодательстве. На основе проведенного сравнения обнаруживаются пробелы в законодательстве ДНР, вследствие чего автором предлагаются практические рекомендации по усовершенствованию законодательства.

Ключевые слова: пособие по безработице, безработица, социальное страхование, гармонизация законодательства.

В Донецкой Народной Республике происходит становление отечественной системы права. Отрасль права социального обеспечения не может оставаться в стороне, её нормы должны совершенствоваться и закрепляться на законодательном уровне.

Правовое государство должно заботиться о своем народе, его жизни, обеспечении, защите и надлежащих условиях труда. Среди таких вопросов важное место занимает материальная поддержка безработных граждан государством, а именно установление пособия по безработице.

Безработица – одна из основных мировых экономических проблем. Она подразумевает под собой не только лишь отсутствие работы, но и оказывает негативное влияние на профессиональный уровень безработных. Пособие по безработице представляет собой меру социальной поддержки безработных государством. Эта социальная выплата имеет двойное значение: с одной стороны пособие заменяет потерянный доход, а с другой способствует регулированию рабочей силы.

В разных странах и в разное время за естественный принимался различный уровень безработицы. Например, в США – это 8 %, Франции, ФРГ и Англии 5 %, в

Швеции и Японии – 1,5-2 %. Соответственно изменилось и представление о полной занятости. В настоящее время полной считается такая занятость, при которой уровень безработицы не превышает естественный. Размер и порядок выплаты пособий по безработице в разных странах не одинаков [1, с. 1].

В Российской Федерации выплата пособия по безработице начисляется после признания гражданина безработным в службе занятости по месту жительства. Для получения статуса безработного, трудоспособный гражданин должен быть зарегистрирован в органах службы занятости в целях поиска работы. Если в течении 11 дней с момента регистрации работа гражданину по специальности и его квалификации найдена не будет, только после этого гражданин признается официально безработным и обретает право на получение пособия по безработице [2, с. 3].

В Донецкой Народной Республике в связи со сложившейся практикой в центрах занятости присваивается статус лица, ищущего работу, а не статус безработного. Сейчас в условиях военного времени перед сотрудниками данных центров стоит цель оказания содействия в трудоустройстве, как на постоянную, так и на временную работу всем обратившимся гражданам.

Для сближения правовых систем Донецкой Народной Республики и Российской Федерации в сфере социального обеспечения граждан государственными (социальными) пособиями, в том числе пособием по безработице, и реального повышения эффективности законодательств ДНР важно учитывать как положительный, так и отрицательный опыт стран. В РФ основным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы социальной поддержки безработных, является Закон РФ от 19.04.1991 N 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации». В ДНР основным нормативным правовым актом, регламентирующим вопросы безработицы, является Закон ДНР от 29.05.2015 № 179-ІНС «О занятости населения», в соответствии с которым безработица – это социально-экономическое явление, при котором часть лиц не имеет возможности реализовать свое право на труд и получение заработной платы (вознаграждения) в качестве источника существования [3].

В соответствии с тем же нормативным актом безработным признается лицо в возрасте от 16 до 70 лет, которое из-за отсутствия работы не имеет заработка или других предусмотренных законодательством доходов как источника существования, готовое и способное приступить к работе.

В соответствии с нормами Закона о занятости населения одной из важнейших гарантий социальной поддержки безработных, наравне с выплатой стипендии в период прохождения профессионального обучения и получения дополнительного профессионального образования по направлению органов службы занятости, а также предоставлением возможности участия в оплачиваемых общественных работах, является выплата пособия по безработице.

Законодательство ДНР не приводит легального определения понятия «пособие по безработице», однако в науке права социального обеспечения данное понятие рассматривается как самостоятельный вид социального обеспечения и представляет собой денежную выплату гражданам, признанным в установленном порядке безработными, с целью возмещения утраченного заработка или социальной (материальной) их поддержки за счет средств государственного бюджета [4, с.232].

Сравнивая законы РФ и ДНР о занятости населения, нельзя не отметить их сходство. Однако в республиканском законе отсутствует глава с нормами, детально регламентирующими назначение, расчет и выплату пособий по безработице. В этой части закон требует усовершенствования.

Исходя из вышесказанного, актуально исследовать назначение, размер и выплату пособий по безработице в РФ для более подробной регламентации законодательства ДНР в рамках гармонизации права.

Основанием для выплаты пособия является приобретение лицом статуса зарегистрированного безработного в центре занятости. Решение о назначении пособия принимается одновременно с решением о признании безработным.

Гражданин признается безработным через 11 дней со дня регистрации в органах службы занятости в целях поиска работы.

Пособия по безработице в РФ дифференцируются в зависимости от категории безработных:

1. Пособие по безработице гражданам, уволенным по любым основаниям в течение 12 месяцев, предшествовавших началу безработицы, состоявшим в этот период в трудовых (служебных) отношениях не менее 26 недель и признанным в установленном порядке безработными, начисляется в первые три месяца в размере 75 процентов их среднемесячного заработка (денежного содержания, довольствия), исчисленного за последние три месяца по последнему месту работы (службы), в следующие три месяца – в размере 60 процентов указанного заработка. При этом размер пособия по безработице не может быть выше максимальной величины пособия по безработице и ниже минимальной величины пособия по безработице, увеличенных на размер районного коэффициента.

2. Пособие по безработице во всех иных случаях гражданам, признанным в установленном порядке безработными, в том числе гражданам, впервые ищущим работу (ранее не работавшим), гражданам, стремящимся возобновить трудовую деятельность после длительного (более одного года) перерыва, гражданам, прекратившим индивидуальную предпринимательскую деятельность в установленном законодательством порядке, гражданам, уволенным за нарушение трудовой дисциплины или другие виновные действия, предусмотренные законодательством Российской Федерации, гражданам, уволенным по любым основаниям в течение 12 месяцев, предшествовавших началу безработицы, и состоявшим в этот период в трудовых (служебных) отношениях менее 26 недель, гражданам, направленным органами службы занятости на обучение и отчисленным за виновные действия, гражданам, вышедшим из членов крестьянского (фермерского) хозяйства, а также гражданам, не представившим справку о среднем заработке за последние три месяца по последнему месту работы (службы), начисляется в размере минимальной величины пособия по безработице, увеличенной на размер районного коэффициента, если иное не предусмотрено настоящим Законом [5].

Правительством РФ ежегодно устанавливаются минимальная и максимальная величина пособий по безработице.

Правительством РФ 7 ноября 2019 года было принято постановление, которое устанавливает что минимальная величина пособия по безработице для граждан, признанных в установленном порядке безработными, уволенным по любым основаниям в течение 12 месяцев, предшествовавших началу безработицы (за исключением граждан, стремящихся возобновить трудовую деятельность после длительного (более одного года) перерыва, граждан, уволенных за нарушение трудовой дисциплины или другие виновные действия, предусмотренные законодательством Российской Федерации, а также граждан, направленных органами службы занятости на обучение и отчисленных за виновные действия) составляет 1500 рублей, максимальная – 8000 рублей.

В отношении лиц предпенсионного возраста, признанных в установленном порядке безработными, указанных ранее категорий граждан, минимальная величина составляет 1500 рублей, а максимальная – 11280 рублей [6].

Проведенное исследование российского законодательства в сфере выплаты пособия по безработице актуально для Донецкой Народной Республики. Нашему государству необходимо усовершенствовать законодательство в виду наличия

пробелов по важным вопросам социальной жизни граждан. Безработные по всем признакам, указанным в законе, но не признанные таковыми официально не могут обеспечить себе достойный уровень жизни ввиду отсутствия статуса безработного и недостаточной регламентации выплаты пособия.

В связи со всем вышесказанным, а также на основании проведенного исследования, автором предлагаются практические рекомендации по усовершенствованию законодательства ДНР:

1. Закрепить на законодательном уровне обязательное предоставление статуса зарегистрированного безработного.

2. Разграничить основания предоставления статуса «лица, ищущего работу» и статуса «безработного» во избежание негативных последствий для граждан государства в виде отсутствия развития правоотношений по выплате пособий.

3. На примере РФ дополнить нормы Закона ДНР «О занятости населения» сроком по истечении которого с момента регистрации лица в центре занятости ему будет предоставлен статус «зарегистрированного безработного».

4. Пользуясь большим опытом РФ, внести изменения в законодательство ДНР о детальной регламентации назначения, размера, выплаты пособия по безработице.

5. Установить Правительством ДНР минимальную и максимальную величину пособий по безработице с учетом объективных реалий жизни и прожиточного минимума населения.

6. Создать в ДНР правовую основу для формирования Фонда по безработице как одного из внебюджетных фондов нашего государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каргаполова Н. Г., Аврамчикова Н. Т. Пособие по безработице как финансовый инструмент регулирования уровня безработицы // Менеджмент социальных и экономических систем. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posobie-po-bezrobotitse-kak-finansovyuy-instrument-regulirovaniya-urovnya-bezrobotitsy> (дата обращения: 05.02.2020).
2. Антонова Н. В. Некоторые проблемы правового регулирования пособия по безработице в законодательстве России, Беларуси и Казахстана (теоретико-правовой аспект) // Пробелы в российском законодательстве. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-posobiya-po-bezrobotitse-v-zakonodatelstve-rossii-belarusi-i-kazahstana-teoretiko-pravovoy> (дата обращения: 05.02.2020).
3. Закон Донецкой Народной Республики «О занятости населения» от 29.05.2015 № 50-ИНС: [Электронный ресурс]. URL: <https://dnrsovet.su/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-zanyatosti-naseleniya/>
4. Галаганов В.П. Право социального обеспечения: учеб. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2014. 512 с.
5. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 N 1032-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/
6. Постановление Правительства РФ «О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2020 год» от 07.11.2019 N 1426: [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_337141/

PROBLEMS OF ASSIGNMENT AND PAYMENT OF UNEMPLOYMENT BENEFITS IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. This paper discusses the legal regulation and problems of the payment of social unemployment benefits. The author compares the legislation of the DPR and the Russian Federation in the field of unemployment and, on the basis of comparison, in order to harmonize the legislation, proposes the resolution of gaps in the legislation.

Keywords: unemployment benefits, unemployment, social insurance, harmonization of legislation

Gryazina T.

Scientific adviser: Efremova A., Candidate of Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: Tanya-2013.ya@yandex.ua

ОПЕКА И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Дарманьян В.А.

*Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной статье рассмотрены теоретические и практические аспекты правоотношений, связанных с правами детей, которые остались без опеки родителей, проанализирован правовой статус опекуна. Предложены обоснованные изменения в законодательство ДНР.

Ключевые слова: опека, попечительство, дети, опекун.

На сегодняшний день усиленное внимание современных государств обращено на наиболее полную реализацию конституционных прав граждан в аспекте предоставления социальной помощи. Это обусловлено общей тенденцией стран мира – построение социальных правовых демократических государств, соединяющих в себе лучшие качества содержания, форм и методов деятельности.

Цель работы – изучить правовой статус опекунов и детей, оставшихся без опеки родителей, а также сформулировать предложение для усовершенствования института опеки на территории Донецкой Народной Республики.

Изучением правового обеспечения вопросов опеки и попечительства занимались такие ученые, как: Кирилловых А.А., Михайлова И.А., Нечаева А.М., Фетисова О.В., Ершова Н.М., Кабышев О. А., Лозовая И.В., Тиунова А.В., Верзуб Б.М., Гопанчук В. С., Ильина О.Ю., Нечаева А.М., Татаринцева Е.А и многие другие.

Так, с момента становления Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), основной целью государственных органов и населения является создание социального правового государства. В подтверждение, согласно ст. 3 Конституции ДНР, «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц» [1]. Из этого следует, что республике, в соответствии с закрепленными конституционными обязанностями, необходимо проводить социальную защиту своих граждан, в рамках которой особенное внимание должно быть уделено детям, поскольку они лишены возможности самостоятельной защиты собственных прав и свобод.

Немаловажно, что Декларация прав ребенка содержит такой принцип: Ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем и в условиях свободы и достоинства [2].

Учитывая и принимая во внимание ранее указанные предписания, государственная служба по делам семьи и детей ДНР реализует государственную политику в сфере защиты прав, свобод и законных интересов детей. В связи со сложной ситуацией, обусловленной военными действиями, на момент 2019 года на территории республики проживают достаточно много детей-сирот и детей, лишённых родительского попечения, суммарное количество которых составляет 4031 человек. Тем самым, необходимо, чтобы государственная политика в аспекте предоставления помощи детям, находящимся в вышеизложенном положении, устанавливала перечень форм социальной защиты о детях, оставшихся без родительской опеки: усыновление, опека или попечение, патронат, детские дома, дома ребенка, школы-интернаты.

Польский исследователь Палюх М. в своей работе отметил, что социальная работа через благотворительные действия, поддержку, денежные пособия и кризисную

интервенцию может минимизировать негативные следствия социального исключения и способствовать правильному общественному функционированию семей. Однако семья является наиболее важной общественной группой, от нее зависит будущее государства, народа, поэтому следует предпринимать всевозможные действия, которые бы содействовали ее развитию и правильному функционированию [3, с. 307].

По нашему мнению, наиболее благоприятной формой для воспитания является усыновление, однако, чаще всего, устанавливается опека и попечительство, которые мы рассмотрим далее.

Стоит начать с этимологии термина «опека» – заимствование произошло из польского, в котором «opieka» образовано как калька с латинского «procuratio» – «опека, попечение» от глагола procure – «забочусь» [4, с. 260].

Суть опеки состоит в содержании, воспитании и защите опекуном прав и интересов ребенка, не достигшего четырнадцати лет. В связи с малолетним возрастом и неустойчивой психикой детей опекуном должен быть человек, не только с полной дееспособностью и возможностью содержать, но и с прямым волеизъявлением воспитывать данного ребенка. По общему правилу, среди кандидатов в опекуны выбирают ближайших родственников, также учитываются интересы ребенка.

С достижением четырнадцатилетнего возраста назначается попечительство. Попечитель, так же как и опекун, является законным представителем подопечного. В его обязанности входит дача согласия на совершение тех гражданских сделок, которые не вправе самостоятельно совершать подопечный, и защита его прав, свобод и интересов, оказание ему действенной помощи в осуществлении им своих прав и обязанностей, охрана его от злоупотреблений со стороны третьих лиц [5, с. 118].

Таким образом, основное различие опеки и попечительства состоит в объеме гражданско-правовых обязанностей, которые закон возлагает на опекунов и попечителей, исходя из объема дееспособности их подопечных.

Считаем целесообразным провести сравнительный анализ норм назначения опекуна в ДНР, с одной стороны, и Российской Федерации (далее – РФ), с другой.

В ДНР данный вопрос освещен в Гражданском кодексе ДНР от 13.12.2019 № 81-ПНС (ст. 38) [6] и Семейном кодексе Украины от 10.01.2002 № 2947-III (ст. 173, 212) [7].

Нормативную базу Российской Федерации составляют Гражданский кодекс РФ [8], Федеральный Закон №48 «О опеке и попечительстве» от 24.04.2008 [9] и Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ [10].

Проанализировав статьи Гражданского Кодекса ДНР и Гражданского Кодекса РФ можно выделить следующие схожие критерии для назначения опекуном (попечителем).

1. Опекуном или попечителем может быть только физическое лицо с полной гражданской дееспособностью.

2. Лицо не должно быть лишено родительских прав или восстановлено в них.

3. Поведение и интересы опекуна не должны противоречить интересам физического лица, которое нуждается в опеке или попечительстве.

4. Усыновление данным лицом не может быть отменено или признано недействительным (была прекращена опека, попечительство или деятельность приемной семьи или детского дома семейного типа) по их вине.

5. Возможные опекун или попечитель не должны состоять на учете или на лечении в психоневрологическом или наркологическом диспансере.

6. Отсутствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами.

7. Наличие постоянного места жительства и постоянного заработка (дохода).

8. Отсутствие заболеваний, перечень которых утвержден органом исполнительной власти, обеспечивающим формирование государственной политики в сфере охраны здоровья.

9. Лицо не может быть иностранцем, состоящим в браке, кроме случаев, когда иностранец является родственником ребенка.

10. Будущие опекун или попечитель не могут быть осуждены за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства, половой свободы и половой неприкосновенности личности, против общественной безопасности, общественного порядка и нравственности, в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ или имеют непогашенную или не снятую в установленном законом порядке судимость за совершение других преступлений.

Высокие требования к личности потенциального опекуна (попечителя) были характерны для российского законодательства на всех этапах его развития. В Своде законов гражданских, в частности, закреплялось, что в качестве опекунов и попечителей могут действовать только «такие лица, чьи нравственные качества дают надежду к призрению малолетнего в здравии, добронравном воспитании и достаточном по его состоянию содержании и от которых можно ожидать отеческого попечения» [11, с. 67].

Следует отметить, что Е.А. Татарицева заметила тенденцию, что в области семейных отношений, касающихся защиты прав несовершеннолетних детей, нормы семейного права являются нормами исключительно нравственного свойства [12, с. 51].

Как показывает практика, современные органы опеки и попечительства, больше не являются надежным государственным институтом и часто не выполняют возложенные на них задачи или выполняют их крайне плохо. Подтверждением этого служит увеличение судебных решений в едином государственном реестре судебных решений, касательно бездействия органов опеки и попечительства, когда требовалось немедленная реакция по обращению граждан в такие органы.

В связи со сложностями установления и проверки всех фактов на оформление опекуна (попечительства), данная процедура может занимать до месяца. Однако общественные отношения динамичны и иногда требуют незамедлительных решений. Самый яркий пример – военные события на территории бывшей Донецкой области Украины, которые продолжаются с 2014 года. Столкнувшись с данной проблемой, становится вопрос о создании института «досрочного оформления опекуна (попечительства)» или упрощенной формы для граждан, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, которая требует срочного оформления опекуна (попечительства).

Данное нововведение практикуется в Российской Федерации, однако данный институт является молодым, соответственно не достаточно апробированным.

Для оформления данной процедуры необходимо добавить в Гражданский Кодекс ДНР статью, в которой будет разрешена упрощенная процедура оформления опекуна (попечительства) для граждан, находящихся в экстренных, чрезвычайных ситуациях.

Данные действия обеспечат мобильность в сложных ситуациях, помогут быстро решить сложившиеся проблемы, связанные с попечением детей. По нашему мнению, целесообразно изложить содержание данной правовой нормы в следующем виде:

«Временное оформление опеки в упрощенной форме разрешено назначать в случаях:

- а) военного конфликта на территории государства;
- б) чрезвычайной ситуации природного или техногенного характера;
- в) необходимости в немедленном решении (разрешении) опекуна (попечителя) в отношении здоровья и жизни опекаемого;
- г) сложной жизненной ситуации (необходимо указать)».

Р. Маликовский отметил, что любые действия, которые позволят изменить сложную ситуацию, особенно семей и их детей, являются приоритетными для общества. Большое значение в этом процессе имеет социальная помощь и деятельность

социального работника. Помощь, поддержка, назначение различных льгот, а в случае необходимости кризисная интервенция в специфических ситуациях является формой противодействия социальной изоляции, которая, как утверждает А. Радзевич-Винницкий, является (наряду с безработицей и ростом социального неравенства) основным препятствием для социальной интеграции [13].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что опека и попечительство являются самыми распространенными формами устройства детей, лишившихся родительского попечения. Развитие данных институтов отображает социальную поддержку со стороны государства, однако динамичность развития общественных отношений требует дальнейшей проработки и усовершенствования нормативно правовой базы.

Дети – надежда и будущее государства!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики № 1-1 от 14 мая 2014 года (с изм. от 30.11.2018 № 01-ПНС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su> (дата обращения: 30.01.2020).
2. Декларация прав ребенка: принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml
3. Палюх М., Маликовский Р. Современная социальная реальность семьи – опека, социальная помощь, субсидарность // Збірник наукових праць К-ПНУ, Інституту психології Г.С. Костюка НАПН України. – 2017. – С. 303-317.
4. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: ООО «Полиграфсервис», 2005. – 432 с.
5. Гришаев С.П. Гражданское право: Учебник. – М.: Юрист, 1998. – 484 с.
6. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики от 13 декабря 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su> (дата обращения: 30.01.2020).
7. Семейный кодекс Украины от 10 января 2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kodeksy.com.ua/ka/simejni_kodeks_ukrainy.htm (дата обращения: 30.01.2020).
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 30.01.2020).
9. О опеке и попечительстве: Федеральный Закон РФ от 24.04.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения: 30.01.2020).
10. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 30.01.2020).
11. Михайлова И.А. Назначение опекунов и попечителей по новому Федеральному закону // Гражданское право. – 2009. – N 2. – С. 67-76.
12. Татаринцева Е.А. Современные типы усыновления по семейному законодательству Российской Федерации // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2011. – №2. – С. 50-54.
13. Paluch M., Chomińska L., Pedagogika społeczna. Człowiek w systemie działań społeczno-wychowawczych. Wybrane zagadnienia, Ukraina 2012.

GUARDIANSHIP AND GUARDIANSHIP IN RELATION TO MINORS

Annotation. This article discusses the theoretical and practical aspects of legal relations related to the rights of children who are left without parental care, and analyzes the legal status of the guardian. Reasonable changes to the DPR legislation are proposed.

Keywords: guardianship, children, guardian.

Darmanyan V.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: veronika.darmanyan2000@mail.ru

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ*Демкович Д.А.**Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В работе рассмотрены современные актуальные проблемы разрешения споров о нарушении и о защите интеллектуальных прав лиц, размещающих объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет. Были рассмотрены судебные дела и зарубежная практика защиты интеллектуальных прав и пресечения их нарушений, на основе которых были сформулированы предложения по совершенствованию существующего отечественного механизма защиты интеллектуальных прав в сети Интернет.

Ключевые слова: сеть Интернет, интеллектуальная собственность, веб-сайт, контент, провайдер хостинга.

Одним из шести принципов гражданского законодательства, закрепленных в ст. 3 Гражданского Кодекса Украины [1] и в части первой статьи 1 Гражданского Кодекса Донецкой Народной Республики (вступит в силу Кодекс с 01.07.2020) [2], является принцип защиты гражданского права и интереса. Важность этого принципа сложно недооценить, ведь именно благодаря нему возможно само существование гражданско-правовых отношений, которые были бы абсолютно немыслимы без наличия у сторон права на защиту в судебном порядке, одним или несколькими установленными способами.

Целью данной работы является комплексное изучение и анализ современной практики защиты интеллектуальных прав в сети Интернет, а также поиск новых эффективных методов этой защиты.

Способы защиты – это определенные законом или договором материально-правовые меры, направленные на восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и (или) воздействия на правонарушителя. Особенностью мер является их принудительный характер. Применительно к праву интеллектуальной собственности наиболее распространенными могут выступать такие способы как, признание права (признание авторства), прекращение действий, нарушающих право (ограничение доступа к свободно распространенному на веб-сайте контенту, признание договора недействительным (договора авторского заказа), возмещение убытков (в связи с безвозмездным распространением объектов авторского права в сети Интернет, вызывающего снижение продаж), возмещение морального вреда, изменение и прекращение правоотношений (по лицензионному использованию объекта интеллектуальной собственности) и т.п.

Однако данные механизмы на сегодняшний день на практике показывают малую эффективность в связи с нарушениями, происходящими в сети Интернет. В одних случаях это приводит к затягиванию судебных споров, а в других к отклонению исковых требований. Так в Российской Федерации и Украине существуют нормы, регулирующие досудебный (неюрисдикционная форма защиты) и судебный порядок (юрисдикционная форма защиты) рассмотрения вопросов по защите интеллектуальных прав в сети Интернет, однако на практике применения этих норм возникают некоторые трудности. Так, например, вызывает интерес один судебный спор в Российской Федерации, начавшийся еще в 2016 году, и в котором до сих пор не была поставлена точка. Так в 2016 году Московским городским судом были удовлетворены три иска ООО «Издательство «Эксмо» в отношении ООО «ТЕЛЕ.РУ». Были приняты решения об ограничении на постоянной основе доступа к сайтам информационно-телекоммуникационной сети Интернет maximalibrary.org; flibusta.is; loveread.ec, на которых в свободном доступе располагались объекты авторского права, на которые истец имел исключительную лицензию. Однако ни к 2017 году, ни к началу 2018 года

решение суда исполнено не было и доступ к объектам на сайте не был ограничен, в связи с чем ООО «Издательство «Эксмо» подало новый иск, в котором кроме требований относительно ограничения доступа к сайтам прозвучало требование о взыскании с ответчика компенсации за нарушение прав в размере 240 тысяч рублей. Арбитражный суд города Москвы своим решением от 27.03.2018 отказал в удовлетворении иска. После чего уже 19.07.2018 Девятый арбитражный апелляционный суд Москвы оставил апелляционную жалобу без удовлетворения [3]. И только Постановлением Суда по интеллектуальным правам от 02.11.2018 данные акты были отменены, а дело направлено на очередное рассмотрение в Арбитражный суд города Москвы [4]. Определением Верховного Суда Российской Федерации от 25.02.2019 кассационной жалобе ООО «ТЕЛЕ.РУ» на решение Суда по интеллектуальным правам было отказано в рассмотрении в судебном заседании в связи с отсутствием доводов, достаточных для подтверждения факта нарушения процессуальных норм, поэтому очередное рассмотрение в арбитражных судах произошло. Однако Решением Арбитражного суда города Москвы от 13.06.2019 вновь было отказано истцу в удовлетворении требований в полном объеме, и вновь Девятый арбитражный суд города Москвы своим Постановлением от 02.10.2019 оставил предшествующее решение без изменений. Тогда истец во второй раз направил кассационную жалобу в Суд по интеллектуальным правам, которая Определением от 16.12.2019 была оставлена без движения. 9 января 2020 года, после того как необходимые документы были переданы в суд 30.12.2019, состоялось рассмотрение жалобы и Суд по интеллектуальным правам своим Определением возбудил производство по данной жалобе. Судебное заседание назначено на 19 февраля 2020 года [5]. Неизвестно, сколько данному делу придется еще двигаться по указанному «судебному кругу».

Приведенный пример иллюстрирует проблематику практической защиты интеллектуальных прав на объекты, которые размещаются в сети Интернет. С момента вынесения решений Московским городским судом (07.10.2016 г., 04.10.2016 г. и 05.08.2016) прошло более трех лет, а доступ к ресурсам так и не был ограничен, действия нарушающие исключительные права ООО «Издательства «Эксмо» прекращены не были, а убытки, которые понесло и продолжает нести ООО «Издательства «Эксмо» так и не возмещены. Подобные примеры являются не единичными случаями, а закономерным итогом несовершенства механизма реализации действующего законодательства, вызванного сложностью самой среды регулирования – телекоммуникационной сети Интернет, полностью контролировать которую не представляется возможным.

В разных государствах предлагаются различные пути защиты интеллектуальных прав в сети Интернет. Так во Франции после трех предупреждений к ответственности привлекается лицо, на которое было зарегистрировано подключение, с которого было совершено действие, нарушающее интеллектуальные права. Это лицо выплачивает штраф, а доступ к информационному ресурсу ограничивается. Во многих странах к ответственности привлекаются хостинг-провайдеры, предоставившие веб-сайту, контент которого нарушает интеллектуальные права других лиц, дискретное пространство, однако не во всех случаях нарушения интеллектуальных прав, а только в случаях, если ими не были выполнены требования законов. В Южной Корее некоторое время даже старались бороться с анонимностью в сети, на законодательном уровне закрепляя обязанность лиц использовать свои настоящие имена в сети, но позднее данные попытки были пресечены Конституционным судом страны. В Российской Федерации предлагалось взимать 2% прибыли со всех провайдеров. Сбор этот должен был бы носить компенсационный характер за скачивание пиратских материалов из сети. Однако данное предложение никак не затрагивало вопрос привлечения к ответственности

реального правонарушителя. Другая идея заключается в наделении всех размещаемых автором в сети объектов водяными знаками, с помощью которых можно будет быстро устанавливать авторство, в случае заимствования данных объектов другими информационными ресурсами, Единственное, что такой порядок вещей не охватывает случаи, когда размещение объекта интеллектуальных прав происходит не автором, а уже лицом, не имеющим права осуществлять это действие [6, с. 27].

Еще одним возможным вариантом защиты интеллектуальных прав является автоматизации систем безопасности Интернета, которые будут самостоятельно анализировать, сравнивать контент и выявлять факты нарушения интеллектуальных прав. На данный момент в мире продолжается разработка искусственного интеллекта, направленного на профилактику и предотвращение интернет-пиратства, кибератак, кибермошенничества. Это происходит как на государственном уровне, так и на уровне провайдеров хостинга. Так на YouTube функционирует система Content ID, созданная для того, чтобы помогать авторам, которые обладают исключительными правами на контент, следить за тем, как он используется на платформе YouTube. Автор обладает возможностью в специальной форме заявить о нарушении («кинуть страйк») после чего соответствующий материал удаляется, и только после обоснованного встречного уведомления от стороны, на аккаунте которой был удален видеоролик, YouTube предлагает решить сторонам спор в суде [7].

Правда, стоит отметить, что государства обладают различным уровнем аппаратно-программных и инженерно-технических методов обеспечения информационной безопасности. Это связано как с уровнем социально-экономического развития, внешней и внутренней политикой государства [8, с. 60].

Поэтому в рамках борьбы с правонарушениями и преступлениями в сети Интернет продуктивно было бы, чтобы некоторые государства поделились своими технологиями с другими, ибо борьба с нарушением прав людей в Интернете, в том числе интеллектуальных прав, границ не имеет и приоритетом всех является искоренение недобросовестной или даже общественно-опасной деятельности в сети.

На основании изученных данных можно смело сделать вывод о том, что современное регулирование отношений в сети Интернете, сопряженных с использованием объектов интеллектуальной собственности, далеко от совершенства. При этом стоит остерегаться попытки контролировать Интернет от и до, ведь излишняя «зарегулированность» информационно-телекоммуникационной сети ведет к образованию информационного вакуума, снижению научной и творческой активности населения.

Эффективно защищать права лиц в Интернете возможно, пресекая нарушения (анализ программой контента с целью поиска заимствований, применение технологии водяных знаков, создание программ, защищающих информационный ресурс либо персональный компьютер от хакерских атак), очевидно, что при этом должны активно развиваться информационные технологии, должен происходить обмен научными знаниями на международном уровне. Второй путь заключается в прекращении правонарушений в судебном порядке либо с помощью услуг хостинг провайдера. На данный момент судебное разрешение споров не дает желаемого результата, в связи с этим стоит рассмотреть варианты упрощения судебного процесса по делам об интеллектуальной собственности в сети, а также усовершенствования процедур исполнения судебных решений (к примеру, создание специальных программ, аккредитованных хостинг провайдерами; программы эти смогут блокировать доступ к определенному контенту, как только на это появиться прямое указание в судебном решении). Исследования данной темы должны продолжаться, чтобы вскоре можно было бы смело сказать, что отношения в сети не только свободны, но и честны, добросовестны, и справедливы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский Кодекс Украины от 16 января 2003 г. № 435-IV // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2003. – №№ 40-44, ст.356
2. Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики от 13 декабря 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su> (дата обращения: 30.01.2020).
3. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 июля 2018 г. по делу № А40-180401/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.01.2020).
4. Определение Верховного суда Российской Федерации от 25 февраля 2019 г. по делу № А40-180401/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.01.2020).
5. Определение Суда по интеллектуальным правам от 09 января 2020 года по делу № А40-180401/2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudrf.kodeks.ru> (дата обращения: 30.01.2020).
6. Ковалева О.А., Левина Л.К. Международная защита авторских прав и практика борьбы с незаконным использованием интеллектуальной собственности в сети Интернет // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. №1 (27). С. 27-28.
7. Проверка авторских прав на YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://academy.air.io/blog/proverka-avtorskikh-prav-na-youtube> (дата обращения: 30.01.2020).
8. Севостьянов В.Л., Добрынина Т.В. Правовая защита интеллектуальной собственности в Интернете // Имущественные отношения в РФ. 2010. №4. С. 60.

PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS ON THE INTERNET

Annotation. In the work modern topical issues of dispute resolution on violation and protection of intellectual rights of persons who place intellectual property objects on the Internet are considered. Court cases and foreign practice of intellectual property rights protection and suppression of their violations were considered, on the basis of which proposals were formulated to improve the existing domestic mechanism for protecting intellectual property rights on the Internet.

Keywords: Internet, intellectual property, website, content, hosting provider.

Demkovich D.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: demkovichanatol@mail.ru

УДК 331.5-053.6

РАССМОТРЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ

Дорошенко Д.В.

*Научный руководитель: Асеева Н.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной статье детально рассматриваются вопросы злоупотребления процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. Раскрывается определение злоупотребление правом, указываются формы гражданского процессуального правонарушения, а также применение мер ответственности

Ключевые слова: злоупотребление правом, ответственность, категория добросовестности, разумный срок, недобросовестность, санкция.

Рассмотрим, институт злоупотребления процессуальными правами, который в силу своей специфики и нормативного закрепления занимает особое место в рамках процессуальных отношений. Данный институт влияет не только на сами отношения, которые складываются в гражданском процессе, но и в целом на основы гражданского судопроизводства.

Очевидно, что данная проблематика злоупотребления процессуальными правами, требует тщательной доктринальной проработки.

Так, во многих странах существует такое правовое явление, как злоупотребление процессуальными правами. Законодательство ряда европейских стран, осознаёт всю значимость и серьезность данной проблемы, о чем свидетельствуют нормы, касающиеся злоупотребления процессуальными правами, и как результат, предоставленные судам полномочия по борьбе с ними.

Санкции за такие злоупотребления применяются в следующих странах: Бельгии, Голландии и Франции, но процессуальное законодательство не одной из стран не выработало четкого определения понятия злоупотребления процессуальными правами. Категория злоупотребление правом является одной из важнейших правовых категорий.

Так, в ст.17 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» от 04.11.1950 г. «Запрет злоупотребления правами» определено, что «Ничто в настоящей Конвенции не может быть истолковано как дающее любому государству, группе или лицу право заниматься любой деятельностью или совершать какие-либо действия, направленные на отмену любых прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей степени, чем это предусмотрено в Конвенции» [1, с. 15].

Если, рассматривать злоупотребления правом в гражданском процессе, то будет не трудно определить, что данные злоупотребления правами будут, являются производными от злоупотреблений субъективным гражданским правом. Данный вывод определяется охранительной функцией гражданского процессуального права, которая обеспечивает защиту материального права. Поэтому, несмотря на то, что прослеживается определенная взаимосвязь между гражданским и гражданским процессуальным правом, применение гражданско-правовых средств защиты за процессуальные злоупотребления не является возможным. В таком случае суд не имеет оснований отказать лицу в судебной защите ни при каких обстоятельствах.

Что касается дореволюционной, советской и отечественной научной литературе, то не существует однозначного понятия злоупотребления процессуальными правами.

Автор Е.В. Васьковский даёт определение злоупотребление процессуальным правом как «недопустимое осуществления права, направленное против правильного, своевременного рассмотрения и разрешения дела» [1, с. 677].

«Классическое» для отечественной науки определение данной категории было предложено автором В.П. Грибановым. Он озвучивает следующую дефиницию: «злоупотребление правом является особым типом гражданского правонарушения, которое совершено уполномоченным лицом при осуществлении принадлежащего ему права, а также связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения [2, с. 47].

Я. В. Грель определяет злоупотребление процессуальным правом как недопустимое осуществления права, которое обращено против правильного, своевременного рассмотрения и решения дела, равноправия сторон [3, с. 10].

Другой автор, М. А. Боловнев, рассматривает в качестве злоупотребления правом любое поведение субъекта гражданского процесса, которое прямо не нарушает правовые предписания, но направлено на не достижение цели гражданского судопроизводства, а именно на правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дела. Он отмечает, что «Лицо может прямо не нарушать требования закона, но действовать в соответствии с его целями и мотивами, и причинить вред правам и законным интересам других лиц участвующих в судебном процессе» [4, с. 14].

Таким образом, можно сделать вывод, что злоупотребление процессуальными правами можно определить как недобросовестное поведение участников процесса по реализации принадлежащих им субъективных прав.

Дефиницией «злоупотребление правом» применительно к гражданскому процессу охватываются случаи, когда принадлежащие лицам процессуальные права осуществляются далеко не в соответствии с их целевым назначением, а в иных целях,

которые вообще не связаны с защитой действительно нарушенных прав и охраняемых законом интересов других лиц. Следовательно, мотивы такого поведения весьма различны. Это может быть желание получить права на какое-либо имущество, когда как, при обычных условиях лицо не может на него претендовать; намерение причинить вред деловой репутации ответчика, возбудив против него гражданское дело в суде; как можно максимально затянуть судебное разбирательство в целях отсрочки принятия неблагоприятного для себя решения и др.

Использование стороной судебного процесса этого права не в соответствии с назначением процесса, который направлен на справедливое, беспристрастное, эффективное и оперативное осуществление правосудия с целью защиты нарушенных, непризнанных или оспариваемых прав, свобод или интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц, интересов государства. При этом, действующее гражданско-процессуальное законодательство Донецкой Народной Республики не содержит определения понятия злоупотребления процессуальными правами.

Но в ч. 3 ст. 27 Гражданского процессуального кодекса Украины отмечается, что лица, которые участвуют в судебном деле, обязаны добросовестно осуществлять свои процессуальные права и исполнять процессуальные обязанности [5].

Поэтому, можно говорить, что фактически в гражданском процессуальном законодательстве Донецкой Народной Республики закреплён принцип запрета злоупотребления процессуальными правами. Но, возможность злоупотреблять процессуальными правами существует, и связана напрямую с тем, что осуществление субъективного права путём применения к обязанной стороне мер принудительного характера постоянно затрагивает не только интересы самого заинтересованного лица, но и интересы государства и общества в целом, интересы обязанной стороны, а также в некоторых случаях и интересы третьих лиц.

Поэтому одной из задач правосудия заключается как в защите прав заявителя, так и в обеспечении интересов всех субъектов, заинтересованных в правильном решении дела.

Реализация принципа состязательности в гражданском судопроизводстве побуждает участников дела, а также и их представителей к применению всех возможных механизмов защиты права, в связи, с чем ими могут допускаться и определенные злоупотребления.

Так же данное деяние возможно на любых стадиях судебного процесса, таким образом, проблема злоупотребления процессуальными правами стоит достаточно остро не только в теоретической, но и в практической плоскости.

Не вызывает сомнения и то, что на практике бывает довольно трудно определить, является ли поведение конкретного субъекта злоупотребление правом или всё же оно является следствием некомпетентности в вопросах судопроизводства, либо стечением обстоятельств, которые объективно привели к затягиванию судебного процесса.

Наделяя участников судебного процесса различными правами, закрепляя принципы диспозитивности, состязательности, равноправия в гражданском процессе, законодатель исходит из императивного правила недопущения ущемления прав других лиц.

Разнообразные формы проявления недобросовестности лиц, которые участвуют в судебном процессе, требуют классификации всех случаев злоупотребления правом, в основу, которой были бы положены различные критерии, которые отражают существенные стороны исследуемого понятия.

К формам злоупотребления процессуальными правами относят такие деяния участников процесса, как злоупотребление правом на обращение в суд; злоупотребления правом подачи встречного иска; искусственное изменение подсудности дела; умышленное затягивание рассмотрения дела различными

способами; злоупотребление правом на представление доказательств, заявлений, обращений, ходатайств и др. Данные действия направлены на сознательное неоправданное затягивание судебного рассмотрения дел и нарушают права других участников судебного процесса.

Сущность нецелевого использования процессуальных прав заключается в следующем применении определенного права, при котором опровергается цель, что законодатель предусмотрел, предоставляя это право. Как правило, преследуется цель, в большинстве своем, отличная от первоначальной цели, и последствия ее достижения совсем другие.

Применение не по назначению гражданско-процессуальных прав, в основном направлено на деструктивное влияние на судебный процесс, в результате чего, непосредственно ухудшается правовое положение другой стороны правового конфликта. Данный анализ судебной практики позволяет сделать вывод о росте тенденции недобросовестного использования процессуальных прав участниками гражданского процесса, в частности, с целью его затягивания.

Судебная практика, действия, которые можно квалифицировать как злоупотребление правом, являются весьма разнообразными в зависимости от целей и мотивов субъекта. Поэтому, злоупотребления процессуальными правами лиц, участвующих в судебном деле, наносят существенный урон правосудию, а также нарушают права участников судебного процесса и подрывают авторитет судебной власти. В науке гражданского процессуального права этого времени не создано четкой концепции противодействия злоупотреблениям гражданско-процессуальными правами, которые основаны на выявлении признаков данного поведения в действиях участников судебного процесса.

Отсутствие такой концепции очень негативно сказывается на эффективности гражданского судопроизводства в целом, а также влечет различные отрицательные явления в виде неоправданного увеличения сроков судебного рассмотрения дела, принятия ошибочных судебных решений, нарушение материальных и процессуальных прав участников процесса, поэтому при устранении или хотя бы существенном уменьшении злоупотребления, правосудие будет более быстрым, доступным и качественным для добросовестных участников гражданского процесса, и у судей будет намного больше времени и возможностей для полного рассмотрения других правовых конфликтов.

В каждом конкретном случае суд должен определить границу между добросовестным использованием своих процессуальных прав и злоупотреблением ими. Поэтому нужно говорить о предупредительных мерах защиты, направленных на недопущение процессуальных злоупотреблений, используемых для пресечения попыток процессуальных злоупотреблений, а также и компенсаторные средства, направленных на обеспечение справедливой компенсации за злоупотребления, которые произошли.

Таким образом, можно сделать вывод, что представляется недопустимой упрощенная трактовка злоупотребления процессуальными правами как особого типа правонарушения, которое связано с умышленным использованием управомоченным лицом допустимых законом процессуальных средств для достижения целей, несовместимых с целями и задачами гражданского (арбитражного) судопроизводства [6, с. 181].

Очевидно, что она не позволяет в полной мере раскрыть сущность данного явления, его влияние на развитие гражданско-процессуального правоотношения, достижение основной цели гражданского судопроизводства, а также отразить негативные последствия, которые влечет за собой данное поведение участников судебного процесса.

Считается целесообразным, не только четко очерчивать проблему злоупотреблений процессуальными правами, но также и на законодательном уровне закрепить их максимально приемлемое определение и ввести соответствующие санкции за недобросовестное поведение. Также закрепить на законодательном уровне,

что за недобросовестное поведение лица, которое участвует в деле или из-за ненадлежащего отношения к процессуальным правам и обязанностям, или невыполнении возложенной на него процессуальной обязанности без уважительных причин, которые привели или приведет к невозможности рассмотрения судом дела в течение разумного срока, на таких лиц налагается денежное взыскание.

Предлагается, чтобы это денежное взыскание налагалось постановлением судьи по собственной инициативе. Суд, установив факт злоупотребления правами, накладывает на лицо денежное взыскание. Следовательно, именно судья, который рассматривает данное дело, может непосредственно определить, были ли со стороны участника судебного процесса злоупотребления правами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Бюллетень международных договоров. – март 2001 г. – №3.
2. Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса. – М.: Изд. Башмаковы, 2015. – Т. 2. – 691 с.51
3. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. Третий, стереотип. – М.: «Статут», 2011. – 411 с.
4. Грель Я.В. Злоупотребления сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. – Новосибирск, 2016. – 207 с.
5. Боловнев М.А. Дефиниция злоупотребления процессуальными правами как предпосылка для эффективного противодействия недобросовестному поведению // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 2.
6. Гражданский процессуальный кодекс Украины: Закон Украины № 1618-IV от 18 марта 2004 года (ред. 16.01.2014). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://grajdanskij_protseual_nij_kodeks_ukraini.htm.

ADDRESSING THE ABUSE OF PROCEDURAL RIGHTS

Annotation. This paper discusses issues of abuse of procedural rights in civil proceedings. The definition of abuse of rights is given, the forms of civil procedural offenses, as well as the application of liability measures

Keywords: abuse of law, responsibility, category of good faith, reasonable period, dishonesty, sanction.

Doroshenko D.

Scientific adviser: Aseeva N., Candidate Of Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: doroshenko67-67@mail.ru

УДК 343.2/. 7

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Дронов А.Ю.

*Научный руководитель: Карпенко Л.К., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данном исследовании изучены особенности уголовной ответственности юридических лиц, рассмотрены виды наказаний применяемые к ним, а так же проведен анализ действующего законодательства.

Ключевые слова: уголовная ответственность, юридическое лицо, субъект, организация.

Актуальность Изменения, произошедшие в экономической, политической, правовой и социальной сферах общества, а также развитие уголовно-правовой науки положили основные начала в рассмотрении вопроса уголовной ответственности

юридических. Преступления, предусмотренные Уголовным Кодексом Донецкой Народной Республики(далее УК ДНР) могут быть совершены как физическими, так и наряду с ними юридическими лицами. К ним относятся: экономические преступления, экологические преступления, преступления против собственности и преступления против мира и безопасности человечества и др. Тем не менее, стоит отметить, что ущерб, связанный с их деятельностью значительно превышает вред, который был нанесен отдельным физическим лицом. Наказания, предусмотренные гражданским и административным законодательством в большинстве случаев не соответствуют причиненному вред.

В уголовном праве принято считать, что субъектом преступления может являться лишь вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, предусмотренного Уголовным кодексом. Юридическое же лицо по общепризнанным канонам может нести исключительно гражданско-правовую ответственность. При этом оно остается уголовно недосыгаемым даже в случае совершения множества общественно опасных деяний, повлекших, например, катастрофу. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения вопроса о введении уголовной ответственности для юридических лиц в отечественном уголовном праве [1, с. 1].

Прежде всего стоит отметить, что процессы, связанные со сменой общественно-экономической формации, вызвали «активизацию» экономической преступности, целью которой является надежно скрываемое «обогащение». В таких условиях юридическое лицо может выступать не только как инструмент осуществления экономической деятельности, но и как полноценный субъект всех правовых отношений [2, с. 62-63].

Предпосылками рассмотрения вопроса о введении уголовной ответственности для юридических лиц стал ряд основополагающих особенностей данного института, которыми являются: отношение принципа вины, принципа индивидуальной ответственности юридического лица, наличия всех элементов состава преступления, круг преступлений совершаемый юридическими лицами за которые возможно привлечение к уголовной ответственности. [3, с. 405].

Изучением аспектов по данной теме занимались ряд ученых, в частности Е. Ю. Антонова, Г. И. Богуш, Б. В. Волженкин, А. И. Коробеева, Н. Е. Крылова, А. П. Никифоров, В. Г. Павлов, А. С. Ситковский. Научные труды вышеуказанных авторов положили огромное начало в рассмотрении вопроса о введении уголовной ответственности для юридических лиц.

Цель исследования заключается в изучении особенностей института уголовной ответственности юридических лиц, рассмотрении видов наказаний, применяемых к ним, а так же в анализе действующего законодательства постсоветских и зарубежных законодательства.

В уголовном праве сформировалось три наиболее основных подхода к решению вопроса о признании юридического лица: «за», «против», «компромиссный». Первый подход «за» предусматривает изучение вопроса об особенностях уголовной ответственности для юридических лиц и дальнейшего его введения в нынешнее уголовное законодательство. Второй подход «против» вопреки предыдущему. Третий же, в свою очередь «компромиссный» подход предусматривает более детальное изучение института и в свою очередь, устранение имеющихся пробелов, содержащихся в двух первых подходах.

Российский ученый Демин С. Г основываясь на вышеуказанных подходах к рассмотрению данного вопроса делает акцент на введение уголовной ответственности для юридических лиц следующим образом. Во-первых, юридические лица способны совершить преступление, наряду с физическими лицами. Во-вторых наблюдается значительный рост преступности в сфере экономической деятельности. В-третьих, на

практике иногда трудно определить физических лиц-руководителей организаций, причастных к совершению преступления [4, с. 184].

Исходя из этого, ряд других ученых придерживаются мнения о том, что в Уголовном законе достаточно лишь определить общие положения привлечения к уголовной ответственности, а перечень общественно опасных деяний, которые могут быть совершены юридическими лицами и за которые возможна их уголовная ответственность, должен быть открытым, как круг и характер преступлений, которые могут быть совершены юридическими лицами, отнюдь не исчерпываются отдельными видами общественно опасными деяниями [5, с. 72].

Далее, подробно рассматривая мнение ученых выступающих за введение уголовной ответственности для юридических лиц прежде всего необходимо отметить, что вред, причиняемый деятельностью юридического лица, значительно превышает вред, который может быть нанесен отдельным физическим лицом. Необходимо добавить, что сам процесс привлечение к уголовной ответственности руководителей или иных физических лиц, представляющих соответствующее юридическое лицо, как правило, связано по существу с объективным вменением, поскольку такое лицо несмотря на то что знало о незаконной деятельности, но в силу своих обстоятельств не могло ничего изменить. В ряде случаев достаточно трудно установить конкретно виновное лицо в совершении преступления [6, с. 234].

В свою очередь, ряд ученых, выступающих против введения уголовной ответственности для юридических лиц отмечают, что установление уголовной ответственности юридических лиц не соответствует принципам уголовной личной ответственности и вины. Уголовное право связывает ответственность со способностью лица, совершившего преступление, отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, каковой обладают лишь физические лица. Что в свою очередь делает невозможным сочетание принципа вины и личной ответственности с невиновной и коллективной ответственностью юридических лиц.

В отечественной доктрине принято считать юридическое лицо виновным в совершении преступления в случаях, когда «будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правовых норм, за нарушение которых Уголовным кодексом предусмотрена ответственность за совершенные общественно опасные деяния, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению». К тому же должны быть соблюдены следующие критерии, определяющие исчерпывающий перечень преступлений, в которых юридическое лицо может выступать в качестве субъекта преступления:

- деяние соответствует правовой природе юридического лица;
- повышенная общественная опасность деяния юридического лица;
- юридическое лицо должно быть субъектом, а не орудием совершения преступления;
- частота совершения данных деяний именно юридическими лицами [7, с. 9-10].

Так или иначе по мнению множества ученых возможное признание юридического лица субъектом преступления в уголовном праве не должно исключать принципа индивидуальной уголовной ответственности физических лиц (руководителей организации или ее представителей, действующих в пределах своей компетенции).

Поэтому, стоит предположить, что юридические лица должны быть официально признаны субъектом уголовной ответственности за совершение ряда экономических, преступлений против собственности, экологических преступлений и преступлений против мира и безопасности человечества, предусмотренных УК ДНР.

Экономическая преступность осуществляется прежде всего коммерческими организациями, которыми являются акционерные общества, торговые компании и иные субъекты предпринимательской деятельности. Кроме этого, существует и ряд других

организаций, целью которых не является получение прибыли, такие как благотворительные фонды, общественные и религиозные организации, потребительские кооперативы, которые так же могут совершать экономические преступления.

Следовательно, юридические лица могут являться субъектами следующих преступлений в сфере экономической деятельности: незаконное предпринимательство; легализация денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем; злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности и др. [8, с. 110-111].

Техническое состояние большинства крупных промышленных предприятий характеризуется низкой производительностью труда, не соответствием нынешним стандартам, повышенным расходом природных ресурсов на единицу готовой продукции, неэффективной работы очистных сооружений. Тем самым, нанося огромный ущерб экологической среде своей деятельностью. Следовательно, большинство практически все виды экологический преступлений, предусмотренные уголовным законодательством совершаются юридическими лицами. Вследствие этого, привлечение к уголовной ответственности юридических лиц восполнит пробел уголовного закона в тех случаях, когда физические лица «прикрываются за деятельностью юридических лиц», при этом являясь собственником или участником самого предприятия [9, с. 49-50.]

Наибольшую опасность для мира и всего человечества представляют запрещенные организации, как в ДНР, так и в РФ. Их также принято считать юридическими лицами, поскольку они имеют все признаки, присущи юридическим лицам. Их прежде всего следует делить на 2 типа: экстремистские и террористические. При этом террористические организации можно считать подвидом экстремистских, поскольку все они в своей деятельности преследуют схожую цель и многие из них прошли этап именно экстремистских организаций. Так же их можно классифицировать по следующим типам: российского или иностранного происхождения, религиозные или нерелигиозные.

Подробно рассматривая классификацию запрещенных организаций двух вышеуказанных типов, таких как: Ультраправые (Общественное движение «Tulaskins», украинская организация «правый сектор», Украинская организация «Братство» и др.), можно сделать вывод о том, что такого рода организациям свойственны радикальный национализм и часто расизм, ксенофобия, национал-социализм, сепаратизм. Организации агрессивных исламистов делятся на: террористические (Движение «Талибан» «Исламское государство Ирак и Левант», «Аль-Каида» и др.), экстремистские («Группа Джаамат Мухавидов», Международное религиозное объединение «Нурджулар» и др.). Всех их отличает нетерпимое отношение к инакомыслящим, инаковерующим. Религиозные («Свидетели иеговы», Религиозное объединение «Орда» и др.). Им присуще деструктивные культы, ограничение прав верующих, розжиг религиозной розни [10, с. 178-184.]

Тем не менее данный перечень может вовсе не ограничиваться вышеуказанными общественно опасными деяниями, поскольку, большинство преступлений, совершаемые юридическими лицами носят более скрытый характер и отнюдь не исчерпываются отдельными видами общественно опасных деяний [11, с. 81].

Рассматривая вопрос о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц в зарубежных странах, необходимо отметить, что все эти государства относятся к разным правовым системам. К уголовной ответственности привлекаются юридические лица, как в странах англо- саксонского права (Англия, США, Канада), так и в странах романо- германской правовой семье (Франция, Нидерланды и др.).

В странах англо-саксонской правовой системы к уголовной ответственности, наряду с физическими лицами, могут быть привлечены корпорации, инкорпированные

компании и органы самоуправления. Организации без статуса корпорации уголовной ответственности не подлежат, за исключением случаев, установленных статутным правом. Отличительной особенностью корпоративной уголовной ответственности в Англии, США и Австралии является своеобразное применение в отношении юридических лиц принципа вины. Фактически здесь имеет место отсутствие вины корпораций. Для такой ответственности достаточно лишь наличие объективной стороны состава преступления, когда установлен сам факт нарушения закона и не требуется доказанность вины правонарушителя (торговля недоброкачественными товарами, нарушение постановлений о соблюдении санитарных правил и т.д.) [12, с. 75].

Так, в странах романо-германской правовой системы за некоторые виды преступлений юридические лица подлежат уголовной ответственности наряду с физическими лицами и виды наказаний, применяемые к физическим лицам

Так, в республиках бывшей Югославии, установлено всего два вида уголовных наказаний для них: штраф и ликвидация юридического лица. Вместе с тем к юридическим лицам могут быть применены два других типа санкций: отсрочки исполнения приговора и меры безопасности, причем по своей сути последние соответствуют уголовным наказаниям в других странах: разработка и внедрение программы эффективных, необходимых и разумных мер; изъятие предметов; опубликование приговора; запрет осуществления предпринимательской или иной деятельности (Черногория); запрет заниматься определенными видами регистрируемой деятельности или операциями; конфискация средств; публикация судебного решения (Сербия).

В свою очередь, в соответствии со статьей 63 УК Молдовы, для юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, установлено 3 вида наказания: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, ликвидация

Более развернуто вопрос уголовной ответственности юридических лиц в странах романо-германской правовой системы освещен в Уголовном кодексе Франции 1992 г. Так, в соответствии ст. 121-2 Настоящего кодекса, юридические лица, за исключением государства, несут уголовную ответственность в случаях, предусмотренных законом или регламентом, за преступные деяния, совершенные в их пользу их органами или представителями. Органы местного самоуправления и их объединения подлежат уголовной ответственности только за преступные деяния, совершенные при исполнении делегированных полномочий по общественной службе. Уголовная ответственность юридических лиц не исключает уголовной ответственности физических лиц, являвшихся исполнителями или соучастниками совершения тех же действий [13, с. 166-167].

Таким образом, подводя итог вышеизложенному следует отметить, что на сегодняшний день рассматривая возможность введение уголовной ответственности для юридических лиц целесообразно рассмотреть вопрос о внесении изменений в текущее уголовное законодательство. Во-первых, полагается, целесообразно внести изменения в ст. 18 УК ДНР, а так же предусмотреть отдельную Главу с общими положениями юридической ответственности юридических лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Елена. Ю. Юридическое лицо как субъект преступления: опыт зарубежных стран и перспективы применения в России : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Дальневосточ. юрид. ин-т МВД РФ. – Владивосток, 1998. – 24 с.
2. Минин Р.В. Проблема формирования концепции уголовной ответственности юридических лиц в России // Юридическая наука и правоохранительная практика.- 2019.- №1 (47).- С. 62-68.
3. Дворецкий М. Ю. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве: вопросы теории и правоприменительной практики // Вестник ТГУ. – 2009.- №8.-С. 405-410

4. Санжаров Фарид Ислямович Юрическое лицо как субъект преступления // Проблемы Науки.- 2015.- №6 (36).- С. 184-185
5. Демин С. Г. Проблемы признания юридического лица субъектом преступления в российском уголовном праве // Гуманитарные и юридические исследования. – 2013. №3.-С 72.-74.
6. Баранчикова М. В. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц// Ученые записки ОГУ. Серия Гуманитарные и социальные науки. – 2014 – №2.- С. 234- 238.
7. Минин Р. В. Институт уголовной ответственности юридических лиц в России: проблемы обусловленности и регламентации: автореф. дис., ... канд.юрид. наук. Тюмень- 2008 г- С. 62- 68.
8. Салыбекова Т. С. Привлечение юридического лица к уголовной ответственности за преступление в сфере экономической деятельности// Таврический научный обозреватель.- 2017.- №2(19)- С. 110-114.
9. Фиткулин С. Т. Предупреждение экологических преступлений, совершаемых юридическими лицами // Виктимология.- 2016.- №1(7).- С. 48-51.
- 10.Силантьев Р.А. К проблеме классификации организаций, запрещенных в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки.- 2017-. №9 (781).- С. 177-188.
- 11.Бобкина Н.В. Юрическое лицо как субъект преступления//Молодой ученый- 2011.- №52(186)- С. 135-137.
12. Богдановская В. А. Анализ правового регулирования уголовной ответственности юридических лиц в зарубежных странах // Вестник Казанского юридического института МВД России.- 2010.- №2.- С. 73-80
13. Качалов В.В. Наказания для юридических лиц по уголовному праву зарубежных стран // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. -2014.- №3-2.- С.164- 170.

A LEGAL ENTITY AS A SUBJECT OF A CRIME IN CRIMINAL LAW

Annotation. This study examined the features of the criminal liability of legal entities, examined the types of punishments applicable to them, and also analyzed the current legislation.

Keywords: criminal liability, legal entity, subject, organization

Dronov A.

Scientific adviser: Karpenko L., Ph.D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: anton.dronov@inbox.ru

УДК 347.426.34

ВОЗМЕЩЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО И МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО УПРАВЛЕНИЕМ АВТОМОБИЛЯ КАК ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Дятлов В.К.

*Научный руководитель: Олейникова А.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данном исследовании проводится анализ Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики, Закона Донецкой Народной Республики «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» относительно возмещения материального и морального вреда, причиненного управлением автомобиля, как источником повышенной опасности. В ходе работы данные нормы сравниваются с аналогичными положениями законодательства Российской Федерации и Украины, и на их основании вносятся предложения по совершенствованию законодательства Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: источник повышенной опасности, дорожно-транспортное происшествие, автомобиль, ОСАГО.

Актуальность проводимого исследования объясняется объективной необходимостью анализа размера и порядка возмещения материального и морального вреда, причиненного в следствии дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП).

На сегодняшний день ввиду принятия Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР) представляется целесообразным проанализировать содержащиеся в нём нормы относительно возмещения вреда, причиненного управлением автомобилем, как источником повышенной опасности [1].

Прежде чем перейти к анализу положений действующего законодательства относительно размера и порядка возмещения материального и морального вреда, причиненного в следствии ДТП, представляется целесообразным определить, является ли управление автомобилем деятельностью, связанной с использованием источника повышенной опасности. Согласно ч.1 ст.1208 ГК ДНР и ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] юридические и физические лица, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и тому подобное; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и другое), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Из ранее приведенного понятия следует, что использование транспортных средств, в нашем случае автомобиля, законодатель относит к деятельности, которая создает повышенную опасность для окружающих. Институт источника повышенной опасности регламентирован ст.1187 Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины), действующего на территории ДНР в данный момент [3].

Приступая к анализу законодательства относительно объекта исследования стоит отметить, что в Уголовном кодексе ДНР (далее – УК ДНР), а именно в ст. 309 закреплено, что уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения (далее – ПДД), повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью, смерть одного или нескольких лиц, будет нести физическое лицо, управляющее транспортным средством [4]. Однако действующий ГК Украины в ч. 2 ст. 1187 и ГК ДНР в ч. 1 ст. 1208 указывают, что обязанность возмещения вреда, причиненного при осуществлении деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих, возлагается на законного владельца источника повышенной опасности. Таким образом, на практике могут иметь место случаи, в которых физическое лицо, управляющее транспортным средством, и законный владелец источника повышенной опасности не отождествляются. Из этого следует, что уголовное дело может быть возбуждено относительно одного физического лица, а обязанность возместить материальный и моральный вред в рамках гражданского иска может быть возложена на другое физическое или даже юридическое лицо, у которого данное транспортное средство находится в законном владении.

В результате вышеизложенное влечет за собой сложные процессуальные последствия. Это обосновывается тем, что, если лицо, управляющее транспортным средством, при нарушении ПДД нанесло тяжкий вред здоровью (или смерть) одному или нескольким потерпевшим, а также вред средней тяжести одному или нескольким другим потерпевшим, имеет место и гражданское, и уголовное дело. В порядке уголовного дела лицо, управляющее транспортным средством, понесет уголовную ответственность и возмещение вреда по гражданскому иску в рамках уголовного дела по ст. 309 УК ДНР. Параллельно в порядке гражданского дела лицо, в законном владении которого находилось транспортное средство, обязан будет возместить материальный и моральный ущерб за причинение вреда средней тяжести другим потерпевшим в силу ч. 2 ст. 1187 ГК Украины и ч. 1 ст. 1208 ГК ДНР. Далее, в соответствии с ст. 1191 ГК Украины и ст. 1210 ГК ДНР, законный владелец транспортного средства может воспользоваться правом регрессного требования к лицу, управлявшему автомобилем.

На данный момент существует проблема возмещения морального вреда пострадавшим при ДТП в силу исполнения закона ДНР «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 24.05.2019 года (далее – ОСАГО) [5]. В действовавшем до принятия вышеуказанного нормативно-правового акта закон Украины «Об обязательном страховании ответственности собственников транспортных средств» от 01.07.2004 года в ст.26-1 регламентировал порядок возмещения морального вреда пострадавшим при ДТП, а именно: страховщиком возмещается потерпевшему – физическому лицу, который получил травму здоровья во время ДТП, моральный вред в размере 5 % страховой выплаты за вред, причиненный здоровью [6]. Подобная норма в законе ДНР отсутствует, из чего следует, что моральный вред страховщиком возмещен не будет. Это является существенным пробелом в законодательстве ДНР, который требует соответствующей реакции законодателя.

Так, согласно ст. 196 ГК ДНР, если физическому лицу причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права, либо посягающими на принадлежащие физическому лицу нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями физического лица, которому причинен вред. Из указанной нормы следует, что компенсация морального вреда возлагается на нарушителя. Таким образом, в выше упомянутом случае потерпевшему, который получил вред средней тяжести здоровью необходимо взыскивать материальный вред с законного владельца транспортного средства, а моральный вред с физического лица-нарушителя, управляющего автомобилем в момент ДТП [7].

По нашему мнению, формулировка нормы, регулирующей порядок возмещения морального вреда в законе Украины «Об ОСАГО» является правильной и необходимой к закреплению в законе ДНР «Об ОСАГО». Стоит внести такое положение: «страховщиком возмещается потерпевшему – физическому лицу, который получил травму здоровья во время ДТП, моральный вред в размере 5 процентов страховой выплаты за вред, причиненный здоровью».

На сегодняшний день в ДНР не зарегистрировано ни одно акционерное общество, реализующее свою деятельность в сфере осуществления обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в соответствии с разрешением (лицензией), выданной в порядке, установленном законодательством ДНР, что делает невозможным реализацию действующего закона ДНР «Об ОСАГО». Обосновывается это тем, что требования к такому юридическому лицу весьма высоки. В связи с этим вступление в силу ст. 38 вышеупомянутого закона, которая предусматривает административную ответственность за невыполнение положений этого нормативно-правового акта, продлено Народным Советом ДНР до 01.06.2020 года. Напомним, что ГК ДНР вступает в силу 01.07.2020, поэтому, во избежание неправильного применения норм закона ДНР «Об ОСАГО», так как множество норм имеют отсылочный характер к ГК ДНР, следует обозначить одну дату вступления ранее упомянутых актов.

Следует отметить, что по законам «Об ОСАГО» Украины и Российской Федерации (далее – РФ) существуют разъяснения соответствующий Верховных судов государств, которые устраняют двойное толкование некоторых положений. В частности, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2015 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном

страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 2) разъясняет порядок возмещения ущерба потерпевшим в ДТП при обоюдной вине двух или нескольких лиц, управляющих автомобилями [8].

В Законе «Об ОСАГО» РФ существует позиция п. 22 ст. 12, призванная регламентировать описанные случаи [9]. В ней отмечается, что выплаты при обоюдной вине производятся «с учетом установленной судом степени вины лиц». Но в той же норме указано, что «если степень вины участников дорожно-транспортного происшествия судом не установлена», страховые компании платят «в равных долях». Данное положение вызывает двойное толкование положений нормативно-правового акта [10, с. 4]. Степень вины водителей может быть не установлена судом при разных обстоятельствах: во-первых – суд не смог при разбирательстве установить степень вины каждого из участников ДТП, во-вторых участники могли не обращаться в судебные органы вовсе. Двойное толкование указанной выше нормы исключает п. 21 Постановления Пленума ВС РФ № 2, где закреплено, что, если из документов, составленных сотрудниками полиции, невозможно установить вину застрахованного лица в наступлении страхового случая или определить степень вины каждого из водителей – участников дорожно-транспортного происшествия, лицо, обратившееся за страховой выплатой, не лишается права на ее получение. В таком случае страховые организации производят страховые выплаты в равных долях от размера, понесенного каждым участником (абз. 4 п. 22 ст. 12 Закона «Об ОСАГО» РФ) (аналогичное положение закреплено в абз. 2 ч. 7 ст. 12 Закона «Об ОСАГО» ДНР).

В ДНР на данный момент отсутствуют подобные официальные толкования Закона «Об ОСАГО» ДНР, из чего следует неправильное применение положений данного закона. По нашему мнению, законодателю ДНР выйти из данной ситуации можно двумя способами:

1. Учесть опыт и судебную практику РФ, где аналогичный закон действует с 25.04.2002 года, и внести соответствующие изменения в Закон «Об ОСАГО» ДНР.

2. Инициировать Комитетом транспорта и связи рассмотрение пробелов законодательства в сфере регулирования отношений Законом «Об ОСАГО» ДНР Пленумом Верховного Суда ДНР с последующим вынесением Постановления Пленума Верховного Суда ДНР с единообразным порядком применения положений вышеуказанного Закона на территории ДНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: закон № 81-ПНС от 13.12.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Официальный сайт Народного Совета ДНР: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskiy-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 12.02.2020). – Загл. с экрана.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 146-ФЗ от 26.11.2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Информационно-поисковая система КонсультантПлюс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/29605b928e5bbaa206d31a3ffa827b67288f54a1/ (дата обращения: 05.02.2020). – Загл. с экрана.
3. Гражданский кодекс Украины от 16 января 2003 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2003. – №№ 40 -44. – Ст. 356.
4. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики: закон № ВС 28-1 от 19.08.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Официальный сайт Народного Совета ДНР: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 12.02.2020). – Загл. с экрана.
5. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Закон ДНР № 37-ПНС от 24.05.2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Официальный сайт Народного Совета ДНР: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-obyazatelnom-strahovanii-grazhdanskoj-otvetstvennosti-vladelcev-transportnyh-sredstv/> (дата обращения: 12.02.2020). – Загл. с экрана.

6. Об обязательном страховании ответственности собственников транспортных средств: Закон Украины № 1961-IV от 01.07.2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Официальный сайт «Законодавство України»: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1961-15> (дата обращения: 12.02.2020). – Загл. с экрана.
7. Куликова, О.Г. Судебная защита прав граждан, пострадавших от дорожно-транспортных происшествий // О.Г. Куликова / Технологос. – 2015. – № 1. – С. 65-74.
8. О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 2 от 29 января 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Официальный сайт «Российская газета»: <https://rg.ru/2015/02/04/osago-dok.html> (дата обращения: 12.02.2020). – Загл. с экрана.
9. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Федеральный закон РФ № 40-ФЗ от 25.04.2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Информационно-поисковая система «КонсультантПлюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36528/60bee7e4ad3be3f0b98febf9dd92c0b78e0525d5/ (дата обращения: 12.02.2020). – Загл. с экрана.
10. Павлюченко, Т.Н. Учёт страхового возмещения по ОСАГО // Т.Н. Павлюченко / Бухгалтерский учёт в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2018. – № 11. – С. 2-5.

THE DETERMINATION OF THE RANGE OF UNWORTHY HEIRS IN DONETSK PEOPLE REPUBLIC'S CIVIL CODE

Annotation. This study analyzes the Civil Code of the Donetsk People's Republic, the Law of the Donetsk People's Republic "The Compulsory Insurance of Civil Liability of Vehicle Owners" concerning the compensation of material and moral harm caused by driving as a source of increased danger. In the course of work, these norms are compared with similar positions of the legislation of the Russian Federation and Ukraine, and particular proposals are made to improve the legislation of the Donetsk People's Republic.

Key words: high-risk car, automobile, OSAGO.

Dyatlov V.

Scientific adviser: Oleinikova A., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: vitaliy.dyatlov@inbox.ru

УДК 342.7

К ВОПРОСУ ОБ УЛУЧШЕНИИ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ СЕМЕЙ, В КОТОРЫХ ВОСПИТЫВАЮТСЯ ДЕТИ-СИРОТЫ И ДЕТИ, ОСТАВШИЕСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Евтюхова Ю.В.

*Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматривается вопрос улучшения жилищных условий семей, в которых воспитываются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей. Предложены направления усовершенствования жилищных условий семей, в которых воспитываются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей.

Ключевые слова: жилищные условия, государственная поддержка, семьи, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей.

Различные условия жизни семей, в которых воспитываются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, связаны с их способностью решать экономические проблемы. Хотя в наши дни нет недостатка в жилье, не каждая семья имеет доступ к качественному дому, который удовлетворяет их потребности. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей в наибольшей степени подвержены дискриминации и отчуждению, что, в свою очередь, может сделать их

более уязвимыми для жестокого обращения, эксплуатации, существенное влияние на их качество жизни оказывают жилищные условия, в которых они воспитываются.

Цель статьи – исследовать вопрос усовершенствования улучшения жилищных условий семей, в которых воспитываются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, в Донецкой Народной Республике.

Жилье представляет собой необходимое условие нормальной жизнедеятельности каждого человека. Удовлетворение потребности человека в жилье – относится к приоритетным задачам государства. Обеспеченность граждан жильем, административно-правовая защита права на жилье является одним из основных показателей благосостояния всего народа и одной из самых острых проблем в мире [1, с. 103].

В условиях развития рыночных отношений проблема обеспечения доступности жилья для различных групп населения стала одной из актуальных и сложных проблем, которая затрагивает весь спектр экономических, правовых, демографических, социальных, производственных и технических аспектов.

На основе анализа содержания нормативных правовых актов исследователи приводят собственные подходы к пониманию значения терминов «доступное жилье», «доступность жилья». Некоторые из авторов определяют доступность жилья как способность семьи приобрести жилье [1, с. 17]. Однако, например, Д. А. Бурдин при трактовке доступного жилья предлагает не ограничиваться только аспектом приобретения жилья в собственность и под доступностью понимать «владение либо пользование жилым помещением, отвечающим санитарным требованиям и требованиям безопасности в соответствии с социальной нормой на одного человека» [2, с. 276].

Для оценки доступности жилья в соответствии с признанной практикой ООН используется показатель «коэффициент доступности жилья», который определяется как отношение стоимости типового жилья к годовому доходу домохозяйства семьи из трех человек. Полученный коэффициент показывает время, за которое семья может накопить средства для приобретения квартиры, откладывая все свои доходы. По данным за 2019 год наибольший уровень доступности жилья в американских городах Питтсбург и Рочестер, где семья может приобрести жилье за 2,6 года [3].

Доступность жилья представляет собой сложный, многоплановый вопрос, на который влияет баланс между спросом и предложением жилья, рынком труда и ипотечными ставками в рамках денежно-кредитной политики, общий уровень жизни по стране и конкретные жизненные условия семьи.

Стоит отметить, что в Российской Федерации был принят Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [4]. Данным Федеральным законом уточняется порядок предоставления жилых помещений детям-сиротам, в том числе предусматривается создание на региональном уровне нового вида специализированного жилищного фонда, предназначенного только для обеспечения жильем детей-сирот, предоставление права на обеспечение жильем детям-сиротам, которые по тем или иным причинам не могут вернуться в имеющиеся у них жилые помещения, а также сохранение за лицами из числа детей-сирот, достигшими возраста 23 лет, права на предоставление жилого помещения до их фактического обеспечения.

С 1 января 2013 г. жилые помещения должны предоставляться детям-сиротам и лицам из их числа не из фонда социального использования по договорам социального найма во внеочередном порядке по договору социального найма, а из специализированного жилищного фонда для детей-сирот и лиц из их числа по договору специализированного найма по достижении ребенком определенного возраста или наступлении установленных обстоятельств. После окончания срока договора

специализированного найма с нанимателем указанной категории граждан заключается договор социального найма в отношении этого же жилого помещения.

Однако важно не только предоставление жилья для социального найма, но и улучшение жилищных условий семей, в которых воспитываются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, что будет способствовать повышению качества их жизни, повышению качества социальной среды. Направления по улучшению жилищных условий семей, в которых воспитываются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, могут быть позаимствованы в рамках социальной поддержки многодетных семей. Перспективным является изучение опыта Российской Федерации в этом вопросе на федеральном и региональных уровнях.

Одним из направлений социальной поддержки многодетных семей в Указе Президента РФ от 05.05.1992 г. № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» [5] названо оказание им содействия в предоставлении льготных кредитов, дотаций, беспроцентных ссуд на приобретение строительных материалов и строительство жилья. Детализируется вопрос на региональном уровне, например, в частности положениями Закона Тюменской области от 03.08.1999 г. № 128 «О предоставлении субсидий и займов гражданам на строительство или приобретение жилья в Тюменской области за счет средств областного бюджета» [6]. Согласно положениям этого нормативного правового акта размер безвозмездной субсидии на строительство (приобретение) жилья многодетными семьями варьируется от 5 % до 70 % средней рыночной стоимости жилья.

Федеральным законом от 29.12.2014 г. №487-ФЗ «О внесении изменения в статью 39.5 Земельного кодекса Российской Федерации» [7] ч. 1 ст. 39.5 Земельного кодекса Российской Федерации была дополнена п. 6, согласно которому многодетные семьи получали право на бесплатное предоставление им земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности. При этом случаи и порядок реализации этой нормы определяется актом органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Законом Тюменской области от 05.11.2011 №64 «О бесплатном предоставлении земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей» [8]. Согласно ст. 2 этого нормативного правового акта для реализации права на бесплатное предоставление земельного участка (садовый земельный участок либо земельный участок для индивидуального жилищного строительства) многодетная семья должна проживать на территории Тюменской области, состоять на учете в качестве нуждающейся в жилых помещениях, а один из родителей должен не менее 5 лет проживать на территории региона. Указанное право не могут реализовать многодетные семьи, ранее получившие земельный участок бесплатно. В Тюменской области с момента вступления в силу соответствующих изменений в законодательство с заявлением о бесплатном предоставлении земельного участка обратилось 15 788 многодетных семей (60% от общего числа многодетных семей в регионе). Приняты на учет было 85% из числа обратившихся семей. По состоянию на август 2019 года многодетным семьям было предоставлено 683 земельных участка, а по данным на декабрь 2019 года в половине муниципальных районов Тюменской области все многодетные семьи, поставленные на учет, получили земельные участки [8].

Однако, такие показатели не решают проблемы с жильем, поскольку лишь 3% семей, получивших земельные участки бесплатно используют его по назначению – остальная земля простаивает, они не имеют средств для строительства жилья. Для решения этой проблемы можно использовать опыт других регионов Российской Федерации – например, предусмотреть возможность получения семьями денежных выплат определенного процента стоимости полагающегося им жилья, погашения государством первого взноса по кредиту или возмещения затрат на строительство жилья.

Как следует из данных Росстата в 2018 году только 4% семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях улучшили свои жилищные условия. Такой уровень реализации государственных и региональных программ не в состоянии обеспечить потребности всех нуждающихся лиц, которые остаются в очереди на жилье. Возникновение данной проблемы связано, прежде всего, с недостатком финансирования. Частичное решение проблем финансирования может быть осуществлено привлечением общественных организаций, юридических и физических лиц-предпринимателей к спонсированию соответствующих программ, в обмен, например, на предоставление налоговых льгот.

Субсидии на строительство и приобретение жилья должны стать инструментом сокращения социального неравенства по месту жительства семей, в которых воспитываются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей. Дети, выросшие в экономически более благоприятных жилищных условиях, показывают лучшие показатели в учебе, социальном развитии по сравнению с детьми, выросшими в условиях крайней нищеты и неблагоприятных санитарных условиях, в жилье, не соответствующем требованиям безопасности.

Таким образом, предложено создание специализированного жилищного фонда для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, для предоставления жилья по договору специализированного найма и социального найма.

Существует необходимость в подготовке нормативных правовых актов и разработке программ и проектов, которые бы предусмотрели механизм предоставления семьям, в которых воспитываются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, финансирования для улучшения качества жилищных условий, восстановления жилья, пострадавшего в результате боевых действий, строительства нового собственного жилья (льготных кредитов, дотаций, беспроцентных ссуд на приобретение строительных материалов и строительство жилья), а также целесообразно бесплатное предоставление им земельного участка для строительства нового жилища с последующим льготным финансированием такого финансирования.

Направления совершенствования государственной поддержки семей, в которых воспитываются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, могут быть использованы для содействия созданию надлежащей практики и государственной политики, которые улучшат возможности развития и благосостояние детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврамова О. Е. До проблеми визначення об'єкта житлових правовідносин // Право і Безпека: наук. журн. – 2016. – № 2. – С. 102-106.
2. Куликов А.Г. Доступно ли в России «доступное жилье»? // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2015. – № 6. – С. 15-25.
3. Бурдин Д.А. Доступность жилья, как социальная категория развития современного общества и государства // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 14. – С. 275-278.
4. Опубликован рейтинг городов мира по уровню доступности жилья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rgian.ru/news/37938.html> (дата обращения: 09.02.2020). – Загл. с экрана.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 15-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 10. – Ст. 1163.
6. О мерах по социальной поддержке многодетных семей: Указ Президента Российской Федерации: от 05 мая 1992 г. №431 (ред. от 02.09.2016 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/460002471> (дата обращения: 09.02.2020). – Загл. с экрана.
7. О предоставлении субсидий и займов гражданам на строительство или приобретение жилья в Тюменской области за счет средств областного бюджета: Закон Тюменской области от 03.08.1999 г. №128 // Вестник Тюменской областной Думы. – 1999. – №8.

8. О внесении изменения в статью 39.5 Земельного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 г. №487-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 1 (часть I). – Ст. 40.
9. О бесплатном предоставлении земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей: Закон Тюменской области от 05.11.2011 №64 // Вестник Тюменской областной Думы. – 2011. – №8 (часть 2).
10. В половине муниципалитетов Тюменской области 100 % многодетных семей обеспечены земельными участками [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://admtumen.ru/ogv_ru/block/hottopic/land_large_families (дата обращения: 09.02.2020). – Загл. с экрана.

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE HOUSING CONDITIONS OF FAMILIES WHERE ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE ARE BROUGHT UP

Annotation. This paper examines the issue of improving the living conditions of families where children are brought up and children left without parental care. The directions of improvement of housing conditions of families where children and children left without parental care are brought up are offered.

Keywords: housing conditions, state support, families, orphans, children left without parental care.

Evtyukhova Y.

Scientific adviser: Efremova A., Ph.D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: yuliya.yevtyuhova.27@mail.ru

УДК 341.48

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Егурнова В.А.

*Научный руководитель: Поляков В.Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматриваются особенности возникновения, становления и развития института преступлений против мира и безопасности человечества. Анализируются предпосылки и особенности возникновения различных составов преступлений, их международно-правовая регламентация. Исследуется процесс возникновения понятия «преступление против мира и безопасности человечества».

Ключевые слова: институт, генезис, преступление против мира и безопасности человечества, наемничество, оружие массового поражения, ядерное оружие, химическое оружие, термоядерное оружие.

В современном мире исследование преступлений против мира и безопасности человечества с каждым годом приобретает все большую актуальность. Сложная геополитическая ситуация свидетельствует о том, что правовая охрана международного мира и безопасности человечества требует дальнейшего совершенствования. Так, в последнее время отдельные виды преступлений против мира и безопасности человечества переживают новый этап развития. Например, наемничество пришло в упадок с появлением централизованных национальных армий, однако в начале 60-х годов 20 века с началом колониальных войн получило развитие привлечение наемнического контингента к участию в военных конфликтах. В последние несколько лет наемники активно принимают участие в конфликтах в разных странах мира. Указанное, а также высокая социальная значимость исследования преступлений против мира и безопасности человечества обуславливают актуальность выбранной темы исследования.

Вопросам истории становления и развития правовой регламентации квалификации деяний в качестве преступлений против мира и безопасности человечества посвящены работы многих исследователей, в частности И. П. Блищенко,

Р. М. Валеевой, И. И. Карпеца, С. Г. Келиной, Н. Ф. Кузнецовой, И. И. Лукашук, А. В. Наумовой, В. П. Пановой, Ю. А. Решетовой, Б. Н. Топорниной и др. В то же время, недостаточно исследованными остаются отдельные аспекты генезиса института преступлений против мира и безопасности человечества.

Целью настоящей статьи является исследование этапов генезиса института преступлений против мира и безопасности человечества.

В Уставе Нюрнбергского Международного военного трибунала все международные преступления разделены на три группы: 1) преступления против мира; 2) военные преступления, нарушение законов и (или) обычаев войны; 3) преступления против человечности, убийство, истребление, порабощение, высылка и другие жестокие акты, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет [1, с. 14]. Таким образом, преступления против мира и безопасности человечества представляют собой умышленные общественно опасные деяния, посягающие на мирное сосуществование и безопасность человечества. Такие преступления делятся на две группы в зависимости от объекта преступного посягательства – преступления против мира и преступления против безопасности человечества. К преступлениям против мира относятся: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны; публичные призывы к развязыванию агрессивной войны; нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой; наемничество и другие. Преступления против безопасности человечества включают в себя: разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения; применение запрещенных средств и методов ведения войны; геноцид; экоцид и другие.

По некоторым историческим данным, история становления института наемничества берет свое начало со времён династии Саито (26 династия Древнего Египта). Одним из самых старых исторических свидетельств о масштабном использовании наемников относят к временам господства Псаметика Первого (663-609 года до нашей эры), когда Египет обескровленный набегами ассирийцев и нубийцев не мог содержать многочисленную армию и таким образом для поддержания господства в Азии использовал Ливийских наемников [2]. В Древней Греции была распространена процедура откупа от «налога кровью» в связи с чем богатые граждане формировали легкие и средние пехоты наемников. Наемные армии были распространены и в Карфагене. Так, до нас дошли данные о крупном восстании греческих наемников, которые практически разрушили государство Карфаген [3]. Первый военный трактат был составлен профессиональным наемником Энеем Тактиком и назывался «О защите обложенного города». Он содержал советы для тех, кто оборонялся, а именно о правильном использовании сил наемников [4].

В Средневековье институт наемничества был неотъемлемым явлением в государственной жизни. В XIV-XV веках практически во всех европейских армиях несли службу наемники. В этот период наемники активно используются для подавления восстания крестьян и бедняков. При этом использование наемников было характерно не только для западноевропейских стран, но и России. Так, в XVII–XVIII веках русские цари активно привлекали в свою армию иностранцев. Например, во времена правления Федора Иоанновича в армии служили поляки, литовцы, немцы, шотландцы, датчане, греки, шведы и многие другие. Кроме того в петровскую эпоху иностранцам давали офицерские чины, что было обычным явлением для русской армии [5].

Впервые запрет на наемничество возник во времена борьбы США за независимость. Правительство США издало постановление, в котором содержались нормы о том, что нейтральные к конфликту государства должны сдерживать свое население от попыток вмешательства в военный конфликт на любой из враждующих

сторон. В случае нарушения такая деятельность признавалась как общеправовое преступление [6].

Первая на международном уровне попытка регламентировать наемничество как незаконную деятельность была осуществлена в 1907 году. В Гагской конвенции, в статье 4 запрещалась вербовка комбатантов и открытие вербовочных пунктов в интересах воюющих сторон на территории нейтрального государства [7]. В случае если частные лица вступали на службу в иностранную армию, то нейтральные государства освобождались от ответственности.

В современном виде запрет на использование наемников был установлен в «Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников» принятой Генеральной Ассамблеей ООН от 1989 года [8]. В ст. 5 этой конвенции указано, что государства не имеют права вербовать, использовать, финансировать и обучать наемников.

Как отмечалось ранее, преступления против мира и безопасности человечества возникали в различные исторические периоды. Так, о разработке, производстве, накоплении, приобретении или сбыте оружия массового поражения стали говорить только в начале XX века. Таким образом, вышеперечисленные деяния можно отнести к новейшим преступлениям нашего времени.

Первое применение химического оружия, по мнению многих историков, стоит рассматривать с момента начала Первой мировой войны. Использовались разнообразные токсические вещества, такие как хлор, фосген, синильная кислота, иприт. До начала Второй мировой войны развитие и разработка оружия массового поражения не прекращалась, были созданы отравляющие вещества табун, зарин, зоман [9]. После окончания Второй мировой войны оружие массового поражения использовалось США в ходе войны с Кореей, во время войны во Вьетнаме (1961–1972 гг.). Также в категорию оружия массового поражения, кроме химического оружия, входят биологическое оружие, ядерное оружие, атомное оружие, термоядерное оружие.

Мировое сообщество после первого использования химического оружия Германией, а также ядерного оружия США осознало особую опасность оружия массового поражения. В 1925 году был заключен Женевский Протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств [10]. В отношении вышеуказанных двух видов оружия международное сообщество разработало конвенции, полностью запрещающие создание и использование этих видов оружия. Это Конвенция о запрещении химического оружия [11] и Конвенция запрещения биологического оружия [12].

На современном этапе развития международно – правовых норм существуют различные конвенции и договоры, регламентирующие запрет на оружие массового поражения. Так, например, в 1961 году Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия [13]. В 1968 году резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН был принят Договор о нераспространении ядерного оружия [14]. В статье 1 этого договора было закреплено, что государства обязуются не передавать кому бы то ни было ядерное оружие, а также контролировать распространение такого оружия, а равно никоим образом не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство к производству или приобретению такого оружия.

В 1970 году было регламентировано размещение ядерного оружия на дне морей и океанов. Порядок размещения ядерного оружия был определен в Договоре о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения [15]. В 1993 году также была принята Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении.

Если рассматривать институт преступлений против мира и безопасности человечества как группу преступлений, закрепленную в международном уголовном праве, то следует акцентировать внимание на том, что в качестве самостоятельной категории международных преступлений в первую очередь выделались военные преступления. Деяния против мира и безопасности человечества значительный период оставались всего лишь моральными принципами и впервые сформировались как составы международных преступлений лишь в Уставе Нюрнбергского военного трибунала 1945 года [16].

Так в ст. 6 этого Устава была закреплена унифицированная и наиболее конкретизированная на тот момент классификация преступлений против мира и безопасности человечества, а именно выделялись конкретные составы, которые признавались преступлением, а именно: планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров; нарушение законов или обычаев войны; убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершённые в отношении гражданского населения до или во время войны. Стоит обратить внимание также на то, что в ст. 6 закрепляется понятие «преступления против человечности», а не человечества, то есть отдается предпочтение традиционному понятию.

В 1947 году была создана Комиссия международного права, одной из целей которой было создание свода принципов международного права, и составление проекта Кодекса законов о преступлениях против мира и безопасности человечества. Именно в документах этой Комиссии понятие «международные преступления» получило свое наименование как «преступления против мира и безопасности человечества».

Итоговым этапом развития института преступлений против мира и безопасности человечества является принятие в 1998 году Римского статута Международного уголовного суда [17]. Данный международно-правовой акт утвердил Международный уголовный суд. В статье 1 данного статута указывается: «Международный уголовный суд уполномочен осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества». В указанном выше статуте закреплён перечень преступлений, подпадающих под юрисдикцию суда, а именно: преступление геноцида; преступления против человечности; военные преступления; преступление агрессии. Статут детально характеризует условия осуществления судом своей юрисдикции, а также деятельность сторон в процессе судебного разбирательства, их права и обязанности. Кроме того Римский статут регламентирует расследование и уголовное преследование, судебное разбирательство, меры наказания, обжалование и пересмотр дела, а также исполнение вынесенного судом решения. Римский статут Международного уголовного суда является основополагающим документом, регулирующим преступления против мира и безопасности человечества.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что анализ истории возникновения и развития преступлений против мира и безопасности человечества позволяет сказать, что преступления против мира и безопасности имеют долгую историю, одни из них появились раньше, другие позже, поскольку являются результатом развития науки и техники. На протяжении многих веков эти деяния не считались преступлениями, то есть были декриминализованы и оценивались и воспринимались обществом как естественный факт развития человечества. Более того, некоторые из них являлись основным способом к выживанию многих людей. Однако, на современном этапе все эти преступления несут опасность для современного общества, выступают способом разрушения существующего мирового порядка. Правовая регламентация признаков таких деяний и ответственности за их совершение, в частности Нюрнбергским военным трибуналом, выделение их в качестве особых составов преступлений является фактором, определившим развитие отрасли международного уголовного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Устав Нюрнбергского трибунала. Устав Международного военного трибунала (Нюрнбергского) от 8 августа 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1955. – Вып. 11. – С. 14-18.
2. Жидков, О.А. История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов в 2-х ч. / Под ред. О.А. Жидкова, Н.А. Крашенниковой. – Ч. 1. – 2-е издание, стереотипное – М.: Изд-во «НОРМА», 2004. – 624 с.
3. Дюпюи, Р.Э., Дюпюи Т.Н. Всемирная история войн: в 4-х кн. – СПб; М.: Полигон-Аст, 1997, Кн.1: 3500 год до Р.Х. – 1400 год от Р.Х. – 937 ст.
4. Маринович, Л. С. Социально-политическая борьба и наемничество в Греции IV в. до н.э. в трактате Энея Тактика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xlegio.ru/sources/aeneas-tacticus/greek-sociopolitical-struggle-and-mercenary-soldiering.html> (дата обращения: 13.02.2020).
5. Карамзин, Н.М. История государства Российского: В 12-ти т. – Т.10-12. – М.: Рипол Классик, 2000. – 736 с.
6. Болховитинов, Н.Н. История США: в 4-х томах. – Т. 1: 1607-1877 гг. – // М.: Наука, 1983. – 688 с.
7. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны: принята договором от 18 октября 1907 года/ Официальный сайт Международного Комитета Красного Креста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения: 13.02.2020).
8. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников: принята резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1989 года / Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml (дата обращения: 13.02.2020).
9. Кибальник, А.Г., Соломенко, И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества / под ред. Кибальника А.Г., СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 384 с.
10. Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств: принят договором от 17 июня 1925 года / Официальный сайт Международного Комитета Красного Креста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/protocol-gases-170625.htm> (дата обращения: 13.02.2020).
11. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении: принята в Париже 13 января 1993 года / Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/chemweapons.shtml (дата обращения: 13.02.2020).
12. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении: одобрена резолюцией 2826 (XXVI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1971 года / Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacwear.shtml (дата обращения: 13.02.2020).
13. Декларация о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия: принята резолюцией 1653 (XVI) Генеральной Ассамблеи от 24 ноября 1961 года/ Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/nuc_prohibition.shtml (дата обращения: 13.02.2020).
14. Договор о нераспространении ядерного оружия: одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 года / Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 13.02.2020).
15. Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения [Договор по морскому дну]: принят резолюцией 2660 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 7 декабря 1970 года / Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/seabed_wmd_prohibition.shtml (дата обращения: 13.02.2020).
16. Кузнецова, Н.Ф. Преступления против мира и безопасности человечества // Курс уголовного права. Особенная часть: Учебник для вузов / под ред. Г.Н. Борзенкова и проф. В.С. Комиссарова. М.: Инфра, 2002. Т.3. – 421 с.
17. Римский статут Международного уголовного суда принятый 17 июля 1998 года с изменениями на основе протоколов от 16 января 2002 года / Официальный сайт Международного уголовного суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 13.02.2020).

HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF CRIMES AGAINST PEACE AND SECURITY OF HUMANITY

Annotation. This paper discusses the features of the emergence, formation and development of the institution of crimes against the peace and security of mankind. The features of the occurrence and development of various elements of crimes, their international legal regulation are analyzed. The process of the emergence of the concept of «crime against the peace and security of mankind» is investigated.

Keywords: institute, genesis, crime against the peace and security of mankind, mercenary, weapons of mass destruction, nuclear weapons, chemical weapons, thermonuclear weapons

Egurnova V.

Scientific adviser: Polyakov V., Ph.D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: viktorija.en@mail.ru

УДК 343.721

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Еремеева А.Д.

*Научный руководитель: Карпенко Л.К., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассмотрено соотношение и обозначено содержание понятий «удаление» и «уничтожение» компьютерной информации, являющихся способами совершения данного преступного деяния. На основании исследования содержания указанных понятий подготовлено предложение по совершенствованию ст. 171 УК ДНР. В настоящей работе использовались такие методы юридического изучения как комплексный анализ и синтез исследуемой проблемы, а также сравнительный метод научного познания.

Ключевые слова: мошенничество в сфере компьютерной информации, компьютерная информация, удаление, уничтожение, неправомерный доступ.

В Российской Федерации мошенничество в сфере компьютерной информации было введено в статью 159.6 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) относительно недавно, а именно Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ. Рассматриваемое деяние является специальным видом мошенничества в целом. Необходимость появления данного состава преступления выражается в том, что общая норма о мошенничестве не могла в полной мере учитывать особенности тех или иных экономических отношений, а потому не позволяла в должной степени обеспечивать защиту интересов граждан, пострадавших от мошеннических действий.

Благодаря вышеуказанной норме законодатель установил правовую охрану от преступных деяний, посягающих на собственность граждан в области информационно-телекоммуникационных сетей и глобальных, научно-технических систем. Уголовное законодательство Донецкой Народной Республики также предусматривает в своих нормах ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации, закрепив в статье 171 Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) анализируемое нами деяние.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что за последние три года наблюдается тенденция устойчивого роста числа преступлений в данной сфере. Так, согласно статистическим данным по Российской Федерации за 2017 год за мошенничество в сфере компьютерной информации зарегистрировано 90587 преступлений [1], за 2018 год – 174674 [2], за 2019 год – 294409 [3].

Также немало вопросов и споров возникают среди учёных относительно объективных признаков данного преступного деяния. В частности, наиболее проблематичными в науке уголовного права представляются вопросы толкования содержания понятия «удаление» компьютерной информации как способа совершения исследуемого вида мошенничества, а также его соотношение с понятием «уничтожение», отражённым в статье 317 УК ДНР.

Целью данной работы является исследование содержания понятия «удаление» как способа совершения мошенничества в сфере компьютерной информации, а также разработка предложения по совершенствованию статьи 171 УК ДНР.

Разработкой данной темы занимались такие учёные как Л. М. Болсуновская, Г. В. Журавлёва, А. С. Карпов, Н. А. Карпова, М. И. Третьяк, А. И. Чучаев, В. Г. Шумихин, А. А. Южин и ряд других специалистов.

Мошенничество в сфере компьютерной информации является одним из форм хищений, закреплённых в главе 21 УК ДНР. В уголовно-правовой доктрине отмечается, что точное установление способа хищения является залогом правильной квалификации хищений чужого имущества и как следствие влечёт назначение виновному справедливого наказания [4]. Для того, чтобы в полном объёме проанализировать наиболее дискуссионный вопрос научного мира, считаем нужным для начала уяснить, что является способом совершения преступления. Так, в литературе под способом совершения преступления понимается форма, приёмы и методы, которые использует виновное лицо для совершения общественно опасного посягательства [5, с. 178].

Исходя из диспозиции ч. 1 ст. 171 УК ДНР, в качестве обязательного признака объективной стороны рассматриваемого преступного деяния выступает способ его совершения, а именно: ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации и иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей [6].

Но конкретное содержание всех указанных действий не закреплено на законодательном уровне. Исходя из этого, в теории уголовного права неоднократно возникает дискуссия среди исследователей относительно их понимания. Однако, существенный интерес в уголовно-правовой литературе привязан именно к понятию «удаление» компьютерной информации как способа совершения компьютерного мошенничества, а также его соотношение с понятием «уничтожение» компьютерной информации, которым оперирует ст. 317 УК ДНР, устанавливающая уголовную ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации.

Так, Г. В. Журавлёва и Н. А. Карпова под удалением компьютерной информации понимают «совершение действий, в результате которых становится невозможным восстановить содержание компьютерной информации, и (или) в результате которых уничтожаются носители компьютерной информации» [7, с. 154]. Похожее понимание «удаления» содержит и Комментарий к ст. 159.6 УК РФ, под редакцией А. И. Чучаева, определяя его как «совершение действий по устранению компьютерной информации с машинных носителей» [8]. Противоположной точки зрения придерживается А. А. Южин, который считает, что «любую удалённую информацию можно восстановить». В связи с этим, учёный полагает, что термин «удаление», обозначенный в диспозиции ст. 171 УК ДНР, не отражает сущность предусмотренного законодателем способа совершения мошенничества в сфере компьютерной информации [9, с. 17].

Такую точку зрения в науке уголовного права поддерживают большинство учёных. Например, по мнению А. С. Карпова под уничтожением компьютерной информации в теории уголовного права понимается утрата информации при невозможности её восстановления. А при удалении, наоборот, её восстановление возможно [10, с. 42].

Равным образом, М. И. Третьяк полагает, что удаление компьютерной информации представляет собой действия по изменению её первоначального состояния, при котором она перестаёт существовать в силу утраты основных качественных признаков [11, с. 110–111]. То есть учёный данным утверждением отрицает возможность полного устранения информационных данных.

Следует отметить, что в статье 3 Федерального закона РФ от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ разъясняется понятие уничтожение персональных данных, где рассматриваемый термин определяется как действия, в результате которых становится невозможным восстановить содержание данных в информационной системе [12].

В литературе существует ещё одна точка зрения. Так, Л. М. Болсуновская делает вывод о том, что исследуемые нами понятия идентичны по своему содержанию и их следует рассматривать как синонимы [13, с. 109]. А учёный В. Г. Шумихин, напротив, опровергает данное положение и считает, что удаление и уничтожение компьютерных данных с точки зрения русского языка не являются словами синонимами и удаление компьютерной информации определяет как действие, приводящее к полному или частичному прекращению её существования [4, с. 736].

Что же касается правоприменительной практики, её анализ показывает, что суды при рассмотрении уголовных дел по статье 159.6 УК РФ зачастую не делают различий между понятиями «уничтожение компьютерной информации» и «удаление компьютерной информации» и рассматривают их как «создание условий невозможности использования информации её обладателем, независимо от существования возможности её восстановления». Так, приговором суда от 30 апреля 2015 года подсудимый Пospelов И. Д. был осужден за 18 эпизодов по статье, предусматривающую уголовную ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации и за 6 эпизодов – за мошенничество в сфере компьютерной информации. Судом было установлено, что «Пospelов И.Д., удалил, уничтожил всю имеющуюся в электронном почтовом ящике компьютерную информацию, то есть создал условия невозможности использования информации её обладателем» [14].

Исследуя этимологию понятия «удаление», следует отметить, что в толковом словаре С. И. Ожегова слово «удалить» определяется как «отдалить на какое-либо расстояние, заставить уйти куда-нибудь». То есть данное понятие не предусматривает возможность восстановления объекта [15].

Однако, в силу развития компьютерной техники, на сегодняшний день практически любую удалённую информацию можно восстановить. Следовательно, считаем приемлемым, «удаление компьютерной информации» определять как «совершение действий, в результате которых устранённая информация может быть восстановлена». А «уничтожение компьютерной информации» следует рассматривать как «деинсталляция информации, в ходе которой её восстановление является невозможным», что свидетельствует о большей степени общественной опасности и причинения большего вреда потерпевшему по сравнению с удалением.

Вместе с тем, если принимать во внимание «удаление компьютерной информации» только при наличии возможности для её последующего восстановления, то это, безусловно, сужает рамки применения данной статьи, что, в свою очередь, позволит избежать лицам, совершившим преступление, уголовной ответственности.

Таким образом, в силу повышенной общественной опасности вышеуказанного противоправного деяния предлагаем статью 171 УК ДНР дополнить частью, предусматривающей ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, совершённое путём уничтожения компьютерной информации.

Полагаем, что такое нововведение положительным образом отразится на уголовном законодательстве Донецкой Народной Республики и исключит возможность

уклониться лицам, совершившим компьютерно-мошеннические действия путём уничтожения компьютерной информации, от уголовной ответственности и наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2017 год / Сайт Министерства Внутренних Дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987/>.
2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2018 год / Сайт Министерства Внутренних Дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/>.
3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 год / Сайт Министерства Внутренних Дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/>.
4. Шумихин В. Г. Судебное и доктринальное толкования способа мошенничества в сфере компьютерной информации // VI. Уголовное право и процесс. – 2018. – 740 с.
5. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.П. Ревина. – М.: Юстицинформ. – 2016. – 580 с.
6. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014, действующая редакция по состоянию на 17.12.2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>.
7. Журавлёва Г. С., Карпова Н. А. Мошенничество в сфере компьютерной информации: Спорные вопросы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – №5. – 158 с.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарий с путеводителем по судебной практике, под ред. Чучаева А. И. // ООО «Проспект», 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://books.google.com.ua/books?id=b16DwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
9. Южин А. А. Дискуссионные вопросы мошенничества в сфере компьютерной информации // Право и кибербезопасность. – 2014. – № 2. – 20 с.
10. Карпов А. С. Проблемы законодательной регламентации способа совершения мошенничества в сфере компьютерной информации // Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва. – 2014. – 43 с.
11. Третьяк М. И. Проблемы понимания способа компьютерного мошенничества в судебной практике // Уголовное право. – 2015. – № 5. – 111 с.
12. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/.
13. Болсуновская Л. М. Анализ способов совершения мошенничества в сфере компьютерной информации // Бизнес в законе. – 2015. – № 6. – 111 с.
14. Приговор Первоуральского городского суда Свердловской области от 30 апреля 2015 года по делу № 1-111/2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://uay.me/7gHb>.
15. Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=32853/>.

TO THE QUESTION ABOUT METHODS OF PERFORMING FRAUD IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Annotation. The article considers the correlation and outlines the concepts of “deletion» and “destruction” of computer information, which are the ways of committing this criminal act. Based on a study of the content of these concepts, a proposal was prepared to improve article 171 of the DPR Criminal Code. In this work, we used such methods of legal study as a comprehensive analysis and synthesis of the studied problem, as well as a comparative method of scientific knowledge.

Keywords: computer information fraud, computer information, deletion, destruction, illegal access.

Eremeeva A.

Scientific adviser: Karpenko L., Ph.D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: anya.eremeeva.1999@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

Затейщикова Е.Л.

*Научный руководитель: Краснонос Е.Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Данное исследование направлено на анализ современных тенденций касаясь развития систем с искусственным интеллектом. Проанализирован генезис формирования и развитие теории искусственного интеллекта. В результате исследования был сделан вывод о потенциале систем с искусственным интеллектом в регулировании жизни общества.

Ключевые слова: искусственный интеллект, системы с искусственным интеллектом, AI, цифровизация общества.

В связи с активной цифровизацией современного общества системы с искусственным интеллектом начинают проникать во все его сферы. Таким образом, системы с искусственным интеллектом требуют качественного социально-политического управления, поскольку такие системы способны изменить все общество кардинально, начиная от самой среды, заканчивая характером социальных взаимодействий.

Изначально необходимо обратиться к дефиниции «искусственного интеллекта». Дефиниция «искусственный интеллект», сокращенно AI (Artificial Intelligence – искусственный интеллект), была введена в 1956 году Джоном Маккарти. Согласно его рассуждениям, «это наука и технология создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ. Это связано с аналогичной задачей использования компьютеров для понимания человеческого интеллекта, но ИИ не должен ограничиваться биологически наблюдаемыми методами» [1].

Иногда понятие «искусственный интеллект» употребляют в отношении технических систем, которые способны к адаптивному поведению и решению задач относительно сферы восприятия, организации движений и т.п [2]. В трудах некоторых авторов к этому определению добавляются также способности к творческим функциям, которые принято рассматривать как атрибут человеческого разума [3].

Из примеров конкретных вариантов дефиниции искусственного интеллекта можно привести определение А. В. Понкина и А. И. Редькиной. Они предлагают называть искусственным интеллектом сложную кибернетическую компьютерно-программно-аппаратную систему с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия. Также исследователи предлагают свой список свойств: субстантивность, то есть субъектность, и способность совершенствоваться; высокоразвитая способность воспринимать информацию, принимать решения, их исполнять; способность адаптироваться к внешней среде, анализируя собственный опыт; выполнять когнитивные функции; способность к самосознанию [4].

В 1956 году исследовательский проект по искусственному интеллекту в Дартмуте считается началом исследований ИИ, но это не является началом появления теоретического осмысления искусственного интеллекта. Развитие искусственного интеллекта можно условно разделить на следующие этапы.

Первую стадию именуют «стадией прорастания». Она занимает временный промежуток, начиная с середины 17 века и заканчивая 1930-х годов.

Такие философы середины 17 века как Готфрид Вильгельм Лейбниц, Томас Гоббс и Декарт выдвинули систематическую гипотезу, которая легла в основу изучения систем с искусственным интеллектом.

В начале 19 века Чарльз Бэббидж разрабатывает принципы «Аналитической машины», которые являются механическим прототипом электронно-вычислительных машин, появившихся спустя столетие. К сожалению, саму аналитическую машину он не смог завершить.

В 20-м веке появились такие труды, как «An Investigation of the Laws of Thought» Джордж Буль, «Begriffsschrift» Готтлоб Фреге, «Principia Mathematica» Бертран Рассел и Уайтхед. Они сделали большой прорыв в изучении математической логики, которая предвещает появление искусственного интеллекта.

В 1936 году, согласно тезису, выдвинутому математиком Алонзо Черч и Аланом Тьюрингом, все вычисления или алгоритмы могут быть выполнены при помощи машины Тьюринга. Этот тезис известен как одна из основ компьютерной науки.

Вторая стадия развития искусственного интеллекта связана с его рождением, она длится с 1940-х по 1950-е годы.

В 1950 году был предложен знаменитый тест Тьюринга. Алан Тьюринг утверждал, что систему с искусственным интеллектом можно назвать интеллектуальной, если она не может быть опознана человеком, как обычное передающее оборудование.

В 1954 году американец Джордж Девол разработал первый в мире программируемый робот. Летом 1956 года Дартмутский колледж провел первую в истории конференцию, которая рассматривала вопросы систем с искусственным интеллектом. Этой конференция – старт рождения современного понимания искусственного интеллекта, поскольку на ней впервые была выдвинута концепция «искусственного интеллекта». Аллен Ньюэлл и Герберт Саймон представили миру машину теории логики, которую они запрограммировали.

Третью стадию развития часто ассоциируют с периодом расцвета развития систем с искусственным интеллектом (с 1950-х до 1970-х).

В период с 1966 по 1972 годы SRI International занималась разработкой первого мобильного робота Shakey, который обладал искусственным интеллектом и мог рассуждать над своими действиями.

В 1966 году Джозеф Вейценбаум создал первого в мире чат-бота ELIZA. Этот бот мог понимать простой естественный язык, а также, следуя правилам и сценариям, могла генерировать человеческие взаимодействия.

Стадия, которая связана с заложением основы развития систем с искусственным интеллектом, началась с 1970-х и закончилась 1980-ми годам.

В начале 1970-х прогресс развития систем с искусственным интеллектом столкнулся с технической проблемой в виде ограниченной памяти и скорости обработки компьютеров, поскольку ее было недостаточно для того, чтобы обрабатывать простые задачи.

Решить данную проблему в то время не могли, поскольку никто не знал, как создать такую огромную базу данных для обработки информации. Также не создана ещё такая база данных, программа которой сможет самостоятельно распознавать информацию в достаточно больших объёмах. В связи с отсутствием прогресса агентства, финансирующие развития систем с искусственным интеллектом (например, передовые исследовательские проекты Министерства обороны США), постепенно прекратили финансирование исследований в этом направлении.

Далее последовал период, с которым связывают эпоху возрождения систем с искусственным интеллектом, длившийся с 1980 по 1987 годы.

В 1981 году Министерство экономики, торговли и промышленности Японии выделило 850 миллионов долларов на разработку компьютерного проекта пятого поколения, который тогда назывался «AI computer». Такие действия Японии помогли начать восстановление финансирования исследований в области систем с искусственным интеллектом в Великобритании и США.

В 1986 году американский изобретатель Чарльз Халл создал первый 3D-принтер на основе системы с искусственным интеллектом.

К концу 1980-х годов новое руководство американских проектов перспективных исследований в области обороны (DARPA) высказалось о том, что целесообразней будет профинансировать те проекты, которые определены более простыми для достижения результатов.

«Третий бум» развития систем с искусственным интеллектом взял свое начало с 1993 года и продолжается до сих пор.

В 1993 году в США был опубликован доклад о технологии как о двигателе экономического роста. Целью этого доклада является создание нового типа информационной сети – «информационная супермагистраль», которая закладывает прочную основу для взрывного развития систем с искусственным интеллектом.

11 мая 1997 года роботизированная система Deep Blue победила чемпиона мира по шахматам Каспарова, таким образом, став первой компьютерной машиной, победившей в мировых чемпионатах по шахматам.

В 2011 году Watson, программа на основе искусственного интеллекта, созданная для ответов на вопросы, соревновалась в американском телевизионном конкурсе викторины против двух чемпионов и выиграла приз в 1 миллион долларов.

В 2012 году канадская команда неврологов создала виртуальный мозг с 2,5 миллионов искусственных «нейронов».

В 2013 году была создана Facebook «AI Lab» для изучения области глубокого использования искусственного интеллекта. Google создал программу DNNResearch по распознаванию голоса и изображений.

В 2015 году в Кембриджском университете был создан Институт искусственного интеллекта.

15 марта 2016 года состоялась последняя игра между Google AlphaGo и чемпионом мира по шахматам Ли Седол. После пяти часов соревнований искусственный интеллект окончательно победил чемпиона со счетом 1–4. Это событие дало новый виток в развитии искусственного интеллекта [5].

Системы с искусственным интеллектом становятся новым двигателем экономического развития. В качестве основной движущей силы нового потока промышленной трансформации искусственного интеллекта ожидается освобождение огромной мощности, накопленной в результате предыдущих научных и технологических революций и промышленных преобразований, которые способствуют появлению новых технологий, продуктов, отраслей, бизнес-моделей в сфере искусственных интеллектов. Всё это может кардинально изменить способ производства, жизнь общества в целом и повысить общий рост социальной производительности.

Искусственный интеллект может дать новые возможности для социального развития. Широкое применение искусственного интеллекта в образовании, медицине, сфере пенсионного обеспечения, охране окружающей среды сможет повысить точность государственных услуг и качество нашей жизни. Неопределенность в развитии искусственного интеллекта порождает новые проблемы. Как инновационная технология с широким влиянием, искусственный интеллект может вызывать проблемы: изменение структуры занятости, влияние закона и социальной этики, нарушение личной неприкосновенности и частной жизни. Таким образом, имея сильное влияние и возможности, искусственный интеллект может изменить систему государственного управления, экономической безопасности, тем самым – социальной стабильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. McCarthy J. What is artificial intelligence? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.formal.stanford.edu/jmc/whatisainode1.html> (дата обращения: 04.02.2020).

2. Философский энциклопедический словарь // М.: Советская энциклопедия. – 1989. – 216 с.
3. Аверкин А. Н., Гаазе-Рапопорт М. Г., Поспелов Д. А. Толковый словарь по искусственному интеллекту // А.Н. Аверкин и др. – М.: Радио и связь. – 1992. – 223 с.
4. Понкин А.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. – 2018. – 94-95 с.
5. Yadong Cui Artificial Intelligence and Judicial Modernization / Yadong Cui . – Springer. – 2020. – 244 с.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: HISTORY AND MODERN REALITIES

Annotation. This study is aimed at analyzing current trends regarding the development of systems with artificial intelligence. The genesis of the formation and development of the theory of artificial intelligence is analyzed. As a result of the study, a conclusion was drawn about the potential of systems with artificial intelligence in regulating the life of society.

Keywords: artificial intelligence, systems with artificial intelligence, AI, digitalization of society.

Zateyshchikova E.

Scientific adviser: Krasnonosov E., Associate Professor, Candidate of Law

Donetsk National University

E-mail.ru: zateyshchikova.liza@mail.ru

УДК 343.3/.7

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ РЕАЛИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Затейщикова Е.Л.

*Научный руководитель: Карпенко Л.К., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Данное исследование направлено на анализ современных реалий о развитии киберпреступности и системы противодействия ей. Проанализированы последние изменения в системе противодействия киберпреступности в Донецкой Народной Республике. В результате исследования были определены основные задачи для достижения кибербезопасного пространства.

Ключевые слова: киберпреступность, киберпреступления, компьютерные преступления, хакер.

Вступление. Проблематика киберпреступности становится весьма актуальной в последнее время, поскольку именно в данный период развития современного общества большинство данных об учётных записях, персональных данных банковских аккаунтов находятся во всемирной сети Интернет. В связи с этим возникает необходимость разработать принципиально новые направления в сфере противодействия киберпреступности через призму диффиниций, которые теоретически и практически обеспечивают предупредительную деятельность по борьбе с такого рода преступлениями.

В данной статье мы преследуем цель определить содержание некоторых критериев успешного противодействия киберпреступности.

Система противодействия киберпреступности является предметом научного интереса ряда исследователей, среди которых Головненков П., Мальцева О.Л., Феоктистов В.А., Федорова А.Ю., Сотникова О.Н, Куленко К.Н. и др.

Основная часть. Дефиницию «киберпреступления» следует трактовать как преступные деяния, совершенные в информационно-телекоммуникационной сфере, либо с ее помощью, либо против нее [1].

В Донецкой Народной Республике данное явление именуется как «компьютерное преступление». Это обусловлено тем, что в Уголовном кодексе Донецкой Народной Республики единственной главой, которая предусматривает ответственность за подобные преступления, является Глава 28 «Преступления в сфере компьютерной

информации» [2]. В данной главе содержатся статьи, регламентирующие неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ и нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработку или передачу компьютерной информации посредством информационно-телекоммуникационных сетей.

В 2014 году в системе органов внутренних дел Донецкой Народной Республики был создан центр по борьбе с киберпреступностью. Данный орган действует до сих пор и занимается развитием системы противодействия киберпреступности и содействует раскрытию таких преступлений.

Исторически термин «киберпреступность» связан с 60-ми годами прошлого столетия, поскольку именно в те годы в США были совершены первые преступления с использованием информационных технологий.

На Конференции Американской ассоциации адвокатов в 1974 году были впервые определены три вида киберпреступлений:

- 1) преступления, совершаемые с целью получения денег, собственности или услуг при использовании компьютера или иной вычислительной системы, сети компьютеров;
- 2) преступления, совершаемые с целью изменения, повреждения, уничтожения или похищения компьютера, вычислительной системы, сети компьютеров, включая техническое обеспечение его работы, информацию на нем;
- 3) преступления, совершаемые с целью преднамеренного несанкционированного нарушения связи между компьютерами, вычислительными системами или сетями компьютеров.

В системе противодействия киберпреступности и расследовании таких преступлений существует проблема, связанная с субъектом совершения киберпреступлений. Современное общество именует их хакерами, но многие не знают, что именно они делают.

В однотоном большом словаре термин «хакер» трактуется как лицо, совершающее различного рода незаконные действия в сфере информатики, а их действия образуют различные составы уголовных и гражданских правонарушений.

Но из-за многообразия незаконных действий в сфере информатики существуют различные виды хакеров, а именно:

- 1) Кракер. Данный вид хакеров занимается тем, что взламывает программы для того, чтобы из программ с ограниченной функциональностью получать полноценные коммерческие версии.
- 2) Фрикер. Такие хакеры занимаются взломом телефонных сетей для того, чтобы найти возможность звонить бесплатно. Это самый первый вид хакерства, который появился сразу в 60-70-ые годы XX века.
- 3) Кардер. Кардеры занимаются нелегальным получением номеров кредитных карт и сведений об их владельцах.
- 4) Вирусописатель. Этот вид хакерства является спорным, но в силу того, что в последнее время распространяются почтовые вирусы, которые являются следствием ошибки в программе Outlook, поиск необходимых ошибок для введения их в сеть также можно считать хакерской деятельностью.

Одной из тенденций в развитии системы противодействия киберпреступности является понижения возраста уголовной ответственности. Например, Законом Республики и Беларусь от 5 января 2015 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» с 04.04.2016 снижен возраст лиц, подлежащих ответственности за совершение хищения путем использования компьютерной техники, с 16 до 14 лет [3].

В 2013 году на сайте Европола Европейским центром по борьбе с киберпреступностью был опубликован «Project 2020», в котором были описаны

возможные сценарии развития киберпреступности в Европе до 2020 года. Многие прогнозы на счет развития киберпреступности оправдались. Например, появление таких явлений и видов киберпреступлений как:

- 1) Развитый подпольный рынок виртуальных товаров, которые являются украденными или контрафактными;
- 2) Электронные атаки на инфраструктуру, включающую в себя источники энергии, транспорт и информационные службы;
- 3) Генерацию фальшивых микроплатежей;
- 4) Продвинутая криминалистическая разведка;
- 5) Таргетированные кражи личностей и взлом аватаров;
- 6) Подделка дополненной реальности для мошенничества с помощью социальной инженерии и т.д [4].

Начальник оперативного отдела Центра кибербезопасности ВЭФ Уильям Диксон и директор по киберпреступности Интерпола Крейг Джонс высказались о том, что происходящая сейчас цифровая революция меняет систему и способы правоохранительных органов к защите современного общества, а также защищают сообщества, так как бизнес управляет рисками. На это влияет так же киберпреступность как постоянно развивающееся явление, так как эта угроза носит глобальный характер, опережая типичные возможности, ресурсы и подходы традиционных подразделений по борьбе с преступностью. Человеческая слабость заключается в том, что почти все кибератаки требуют, чтобы человек нажал на вредоносную ссылку или непосредственно взаимодействовал с вредоносными участниками. Социальная инженерия является ключевым элементом в совершении киберпреступлений.

Техническое несовершенство заключается в существовании легко эксплуатируемых устаревших сетей, которые не обладают сильной системой защиты. Незащищенную инфраструктуру и технические средства управления легко обойти с их уровнем мастерства. Киберпреступники используют технические слабости, чтобы получить доступ к устройствам с целью получения информации о внутренней работе компании.

Необходимо обратить внимание на вышеупомянутую проблематику в развивающихся странах, где в настоящее время существуют значительные пробелы в системе противодействия кибербезопасности, в борьбе с киберпреступностью. Сюда можно отнести кибератаки, осуществляемые на территории стран Центральной и Восточной Азии, Латинской Америки, Африки и на Ближнем Востоке. Например, ограбление Центрального Банка Бангладеш в 2016 году.

В июне 2019 года начала свою деятельность созданная по российской инициативе Рабочая группа ООН, которая занимается разработкой стратегии международной информационной безопасности и является наиболее действенным механизмом по решению данной проблемы в ООН.

В ходе 74-й сессии Генассамблеи ООН, которая проходила в сентябре 2019 года, была принята российская резолюция ГА ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Суть данной резолюции сводится к представлению и оглашению начала деятельности Рабочей группы ООН по международной информационной безопасности открытого состава. Таким образом, принятие этой резолюции показывает то, что российский подход к данной проблематике разделяет подавляющее большинство государств мира [6].

Но это не первая поддержанная инициатива России. В декабре 2018 Генассамблея ООН одобрила предложенную Россией резолюцию «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях». Основная идея данной резолюции заключается в создании специального межправительственного комитета открытого состава для разработки всеобъемлющей универсальной конвенции по данной теме [7].

В следующем году планируется проведение первой организационной сессии в Нью-Йорке. В течении этой сессии будут согласованы структура и программа деятельности комитета, его модальность и план дальнейших действий.

Министерство иностранных дел Российской Федерации отметило, что резолюция призвана закрепить цифровой суверенитет государств над своим информационным пространством и создать переговорную площадку для совместной разработки универсальной конвенции по борьбе с киберпреступностью.

В январе 2020 на юбилейном заседании ВЭФ был представлен доклад, в котором проблемам кибербезопасности и киберпреступности было уделено первостепенное внимание. Также на сайте ВЭФ опубликованы материалы, где представлены основные тенденции, основанные на оценках эксперта ВЭФ Дорит Диот. Изначально учёный делает акцент на усиление «Кибер-холодной войны». Это обосновано учащением кибератак, которые могут использоваться в качестве косвенных поводов к возникновению межнациональных и международных конфликтов.

В США сделали заявление о том, что в 2019 предприятия коммунального хозяйства и иные инфраструктуры являются популярным объектом кибератак. Таким образом, Д. Диот делает вывод о необходимости рассмотрения вопроса по резкому усилению киберзащиты вокруг инфраструктуры.

Во-вторых, эксперт отмечает подъем искусственного интеллекта и в плане технического развития, и в сфере его фактического применения.

Искусственный интеллект используется и для модернизации системы мер реагирования в области безопасности. Так как основой таких мер является механизм обнаружения, поэтому с помощью использования искусственного интеллекта значительно ускоряется процесс выявления новых угроз и реагирования на них. Однако киберпреступники используют такие же меры для того, чтобы находить уязвимые места и улучшать свои вредоносные программы. Уже на данный момент используются такие технологии, как 5G, биометрия, технологии шифрования.

В-третьих, в 2019 году был зафиксирован рост вредоносных программ в сфере мобильного банкинга на 50% в мобильном банкинге по сравнению с 2018 годом. Попытки киберпреступников обмануть потребителей выражаются в различных вариациях: от электронной почты до SMS-атак, в виде сообщений в социальных сетях или на игровых платформах.

В-четвертых, из-за активного внедрения 5G-сетей использование подключенных устройств IoT резко ускоряется. Это способствует повышению уязвимости данных сетей многовекторным кибератакам нового пятого поколения. Необходим более целостный подход к безопасности IoT, в котором будут сочетаться самые эффективные средства обеспечения защиты данных.

Эксперт также выделяет пятую тенденцию, которая выражается в том, что многие организации для обмена и хранения документации используют облака, но это не гарантирует высокий уровень безопасности данных.

Выводы. Целесообразно на основании выше представленных тенденций в сфере кибербезопасности и киберпреступности предложить несколько направлений создания кибербезопасного пространства:

1) Обмен информацией с максимальной скоростью при учете интернет трафика.

Это необходимо для того, чтобы организации сразу после обнаружения вероятности возникновения угрозы или самой угрозы могли обмениваться данными для быстрой ликвидации проблемы.

2) Развитая система взаимодействия органов и организаций на национальном и международном уровне.

Мы должны создавать новые хранилища знаний и данных, развивать наши операционные системы.

3) Ведение комплексной программы кибербезопасности совместно с обучением основам кибербезопасности.

Это видение должно не только реагировать и разрешать все угрозы, но и прогнозировать действия киберпреступников. А обучение основам кибербезопасности должно быть частью развития образования каждого человека.

4) Развитие технологической платформы.

Для осуществления эффективного противодействия киберпреступности требуются вычислительные мощности. Интегрированная, оптимизированная платформа не появится вообще, если мы не поймем, что это необходимо. Также необходимы более широко принятые стандарты и протоколы при непосредственном общественном обсуждении поднятой темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева Т.Г., Алешин В.В., Ашавский Б.М. и др. Словарь международного права / отв. ред. С. А. Егоров. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 495 с.
2. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]: Закон Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 (действующая редакция по состоянию на 23.09.2014) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения 04.02.2020).
3. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 5 января 2016 года №356-з / Законодательство стран СНГ. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=82407 (дата обращения: 04.02.2020).
4. PROJECT 2020 SCENARIOS FOR THE FUTURE OF CYBERCRIME [Электронный ресурс] // URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-documents/project-2020-scenarios-for-future-of-cybercrime> (дата обращения: 04.02.2020).
5. Владимир Овчинский: О киберугрозах в Давосе [Электронный ресурс] // URL: <https://izborsk-club.ru/18651> (дата обращения: 04.02.2020).
6. Резолюция 56/19. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности [Электронный ресурс]: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей [по докладу Первого комитета (A/56/533)] / Консорциум Кодекс. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901828634> (дата обращения: 04.02.2020).
7. ГА ООН приняла российскую резолюцию о борьбе с киберпреступностью [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20191228/1562965015.html> (дата обращения: 04.02.2020).

CYBER CRIME: DOMESTIC REALITIES AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

Annotation. This study aims to analyze current realities regarding the development of cybercrime and the system to combat it. Cybercrime regulation is considered in the Donetsk People's Republic. The latest changes in the cybercrime system are analyzed. As a result of the study, the main tasks were derived to achieve a cybersecurity space.

Keywords: cybercrime, cybercrime, cybercrime, hacker.

Zateyshchikova E.

Scientific Advisor: Karpenko L., Assistant Professor, Ph.D.

Donetsk National University

Email: zateyshchikova.liza@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ СИСТЕМ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Затейщикова Е.Л.

*Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Данное исследование направлено на анализ современных реалий в сфере регулирования авторского права на произведения систем с искусственным интеллектом. Рассмотрены различные подходы стран в определении статуса систем с искусственным интеллектом как автора произведений. В результате исследования был определен оптимальный вариант регулирования авторского права на произведения систем с искусственным интеллектом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, системы с искусственным интеллектом, авторское право, компьютерные произведения, авторство.

Авторство защищенных авторским правом работ всегда было острым вопросом во всех правовых системах. С активно развивающимся процессом внедрения систем с искусственным интеллектом появляется все больше творческих работ, которые создаются «нечеловеческим» автором. Таким образом, компьютерные алгоритмы, выраженные в системах с искусственным интеллектом, становятся новым источником творчества.

В 2016 году компания Google начала финансировать программу искусственного интеллекта, которая будет писать местные новостные статьи. В этом же году группа музеев и исследователей в Нидерландах представила портрет под названием The Next Rembrandt. Данное произведение искусства является результатом компьютерной программы, проанализировавшей тысячи работ голландского художника XVII века Рембрандта Хармензона ван Рейна. В одноименном периоде был выпущен короткометражный роман, написанный японской компьютерной программой, и том же году вышедший во второй тур Национальной литературной премии. А принадлежащая Google компания искусственного интеллекта Deep Mind создала программное обеспечение, которое может генерировать музыку по прослушиванию записей.

Компьютеры создавали произведения искусства, начиная с 1970-х годов, и эти усилия продолжаются по настоящее время. Большинство этих произведений искусства в значительной степени опирались на творческий вклад программиста, таким образом, машина была, в лучшем случае, инструментом.

Но сегодня, находясь в агонии технологической революции, все эти обстоятельства требуют от нас переосмысления взаимодействия между компьютерами и творческим процессом. Эта революция подкрепляется быстрым развитием программного обеспечения машинного обучения, подмножеством искусственного интеллекта, которое производит автономные системы, способные учиться, не всегда специально запрограммированным человеком.

Компьютерная программа, разработанная для целей машинного обучения, имеет встроенный алгоритм, который позволяет ей учиться на основе ввода данных, а также разрабатывать и принимать будущие решения, которые могут быть как направленными, так и независимыми. Применительно к искусству, музыке и литературным произведениям алгоритмы машинного обучения фактически учатся на входных данных, предоставляемых программистами. Важной особенностью для этого типа искусственного интеллекта является то, что в то время как программисты могут задавать параметры, работа фактически генерируется самой компьютерной программой.

На основании всего вышеизложенного считается возможным сделать вывод о том, что создание произведений с использованием искусственного интеллекта может иметь очень важные последствия для законодательства об авторских правах.

Традиционно, право собственности на авторские права в произведениях, созданных компьютером, не ставилось под сомнение, потому что программа была просто инструментом, который поддерживал творческий процесс, очень похожий на ручку и бумагу. Творческие работы имеют право на защиту авторских прав, если они являются оригинальными, причем большинство определений оригинальности требует наличия человека-автора. В законодательстве Испании и Германии утверждается, что только произведения, созданные человеком, могут быть защищены авторским правом.

Но в связи с появлением новых поколений систем с искусственным интеллектом можно утверждать, что они больше не являются инструментом, поскольку уже способны принимать многие решения, связанные с творческим процессом, без вмешательства человека.

Произведения, создаваемые системами с искусственным интеллектом, теоретически могут считаться свободными от авторских прав, поскольку они не созданы человеком-автором. Таким образом, они могут быть свободно использованы и повторно использованы кем угодно. Но эта позиция весьма невыгодна для компаний, продающих такие системы [1].

Существует три основных способа, как можно урегулировать правоотношения в сфере авторского права, где произведения создаются в таких условиях, когда человеческое взаимодействие минимально или отсутствует:

- 1) отказ в защите авторских прав на произведения, созданные системой с искусственным интеллектом;
- 2) автором такого произведения признается создатель программного алгоритма;
- 3) автором признать человека, который включил систему и задал команду создать произведение.

Известно, что передача авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом, никогда не была специально запрещена. Однако есть признаки того, что законы многих стран не подчиняются новеллам об авторском праве.

Закон об авторском праве Японии определяет охраняемое авторским правом произведение как «произведение, в котором мысли или чувства выражаются творчески, и это входит в литературу, научную, художественную или музыкальную сферу». Критическое требование «творчески» толкуется судами, как прямое требование к тому, чтобы автором был человек. Соответственно, охраняемые произведения могут быть созданы только человеком [2].

Закон об авторском праве Германии гласит, что «Работы в этом законе являются только интеллектуальные творения людей». Таким образом, в правовой системе Германии произведения систем с искусственным интеллектом также не защищаются [3].

Второй вариант правового регулирования заключается в предоставлении защиты произведениям, созданным системами с искусственным интеллектом. Такое регулирование реализуется в таких странах, как Индия, Ирландия, Новая Зеландия и Великобритания.

Этот подход лучше всего сформулирован в законе Великобритании об авторских правах, образцах и патентах, который гласит: «В случае литературного, драматического, музыкального или художественного произведения, которое было создано с помощью компьютера, автором считается лицо, которое приняло меры, необходимые для создания этого произведения» [4].

Мы считаем, что будет целесообразным использовать в отношении таких произведений дефиницию «компьютерное произведение», которая определяется как

произведение, которое создается компьютером в таких обстоятельствах, когда нет человеческого автора этого произведения. Идея такого положения состоит в том, чтобы создать исключение из всех требований человеческого авторства, признав работу, которая входит в создание программы, способной генерировать произведения, даже если творческий порыв предпринимается машиной. Но даже такие положения оставляют открытым вопрос о том, кого закон будет считать лицом, принимающим меры по организации работы, которая должна быть произведена. Должен ли закон признавать вклад программиста или пользователя этой программы? Это все равно, что спрашивать, должно ли авторское право быть предоставлено создателю пера или писателю.

Если рассматривать с экономического аспекта, то собственниками произведений должны быть те, кто может увеличить предложение. В случае произведений, созданных системами с искусственным интеллектом, следуя из вышеуказанного подхода, авторскими правами должны обладать операторы, то есть лица, которые задали команду системе начать работу над произведением. Операторы могут увеличивать количество и характер создаваемых произведений [5].

На равне с экономическим аспектом необходимо рассмотреть общую социальную выгоду. Другими словами, принесет ли общество наибольшую пользу, если собственником будет признана компания-программист, ответственное учреждение для финансирования развития искусственного интеллекта или потенциально миллионы конечных пользователей программ с искусственным интеллектом. Но перед этим необходимо понять, что такое конечная цель передачи авторских прав.

Первопричиной всей дискуссии на счет авторского права на рассматриваемую категорию произведений является определение конечной цели передачи авторских прав. Мы считаем, что такой целью является предоставление финансовых стимулов для поощрения роста развития индустрии искусственного интеллекта и обеспечение распространения произведений искусственного интеллекта. Конечная цель – передача авторских прав авторам.

Системы с искусственным интеллектом, в отличие от людей-разработчиков, не нуждаются в финансовых стимулах. Их производительность не зависит на ощутимые вознаграждения, а скорее всего она влияет на инвестиции времени и навыки программистов-создателей систем с искусственным интеллектом, а также финансовую поддержку компании-работодателя.

Поскольку конечные пользователи имеют наименьший вклад в первоначальную разработку систем с искусственным интеллектом, их претензии на авторство наименее убедительный. Фактически, присвоение авторства конечным пользователям вместо самих систем с искусственным интеллектом может нанести разработчикам ущерб в самом росте сектора искусственного интеллекта в принципе [6].

Таким образом, использование искусственного интеллекта художниками становится все более распространенным, размывая различие между работами, созданными человеком и созданными компьютером. Это имеет интересные последствия для закона об авторских правах, который, как правило, защищает только произведения, созданные человеком.

Монументальные достижения в развитии систем с искусственным интеллектом и огромное количество доступных вычислительных мощностей в обозримом будущем вполне могут сделать спорным различие произведений, созданных человеком или системой с искусственным интеллектом. Это возможно, поскольку, когда вы даете машине возможность изучать стили из больших наборов данных контента, что как раз и происходит при программировании современных систем с искусственным интеллектом, она станет еще лучше имитировать людей. А учитывая достаточную вычислительную мощность, вскоре мы не сможем отличить контент, созданный человеком, от контента, созданного машиной.

Предоставление авторских прав человеку, который сделал возможным функционирование искусственного интеллекта, кажется, является наиболее разумным подходом на данный момент, а модель Великобритании выглядит наиболее правильной. Такой подход позволит обеспечить, чтобы компании продолжали инвестировать в технологии, безопасные в знании того, что они получают отдачу от своих инвестиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Artificial intelligence and copyright [Electronic resource]. – URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2017/05/article_0003.html (date of the application: 08.02.2020).
2. Старые и новые законы, которые изменяют часть Закона «Об авторском праве Японии» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cric.or.jp/db/domestic/taisho2018_10.pdf. (дата обращения: 08.02.2020).
3. Закон Федеративной Республики Германия «Об авторском праве» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.worldbiz.ru/base/20366.php> (дата обращения: 08.02.2020).
4. Закон Великобритании об авторском праве, промышленных образцах и патентах (1988 год) [Электронный ресурс] // СПС «Юрист» URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30971220 (дата обращения: 08.02.2020).
5. Takashi B. Yamamoto «AI Created Works and Copyright» [Electronic resource] / PATENTS & LICENSING. – Vol. 48. – № 1. – 2018. – URL: <http://www.itlaw.jp> (date of the application: 08.02.2020).
6. Kalin Hristov «Artificial intelligence and the copyright dilemma» // IDEA – The Journal of the Franklin Pierce Center for Intellectual Property. – Vol. 57. – № 3. – 2017. – 431-453 p.

TO THE QUESTION OF COPYRIGHT OF SYSTEMS WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. This study is aimed at analyzing current realities in the field of copyright regulation for works of systems with artificial intelligence. Various approaches of countries in determining the status of systems with artificial intelligence as the author of works are considered. As a result of the study, the optimal version of copyright regulation for works of systems with artificial intelligence was determined.

Key words: artificial intelligence, systems with artificial intelligence, copyright, computer works, authorship.

Zateyshchikova E.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: zateyshchikova.liza@mail.ru

УДК 347.451

АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Зинченко И.В.

*Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Научная работа посвящена рассмотрению проблем, которые встречаются на пути реализации защиты прав потребителей при продаже товаров. Представлены меры, которые необходимо предпринимать для реализации норм предназначенных для нормального функционирования механизма защиты прав потребителей.

Ключевые слова: продавец, потребитель, защита прав, проблематика, правовое регулирование.

Актуальность представленной темы обусловлена проблемой, с которой столкнулся законодатель Донецкой Народной Республики, речь идет о строительстве государственного аппарата и построения внутригосударственного законодательства. Остро

стоит вопрос экономического развития Донецкой Народной Республики, что в свою очередь напрямую зависит от правового регулирования экономической деятельности в Республике. В связи с чем, мы считаем, что деятельность субъектов предпринимательской деятельности и ответственность лиц, которые предлагают жителям Донецкой Народной Республики свои услуги, в правовом поле нашего государства должно занимать первостепенное значение. На сегодняшний день, мы встречаем большое количество обманутых людей, поскольку на практике формула «Покупатель всегда прав» работает редко, в основном, к таким формулировкам, прибегают за редким исключением субъекты предпринимательской деятельности, которые дорожат своей репутацией. Но, как вы понимаете, чаще потребитель остается обманутым. Есть множество обманных схем и нарушений, которые мы бы хотели осветить в своей работе.

Правовое регулирование договора купли-продажи в Донецкой Народной Республике осуществляется Гражданским кодексом Украины, однако с 1 июля 2020 года вступит в силу Гражданский кодекс ДНР, а также Законом Донецкой Народной Республики «О защите прав потребителей», который был принят Постановлением Народного Совета 5 июля 2015 года. Настоящий Закон регулирует отношения, возникающие между потребителями и производителями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о товарах (работах, услугах) и об их производителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав. Согласно ч. 3 ст. 5 настоящего Закона Защиту прав потребителей осуществляет республиканский орган исполнительной власти, обеспечивающий формирование и реализацию государственной политики в сфере защиты прав потребителей, специально уполномоченный орган в сфере защиты прав потребителей и его территориальные органы, местные государственные администрации, органы, осуществляющие государственный санитарно-эпидемиологический надзор, другие государственные органы, органы местного самоуправления согласно законодательству Донецкой Народной Республики, а также суды [1, с. 7]. Кроме того, на территории Республики действует прямо предусмотренное в законодательстве, добровольное объединение граждан с целью реализации вышеуказанных прав, именуемый Народный контроль. Народный контроль – это орган общественного контроля системы управления ДНР, созданный с целью защиты конституционных прав граждан, обеспечения каждого гражданина доступом к качественным продуктам, услугам, повышения взаимодействия граждан и органов государственной власти [2].

Закон «О защите прав потребителей» в Донецкой Народной Республике, по своей структуре и содержанию, схож с Законом Украины «О защите прав потребителей», то есть содержит в себе аналогичные разделы и изложен в аналогичном порядке [3]. Следует отметить, что Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» строится несколько иначе, это прослеживается при изучении его норм, поскольку они построены и разделены по принципу «защита прав потребителей при продаже товаров» и «защита прав потребителей при выполнении работ и оказании услуг» [4].

Но, несмотря на наличие правовых регуляторов, которые способствуют и упорядочивают товарно-денежные отношения, нарушения прав потребителей осуществляются и в какой-то степени приобретают привычный характер для продавца. Мы считаем необходимым выделить ряд основных проблем, которые законодателю ещё предстоит решить, а именно:

1) Низкий уровень правового воспитания граждан. Просвещение субъектов потребительских отношений – актуальная проблема, потому что продавцы,

изготовители, исполнители, знают о своих правах и обязанностях. Тогда как покупатель имеет лишь поверхностное представление о своих правах и обязанностях. Безусловно, политика государства должна быть направлена на правовое просвещение своих граждан, здесь, кстати говоря, следует отметить, что средства массовой информации в Донецкой Народной Республике довольно таки часто транслируют и освещают, с помощью квалифицированных и практикующих юристов, те или иные правовые вопросы, а также действует коллегия адвокатов. Однако, независимо от того, сколько законодатель предложит нам правовых регуляторов, если мы не будем владеть полной и достоверной информацией о наличии ряда наших собственных прав и возможностей, которые мы могли бы реализовать и защитить себя, законы будут оставаться, лишь на листке бумаги. При этом следует отметить, что в данном случае необходимо принимать меры не только государству, общество и отдельные индивиды так же должны понимать, что им необходимо приложить усилия и углубиться в изучение своих прав, иначе, что бы государство не предпринимало, случаи обмана будут происходить.

2) Нарушения в сфере защиты прав потребителей, такие нарушения связаны с:

– несвоевременной и зачастую умышленной заменой ценников;

– отказ в продаже одного товара без обязательной покупки другого;

– отказ в обмене товара и возврате денежных средств за приобретенный товар, в данном случае важно учитывать покупателю, что есть перечень товаров, которые не подлежат возврату или обмену. Все остальные товары покупатель вправе обменять или вернуть денежные средства в течение четырнадцати дней без объяснения причин, при условии, что товар не был в употреблении, сохранил свои потребительские свойства, сохранился чек. Эти моменты детально прописаны, как в Гражданском кодексе, так и в статье 25 Закона Донецкой Народной Республики «О защите прав потребителей». Отказ в возврате товара по причине отсутствия кассового или товарного чека, так же встречается на практике и здесь тоже покупателю важно знать, что согласно п.5 ст. 18 Закона ДНР «О защите прав потребителей» продавец не имеет право отказать покупателю на таком основании, иначе в судебном порядке с него вполне возможно взыскать штраф в размере 50 % от суммы, присужденной судом в пользу покупателя.

– нарушение сроков устранения недостатков товара, такие случаи встречаются часто, потому как п. 1 ст. 20 Закона ДНР «О защите прав потребителей» устанавливает, что если самим договором сроки на устранение недостатков товара не указаны, то недостатки должны быть устранены в минимальный срок, объективно необходимый для их устранения. В данном случае, в зависимости от самого товара и той работы, которая продлевается для его ремонта, сроки могут быть различными, это может быть связано со сроками доставки запчастей для устранения недостатков, что является вполне объективным для нашего понимания. Задерживать сроки устранения недостатков или замены товара не в интересах продавца, поскольку в противном случае ему грозит уплата неустойки за каждый день просрочки, но опять-таки незнание своих прав покупателем, лицо теряет свое время и денежные средства.

3) недостаточная информированность граждан о качестве товара;

4) отсутствие необходимых мероприятий, связанных с контролем качества товаров, услуг и работ, а также контроля со стороны органов за деятельностью субъектов предпринимательской деятельности и соблюдения ими возложенных на них законодательством обязательных требований.

Механизм защиты прав потребителей строится на имущественных регуляторах, указанных в законодательства, а именно компенсация морального вреда и имущественного вреда.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что неграмотность населения в сфере защиты свои законных конституционных прав, зависит не только от

государства, но и от самой заинтересованности населения повышать свой уровень правосознания, поскольку на наш взгляд это первостепенная проблема всего социума. Отсутствие интереса потребителя к знанию своих прав, полное доверие к продавцу может привести вас к обману и мошенничеству. Государство, издавая законы и информируя вас об их наличии и действии, даёт вам возможность реализовывать данное право, через те органы государственной власти, которые так же создаются с целью реализации данных прав населению. В данном случае необходимо согласованное сотрудничество и создание грамотной целостной системы позволяющей взаимодействовать с потребителем по всем важнейшим моментам.

Субъекты экономической деятельности, выбирая путь обмана и мошенничества, забывают, что создание благоприятных и качественных условий, гарантирующих создание блестящей репутации и усиление заботы и ценности потребителя, необходимости уважения к нему – это ключ к экономическому росту, как самого продавца, так и самого государства в целом. Путь обмана и мошенничества – риск потери бизнеса и вложений в него. В связи с чем, мы считаем недостаточным имущественной ответственности изготовителя, исполнителя, продавца, предлагаем рассмотреть в данной области применение административной и уголовной ответственности за систематическое нарушение прав потребителей. Систематические нарушения фиксируются органами государственной власти, при проведении контрольных функций с их стороны, так и при неоднократных обращениях потребителей с просьбами устранить нарушений в отношении конкретного субъекта экономической деятельности.

Кроме того, считаем необходимым повышение правовой грамотности населения, с помощью проведения мероприятий в учебных учреждениях среднего и высшего уровня, информирование граждан в средствах массовой информации, на стендах в местах реализации потребителями товаров, работ и услуг, проведение контрольных закупок со стороны органов государственной власти представляющих интересы потребителей.

Подводя итоги изученного, мы считаем, что Закон Донецкой Народной Республики «О защите прав потребителей» содержит в себе нормы регулирующие отношения в области защиты прав потребителей, но практическая деятельность показывает, что необходимо приложить усилия для создания единой комплексной системы взаимодействия органов государственной власти и общественных организаций, для обеспечения контроля и надзора за деятельностью субъектов предпринимательской деятельности, поскольку на сегодняшний день та система, которую мы имеем на практике даёт сбой. Мы согласны с Филипповой Е.О., которая считает, что масштабы и эффективность государственного контроля в Российской Федерации не соответствуют масштабам нарушений прав потребителей, подобную картину мы наблюдаем в товарно-денежных отношениях в Донецкой Народной Республике. Снижая свое надзорное присутствие в рыночных отношениях, государство не обеспечивает исполнение судебных решений в пользу потребителей. Снижается и уровень ответственности за нарушения прав потребителей [5, с. 251].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Донецкая Народная Республика. Законы. «О защите прав потребителей». Принятый Постановлением Народного Совета 5 июня 2015г. действующая редакция по состоянию на 19.06.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа Официальный сайт Донецкой Народной Республики:<http://dnrsovnet.su/zakon-dnr-o-zashhite-prav-potrebitelej/>
2. Официальный сайт Народного Совета ДНР Подробнее на сайте Народного Совета ДНР: [Электронный ресурс]. – Режим доступа Официальный сайт Донецкой Народной Республики <http://dnrsovnet.su/v-dnr-zapustili-proekt-narodnyj-kontrol/>
3. . Україна. Закони. Про захист прав споживачів. Закон введено в дію з 1 жовтня 1991 року Постановою Верховної Ради Української РСР від 12 травня 1991 року N 1024-XII. Зі змінами і доповненнями

- внесеними Законами України від 20 грудня 2016 року N 1791- VIII [Електронний ресурс]. – Режим доступу Всеукраїнський правовий портал http://moerpravo.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T102300.html
4. Российская Федерация. Законы. О защите прав потребителей: Федеральный закон РФ [Текст]: от 7 февраля 1992 г. № 39-ФЗ с изменениями от 03.07.2016 N 265-ФЗ// Ведомости Съезда Народных Депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1992. – № 15. – С. 766.
5. Филиппова Е.О., Снеговская Т.А. Актуальные проблемы защиты прав потребителей // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения. – Пенза: «Наука и просвещение. – 2017. – С. 249-252.

ANALYSIS OF LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION OF CONSUMER RIGHTS IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. The scientific work is devoted to the consideration of the problems that are encountered in the implementation of consumer protection in the sale of goods. The measures that need to be taken to implement the norms intended for the normal functioning of the consumer protection mechanism are presented.

Keywords: seller, consumer, protection of rights, problems, legal regulation.

Zinchenko I.

Scientific adviser: Efremova A., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: skymops@gmail.com

УДК 343.326

ТЕРРОРИЗМ КАК МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Зоря А.А.

*Научный руководитель: Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Статья раскрывает основные аспекты распространение терроризма по всему миру, его негативное влияние на внутригосударственные и международные процессы, характеризует идеологическую основу терроризма и приводятся правовые пути борьбы с ним.

Ключевые слова: терроризм, безопасность, международный, территория, теракт.

Начиная со второй половины XX века терроризм из внутренней проблемы национальных стран видоизменился в явление интернационального характера с проявлением наиболее враждебных форм террористических угроз, повышением уровня организованности террористической деятельности, применением новых технических средств массового уничтожения. Это стремительно повышает уровень его общественной опасности и квалифицируется как фундаментальное всемирное несчастье человечества, применяемое деструктивными силами как инструмент достижения конкретных политических целей.

Очевидно, что терроризм ориентирован на дезорганизацию власти и государственного управления, дестабилизацию общественного устройства того или иного государства, дестабилизация политической устойчивости в обществе, причинение экономического ущерба, нагнетание тотального чувства страха у населения, а также нацелен на создание собственного террористического государства под названием ИГИЛ [12, с. 21].

Следует согласиться с суждением С.М. Ермакова, что терроризм представляет собой сверхпреступление, борьба с которым происходит не только с помощью действующего права, но и силовыми методами. Он принадлежит к той сфере политической борьбы, которой присущи насильственные формы и способы,

экстремистская террористическая идеология, пренебрежение любых норм как национального, так и международного права [10].

Противодействием разрастанию масштабов террористических призывов и угроз в современном мире стало учреждение Контртеррористического управления Организации Объединенных Наций на основании резолюции 71/291 Генеральной Ассамблеи от 15.06.2017 года. Его возглавил В.И. Воронков (Российская Федерация) на правах заместителя Генерального секретаря ООН [21].

Главные функции контртеррористического управления сводятся к тому, чтобы:

- направлять работу по выполнению антитеррористических мандатов Генеральной Ассамблеи, возлагаемых разными подразделениями системы ООН;
- улучшать координацию и обеспечивать согласованность действий членов Целевой группы Глобального договора ООН о координации контртеррористической деятельности;
- повышать эффективность помощи, оказываемой Организацией Объединенных Наций государствам-членам в деле укрепления их антитеррористического потенциала;
- привлекать внимание к антитеррористической деятельности Организации Объединенных Наций, распространять информацию о ней и активизировать работу по мобилизации ресурсов на ее финансирование;
- обеспечивать, чтобы борьбе с терроризмом уделялось должное внимание в деятельности всей системы Организации Объединенных Наций [12].

Эффективность борьбы с международным терроризмом делается возможной благодаря сформировавшемуся международно-правовому порядку противодействия террористической угрозе. Среди принятых документов – Европейская конвенция по борьбе с терроризмом (1977) [8], Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (1979) [17], Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (1997) [16]; Конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999) [18]; Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (2005) [15], Глобальная контртеррористическая стратегия (2006) [3] и др. Всего же к настоящему периоду принято 19 конвенций ООН, около 50 резолюций Совета Безопасности ООН, сотни документов других организаций, в т.ч. Совета Европы, ОБСЕ, ШОС, СНГ, ОДКБ и др. При этом, к сожалению, должного объединения усилий государств, направленных против террористических вызовов и угроз, так и не произошло.

На это указывает резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (№ 60/288 от 8.09.2006 года) под названием «Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций» [3]. В ней рассказывается о потребности принятия странами консолидированных мер, нацеленных на устранение условий, способствующих распространению терроризма, укрепление потенциала государств по предотвращению терроризма и увеличение значимости ООН в противодействии терроризму; предоставление всеобщего уважения прав человека и верховенства права в качестве базовой основы для борьбы с терроризмом.

Такой подход диктуется разрастанием масштабов террористической угрозы. Согласно сведениям Контртеррористического управления ООН, только лишь в 2018 году было совершено 11 тысяч терактов более чем в ста странах мира, в которых было убито 25 тысяч человек, количество раненых превысило 33 тысячи человек, экономический ущерб от этих терактов составил 90 млрд долларов [2].

Приведенная статистика показывает, что современный терроризм – это та действительность, с которой сталкивается весь мир. Его основная отличительная черта транснациональный, организованный характер. Терроризм в мировом масштабе ставит препятствия для решения и без того сложных политических конфликтов в различных регионах мира (межнациональных, конфессиональных, региональных и др.), парализуя взаимоотношения между странами, народами, конфессиями. Пример тому – Сирия, Ирак [1, с. 7–8].

К сожалению, террористы зачастую используют негласную поддержку властных структур отдельных стран, оказываемую им в целях осуществления личных геополитических интересов. Среди таковых – Аль-Каида, Джабхат Аль Нусра, Исламское государство Ирака и Леванта, Талибан и др. Все они отличаются исключительной жестокостью и являются достаточно массовыми. По некоторым данным, движение Талибан, к примеру, насчитывает 60 тыс. чел. Тысячами человек исчисляется террористическая организация Аль-Каида. Джабхад аль Нусра считается одной из самых смертоносных в мире террористических структур, на счету которой массовые расстрелы «неверных». Столь же масштабны преступления против человечности у террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта», осуществляющей насильственное распространение ислама, сопровождаемое множественными казнями, видеосъемки которых намеренно выкладываются в социальные сети, чтобы посеять всеобщий страх и ужас.

Глобальный характер терроризма акцентирует внимание на его сращивании с организованными преступными группировками, в том числе мирового масштаба. Применяя наиболее изощренные формы террористической деятельности (посягательства на лиц, пользующихся международной защитой; незаконный захват воздушных и морских судов; диверсии, убийства, захват заложников; поджоги и взрывы жилых зданий, вокзалов, общественных мест; вывод из строя объектов жизнеобеспечения (портов, гидросооружений, тоннелей, мостов и проч.), террористы обладают абсолютно всеми необходимыми ресурсами – финансовыми, материальными, информационными, техническими и др [7, с. 15].

Террористы становятся более беспринципными, безжалостными, исповедуя культ насилия, показывая пренебрежение и ненависть к этническим группам, религиям, языкам, национальностям и т.п. Более опасен в настоящее время технологический терроризм. Он рассчитан на применение или угрозу применения оружия массового уничтожения (ядерного, химического, бактериологического), радиоактивных и высокотоксичных химических, биологических веществ, а также угрозу захвата объектов, представляющих особо повышенную опасность для жизни и здоровья людей (например, атомные, промышленные установки).

В последние годы в мире прослеживается увеличение количества невзрывных терактов с использованием энергоинформационного оружия (СВЧ- и КВЧ-лучи), наркотических и одурманивающих веществ. Возникли новые вариации терроризма такого, как «наркотерроризм» и «наркодиверсия» («наркогеноцид»). При этом организаторы террористических групп вступают в преступную связь с наркоторговцами не только для извлечения денежных средств, но и с целью применения наркотических веществ при совершении терактов. На борьбу с этим злом необходимо задействовать достаточно внушительные средства и ресурсы.

Рассадником терроризма стали очаги напряженности в регионах Ближнего и Среднего Востока. Террористическая активность динамично прослеживается в Центральной Азии. В Киргизии она вызвана межклановыми противоречиями по линии «север – юг», непростой межнациональной ситуацией на юге страны, в Таджикистане обусловлена результатами гражданской войны 1992-1997 гг., непрерывным накалом внутривнутриполитической ситуации в Афганистане, скоплением здесь бежавших из Сирии боевиков-игиловцев, их натиском и воинственностью [12].

Для России в этой связи становится важным сопряжение усилий членов – участниц ОДКБ по обеспечению региональной безопасности и устойчивости, противодействию попыткам международных террористических центров реализовать «перезагрузку» своей преступной деятельности после поражений на Ближнем Востоке. На счету ОДКБ – ежегодные операции «Канал» (пресечение незаконного оборота наркотиков) и «Нелегал» (борьба с нелегальной миграцией). Готовится новая операция

«Наемник». Она предусматривает обнаружение лиц из ИГИЛ, а также их пособников. Ставится сложная цель укрепления границы Таджикистана с Афганистаном, где насчитывается более 70 тыс. боевиков из ИГИЛ, переместившихся из Сирии. Сложная обстановка убедительно требует укрепления взаимодействия ОДКБ и ШОС по вопросам, представляющим взаимный интерес (это борьба с терроризмом, незаконной миграцией, оборотом оружия и наркотиков и т.д.).

Общеизвестно, что террористические организации обладают не только финансовыми, материальными, но и значительными информационными ресурсами в своей деятельности. Таким образом, ИГИЛ осуществляет контроль над рядом информационных агентств, печатных и электронных средств массовой информации Сирии, Ирака, Саудовской Аравии, некоторых других государств. Помимо этого, распространяется печатная пропагандистская литература. Сформирована масштабная разветвленная сеть Интернетресурсов – около 500 сайтов и большое количество аккаунтов в социальных сетях [24, с. 209].

Интернет превратился в основной инструмент вербовки в ряды террористов. Согласно некоторым данным, в России в 2016 год выявлено более 26 тысяч экстремистских и террористических ресурсов, что в два раза больше, чем в 2015 году. Статистика показывает, что число зарегистрированных преступлений террористического характера в стране остается довольно высоким. За 2018 год правоохранительные структуры России пресекли деятельность 37 экстремистских групп, ликвидировали 65 боевиков, не допустили на территорию страны более 10 тысяч лиц, подозреваемых в терроризме.

В минувшие годы в России пронеслась эпидемия телефонного терроризма. Анонимные звонки приводили к эвакуации массы людей в аэропортах, вокзалах, торговых центрах, школах и иных участках массового скопления. Только с 11 по 25 сентября 2017 года было эвакуировано около 450 тыс. человек, зафиксировано порядка 1 тыс. анонимных звонков о «минировании». В результате Государственная Дума в декабре 2017 года приняла закон об увеличении максимального срока наказания за «телефонный терроризм» с 5 до 10 лет лишения свободы [4]. К сожалению, телефонные террористы продолжают реализовывать свою преступную деятельность.

Основным контингентом террористических групп и организаций составляет молодое поколение. И это понятно: число выходящих в сеть Интернет в России за сутки составляет более 90 млн. человек [23]; в основном это молодые люди, сознание которых движимо идеями лучшей жизни, за что, собственно, и агитируют террористы, предлагая заманчивые мифологические сюжеты, создавая мифологическое мышление. К тому же не исключается приключенческий азарт, стремление получить простым методом деньги, улучшить свое материальное благополучие. Распространяемая экстремистская информация доставляется адресатам в виде рассылки. Для этого выделяется сегмент по возрасту и региону и в его рамках предлагается присоединиться к определенной группе. Подобные категории групп могут называться по-разному, относиться они тоже могут к разным направлениям, например, к национализму. Если человека такой материал заинтересовал, то ему могут предложить заняться последующим распространением информации. Таким, в частности, технологическим образом, происходит вербовка в ряды террористов и формируются агенты террористических групп [1, с. 8].

В последнее время наблюдается связь между явлениями международного терроризма и транснациональной организованной преступностью, которая увеличивается и непосредственно затрагивает безопасность национальных государств. Данная очевидность требует своевременного реагирования на международном, региональном и национальном уровнях, так как организованная преступность создает препятствия экономическому росту стран, причиняет им огромный экономический ущерб, создает механизмы финансирования террористических групп.

В данном контексте особого внимания заслуживают взаимоотношения таможенных администраций национальных государств, организующих работу по пресечению всех видов контрабанды. В 2018 году Федеральной таможенной службой России организовано участие подразделений таможенных органов стран ЕАЭС в десятках специальных таможенных операциях, по результатам которых возбуждено 577 уголовных дел по ст. 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации («контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов»). «Из незаконного оборота изъято приблизительно 82 кг наркотических средств и психотропных веществ, более 3 кг прекурсоров, свыше 68 кг сильнодействующих веществ, 34 единицы холодного и 5 единиц огнестрельного оружия, 349 единиц боеприпасов» [11].

При изучении данной статистики, становится очевидным, что необходимость в укреплении взаимодействия правоохранительных органов государств, обмену оперативной информацией между ними неоспорима. Принимая это во внимание, Федеральной таможенной службой России в последние годы подписаны двухсторонние таможенные планы с таможенными службами Армении, Бразилии, Германии, Китая, Польши, Узбекистана, Финляндии. Заключены: Меморандум между Федеральной таможенной службой России и Финансовой гвардией Италии в области таможенного сотрудничества; двусторонние протоколы о взаимодействии между ФТС России, таможенной службой Армении и Государственным таможенным комитетом Республики Узбекистан в сфере борьбы с таможенными правонарушениями, связанными с перемещением товаров воздушным транспортом; Меморандум о взаимопонимании между Федеральной таможенной службой и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики в сфере борьбы с таможенными правонарушениями на канале авиационных перевозок. На основании указанных договоренностей проводятся специальные международные операции, направленные на выявление и пресечение нарушений таможенного законодательства. Очевидно, что данная деятельность требует безусловного дальнейшего продолжения и совершенствования [5].

Новые шаги востребованы в направлении подписания Всеобъемлющей конвенции ООН против терроризма [9]. Все лишь упирается в нежелание отдельных стран признать субъектом ответственности за терроризм государство, разумеется, при необходимости, несмотря на то, что действующее международное право предусматривает механизм привлечения к ответственности государств за акты насилия, в том числе и за терроризм.

Наконец, следует отказаться от практики двойных стандартов, когда, осуждая терроризм, некоторые государства оказывают негласную финансовую поддержку запрещенным организациям, предоставляя политическое убежище их лидерам и др. Однозначно, что следование двойным стандартам имеет самые негативные последствия для противодействия глобальной угрозе человечеству – международному терроризму. Очевидно, что только совместными усилиями человечество сможет обуздать террористическую угрозу [6, с. 41].

Сегодня сфера борьбы с терроризмом приобрела международный характер, а для нашей страны данная проблема является общенациональной. В борьбе с терроризмом на территории нашей огромной страны в разрешении данной проблемы должны быть задействованы не только лишь антитеррористические центры, правоохранительные

органы, спецслужбы, но и население государства. Терроризм связан с историческими процессами, традициями наций, с философским и религиозным смыслом. В целях распространения идеологии, бесспорно, террористами предпринимаются попытки оказания информационно-психологического воздействия на общественность. Тем самым приводя общественность к дестабилизации.

Перед «лицом террора» у общественности порождается страх, в одно и то же время возникает недоверие к демократическим режимам, когда проскальзывает мысль, что от терактов государство не способно защитить своих людей.

Старания активизации деятельности государственных органов в превентивной работе направлены на нейтрализацию террористических веяний. Как отмечают А. В. Макаров и М.В. Чумаченко, «необходимы меры по усилению границ, повышению контроля над деятельностью зарубежных организаций, чтобы максимально снизить возможность импорта экстремизма из третьих стран» [13, с 53]. Для решения социально-экономических проблем и безработицы в стране активная молодежная политика поспособствует снизить социальную напряженность в обществе. Для будущей жизни в стране надобность в объединении ответственных сил как государства, так и населения. Проблема борьбы с терроризмом остается общегосударственной, тем самым заключаясь в противодействии социально-политическому появлению, каждый обязан отыскать свое пространство, и законодатель, и спецслужбы, и правоохранные органы, общественные и религиозные объединения. Профилактика терроризма остается приоритетной заботой государственных органов и населения. В террористической направленности профилактика выступает элементом выявления, предупреждения и устранения факторов содействия совершению террористических злодеяний [10, с. 654].

Антитеррористическая профилактика направлена:

- проведение мероприятий по привлечению молодежи в общественно значимые социальные проекты против терроризма;
- своевременное прерывание работы организаций, нацеленных на дискредитацию антитеррористической деятельности страны;
- применение спектра потенциала национальных диаспор, религиозных объединений в подготовке и претворение в жизнь событий информационно-пропагандистского характера с целью сопротивления террористической идеологии.

В антитеррористической борьбе в противоборстве данному злу российский опыт показал, что нужна инициативная роль всего общества. Поэтому со стороны населения потребуются доверие и всесторонняя поддержка мер защищенности для предупреждения террористических актов, предпринимаемых спецслужбами и правоохранными органами. Мирное население чаще всего оказывается жертвами террористов, не зная, как себя вести в этот момент. Так как современности досталась проблема борьбы с терроризмом, каждому гражданину было бы необходимо обладать антитеррористическими знаниями [19, с. 24].

Подводя итог, можно сказать, что противодействие терроризму заключается в определённой внешней и внутренней политике государства, направленной на нейтрализацию детерминант терроризма и установление определённых требований для граждан и организаций, создание конкретных методик по недопущению формирования террористических организаций, определённых методов организации работы органов исполнительной власти, органов местного самоуправления в сфере обеспечения антитеррористической защищённости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батюк В.И. Международное сообщество в борьбе с терроризмом: проблемы структуризации // Вестник РУДН. Серия Политология. 2018. № 1. С. 5-19.

2. В ООН оценили ущерб от терактов за год // РИА новости URL: <https://ria.ru/20180405/1518016493.html> (дата обращения: 14.12.2019).
3. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН // Организация Объединённых наций URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/ru/un-global-counter-terrorism-strategy> (дата обращения: 13.12.2019).
4. Госдума ужесточает наказание за «телефонный терроризм» до 10 лет лишения свободы // ТАСС URL: <https://tass.ru/obschestvo/4795808> (дата обращения: 14.12.2019).
5. Грачев С. И. Терроризм и контртеррористическая деятельность: вопросы теории [Электронный ресурс]: учеб. пособие / под общ. ред. О. А. Колобова. Н. Новгород: ФМО / ИСИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2010. URL: http://pnu.edu.ru/media/filer_public/2f/51/2f5186d7-eb6c-4ecb-a013-255c63e70529/grachev_terrorizm_i_contrterrorizm.pdf (дата обращения: 16.11.2019).
6. Дмитриев А. И. Воздействие экологического терроризма на объекты жизнедеятельности человека // Актуальные вопросы подготовки специалистов силовых структур: современное состояние и пути развития / под общ. ред. В. Ф. Купавского. Пермь: ПВИ войск национальной гвардии, 2017. С. 38-41.
7. Дмитриев А. И., Максимов А. В. Теоретические основы терроризма. Определение экономического ущерба при оценке эффективности общегосударственной системы противодействия терроризму // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 1 (76). С. 13-18.
8. Европейская конвенция о пресечении терроризма ETS N 090 (Страсбург, 27 января 1977 г.) // Сайт конституции Российской Федерации URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2541141/> (дата обращения: 13.12.2019).
9. Единство в борьбе с терроризмом // Российская газета URL: <https://rg.ru/2016/10/20/matvienkoprizvala-k-soglasovaniu-konvencii-oon-protiv-terrorizma.html> (дата обращения: 14.12.2019).
10. Ермаков, С. М. Понятийные аспекты терроризма / С. М. Ермаков // Терроризм – угроза человечеству в XXI веке / отв. ред. Р. Б. Рыбаков. М.: Ин-т востоковедения РАН; Крафт+, 20
11. Информация по линии деятельности Организационно-инспекторской службы ГУБК ФТС России // Федеральная таможенная служба URL: http://old.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27110:-2018-&catid=54:2011-01-24-16-31-26 (дата обращения: 14.12.2019).
12. Контртеррористическое управление Организации Объединённых Наций // Организация Объединённых Наций URL: <https://www.un.org/ru/counterterrorism/> (дата обращения: 14.12.2019).
13. Макаров А.В., Чумаченко М.В. Терроризм и экстремизм: современное понимание и актуальные проблемы // Юридический мир. 2016. № 2
14. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма // Организация Объединённых наций URL: https://www.un.org/ru/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml (дата обращения: 13.12.2019).
15. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма // Организация Объединённых наций. URL: https://www.un.org/ru/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml (дата обращения: 13.12.2019).
16. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом // Организация Объединённых наций URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml (дата обращения: 13.12.2019).
17. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников // Организация Объединённых наций URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostages.shtml (дата обращения: 13.12.2019).
18. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма // Организация Объединённых наций. URL: https://www.un.org/ru/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 13.12.2019).
19. Пинчук А.Ю. Ключевые детерминанты нового мирового порядка: проблема рациональности // Социально-политические науки. 2017. № 6. С. 20-24.
20. Пинчук А.Ю. Соотношение процессов глобализации и нового мирового порядка // Теории и проблемы политических исследований. 2017. № 6А. С. 102-109.
21. Резолюции 71-й сессии (2016–2017 годы) // Организация Объединённых наций URL: https://www.un.org/ru/ga/71/docs/71res_nocte.shtml (дата обращения: 14.12.2019).
22. Терроризм как угроза национальной безопасности: материалы межвед. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. А. Богданова. Пермь: ПВИ ВВ МВД России, 2019. 102 с.
23. Цифра дня: Сколько человек пользуются интернетом в России? URL: <https://news.rambler.ru/internet/41563983-tsifra-dnya-skolko-chelovek-polzuyutsya-internetom-v-rossii/> (дата обращения: 14.12.2019).
24. Шендорова О. Б. К вопросу о понятии терроризма // Молодой ученый. – 2019. – №14. – С. 208- 210.

TERRORISM LIKE AN INTERNATIONAL PROBLEM OF MODERN WORLD

Annotation. The article shows the relevance of such a problem as terrorism. It identifies the consequences and scope of terrorist actions. The functions of counter-terrorism management are given. You can also see statistics of terrorist actions. Control measures are indicated, in particular OON convection and others. The main areas in which terrorism flourishes and their main directions are indicated.

Keywords: terrorism, safety, international, territory, attack.

Zorya A.

Scientific adviser: Tymoshenko N., Ph.D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: zoryaalina6@gmail.com

УДК 343.123.11

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Зоря А.А.

*Научный руководитель: Манивлец Э.Е., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В работе показано, что перспективы развития функции надзора за следствием должны быть связаны с расширением полномочий прокурора в ходе предварительного следствия. Будущее законодательство о правовом статусе следователя должно предусмотреть условия и порядок отстранения следователя от выполнения им своих служебных обязанностей полностью или по конкретному делу. Что касается прокурора, то за ним следовало бы сохранить право возбудить в необходимых случаях соответствующее производство и затем ходатайствовать об отстранении следователя перед компетентным должностным лицом либо соответствующим органом.

Ключевые слова: прокурорский надзор, досудебная стадия уголовного судопроизводства, уголовный процесс, следственный орган, полномочия прокурора.

Органы государства всегда создаются для какой-либо конкретной деятельности и наделяются для ее осуществления определенными правами и обязанностями. Именно совокупность полномочий прокурора в сочетании с установленной законом сферой их применения и составляет сущность компетенции прокурора [3, с. 32]. Как указывает В.М. Зезюлин, элементами компетенции могут быть только правовые категории, т.е. не сами функции того или иного органа, а право и обязанность их осуществлять [6, с. 26]. Из сказанного вытекает, что прокуратура вмешивается не во всякие общественные явления, а лишь в те, которые урегулированы правом; вторгается не в помыслы и чувства людей, а в их юридически значимые действия; и, наконец, прокурорская компетенция касается деятельности определенного круга физических и юридических лиц. Применительно к сфере уголовного преследования можно говорить, таким образом, что элементами компетенции являются такие закрепленные в законе полномочия прокуроров, которыми определяются: вопросы, по которым они вправе принимать решения или участвовать в их решении (предмет их ведения); форма осуществления их полномочий (очевидно, определяется еще и возможностью прокурора лично разрешать возникающие вопросы, используя властные полномочия, или ограниченной только надзорными формами – протестами, представлениями, ходатайствами); объекты, которые подвергаются воздействию прокуроров при осуществлении ими функции уголовного преследования (уместно разделить на органы, производящие предварительное расследование, суд и иных участников процесса); пределы полномочий прокурора.

Понятно, что при этом все элементы компетенции прокурора тесно связаны между собой и не могут существовать отдельно друг от друга. Поэтому, определяя пределы полномочий прокурора, т.е. очерчивая границы того круга органов и лиц и сфер их деятельности, на которые прокурор может распространять свое властное влияние при осуществлении им уголовного преследования, мы вместе с тем не можем не упомянуть, какие же вопросы он может разрешить при этом и каким образом это

сделать. Таким образом, рассматривая ныне закрепленные в законе полномочия прокурора и выдвигая предложения по их совершенствованию, мы с неизбежностью коснемся всех вышеуказанных элементов такого понятия, как компетенция прокурора.

Но начинать такой анализ необходимо, конечно же, с взаимоотношений двух главных государственных органов, действующих в досудебных стадиях уголовного процесса – органов расследования и прокуратуры. С редким единодушием поддерживается идея не только выделения следственного аппарата из прокуратуры, но и из органов МВД с созданием вневедомственного следственного комитета, что явилось бы наиболее реальной гарантией действительной процессуальной независимости следователя, которая ему необходима ничуть не меньше, чем судье.

«Если согласиться с тем, – отмечает Л. Карнеева, – что в прокуратуре следствие сращивается с надзором, в органах внутренних дел следствие не просто сращивается, а подавляется оперативными аппаратами, занимающими в этом ведомстве, являющемся прежде всего органом дознания, главенствующее место» [7, с. 26].

Представляется очевидным, что ни защитник, допущенный с момента задержания подозреваемого или применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу до предъявления обвинения, ни присяжные заседатели вместо народных не обеспечат соблюдения и торжества законности в осуществлении правосудия до тех пор, пока не будет должного порядка в предварительном расследовании, в то время как «создание комитета позволило бы говорить о возникновении в нашей стране действительной триады: суд, прокуратура, следствие» [8, с. 27]. Конечно, сути и целям предлагаемой концепции больше отвечал бы институт следственного судьи, подчиненного следственным органам, но нужно учитывать, что нельзя сразу и легко перейти к опробованному десятилетиями опыту других стран либо вернуться к собственному опыту вековой давности.

Тем не менее, кажется очевидным, что уже сейчас необходимо установить контроль суда за производством предварительного расследования. Именно суд должен разрешать жалобы участников процесса на действия и решения органов уголовного преследования в досудебном производстве, а также жалобы на действия и решения следственных органов, от кого бы жалобы ни исходили – от прокурора либо иных участников процесса.

Таким образом, на суд ляжет и разрешение разногласий между следователем и прокурором по наиболее принципиальным вопросам расследования, оформленных не только в жалобах и ходатайствах прокурора, но и в аналогичных документах самих следователей на указания прокурора. Естественно, что решения суда первой инстанции (или специального судебного органа по надзору за следствием) при производстве предварительного следствия должны иметь статус окончательных, и их дальнейшее обжалование должно иметь место уже только при производстве в суде первой инстанции. Такой порядок усилит и ответственность самих судебных органов за качество принимаемых решений, ибо отмена при судебном разбирательстве этих решений с возможным возвращением дела на дополнительное расследование (с неизбежным затягиванием сроков прохождения дел) будет означать резкий минус в работе должностных лиц судебных органов со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Здесь мы вплотную подходим к еще одному важнейшему институту правового регулирования полномочий прокурора на предварительном следствии, а именно: полномочий по взаимоотношению ее со следственными органами. До сих пор еще не утихли среди ученых-правоведов споры о том, является ли прокурор «процессуальным руководителем» следователя на предварительном следствии. От такой точки зрения не отказались, в частности, Г. И. Скареев, В. Ключков, В. Рябцев [11, с. 30-31]. И все же большинство ученых исходит из положения, очень четко и лаконично высказанного

В. Т. Томиным: «...начальник нужен следователю – должностному лицу. Следователю – участнику процесса начальник вреден. Процессуальные отношения не должны уподобляться отношениям типа «начальник – подчиненный» [12, с. 138]. Ю. А. Березин также подчеркивает, что «признание за прокурором права процессуального руководства следствием поставило бы под сомнение положение закона о процессуальной самостоятельности следователя и возложило бы на прокурора ответственность не только за осуществление им своих непосредственных функций, но и за организацию работы не подчиненных ему следователей» [1, с. 82].

Следственная практика, к сожалению, изобилует примерами, когда провалы в раскрытии и расследовании преступлений объяснялись именно отсутствием взаимопонимания и делового сотрудничества между прокурором и следователем [4, с. 86]. Исходя из этого прокурор не должен руководить процессуальной деятельностью следователя. В противном случае лишается смысла указание закона о том, что при производстве предварительного следствия все решения о направлении следствия и производстве следственных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением тех случаев, когда законом предусмотрено получение санкции от прокурора, и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение. Поэтому следует признать справедливость утверждения Ю.А. Березина о том, что «прокурором должна быть предоставлена следователю полная свобода действий, когда бы он чувствовал себя хозяином положения, был уверен, что ему доверяют» [2, с. 83].

Возвращаясь к полномочиям прокурора, закрепленным в ст. 243 УПК ДНР, следует сказать о необходимости сохранения, прежде всего, права давать следователю предложения о производстве следственных действий, требовать от него дополнения предварительного следствия. При этом необходимо разграничивать полномочия прокурора по степени их обязательности для следователя. Прокурор должен иметь право давать обязательные для исполнения письменные указания о расследовании преступлений, об изменении или отмене меры пресечения, о розыске лиц, совершивших преступления.

Кроме того, целесообразно сохранить и п. 1 ч. 1 ст. 243 УПК ДНР в его нынешней редакции с правом прокурора «требовать от органов дознания и предварительного следствия для проверки уголовные дела, документы, материалы и иные сведения о совершенных преступлениях, ходе дознания, предварительного следствия и установления лиц, совершивших преступления». Все эти полномочия прокурора нужны ему, прежде всего, для раскрытия преступлений и изобличения виновных, т.е. для самого прямого и непосредственного выполнения им своей функции в уголовном процессе – уголовного преследования, а потому и должны носить властно-распорядительный характер.

Что же касается предложений о производстве отдельных следственных действий, избрании меры пресечения, квалификации преступления, то эти полномочия прокурора должны носить рекомендательный характер. Хотя они также связаны с поддержанием обвинения, придание им обязательного характера резко ограничило бы процессуальную самостоятельность следователя, а потому является неприемлемым.

Кроме того, дача указаний по уголовному делу, связанных с раскрытием преступлений, розыском лиц, уклоняющихся от следствия и суда, требует наличия у прокурора высокой профессиональной подготовленности. Между тем, как справедливо замечает В. Д. Ломовский, прокурор «не специалист в области предварительного расследования и нельзя требовать от него одинаково глубоких знаний в области надзора за точным и единообразным исполнением законов и в предварительном расследовании уголовных дел. Эти виды деятельности не уступают друг другу по сложности ... и прокуроры не в состоянии в полной мере заменить специалиста в этой области – следователя...» [9, с. 42].

Казалось бы, по вышеизложенным соображениям вряд ли обоснованно представление прокурору права производить предварительное расследование уголовного дела. Действительно, прокурор-следователь соединяет в одном лице не только разные профессии, но и различные государственные органы, а также разнородные функции. Их объединение неприемлемо также с позиций научной организации труда прокуроров и отграничения уголовного преследования с его обвинительной направленностью от объективного и независимого предварительного расследования.

И тем не менее на данном этапе развития предварительного следствия имеет смысл сохранить право прокурора самостоятельно производить предварительное расследование. Во-первых, институт прокурорского расследования может быть полезен в случаях совершения преступлений работниками правоохранительных органов, в том числе и самой прокуратуры. Во-вторых, за прокурором целесообразно закрепить на какое-то время право проводить параллельное следственным органам расследование – в том случае, когда кажущиеся недостатки или нарушения закона в деятельности следователей настолько серьезны, что ставят под сомнение объективность, всесторонность и полноту всего проводимого следствия, а устранить их обычным путем не удастся, либо это требует длительного времени, за которое следы преступления могут быть утеряны, а преступник может надежно скрыться. И, наконец, в-третьих, прокурор может не передавать после возбуждения какое-либо дело следователю, а произвести по нему расследование сам – в случае, если он считает, что таким образом лучше будет осуществлена функция обвинения.

Что же касается участия прокурора в следственном действии, то прокурор должен иметь право присутствовать при его проведении, имея своей целью прежде всего надзор за законностью его проведения. Конечно, такое присутствие должно иметь место при наличии определенных предпосылок. Т.А. Джакели приводит их достаточно полный перечень:

«а) наличие данных о необъективности проводимого расследования (сведения по этому поводу прокурор может получить в результате личного ознакомления со следственным производством, заслушивания сообщений следователя, из жалоб обвиняемого и других лиц и т.д.);

б) следственный характер самого следственного действия;

в) проведение следственного действия молодым следователем, не имеющим достаточного опыта расследования» [5, с. 87].

Следует согласиться с приведенным перечнем, так как присутствие прокурора при производстве следственных действий в иных случаях следует расценивать как вмешательство в деятельность следователя, ограничивающее его процессуальную самостоятельность.

Представляется, что отрицательно влияет на ход и результаты расследования уголовных дел и такое закрепленное ныне в законе положение, когда прокурор по собственному усмотрению изымает и передает от следователя к следователю уголовные дела (п. 9 ч 1 ст. 243 УПК ДНР). И если правомерность передачи прокурором дела от органа дознания следователю не вызывает сомнения в виду разной подследственности дел и в целях более качественного расследования, то передача дел внутри следственного органа является вторжением в сферу компетенции руководства следственного аппарата, подрывает независимость предварительного следствия, а поэтому является неприемлемой.

В этом же смысле должно рассматриваться правило п. 10 ч 1 ст. 243 УПК ДНР. Прокурор должен своей властью отстранить от расследования лицо, производящее дознание, или следователя даже в случае нарушения ими закона при расследовании дела – вне рамок приведенной выше процедуры, учитывающей процессуальную

независимость следователя и необходимость тщательной и объективной проверки имеющихся сведений о допущенных нарушениях. О правильности этой мысли говорит и свидетельство М.Н. Маршунова о практике фактического разгрома следственных групп, чья деятельность по тем или иным причинам вызывала неудовольствие у руководства [10, с. 85]. Будущее законодательство о правовом статусе следователя должно предусмотреть условия и порядок отстранения следователя от выполнения им своих служебных обязанностей полностью или по конкретному делу. Что касается прокурора, то за ним следовало бы сохранить право возбудить в необходимых случаях соответствующее производство (дисциплинарное, уголовное) и затем ходатайствовать об отстранении следователя перед компетентным должностным лицом либо соответствующим органом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березин Ю.А. Еще раз о соотношении прокурорского надзора и руководства следствием // Предварительное следствие и прокурорский надзор. М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1990. С. 82.
2. Березин Ю.А. Указ. соч. С. 83.
3. Березовская С.Г. Вопросы компетенции прокурора // Совершенствование правового регулирования прокурорского надзора в СССР. М., 1978. С. 32.
4. Джакели Т.А. Прокурорскому надзору за расследованием убийств – методическое обеспечение // Предварительное следствие и прокурорский надзор. М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1990. С. 86.
5. Джаколи Т.А. Указ. соч. С. 87.
6. Зезюлин В.М. О понятии компетенции прокурора // Вопросы криминологии, уголовного права, процесса и прокурорского надзора. М., 1975. С. 294.
7. Карнеева Л. Где быть следственному аппарату? // Соц. законность. 1991. № 2. С. 26.
8. Карнеева Л. Где быть следственному аппарату? // Соц. законность. 1991. № 2. С. 27.
9. Ломовский В.Д. Прокурорско-надзорные правоотношения. Ростов-на-Дону, 1987. С.
10. Маршунов М.Н. Прокурорско-надзорное право // Проблемы правового регулирования. Спб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та,
11. Скарედов Г.И. Участие прокурора в следственных действиях. М., 1987. С. 32-42; В. Ключков, В. Рябцев. О функциях прокуратуры // Соц. законность. 1990. № 9. С. 30-31.
12. Томин В.Т. Острые углы судопроизводства. М., 1991. С. 138.

LEGAL REGULATION OF AUTHORITIES OF THE PROSECUTOR IN THE PRELIMINARY CONSEQUENCE

Annotation. The paper shows that the prospects for the development of the function of monitoring the investigation should be related to the expansion of the powers of the prosecutor during the preliminary investigation. Future legislation on the legal status of the investigator should provide for the conditions and procedure for removing the investigator from fulfilling his official duties in full or in a specific case. As for the prosecutor, he should have retained the right to initiate appropriate proceedings, if necessary, and then apply for the removal of the investigator from a competent official or relevant authority.

Keywords: prosecutorial supervision, pre-trial stage of criminal proceedings, criminal trial, investigative body, powers of the prosecutor.

Zorya A.

Scientific adviser: Manivlets E., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: zoryaalina6@gmail.com

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА НА ОКАЗАНИЕ ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ

Изюмская Я.В.

*Научный руководитель: Смирнова Е.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе освещается порядок и способы заключения договора о предоставлении туристических услуг. В статье проанализированы форма договора, целесообразность заключения предварительного договора на оказание туристических услуг, а также правовая природа ваучера.

Ключевые слова: форма договора, публичная оферта, акцепт, ваучер, контрагент

Проблема определения формы и способа заключения договора на оказание туристических услуг в отечественной и зарубежной литературе исследовались довольно часто. Однако практика свидетельствует о противоречиях, которые возникают в процессе их заключения.

Единой точки зрения относительно способов заключения и форм договора на оказание туристических услуг нет, различные научные позиции по данному вопросу были выдвинуты такими учеными как С.Л. Соловьев, Е.В. Ахтямова, М.М. Гудыма, Я.Е. Парций, Н.В. Сирьк, А.А. Терещенко, А.Е. Толстова, Ю.А. Чененов.

Целью данной статьи является исследование порядка заключения договора на оказание туристических услуг, в частности определение его формы, анализ понятия «ваучер» как подтверждение заключения договора на оказание туристических услуг.

Договор является правовым механизмом, который обеспечивает оборот материальных и нематериальных благ, то есть отображает динамику общественных отношений. Соответственно, нормы договорного права обеспечивают эту динамику. Как уже отмечалось, договор является правовым основанием возникновения обязательственного правоотношения [1, с. 322].

В теории договорного права порядок заключения договора рассматривается как определенная правовыми нормами логическая последовательность стадий установления гражданских прав и обязанностей, осуществимых на основе согласованных действий контрагентов. В зависимости от критерия разделения выделяют разные способы заключения договора. По способу заключения договора выделяют общий, специальный и судебный порядок заключения договоров. Договор на оказание туристических услуг заключается общим способом, путем оферты и акцепта.

По мнению А.Е. Толстой можно условно выделить несколько стадий, который возникают при заключении договора на оказание туристических услуг [2, с. 152]. Первый этап – это формирование комплексной туристической услуги, в которой берет участие только туроператор. Во время формирования комплексной туристической услуги туроператор заключает договор с третьими лицами, которые непосредственно будут оказывать услуги туризма. Второй этап – комплекс мер, направленных на создание и подготовку к реализации туристических услуг (организация рекламно-ознакомительных путешествий, участие в специализированных выставках, ярмарках, издание каталогов, буклетов). Третий этап – заключение договора на оказание туристических услуг в формально-юридическом понимании.

К способам оформления договора в туризме А.А. Терещенко относит подписание договора, обмен документами с помощью средств связи, а также путем акцепта оферты [3, с. 204].

В соответствии со ст. 368 ГК Украины договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Договор заключается посредством

направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной [4, с. 121]. Аналогичная норма содержится также в ст. 540 ГК ДНР [5, с. 355].

В современной договорной практике заключения договоров на оказание туристических услуг можно выделить несколько этапов заключения. Классификационным признаком выделения нескольких видов является условие о том, что информация, которая размещена на официальном сайте является рекламой или сразу публичной офертой.

Закон Российской Федерации «Об основах туристической деятельности в Российской Федерации» предусматривает два способа оформления правовых отношений между туристом и туроператором:

1) формирование туристической услуги и дальнейшая ее реализация по заранее сформированным условиям;

2) по индивидуальному заказу туриста [6, с. 58].

Однако в современных условиях можно выделить еще несколько подвидов способа оформления правовых отношений. В первом случае имеет место ситуация, когда турист не будет выступать акцептантом, поскольку информация, которая предоставляется туроператором не содержит всех необходимых условий, которым должна соответствовать публичная оферта. В соответствии с данным порядком, турист подает надлежащим образом заявку на бронирование тура, однако стоит заметить, что в случае подтверждения возможности предоставления соответствующего комплекса туристических услуг турист не обязан заключать договор. Данное подтверждение со стороны туроператора является офертой, поскольку информирует туриста о возможности предоставления соответствующего комплекса туристических услуг. После получения оферты от туроператора турист принимает решение заключать или не заключать договор. Данный порядок заключения договора на оказание туристических услуг является больше характерным для, так называемых, автобусных экскурсионных туров.

Во втором случае имеет место ситуация, когда туроператор на официальном сайте или другим доступным способом размещает все существенные условия договора и турист, подавая заявку на бронирование будет считаться обязующейся стороной на заключение договора. Данная ситуация является более характерной для массового туризма. На практике такая ситуация будет выглядеть следующим образом: турист обращается к турагенту для отдыха за рубежом в период своего отпуска. Турагент, подобрав предложение туроператора, соответствующее всем заявленным требованиям туриста, заключает с последним договор о предоставлении туристических услуг, и только тогда подает заявку туроператору, которая в течение суток подтверждается или не подтверждается туроператором. Например, такой способ заключения договора предусмотрен одним из крупнейших туроператоров, который представлен на рынке туристических услуг Украины, «Тез Тур». Так, в п. 6.2 Типового договора по предоставлению туристических услуг, разработанный этой фирмой предусмотрено условие договора, на тот случай, когда договор может быть расторгнут по инициативе Туроператора: «Стороны согласились с тем, что их права и обязанности по этому договору, кроме обязанности Туроператора вернуть туристу (там) уплаченные им (и) средства в срок, указанный в п. 2.1.3 этого договора, прекращаются при наступлении отменительного обстоятельства, которым является отказ партнеров Туроператора, которые предоставляют туристические услуги для реализации, в предоставлении таких услуг» [7, с. 3].

На первый взгляд данный порядок со своими стадиями составляет впечатление о неуравновешенности прав и обязанностей контрагентов, но если разобраться в самой сути деятельности туроператора при реализации им туристической деятельности и,

если смоделировать ситуацию, то можно выстроить схему действий при той ситуации, когда заявка туриста не будет рассматриваться как акцепт турпродукта туроператора. Турист через турагента подает заявку туроператору, то есть дает запрос о возможности предоставления туристических услуг, туроператор связывается с третьими лицами – непосредственными поставщиками услуг о возможности предоставления соответствующих элементов туристической услуги (перевозка, гостиничное размещение, экскурсионные услуги), туроператор сообщает туристу через турагента о возможности предоставления услуги, и только тогда турист принимает решение отказаться или акцептовать соответствующие условия. Данная схема является наиболее приемлемой с целью обеспечения стабильности функционирования рынка туристических услуг.

Третьим способом заключения договора о предоставлении туристических услуг являются случаи, когда турист обращается с запросом о предоставлении нестандартного комплекса туристических услуг, то есть такого, что не является разработанным заранее туроператором. По такой схеме туроператор в соответствии с заявкой туриста разрабатывает комплекс услуг, предлагаемых туристу по единой цене, который будет выступать офертой, турист вправе акцептовать или не акцептовать данную оферту или требовать внесения поправок с условиями договора. Е. В. Ахтямова предлагает в таких случаях предусмотреть лист бронирования для туриста и считать этот документ офертой [8, с. 209], однако анализ договорной практики в соответствующей сфере позволяет сделать вывод, что данное письмо нельзя считать офертой, поскольку на данной стадии невозможно определить существенные условия, определенные в ст. 20 Закона Украины «О туризме» [9].

В Российской Федерации предусмотрена возможность заключения предварительного договора о предоставлении туристических услуг между туроператором и туристом на период «высокого сезона» отдыха, однако данная позиция является спорной, поскольку в предыдущем договоре нет возможности заранее определить предмет договора, стоимость и другие существенных условий. Более того, заключение такого договора является нецелесообразным с экономической точки зрения как для туроператора, так и для туриста, поскольку одними из характерных признаков туристической услуги является ограниченность во времени и сезонность. Одним из способов преодоления этих свойств является система раннего бронирования, предоставление скидок. Несмотря на это, туристу невыгодно заключать предварительный договор, если он может заключить непосредственно договор о предоставлении туристических услуг с четко определенными условиями и таким образом сэкономить на стоимости услуг на условиях раннего бронирования. Так же с другой стороны туроператору также невыгодно брать на себя обязательства по оказанию услуг в будущем и таким образом «резервировать» место в гостинице и самолете без четкого определения самой даты путешествия.

С. Л. Соловьев также отстаивает позицию о возможности заключения предварительного договора при заключении договора о предоставлении туристических услуг, однако приводит другой случай. Он рассматривает обращения туриста или группы лиц, которые в письменной форме подают заявку к туроператору как предварительный договор [10, с. 123].

Данная позиция не соответствует ст. 635 ГК Украины и договорной практике, которая сложилась на рынке туристических услуг, поскольку турист, подавая письменную заявку к туроператору, не может в большинстве случаев определить самого предмета договора, что является необходимым условием согласно Гражданскому кодексу, так и остальные существенные условия, предусмотренных ст. 20 ЗУ «О туризме». Данную позицию поддерживает Е. В. Ахтямова в силу самой специфики туристических услуг [8, с. 209].

Ст. 20 Закона Украины «О туризме» устанавливает обязательную письменную или электронную форму договора. По мнению А.В. Нижнего категория «форма договора» охватывает понятие «форма заключения договора», и включает в себя, во-первых, поведение сторон в части выявления воли по заключению договора (собственно «форму заключения договора») и, во-вторых, объекты материального мира в виде документов, которые могут возникнуть в результате такого поведения [11, с. 21].

Отдельного внимания заслуживает исследование вопроса электронной формы заключения договора, поскольку остается вопрос, что законодатель понимает под понятие «электронная форма заключения договора». А. В. Нижний в своем исследовании отстаивает позицию, согласно которой электронный способ заключения договора является не еще одной формой заключения договора, «а способом волеизъявления, с помощью которого договор может быть заключен в письменной форме» [11, с.22].

Также отдельного внимания заслуживает анализ ч.1 ст. 23 ЗУ «О туризме», где законодатель определяет ваучер как «форму письменного договора на туристическое или на экскурсионное обслуживание, которая может использоваться в соответствии с настоящим Законом», то есть рядом с обычной письменной форме путем подписания текста договора законодатель предусматривает заключение договора о предоставлении туристических услуг путем выдачи ваучера.

Под туристическим ваучером принято понимать документ, который непосредственно устанавливающий право туриста на услуги, входящие в состав туристической услуги, а также подтверждают факт заключения договора. Туристический ваучер представляется возможным рассматривать только в качестве необходимого приложения, который дополняет сам договор. Некоторые туроператоры в своей работе используют групповые ваучеры, которые находятся у руководителя, поэтому ваучеры вообще не выдаются.

Ю.А. Чененов выделяет ряд признаков, характеризующих «ваучер»:

- 1) туристический ваучер – инструмент, который должен входить в документально-правовое обеспечение туристической деятельности;
- 2) туристический ваучер должен содержать перечень всех услуг, входящих в тур;
- 3) туристический ваучер должен подтверждать факт получения туристом каждой отдельной услуги входит в тур;
- 4) ваучер подтверждает, что клиент оплатил соответствующую денежную сумму, указанную в ваучере;
- 5) в соответствии с ваучером клиент имеет право на получение любых туристических услуг, предварительно забронированных и оплаченных [12, с. 192].

Н.В. Сирьк отмечает, что в международной практике ваучер означает ордер на обслуживание. Причем в законодательстве ряда стран путевка и ваучер понимаются как равнозначные понятия: туристическая путевка используется во внутреннем туризме, ваучер в международном [13, с.171].

Заключая договор о предоставлении туристических услуг путем выдачи ваучера с указанием данных, предусмотренных Закона Украины «О туризме», стороны оставляют неурегулированными ряд вопросов, имеющих важное значение при дальнейшей реализации договора или решении вопросов при ненадлежащем исполнении договора о предоставлении туристических услуг. В частности, информация о порядке внесения изменений в договор, ответственность сторон по договору, потребительские качества услуги, информации о правилах въезда в страну пребывания, условия о расторжении договора.

В практике, которая сложилась на рынке туристических услуг, стороны заключают договор об оказании туристических услуг путем подписания документа, а ваучер выдается туристу непосредственно перед началом путешествия или руководителю группы для предъявления его непосредственным поставщикам услуги.

Таким образом, договор на оказание туристических услуг заключается в простой письменной форме, инициатором заключения которого (оферентом) может выступать как турагент, так и турист. Стоит признать нецелесообразность заключения предварительных договоров на предоставление туристических услуг. Также установлено, что ваучер непосредственно устанавливает право туриста на туристическую услугу, а также подтверждают факт заключения договора. Дальнейший анализ и разработка проблем правового регулирования предоставления туристических услуг позволит разработать и усовершенствовать законодательство Донецкой Народной Республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Т.В. Боднар, О.В. Дзера, Н.С. Кузнецова та ін.; за ред. О.В. Дзери. – К. : Юрінком Інтер, 2008. – 896 с
2. Толстова А.Е. Гражданско-правовое регулирование оказания туристских услуг в Российской Федерации – Краснодар, 2010. – 197 с
3. Терещенко А.А. О некоторых вариантах организации договорных отношений между туристской фирмой и туристом // Туристские фирмы. – 2012. – № 12. – С.203-206.
4. Гражданский кодекс Украины от 16.01.2003 № 435-IV // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2004. – № 11. – ст.140.
5. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики от 13.12.2019 № 81-ПНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gb-dnr.com/normativno-pravovye-akty/8017/> (дата обращения 21.01.2020).
6. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный Закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgireq=doc&base=LAW&n=339211&fld=134&dst=104,0&rnd=0.3168951043072633#0005957171040985032> (дата обращения 21.01.2020 г.)
7. Договор на туробслуживание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tez-tour.com/ru/kiev/%20articles.html?categoryName=cooperation> (дата обращения 21.01.2020 г.)
8. Ахтямова Е.В. Гражданско-правовое регулирование туристской деятельности в Российской Федерации – Уфа, 2011 – 230 с.
9. Про туризм: Закон Украины от 15.09.1995 г. № 324/95-ВР // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1995. – № 31. – ст.24.
10. Соловьев С.Л. Договор возмездного оказания услуг в сфере туристического обслуживания: дис... канд. юрид. наук: спец. 12.00.03 – гражданское право / Соловьев Сергей Леонидович – М., 2006. – 150 с.
11. Нижний А.В. Форма цивільно-правового договору та наслідки його недотримання: дисс ... кандидат. юрид. наук. Спец. 12.00.03 – цивільне право / Нижний Андрій Валерійович – Київ, 2011 – 232 с.
12. Чененов Ю.А. Гражданско-правовое регулирование туристской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00. 03 – гражданское право / Чененов Юрий Анатольевич – Екатеринбург, 2003 – 210 с.
13. Сирик Н.В. Договор туристских услуг в гражданском праве России. канд. юрид. наук. 12.00.03. – гражданское право / Сирик Наталья Валерьевна. – М.: РГБ, 2001 – 221 с.

CONTRACT FORM FOR TOURIST SERVICES AND METHODS OF CONCLUSION

Annotation. This paper highlights the procedure and ways of concluding a contract for the provision of tourist services. The article analyzes the legal nature of the voucher as a written form of the contract and concludes that it is inappropriate to recognize the latter as a form of contract.

Keywords. contract form, public offer, acceptance, voucher, counterparty.

Iziumskaya Y.

Scientific adviser: Smirnova E., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: assorty_dance@gmail.com

ФИНАНСОВЫЙ МОНИТОРИНГ КАК ВИД ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Исаева Я.Р.

*Научный руководитель: Пашков С.Н., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье раскрыто содержание и значение финансового контроля; охарактеризованы содержание и основные субъекты финансового мониторинга; рассмотрен предмет и характерные признаки осуществления финансового мониторинга.

Ключевые слова: финансовый контроль, мониторинг, финансовые ресурсы, финансовые показатели.

Государственный финансовый контроль является основным инструментом финансовой политики, основная цель которого обеспечение исполнения норм бюджетного законодательства государства и прочих правовых актов, регламентирующих и регулирующих бюджетные правоотношения. Финансовый контроль это специфическая форма осуществления контрольной функции финансов [1].

Автором ставилась цель: определить содержание финансового контроля, опираясь на мнения ученых-практиков; изучить и проанализировать процедуры финансового мониторинга; охарактеризовать предмет финансового мониторинга и его субъектный состав; раскрыть характерные черты финансового мониторинга.

Множество ученых в своих трудах дают определение понятия государственного финансового контроля. Так, А.М. Бабич и Л.Н. Павлова под государственным финансовым контролем подразумевают выполнение контрольной функции за исполнением федерального бюджета и бюджетов различных внебюджетных фондов, системой обращения денежных средств, применением кредитных активов, положением внутреннего и внешнего государственного долга, государственных резервов страны [2]. Н. Т. Белуха под государственным финансовым контролем понимает систему наблюдения и проверки соответствия процесса деятельности управляемого объекта принятым управленческим решениям, выявление итогов управленческих воздействий на управляемый объект посредством определения отклонений, допущенных в ходе выполнения таких решений [3]. В. В. Бурцев определяет государственный финансовый контроль как установленное соответствующими законодательными актами функционирование органов государственной власти и управления всех уровней (должностных лиц) по обнаружению, предупреждению и предотвращению нарушений в процедурах управления государственными финансовыми средствами и финансово-хозяйственной деятельностью различных экономических субъектов [4].

В Донецкой Народной Республике установленные функции финансового контроля выполняет Министерство финансов в лице Департаментов финансового и бюджетного контроля и казначейства. Данные органы осуществляют взаимодействие со всеми органами исполнительной власти. В их основные функции входит: осуществление государственного финансового контроля над использованием и сохранением государственных финансовых ресурсов, необоротных и других активов, правильностью определения потребности в бюджетных средствах и взятия обязательств; осуществление государственного финансового контроля над эффективным использованием средств и имущества, состоянием и достоверностью бухгалтерского учета и финансовой отчетности в министерствах и других органах исполнительной власти, в государственных фондах, бюджетных учреждениях и у субъектов хозяйствования независимо от форм собственности.

Центральное место в финансовом контроле со стороны исполнительной власти занимает Министерство финансов, которое занимается разработкой финансовой

политики страны, также непосредственно контролируя ее осуществление. Первоначально, Министерство финансов осуществляет финансовый контроль в процессе разработки республиканского бюджета; контролирует поступление и расходование бюджетных средств и средств республиканских внебюджетных фондов; принимает участие в проведении валютного контроля.

Принятый Народным Советом 28 июня 2019 года Закон Донецкой Народной Республики «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в Донецкой Народной Республике», установил механизмы правового регулирования бюджетных правоотношений в Донецкой Народной Республике, общие принципы бюджетного законодательства, организации и функционирования бюджетной системы, определил основы бюджетного процесса и межбюджетных отношений, основания применения и виды бюджетных мер принуждения за совершение бюджетных нарушений. Также Законом определяется структура бюджетной системы Донецкой Народной Республики, особенности формирования доходов бюджетов, резервных фондов государственных органов и органов местного самоуправления, возникновения республиканских и муниципальных расходных обязательств, порядок предоставления бюджетных кредитов, основы составления, рассмотрения и утверждения бюджетов, основы государственного и муниципального финансового контроля [5].

Сам термин «мониторинг» широко используется в сфере экологического, технологического мониторинга. Такое правовое и экономическое явление, как финансовый мониторинг возникло достаточно недавно. По мнению Е. Н. Евстигнеевой, финансовый мониторинг – это совокупность процедур анализа данных о финансовых операциях, мероприятий по контролю информации согласно законодательству [6].

Финансовый мониторинг – самостоятельный элемент управления, присущий органам исполнительной государственной власти, который следует рассматривать как систему наблюдений за состоянием финансов с целью их оценки, прогноза изменений их состояния и финансового контроля. Во всех вышеперечисленных аргументах использования термина «мониторинг» речь идет о сборе, обработке и оценке информации в рамках осуществления государственного контроля и надзора в различных сферах, в целях предотвращения разного рода негативных последствий. Как правило, мониторинг проводится органами государственного контроля и надзора, органами государственной исполнительной власти, к чьей компетенции отнесены соответствующие полномочия, а их порядок детально регламентирован подзаконными актами.

По мнению М. В. Карасевой предметом проверок являются финансовые показатели, которые составляют доходы, прибыль, себестоимость, издержки обращения, рентабельность, отчисления в различные фонды. Показатели имеют обобщенный вид, благодаря этому контроль охватывает все стороны хозяйственной, производственной, коммерческой деятельности организаций.

Содержание финансового контроля составляют: цель, задачи финансового контроля; принципы проведения; элементы, образующие систему контроля. В задачи финансового контроля входят: выполнение предприятием своих финансовых обязательств – обязательства перед органами государственной власти и перед органами местного самоуправления; обеспечение финансовой устойчивости предприятия; обеспечение финансовой безопасности государства; повышение финансовых ресурсов во всех сферах финансовой системы, обеспечение их эффективного, рационального и законного использования; рост эффективности финансовой политики государства; соблюдение финансовых интересов всех хозяйствующих субъектов, повышение их ответственности за итоги собственной работы [7].

К субъектам финансового контроля И. В. Колесников в своих трудах относит:

– специально уполномоченные органы – государственные контрольные органы; негосударственные специализированные организации; структурные подразделения,

созданные в хозяйствующих субъектах, в органах государственной власти и местного самоуправления;

– квалифицированных специалистов, которые осуществляют контрольную деятельность в соответствии с правовыми нормами.

Осуществляемые субъектами контроля действия и комплекс операций, в зависимости от многих факторов могут выражаться по-разному. Финансовая операция – это любая операция, которая связана с обеспечением или осуществлением платежа с помощью хозяйствующего субъекта первичного финансового мониторинга.

Финансовый мониторинг имеет свои отличительные характеристики, к которым относятся: применение в рамках надзорных полномочий органов государственной власти (местного самоуправления); постоянный характер и преимущественное применение при текущем финансовом контроле, осуществляемом непосредственно в ходе совершения денежных операций, исполнения финансовых обязательств, формирования, распределения и использования фондов денежных средств; превентивный характер, нацеленность на предупреждение нарушений финансовой дисциплины и как следствие неблагоприятных последствий для финансовой системы; информационное взаимодействие органа финансового контроля и подконтрольного субъекта в режиме реального времени.

В Донецкой Народной Республике перечень операций, подлежащих обязательному финансовому мониторингу, определен Временным положением «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», утвержденным Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики № 24-3 от 04.12.2015 [8].

Нарушение законодательных норм влечет за собой правовую ответственность. Для должностных и юридических лиц – административную, а для физических лиц – уголовную [8]. В Российской Федерации перечень операций, подлежащих обязательному финансовому мониторингу, определен Федеральным Законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ [9].

Проблема «отмывания» преступных доходов перестала быть национальной проблемой и стала международной, в связи с этим было создано множество международных организаций, осуществляющих финансовый мониторинг, одна из них – это Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force) – ФАТФ. Основатели данной организации – Япония, США, Германия, Франция, Великобритания, Канада и Италия. В состав организации ФАТФ входит 31 страна и международные организации. Россия была включена в состав в июне 2003 г. [10]. Сложно оценить в полной мере значение финансового мониторинга, так как он направлен не только на выявление процессов легализации доходов, финансирования терроризма, но и препятствует сокращению объемов поступления денежных средств в бюджеты различных уровней страны.

Актуальной проблемой в сфере организации мониторинга является отсутствие качественной теоретико-методологической базы финансового мониторинга по противодействию легализации незаконных доходов, отвечающей современным требованиям. В практике финансового мониторинга по противодействию легализации незаконных доходов используются термины, между которыми нет закрепленной содержательной, логической и нормативной увязки, что приводит к снижению качества мониторинга, сужению возможностей реализации его материалов. Таким образом, в современных условиях необходимо дальнейшее исследование финансового мониторинга по противодействию легализации незаконных доходов как инструмента регулирования финансовых отношений, его особенностей и роли в обеспечении устойчивого социально-экономического развития государства, что обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Таким образом, специфика легализации незаконных доходов требует применения такого инструмента противодействия, который бы позволил проводить систематический сбор, обработку и анализ информации об операциях, связанных с движением денежных средств и других активов, любого субъекта хозяйствования. Данным требованиям отвечает только финансовый мониторинг по противодействию легализации незаконных доходов, целью которого является оценка законности и правильности формирования и использования денежных доходов, накоплений и поступлений у субъектов хозяйствования при помощи совокупности форм и методов сбора, обработки и анализа информации о финансовых операциях и трансакциях с денежными средствами и другими активами. При этом под правильностью следует понимать целесообразность, экономическую оправданность операций, обусловленность трансакций целями получения доходов. То есть в процессе финансового мониторинга должна проводиться оценка операций не только с точки зрения их законности, но и принципа рациональности, обусловленности обычаями делового оборота.

В результате проведенного исследования следует сделать следующие выводы: государственный финансовый контроль – это установленное соответствующими законодательными актами функционирование органов государственной власти и управления всех уровней (должностных лиц) по обнаружению, предупреждению и предотвращению нарушений в процедурах управления государственными финансовыми средствами и финансово-хозяйственной деятельностью различных экономических субъектов; установленные функции финансового контроля в Донецкой Народной Республике выполняет Департамент финансового и бюджетного контроля; Департамент контроля и управленческой деятельности, которые подконтрольны Министерству финансов; под финансовым мониторингом, как видом финансового контроля понимают самостоятельный элемент управления, который присущ органам исполнительной государственной власти, который следует рассматривать как систему наблюдений за состоянием финансов с целью их оценки, прогноза изменений их состояния и финансового контроля; предметом финансового мониторинга являются показатели, которые составляют доходы, прибыль, себестоимость, издержки обращения, рентабельность, отчисления в различные фонды; к субъектам финансового контроля относятся специально уполномоченные органы в лице государственных контрольных органов, негосударственных специализированных организаций, а также квалифицированные специалисты; финансовому мониторингу присущи свои характерные черты: применение в рамках надзорных полномочий, постоянный характер, превентивный характер, нацеленность на предупреждение нарушений финансовой дисциплины и как неблагоприятных последствий, информационное взаимодействие органа финансового контроля и подконтрольного субъекта в режиме реального времени [11].

В период становления Донецкой Народной Республики основополагающей целью со стороны органов финансового контроля является повышение уровня ответственности за расходование государственных средств, их целенаправленное, квалифицированное, экономичное и эффективное использование; повышение требований к выполнению правовых норм в регулировании ресурсно-имущественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова А.А., Акбашева Э.Р. Государственный финансовый контроль в России / А. А. Волкова, Э. Р. Акбашева // Центральный научный вестник. – 2017. – № 22 (39). – С. 52-55.
2. Бабич, А.М. Государственные и муниципальные финансы [Электронный ресурс] : учебник / Л. Н. Павлова, А.М. Бабич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 704 с.
3. Бойко, Н. Н. К вопросу об определении понятия эффективности использования бюджетных средств [Текст] / Н. Н. Бойко // Финансовое право.- 2014.- № 1.- С.4-7.
4. Белуха Н.Т. Контроль и ревизия в отраслях народного хозяйства: учебник. – М.: Финансы и статистика, 2013. – 344 с.

5. Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в Донецкой Народной Республике: Закон № 46-ПНС от 28.06.2019. <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/>
6. Набиев С.А. Теоретические аспекты и практика применения соотношения право-вого регулирования государственного финансового контроля. – М., 2008. – 38 с.
7. Евстигнеев Е. Н. Финансовое право: учеб. пособие / Е. Н. Евстигнеев, Н. Г. Викторова. – СПб.: Питер, 2011. – 270 с.
8. Временное положение «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», утвержденное Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики № 24-3 от 04.12.2015. <https://gisnra-dnr.ru/nra/0003-24-3-20151204/>
9. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: ФЗ № 131-ФЗ от 30.10.2002. http://www.consultant.ru/cons_doc_LAW_32834/
10. Степашин С. О мониторинге законодательства и правоприменительной практики в свете государственного финансового контроля // II Вестник Совета Федерации. 2005. № 4-5. – С.7-12.
11. Финансовое право России. Учебное пособие для вузов. 4-е изд. / Отв. ред. Карасёва М. В./ – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 369 с.

FINANCIAL MONITORING AS A KIND OF FINANCIAL CONTROL

Annotation. The article reveals the content and importance of financial control; The content and main subjects of financial monitoring are characterized; the subject and characteristic features of the implementation of financial monitoring are considered.

Key words: financial control, monitoring, financial resources, financial indicators.

Isaeva I.

Scientific adviser: Pashkov S., Ph.D. in Law

Donetsk National University

E-mail: isaevaisaeva9892@gmail.com

УДК 343.2/.7

КОНЦЕПЦИЯ ВИДОВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Исмагилова Д.Ш.

*Научный руководитель: Ковалев И.П., к.ю.н., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. На основе норм гражданских процессуальных кодексов стран постсоветского пространства дается сравнительная характеристика института видов гражданского судопроизводства. Подводятся выводы относительно регламентации указанных аспектов данного института гражданского процессуального права в странах-участницах СНГ.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, гражданский процесс, виды гражданского судопроизводства, постсоветские страны.

Одним из достижений гражданской процессуальной науки 50-х гг. XX века стали теоретические выводы о необходимости разделения гражданского судопроизводства на виды, которые в следующем нашли отражение в ГПК советских республик. Речь идет о традиционной триаде: исковое производство, отдельное производство и производство в делах, возникающих из административно-правовых отношений.

Наряду с этим, одним из достижений гражданской процессуальной науки 50-х годов прошлого века явились теоретические выводы о необходимости деления гражданского судопроизводства на три вида. М.Г. Авдюков впервые предложил наряду с известными законодательству этого периода исковым и особым производствами выделять в гражданском процессе дела, возникающие из административно-правовых отношений [1]. Это принципиальное положение было поддержано рядом

представителей науки гражданского процессуального права в период подготовки и кодификации законодательства о гражданском судопроизводстве в 60-е годы XX века. Основы гражданского судопроизводства СССР и союзных республик восприняли предложенную идею, а ГПК РСФСР и БССР 1964 года закрепили в своей структуре деление гражданского судопроизводства на три вида: исковое производство; производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений, и особое производство. В последующие годы наличие трех видов судопроизводства, их сущностные черты нашли отражение в теории [2] гражданского процесса, учебной литературе, а также учитывались в судебной статистике.

Следует отметить, что и в советский период развития законодательства, круг дел, подведомственных судам, не ограничивался делами традиционных трех видов судопроизводства. По различным причинам, включая такие, как незначительное их количество и регулирование вне рамок кодифицированного законодательства (например, вопросов признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и арбитражей), неразвитость третейского разбирательства споров и в связи с этим отсутствие проблем исполнения решений таких судов, оторванность от гражданского процессуального законодательства упрощенного порядка взыскания алиментов на несовершеннолетних детей с их родителей по постановлениям судей, не возникало теоретических, а также практических предпосылок для конструирования новых видов судопроизводства [3]. Нельзя не отметить, что это происходило в условиях отсутствия всеобщности права на судебную защиту, стабильного количества судебных гражданских дел.

Закрепление на конституционном уровне всеобщего права на судебную защиту не только расширило круг подведомственных судам дел, но и в полном объеме выявило проблему обеспечения адекватного порядка рассмотрения и разрешения гражданских дел, различающихся по правовой природе, по характеру правовых конфликтов, в том числе основанных не на материальном, а процессуальном праве. Однако, первоначально создаваемое арбитражное (хозяйственное в Беларуси) законодательство начала 90-х гг. неполно восприняло традиции гражданского процессуального законодательства в части использования процессуальной формы и в целом отказалось от восприятия института видов судопроизводства. Стремление посредством детализации лишь искового судопроизводства при фрагментарном регулировании особенностей рассмотрения неисковых дел создало определенные проблемы. Они возникли прежде всего при рассмотрении дел, возникающих из публично-правовых отношений, а также при разграничении таких дел между общими и арбитражными (хозяйственными) судами.

В начале 90-х гг. страны евразийского региона начали реформирование судебных систем и соответствующего законодательства [4]. Изменение государственности и мировые процессы глобализации сопровождалось созданием новых материальных предпосылок развития общественных отношений, которые нуждались в концептуально новых возможностях для защиты и охраны гражданских прав и интересов.

Что и было учтено в новом процессуальном законодательстве. Так, в 1999 г. был принят ГПК Республики Беларусь и ГПК Республики Казахстан, в 2002 г. – ГПК Российской Федерации, в 2003 г. – ГПК Республики Молдова, 2004 г. – ГПК Украины.

Межпарламентская Ассамблея стран-участниц СНГ, оценивая состояние правовой регламентации гражданского судопроизводства в странах СНГ, отметила стремление сохранить традиционную идентичность при реформировании соответствующего процессуального законодательства, поскольку в новых ГПК были воссозданы не только формы, принципы, терминология, юридически-правовые приемы изложения текста, но и значительный объем нормативно-правового материала предыдущих кодексов [5].

Приведенный вывод является справедливым и в отношении изложения в законодательстве правил рассмотрения обособленных групп гражданских дел. Анализ содержания указанных ГПК позволяет провести определенные параллели в концепциях видов гражданского судопроизводства разных стран постсоветского пространства.

Так, в ГПК Республики Беларусь урегулировано четыре вида гражданского судопроизводства. При этом они сгруппированы по признаку спорности: Раздел VI «Исковое производство в суде первой инстанции» и Раздел VII «Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений. Отдельное производство. Приказное производство в суде первой инстанции». Итак, была сохранена традиционная триада видов гражданского судопроизводства, а в качестве дани современным тенденциям добавлен новый вид гражданского судопроизводства.

В ГПК Республики Казахстан также можно увидеть четыре вида гражданского судопроизводства, а именно: приказное (подразделение 1), исковое (подраздел 2), отдельное исковое (раздел 3) и отдельное производство (подраздел 4 – которые в совокупности создают Раздел II «Производство в суде первой инстанции».

В ГПК Российской Федерации также содержится Раздел II, в котором закреплены правила приказного производства (подраздел I), искового производства (подразделение II), производство по делам, возникающим из публичных отношений, (подразделение III) и особого производства (подраздел IV). Хотя такая структура ГПК и не препятствует ученым иначе отражать перечень видов гражданского судопроизводства: их количество варьируется от 3 до 7.

Суды общей юрисдикции Республики Молдова могут рассматривать гражданские дела по правилам искового производства (главы XII-XXI), производство по административным делам (глава XXII), отдельного производства (главы XXIII-XXXIV), приказного (упрощенного) производства (глава XXXV).

Суды общей юрисдикции Украины рассматривают гражданские дела в порядке искового, приказного или особого производства (ч. 3 ст. 15 ГПК Украины), правила которых изложены соответственно в Разделах III, II и IV ГПК Украины.

Понятно, что приведенное сходство имеет историческое объяснение: нормотворческая деятельность этих государств длительное время осуществлялась в Единой теоретической идеологии, а с приобретением суверенности эти страны подвергались влиянию похожих экономических и политических факторов. При этом сходство, на котором акцентируется внимание, касается как количественной характеристики видов гражданского судопроизводства (разновидностей порядков, по правилам которых судом первой инстанции рассматриваются гражданские дела), так и качественной их характеристики (сходство, но не идентичность распределения гражданских дел между видами гражданского судопроизводства, а также их процессуальной формы). Поэтому исковое и отдельное производство урегулированы во всех ГПК, а их сущность соответствует тому, что вкладывал еще советский законодатель, и, как следствие, перечни дел искового и особого производств преимущественно совпадают. Аналогичным будет вывод и относительно производства в делах, возникающих из административно-правовых отношений, за исключением, например, украинского законодательства. Для Украины, в данном случае, определяющей стала структура судебной системы страны (речь прежде всего идет об административной юстиции). Наличие специализированных судов изменяет количественную характеристику видов гражданского судопроизводства в сторону сужения, как это видно на примере национального гражданского процессуального законодательства. Подобные предложения хоть и высказывались в Российской Федерации, Республике Казахстан, но пока остались на уровне теоретических разработок.

В то же время выдающимся является тот факт, что постсоветские страны уже более двадцати лет идут самостоятельным путем создания институтов права, в том

числе и гражданского процессуального права. Результатом стало принятие новых ГПК. «Новизна» касается не лишь даты принятия акта, но и теоретической основы в решении некоторых практических проблем.

Большинство постсоветских стран стали членами международной организации – СНГ – в рамках которой также пропагандируются определенные идеи, в том числе и по совершенствованию гражданского процесса. Но указанный процесс гармонизации и унификации не является жестким (Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ утвердила лишь концепцию и Структуру модельного Кодекса гражданского судопроизводства для стран-участниц СНГ), поэтому гражданский процесс этих стран приобретает все больше характеристик, которые отображают национальные традиции и особенности адаптации иностранного законодательства.

Национальный характер концепции видов гражданского судопроизводства проявляется в нескольких аспектах.

Во-первых, интерес законодателя к теории, который трансформировался в закрепление перечня видов гражданского судопроизводства на нормативном уровне. Примером является ч. 3 ст. 15 ГПК Украины. Или ст. 8 ГПК Республики Беларусь, в которой указано, что гражданское процессуальное законодательство предусматривает следующие виды производств: 1) исковое, 2) по делам, возникающим из административно-правовых отношений, 3) отдельное, 4) приказное и 5) другие виды производств, предусмотренные действующим Кодексом и другими законодательными актами.

И собственно ГПК Республики Беларусь не содержит упоминания о «других видах производств» в качестве видов гражданского судопроизводства. Это понятно как из содержания данного нормативно-правового акта, так из трудов белорусских процессуалистов (Тихиня В., И. Н.Колядко и др.). А потому неясным остается порядок реализации приведенной нормы.

Во-вторых, используются индивидуализированные названия некоторых видов производства (публичное производство – в ГПК РФ, в отдельное исковое производство – ГПК РК, хотя по своей сути они соответствуют советскому производству по делам, возникающих из административных отношений).

В-третьих, но не менее важное. Был применен индивидуализированный подход к конструированию перечней дел каждого вида гражданского судопроизводства. Например, «восстановление утраченного судебного производства», в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 262 ГПК РФ, – это только категория гражданских дел особого производства. А в соответствии с положениями раздела IX ГПК Украины, раздела IV ГПК Казахстана, Приложения 2 к ГПК Республики Беларусь, раздела XXXIV ГПК Молдовы –самостоятельная судебная процедура, которая находится вне деления гражданского судопроизводства на виды. Хотя надо учитывать, что соответственно ч. 2 ст. 335 ГПК Молдавии, если судебное производство утрачено до решения дела по существу или до прекращения производства по делу, то заинтересованное лицо также имеет право подать новый иск в общем порядке.

Безусловно, выводы относительно идентичности и национального характера концепции видов гражданского судопроизводства в постсоветских странах являются сугубо схематическими и требуют дальнейшей разработки, как насчет тезисов самой концепции, так и относительно перечня стран. Более широкая проработка предмета исследования позволит в будущем усовершенствовать структуру национального гражданского судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдюков М.Г. Виды судопроизводства в советском гражданско-процессуальном праве//Вестник МГУ. Сер. Экономика, философия, право. 1956. №2. С. 112- 113.

2. Курс гражданско-процессуального права: Теоретические основы правосудия по гражданским делам. М., 1981. Т.1. С. 121, 127.
3. Треушников М.К. Развитие гражданского процессуального права России // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве. М., 2004. С. 12-14.
4. Носырева Е.И. Виды современного гражданского судопроизводства и их классификация // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве/ Под ред. М.К. Треушникова. М., 2004. С. 88-99.
5. Грамошина Н.А. К вопросу о видах судопроизводства//Защита прав и законных интересов граждан и организаций: Матер. междунар. науч.-практ. конф. Сочи, 2002. Ч. 2. С. 27, 28-29.

CONCEPT OF TYPES OF CIVIL PROCEEDINGS IN THE LEGISLATION OF EX-USSR COUNTRIES

Annotation. On the basis of the norms of civil procedural codes of the countries of the post-Soviet space, a comparative characteristic of the institute of types of civil proceedings is given. Conclusions are drawn regarding the regulation of these aspects of this institution of civil procedural law in the CIS countries.

Keywords: civil proceedings, civil proceedings, types of civil proceedings, ex-ussr countries.

Ismagilova D.

Scientific adviser: Kovalev I., Candidate of Law
Donetsk National University
E-mail: diana_ismagilova99@mail.ru

УДК 343.268

ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Исова В.В.

**Научный руководитель: Максименко О.Б., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»**

Аннотация. В данной работе рассматривается становление правового регулирования применения принудительных мер медицинского характера, а также регулирование данных мер в законодательстве Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: законность, принудительные меры, правовое регулирование, меры медицинского характера, меры воспитательного характера.

Актуальность темы исследования выражается в том, что анализ истории правового регулирования применения мер медицинского характера позволяет более точно регламентировать правовые меры медицинского характера в законодательстве Донецкой Народной Республики.

Целью данного исследования выступает определение понятия принудительных мер медицинского характера с помощью анализа истории правового регулирования применения принудительных мер медицинского характера. Вопросами правового регулирования принудительных мер медицинского характера занимались такие ученые, как В.В. Лошихин, Н.Ю. Скрипченко, Б.А. Швырев и др.

В нашем праве институт принудительных мер медицинского характера имеет свою историю. Традиционно принято выделять несколько этапов его развития.

Под мерами принудительного медицинского характера тогда понимались средства обеспечения безопасности в отношении лиц, которые совершили общественно опасное деяние в состоянии невменяемости. В истории дореволюционного государства первое упоминание о применении данных мер было отмечено в Соборном Уложении 1649 г., а также в новоуказных статьях о татьбах, разбойных и убийственных делах

1669 г. В нормах отмеченных законов содержалось освобождение от государственной ответственности за убийство лиц, являющихся психически больными. Но лечение данных лиц законодательством не предусматривалось. В соответствии со 195 артикулом Воинских артикулов лиц, принадлежавших к данной категории, отправляли в монастырь [3, с. 46].

В Российской империи с 1775 г. начали появляться приказы общественного призрения. Их цель – обеспечение изоляции и лечения умалишенных. С принятием соответствующего положения монастыри теряли функцию содержания душевнобольных.

Позже принудительное лечение стало распространяться также на лиц, страдающих алкоголизмом. Указ 1801 г. «О не предании суду поврежденных в уме людей, учинивших в сем состоянии убийство», принятый Александром I, был посвящен применению принудительных мер медицинского характера.

По Своду законов 1832 г. от юридической ответственности освобождались лица, которые совершали преступления в состоянии «безумства». Основания, а также применение мер наказания к данным категориям лиц содержались в ст. 95 и ст. 96 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Согласно ему, виновных лиц отсылали во врачебную управу для освидетельствования, а позже – в дома для умалишенных без решения суда. Применялись следующие виды мер:

- передача лиц, страдающих психическим расстройством, на попечение родителей, родственников, опекунов. Именно они должны были осуществлять надзор за душевнобольными;

- принудительное помещение в дом для умалишенных.

По содержанию закона совершение тяжкого насильственного деяния характеризовало лицо, страдающее психическим расстройством, как социально опасное. Поэтому в таких случаях только суд мог применить принудительные меры медицинского характера. Порядок его назначения, изменения и прекращения содержался в положениях закона, в ст. 95 Уложения о наказаниях, что составляло компетенцию суда. Идентичные положения нашли свое отражение и в Уложении 1903 г.

Уложение 1903 г. стало следующей ступенью в законодательном регулировании принудительных мер медицинского характера. В нем в ст. 39 впервые были четко сформулированы юридические и медицинские критерии невменяемости как основания применения принудительного лечения.

Так, предусматривалось два вида медицинских мер:

- передача лица под надзор родителей и родственников, давших на это согласие [3, с. 46];

- помещение в специальные врачебные заведения.

Таким образом, можно отметить, что в период царской России процесс формирования и развития норм, закрепляющих принудительные меры медицинского характера, шел постепенно. Но, вместе с этим, особое правовое регулирование применения указанных мер в отношении лиц, не достигших полной дееспособности и страдающих психическими расстройствами, отсутствовало.

Законодательство советской России включало нормы и положения, которые отрицали возможность наказания лиц, совершивших общественно опасное деяние в состоянии невменяемости. К ним применялись лечебные меры и меры предосторожности.

По мнению В.В. Лоцинкина, на первом этапе становления института принудительных мер медицинского характера в советское время было введено определение невменяемости, причем медицинский критерий стал преобладать над юридическим [2, с. 5].

Лица, страдающие психическими заболеваниями, проходили принудительное лечение в условиях стационара психиатрических больниц. Для лиц, находящихся в

местах лишения свободы, предусматривалось также досрочное освобождение и помещение в психиатрическую больницу в случае обнаружения у них заболеваний в период отбывания наказания.

По законодательству 1922 г. к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии психического расстройства, применялись меры социальной защиты. Они либо заменяли наказание, либо назначались наряду с ними. К отмеченным мерам относились: – помещение в учреждение для умственно и морально дефективных; – принудительное лечение. На принудительное лечение направлялись граждане, совершившие правонарушения в состоянии невменяемости и страдающие выраженными расстройствами психики.

К данной категории были отнесены:

- «умственно и морально дефективные»;
- лица, больные алкоголизмом и наркоманией.

Лица, пребывающие в психиатрических больницах и имеющие выраженное снижение психической активности, являлись большой проблемой для администрации больниц. В связи с этим имело место практика самостоятельной выписки лиц без уведомления правоохранительных органов об уже состоявшейся выписке. Таким образом, лица, которые имели склонность к совершению преступлений, через определённый срок вновь совершали противоправные деяния в связи с отсутствием соответствующего надзора.

В законодательстве от 1960 г. государство отказалось от понятия «меры социальной защиты» и изменило значение принудительных мер медицинского характера. Они получили законодательное закрепление в гл. 6 УК Украинской ССР 1960 г. Данная глава закрепляла принудительные меры медицинского и воспитательного характера. Условия и порядки применения мер также в корне отличались от предыдущих мер социальной защиты. Согласно документу, меры медицинского характера делились на следующие виды [2, с. 8]:

- применяемые к лицам, страдающим психическими расстройствами;
- применяемые к лицам, страдающим алкоголизмом или наркоманией.

Порядок применения отмеченных мер совпадал с предыдущим, но их перечень несколько изменился. Так, он содержал только помещение в психиатрическую больницу общего или специального типа. Тип лечебного учреждения определялся судом.

К лицам, страдающим алкоголизмом и наркоманией, также применялись соответствующие меры. Они назначались судом при наличии медицинского заключения по ходатайству общественности или суда. Лечение такой категории лиц осуществлялось в медицинских учреждениях со специальным трудовым и лечебным режимом. В случае пребывания отмеченных лиц в местах заключения лечение осуществлялось на месте.

В качестве самостоятельного института выступали принудительные меры медицинского и воспитательного характера наравне с институтом уголовного права и административного надзора.

В связи с принятием УК Украины в 2001 г. институт административного надзора за лицами, страдающими психическими заболеваниями, утратил свое значение.

В настоящее время он должен постепенно вернуться в административную практику с принятием закона ДНР «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». По мнению Б.А. Швырева действующее законодательство должно полностью регулировать основания и цели применения принудительных административных мер, детально закрепляет порядок их продления и прекращения [4, с. 90]. К категории несовершеннолетних» закреплено понятие «возрастной невменяемости», которая позволяет не привлекать к ответственности лиц, не достигших определённого возраста, но имеющих психические заболевания.

Принятие УК ДНР и УПК ДНР уточнили и детализировали отдельные положения о применении принудительных мер медицинского характера [1]. В частности из перечня лиц, в отношении которых они применяются были исключены «нуждающиеся в лечении от алкоголизма или наркомании». Законодатель, в частности» отказался от формулировки «душевная болезнь» в пользу общепризнанной терминологии.

Вместе с тем осталось немало вопросов, требующих своего разрешения. К одному из них, по нашему мнению относится отсутствие в законе определения принудительных мер медицинского характера. Указанное обстоятельство послужило поводом для острых дискуссий и породило многочисленные попытки сформулировать доктринальное определение рассматриваемого института.

Таким образом, исследование эволюции законодательных актов по вопросам применения принудительных мер лечения лиц, страдающих психическими заболеваниями, позволяет нам сделать ряд выводов.

Практика применения принудительных мер развивалась таким образом, что в настоящее время их можно выделить в отдельный правовой институт. Эволюция принудительного лечения проделала путь от призрения душевнобольных в глубокой древности до создания четырехзвенного принудительного лечения лиц, страдающих психическими расстройствами и совершивших общественно опасные или преступные деяния, действующего в настоящее время.

На основании вышеизложенного можно сформулировать понятие принудительных мер медицинского характера. Под принудительными мерами медицинского характера следует понимать особый вид государственного принуждения, направленный на обеспечение безопасности общества и государства, осуществляемый исключительно по решению суда, в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики от 17 августа 2014 года (утв. Постановлением Президиума Совета Министров Донецкой Народной Республики). – 431 ст.
2. Лощинкин В.В. Становление и развитие российского уголовного законодательства о принудительных мерах медицинского характера, применяемых к психически больным лицам, совершившим общественно опасные деяния, после Октябрьской революции 1917 г [Электронный ресурс] / В.В Лощинкин // Вестник Томского государственного университета. Право, 2013. – № 1 (7). – С. 5-11 // Научная электронная библиотека «Киберленинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-rossijskogougolovnogo-zakonodatelstva-o-prinuditelnyh-merah-meditsinskogo-harakteraprimenyaemyh-k>.
3. Скрипченко Н.Ю. История развития уголовного законодательства, регулирующего применение принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних / Н.Ю. Скрипченко // История государства и права. – 2013. – № 7. – С. 45-47.
4. Швырев Б.А. Проблемы прекращения принудительного психиатрического лечения / Б.А. Швырев // Актуальные вопросы образования и науки. – 2015. – № 1-2 (47-48). – С. 89-94.

THE HISTORY OF LEGAL REGULATION OF APPLICATION OF COERCIVE MEASURES OF A MEDICAL NATURE

Annotation. This paper examines the formation of legal regulation of the use of compulsory medical measures, as well as the regulation of these measures in the legislation of the Donetsk people's Republic.

Keywords: legality, compulsory measures, legal regulation, medical measures, educational measures.

Isova V.

Scientific adviser: Maksimenko O., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: vika97307@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОДПИСКИ О НЕВЫЕЗДЕ*Казакова А.А.**Научный руководитель: Ушакова К.С., ассистент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Мера пресечения в виде подписки о невыезде рассматривается как средство ограничения прав и свобод подозреваемого, обвиняемого. Учитывается, что подписка о невыезде в достаточной для уголовного судопроизводства мере ограничивает права и свободы подозреваемого, обвиняемого, но, с другой стороны, не позволяет в полной мере контролировать установленные ограничения. Предлагается внести ряд дополнений в уголовно-процессуальное законодательство Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: подписка о невыезде, мера пресечения, срок действия меры пресечения, цели избрания меры пресечения, уголовно-процессуальное законодательство.

В концепции уголовного процесса меры пресечения исследуются как предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Донецкой Народной Республики (далее – УПК ДНР) ограничения прав и свобод подозреваемого, обвиняемого в целях обеспечения судопроизводства по каждому уголовному делу. Меры пресечения могут применяться с момента возбуждения уголовного дела и, непосредственно, до вступления приговора в законную силу.

УПК ДНР свключает в себя обширные гарантии прав лиц, к которым применяются меры пресечения, начиная с основополагающих положений, на которых основаны конкретные правовые нормы. К мерам пресечения применяются следующие принципы: уважение чести и достоинства личности; неприкосновенность личности; охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Подписка о невыезде, как правило, считается наиболее мягкой мерой пресечения и применяется чаще, чем иные меры пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Донецкой Народной Республики. По словам И. Н. Кондрата, подписка о невыезде составляет более 50 % от общего числа всех выбранных мер пресечения [1, ст. 116]. Числа, которые приводятся Ю. А. Тимохиным, еще более производят впечатление: «В среднем к 100 обвиняемым по уголовным делам, находившимся в производстве следователей следственных подразделений СУ при УВД по Хабаровскому краю, подписка о невыезде и надлежащем поведении избирается в отношении 80 человек, в отношении 20 избирается заключение под стражу. Избрание других мер пресечения носит единичный характер» [2, ст. 9-11].

Суть подписки о невыезде напрямую заключается в письменном наложении определенных обязательств, которые ограничивают свободу передвижения. Однако существует ряд вопросов, которые определенно связаны с этой мерой пресечения, а именно такие проблемы, как нецелесообразность применения данной меры к людям, профессиональная деятельность которых заключается в сменном способе организации труда, то есть трудовые ресурсы используются вне мест их постоянного проживания; не полностью в Уголовно-процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики раскрыта цель данной меры пресечения, в отличии от Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, где в ч. 3 ст. 102 УПК РФ указано: «иным путем не препятствовать производству по уголовному делу»; как правило, отсутствие обоснованности необходимости участия подозреваемого (обвиняемого) в конкретных процессуальных действиях; нахождения подозреваемого (обвиняемого) под подпиской о невыезде вообще не подлежит зачету в срок содержания под стражей и не учитывается при назначении наказания; отсутствует механизм определения сроков применения подписки о невыезде и порядок их продления. Принимая во внимание все

вышеизложенные проблемы, является необходимым более детально выяснить каждую из них [3, ст. 31].

Требуется для начала более подробно остановиться на вопросе определения Подписки о невыезде в УПК ДНР, а именно ст. 165 УПК ДНР гласит: «1) Подписка о невыезде состоит в отобрании от подозреваемого или обвиняемого письменного обязательства не отлучаться с места постоянного жительства или с места временного нахождения без разрешения следователя; 2) Если подозреваемый или обвиняемый нарушит данную им подписку о невыезде, то она может быть заменена более строгой мерой пресечения; об этом подозреваемому или обвиняемому должно быть объявлено при отобрании от него подписки о невыезде» [4, ст. 64].

Подписка о невыезде может быть избрана только в отношении подозреваемого или обвиняемого, который имеет постоянное или временное место жительства. Наличие постоянной или временной регистрации считается доказательством места жительства, но следователь, дознаватель должен убедиться, что гражданин на самом деле проживает по указанному адресу.

Место жительства определяется подозреваемым или обвиняемым. При этом подозреваемый(обвиняемый) не имеет права менять, выбранное им место жительства, о котором он сообщил при избрании данной меры пресечения, без разрешения на то следователя или дознавателя. Гражданин не обязан постоянно находиться по месту жительства, однако в случае его отсутствия должен каждый день возвращаться к месту жительства. Он не имеет права покидать город или другой населенный пункт, где он проживает, без разрешения следователя.

При избрании подписки о невыезде следователь, дознаватель, суд выносит постановление, которое непосредственно сообщается подозреваемому(обвиняемому) под расписку, ему вручается копия постановления. При этом подозреваемому(обвиняемому) дается письменная подписка о невыезде, в которой указываются: имя, отчество, фамилия подозреваемого(обвиняемого); адрес места жительства; обязательство не выезжать из города или иного населенного пункта без разрешения следователя; обязательство являться по вызову. В подписке непосредственно указываются дата и время ее составления, а также подписка заверяется подписью подозреваемого(обвиняемого) и подписью следователя, который ее выдал.

Подписка о невыезде считается примененной только после отобрания соответствующего письменного обязательства у подозреваемого, обвиняемого. Без изъятия у лица, в отношении которого было принято решение об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде, соответствующего письменного обязательства, эта мера пресечения не может считаться примененной и тем самым влечь за собой какие-либо юридические последствия. Поэтому статья 165 УПК ДНР не позволяет применять данную меру пресечения в отсутствие подозреваемого или обвиняемого. В связи с этим весьма сомнительно избрание следственным органом подписки о невыезде при объявлении лица в уголовный розыск [5, ст. 142].

В определении Уголовно-процессуального кодекса ДНР прослеживается то, что прямо не указаны лица, к которым данная мера пресечения не может быть применена, а именно в отношении лиц, совершивших тяжкие либо особо тяжкие преступления. Также для применения данной меры пресечения необходимо специальное разрешение следователя, прокурора или суда для перемены постоянного или временного места жительства в отношении лиц, профессиональная деятельность которых заключается в сменном способе организации труда, то есть трудовые ресурсы используются вне места их постоянного проживания.

Следует также остановиться на вопросе определения цели данной меры пресечения и отметить различия уголовно-процессуального законодательства Донецкой Народной

Республики от уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Так, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ данная мера пресечения носит иное название, а именно, «подписка о невыезде и надлежащем поведении». Таким образом, подразумевается и иное содержание – подозреваемый (обвиняемый) обязуется иным путем не препятствовать производству по уголовному делу. Эта обязанность имеет значение отсутствия попыток воздействия на участников уголовного процесса, а также уничтожения или фальсификации доказательств по уголовному делу и т.д. [6, ст. 11].

Ссылаясь непосредственно на практику, когда обвиняемый (подозреваемый) обязан периодически являться к следователю, дознавателю или в суд, когда вызов зачастую является необоснованным и не влечет за собой каких-либо процессуальных действий, что обычно сказывается на трудоустройстве обвиняемого(подозреваемого) и, согласно практике, приводит к разрыву трудовых отношений между обвиняемым(подозреваемым) и его работодателем. Таким образом, при исследовании данного вопроса, каждый вызов обвиняемого (подозреваемого) должен быть обоснован необходимостью его участия в конкретных процессуальных действиях.

Что касается времени, проведенного обвиняемым (подозреваемым) под подпиской о невыезде, то оно, как правило, не подлежит зачету в период содержания под стражей и никогда не учитывается при назначении наказания.

По уголовным делам, подведомственным следователям, подписка часто применяется с момента предъявления обвинения, до вступления приговора суда в законную силу или до прекращения уголовного дела. Средняя продолжительность подписки составляет не менее 5 месяцев. Что касается уголовных дел, по которым следствие велось в форме дознания, то почти по каждому делу применялась подписка о невыезде подозреваемого(обвиняемого), а ее продолжительность составляла не менее, чем полтора месяца.

Несмотря на длительные сроки, применение данной меры пресечения не учитывается при назначении уголовного наказания, а также не сокращает его сроки. Наряду с этой проблемой бытует мнение ученых о том, что подписка о невыезде должна быть срочной. Многие ученые рассчитывают определить сроки применения подписки о невыезде и порядок их продления, а также порядок зачета времени нахождения под подпиской о невыезде при назначении уголовного наказания [7, ст. 4].

В случае нарушения подписки о невыезде и надлежащего поведения подозреваемому(обвиняемому), согласно ч. 2 ст. 165 УПК ДНР, может быть применена более строгая мера пресечения, о чем он письменно предупреждается при выборе подписки о невыезде.

Подводя итог, отметим, что, с одной стороны, подписка о невыезде, достаточная для возбуждения уголовного дела, в полной мере ограничивает права и свободы подозреваемого или обвиняемого, но, с другой стороны, не позволяет, как следует, контролировать поставленные ограничения.

С учетом высказанных предложений необходимо внести ряд дополнений в уголовно-процессуальное законодательство Донецкой Народной Республики, а именно точно указать в отношении каких лиц не применяются данная мера пресечения и к каким лицам, чья профессиональная деятельность заключается в сменном методе организации работы необходимо специальное согласие следователя, прокурора или суда для перемены постоянного или временного места жительства; более строго регламентировать рассматриваемую такую меру пресечения как Подписка о невыезде и установить способы контроля за лицами, которые находятся под подпиской о невыезде. Полагаем разумным обязать подозреваемого(обвиняемого) являться на регистрацию к следователю или дознавателю не менее 2 раз в месяц. Следует также предусмотреть механизм предотвращения сокрытия лиц, для которых была выбрана подписка о невыезде за границу. Было бы целесообразно и уместно вести статистический учет лиц, в отношении которых была избрана данная мера пресечения, и сроков ее применения.

Безусловно, что применение предложенных выше мер позволит избежать нарушений рассматриваемой меры пресечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондрат И.Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика. М., 2015.
2. Тимохин, Ю.А. Значение подписки о невыезде и надлежащем поведении как меры пресечения, препятствующей уклонению обвиняемого от явки к следователю / Ю.А. Тимохин // Российский следователь. – 2012. – №10. – С. 9-11.
3. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001 (в ред. от 27.12.2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2001 г. – № 52 (ч. I). – ст. 4921.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 24 августа 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnayadeyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – Название с экрана.
5. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Научно-практическое пособие. – М.: Консультант Плюс, 2012. – С.142.
6. Булатов Б.Б., Николюк В.В., Цоколова О.И. Меры пресечения в уголовном процессе: Учеб. -практ. пособ. М., 2005. С. 11.
7. Подписка о невыезде как ограничение прав личности. (Научная статья). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Научная электронная библиотека «Киберленинка» <https://cyberleninka.ru/article/n/podpiska-o-nevyezde-kak-ogranichenie-prav-lichnosti>. – Дата обращения: 04.02.2020. – Загл. с экрана.

PROBLEMS OF REGULATING THE SUBSCRIPTION NOT TO LEAVE

Annotation. The measure of restraint in the form of a subscription not to leave is considered as a means of restricting the rights and freedoms of the suspect or the accused. Take into account that the recognizance in sufficient for criminal proceedings, limits the rights and freedoms of the suspect or accused, but, on the other hand, does not allow to fully control restrictions. It is proposed to make a number of amendments to the criminal procedure legislation of the Donetsk people's Republic.

Keyword: recognizance, measure the validity of a measure of restraint the purpose of restraint, the criminal procedure law.

Kazakova A.

Scientific adviser: Ushakova K., Assistant
Donetsk National University
E-mail: anastasiakazakova233@gmail.com

УДК 336.22

ПРЕДПРИЯТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА КАК СУБЪЕКТЫ НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Каменев А.С.

*Научный руководитель: Цыба Е.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности правового статуса предприятия малого бизнеса как субъектов налоговых правоотношений. Определены особенности правового статуса субъектов малого бизнеса как плательщиков налога. Раскрываются права и обязанности субъектов малого бизнеса. Определяется содержание взаимоотношений субъектов малого бизнеса с другими участниками налоговых правоотношений.

Ключевые слова: налог, юридические лица, налоговое законодательство, налоговая система, правовое регулирование, субъект налогового права.

Субъектами налоговых правоотношений является широкий круг лиц: налоговые органы, государственные органы, органы местного самоуправления, должностные лица государственных органов; предприятия, учреждения, организации разных форм собственности; граждане ДНР, иностранные граждане, лица без гражданства. Отдельные субъекты налогово-правовых отношений имеют общие (свойственные нескольким субъектам) и особенные (специфические для каждого) признаки.

Классификация субъектов налоговых отношений имеет важное юридическое значение, поскольку: 1) может дать исчерпывающее представление обо всех субъектах; 2) позволит определить все их разновидности (виды, группы); 3) предоставит возможность четко определить правовой статус субъектов. В юридической литературе отсутствует единый подход к классификации субъектов отношений в налоговой сфере. Это позволяет утверждать, что данный вопрос сегодня является актуальным, однако нуждается в отдельном исследовании.

Предприятия малого бизнеса как субъекты налоговых правоотношений, по общему правилу, наделены соответствующими правами и обязанностями, и в силу этого совершают юридически значимые действия, которые составляют содержание правоотношений, в том числе и налоговых. Определяя содержание правоотношений, традиционно в теории права исходят из того, что любое правоотношение состоит из прав и обязанностей его участников. В связи с этим правоотношение рассматривается как связь его материального и юридического содержания. Учитывая научные разработки теоретиков права, можно прийти к выводу, что содержание налоговых отношений составляют субъективные права и юридические обязанности, которые характеризуют вид и меру надлежащего и возможного поведения, их субъектов.

Фактическим содержанием налоговых отношений или материальным содержанием налоговых отношений является фактическое реальное поведение, которое обусловлено нормой права, которую субъекты налоговых правоотношений имеют право или обязаны поступить. Субъекты малого бизнеса имеют права и обязанности, определенные соответствующими статьями налогового законодательства.

Необходимо отметить, что именно содержание определяет форму правоотношения. По мнению Г. О. Халфиной, в данном процессе можно выделить два элемента: а) содержание определяет форму опосредствовано, через волю государства, которое устанавливает правовую форму в соответствии с узанными закономерностями развития содержания; б) содержание непосредственно определяет поведение участников отношений, формируя их волю [1]. В налоговой сфере содержание правоотношений показывает, будут ли они финансовыми, административными, гражданскими или исключительно налоговым и. Кроме этого, характер полномочий субъектов указывает и на такие его формы, как правоохранительные и регулятивные отношения. Следовательно, с помощью данного элемента можно определить природу правоотношений в отрасли налогового дела.

В настоящее время сфера применения налогового законодательства все больше расширяется. Это происходит в том числе за счет расширения количества субъектов-налогоплательщиков.

Можно определить следующие признаки субъекта малого бизнеса как субъекта налоговых правоотношений:

- 1) это субъект налогового права и участник налоговых правоотношений;
- 2) это лицо, которое фактически может быть носителем субъективных юридических прав и обязанностей в отрасли налогового права;
- 3) это лицо, которое способно иметь права и нести обязанности (правоспособность), а также способно к самостоятельному осуществлению прав и обязанностей (дееспособность);

4) участие субъекта малого бизнеса в налоговых правоотношениях осуществляется на основании юридических норм, причем основанием для возникновения правоотношений является юридический факт.

Каждый субъект малого бизнеса имеет свой правовой статус, который дает ему возможность принимать участие в налоговых правоотношениях. То есть иметь круг прав и обязанностей, реализовывать их путем осуществления тех или других действий.

Налогоплательщиками и плательщиками сборов признаются субъекты малого бизнеса, на которых возложена обязанность уплачивать соответствующие налоги или сборы. Одним из основных критериев отнесения физического лица или организации к числу субъектов налоговых правоотношений является потенциально возможная обязанность уплачивать причитающиеся налоги. Физические лица и организации приобретают налогово-правовой статус по причине предполагаемой возможности вступления в налоговые правоотношения с государством (муниципальным образованием) относительно уплаты установленных налогов или сборов. Субъектов малого бизнеса в качестве субъектов налоговых правоотношений права характеризует потенциальная возможность быть участником определенного правоотношения по поводу установления, введения или взимания налогов, осуществления налогового контроля или привлечения к налоговой ответственности.

Реальная обязанность субъектов малого бизнеса как налогоплательщиков уплачивать какой-либо налог возлагается на физическое лицо либо организацию с момента возникновения обстоятельств, установленных законодательством о налогах и сборах и предусматривающих уплату данного налога.

Тема правового статуса субъектов малого бизнеса в юридической литературе достаточно актуальна. Существуют многочисленные научные исследования, посвященные как общетеоретическим вопросам, так и проблемам правового статуса человека, лица, гражданина, а также статусу участников административных, криминальных, гражданских, трудовых правоотношений и др.

Научные разработки правового статуса субъектов малого бизнеса в сфере налоговых отношений касаются лишь отдельных вопросов их правового статуса [2].

Поэтому нуждается в комплексном исследовании определения природы, структуры, содержания правового статуса субъектов налоговых правоотношений, что даст возможность определить правовое обеспечение реализации правового статуса участников общественных отношений в налоговой сфере, их взаимодействие и влияние на социально-экономическое развитие страны.

Для этого требуется обоснование определения правового статуса субъектов малого бизнеса как участников налоговых правоотношений; исследование содержания и структуры их правового статуса; определение природы, особенностей правового статуса и его места в механизме правового регулирования налоговых правоотношений.

Сложные связи между государством и субъектами малого бизнеса фиксируются государством в правовой форме – в форме прав, свобод, обязанностей. В своем единстве именно они составляют правовой статус субъектов малого бизнеса, который, в свою очередь, отображает особенности социальной структуры общества, уровень развития демократических институтов и состояние законности. Он является системой эталонов, образцов, поведения субъектов, которые, с одной стороны, защищаются государством, с другой – одобряются обществом.

Анализ ответственности за нарушение налогового законодательства, которая существует в разных странах мира, дает возможность сделать вывод о существовании двух групп государств: для одной характерна умеренность санкций, декриминализация налоговых преступлений, для второй – наличие жестких карательных санкций, включая лишение свободы [3].

Такая ситуация свидетельствует о существовании разных подходов к пониманию

правовой природы ответственности за нарушение налогового законодательства. Эти подходы предусматривают неодинаковое соотношение направлений влияния (функций) ответственности на общественные отношения. Представляется, что приоритетной функцией ответственности за нарушение налогового законодательства должна быть праввосстановительной. Однако стоит принимать во внимание, что цели ответственности могут быть достигнуты лишь при условии ее сочетания с карательной и превентивной функциями.

Кроме того, сведение ответственности за нарушение налогового законодательства лишь к компенсационной функции приведет к отождествлению ее с принудительным выполнением юридического долга. Зато обязательным признаком юридической ответственности, как нами было отмечено выше, является возложение на нарушителя дополнительных обязанностей и обременений. Следовательно, роль других функций ответственности не должна быть недооцененная.

На основании вышеприведенного можно выделить такие черты ответственности субъектов малого бизнеса за нарушение налогового законодательства, которые характеризуют ее правовую природу:

- является разновидностью финансовой ответственности;
- ей присущ имущественный и публичный характер;
- основанием наступления ответственности является налоговое правонарушение;
- существует особая процедура привлечения к ответственности, урегулированной специальными нормативно правовыми актами;
- субъектами ответственности являются налогоплательщики, налоговые агенты и/или их должностные лица;
- реализуется в специфических финансово правовых санкциях, следствием применения которых является наступление негативных последствий имущественного характера;
- для нее характерен приоритет праввосстановительной функции влияния санкций;
- основной целью ответственности является обеспечение правопорядка в сфере налогообложения [4].

Развитие правового регулирования ответственности субъектов малого бизнеса за нарушение налогового законодательства должно происходить в направлении более четкого отделения финансово правовой ответственности, ответственности за нарушение налогового законодательства в частности, от других видов юридической ответственности. Внедрение соответствующих реформ будет способствовать повышению уровня соблюдения обязанностей, установленных налоговыми нормами, ведь именно благодаря мероприятиям юридической ответственности последние получают признак общеобязательности, которая обеспечена государственным принуждением. , нуждается в последующих научных разработках.

Определение субъектов малого бизнеса как участников налоговых правоотношений, их прав и обязанностей в отрасли налогового дела будет способствовать обеспечению правопорядка в налоговой области и усовершенствованию правового обеспечения налоговых отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон ДНР «О налоговой системе» от 25 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://dnr-online.ru> (Дата обращения 12.05.2017)
2. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении : монография / Халфина Г. О. – М., 1974. – С.33
3. Сынкova Е.М. Формирование нормативно-правовой базы предпринимательской деятельности в Евразийском экономическом союзе //Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2017. № 2. С. 159-165.
4. Мусаева П.С., Алимирзоева М.Г. Налоговое регулирование субъектов малого предпринимательства и

оценка его эффективности // Наука среди нас. 2018. № 1 (5). С. 335-341.

5. Федосеев Д.В. Налоговое регулирование как одно из направлений государственной поддержки малого предпринимательства // В сборнике: Академическая среда российских университетов Сборник научных статей. Тюмень, 2018. – С. 195-199.

SMALL BUSINESSES AS SUBJECTS OF TAX LEGAL RELATIONS

Annotation. The article discusses the features of the legal status of small businesses as subjects of tax legal relations. The features of the legal status of small businesses as tax payers are determined. The rights and obligations of small businesses are disclosed. Determines the content of the relationship of small businesses with other participants in tax legal relations.

Keywords: tax, legal entities, tax legislation, tax system, legal regulation, subject of tax law.

Kamenev A.

Scientific adviser: Tsiba E., Cand of Law

Donetsk National University

E-mail: admfinpr@mail.ru

УДК 343.35

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА

Карпелянская Н.Н.

*Научный руководитель: Семькина Л.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данном исследовании рассмотрены признаки субъективной стороны служебного подлога, предусмотренного ст. 346 УК ДНР. В целях единообразного понимания положений закона при применении норм о служебном подлоге предлагается в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики детально разъяснить вопросы, вызывающие трудности при квалификации субъективной стороны данного преступления.

Ключевые слова: служебный подлог, подлог документов, подделка, мотив преступления, корыстная заинтересованность.

На сегодняшний день вопросы законодательной регламентации субъективной стороны в должностных преступлениях являются актуальными и дискуссионными в науке уголовного права. Наиболее остро споры ведутся по поводу двух вопросов: о форме вины и мотивах в составах указанных преступлений. Особенности субъективной стороны преступлений, предусмотренных гл. 30 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) [1], могут быть установлены и детально проанализированы лишь при рассмотрении отдельных видов должностных преступлений. В правоприменительной практике признаки субъективной стороны служебного подлога, предусмотренного ст. 346 УК ДНР, понимаются разноречиво, а потому заслуживают научного анализа в целях выявления основных проблем в уголовно-правовой оценке данного преступления, выработки предложений по их разрешению.

В уголовном праве под субъективной стороной традиционно понимается психическая деятельность лица, которая «сопровождает совершение преступления и в которой интеллектуальные, волевые и эмоциональные процессы протекают в полном единстве и взаимообусловленности» [2, с. 227–228]. В специальной литературе отмечается, что в субъективную сторону преступления наряду с виной в форме умысла или неосторожности входят также мотив, цель и другие психологические моменты [3, с. 14]. При этом указывается, что мотив и цель преступления, «являясь обязательными

признаками волевого акта, непременно входят в содержание субъективной стороны преступления. Но эти признаки не всегда указываются в числе необходимых элементов состава преступления».

Действующий Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики не называет формы вины при совершении служебного подлога. Вместе с тем в уголовно-правовой доктрине еще с советских времен не оспаривается мнение, что служебный подлог совершается только с прямым умыслом [4, с. 87]. С этим следует согласиться и лишь уточнить, что вина в этом преступлении представляет собой прямой конкретизированный умысел. Доказательством данного утверждения служит тот факт, что, конструируя состав служебного подлога, законодатель прибегнул к использованию в нем в качестве конструктивных такие субъективные признаки, как: 1) заведомость совершенного деяния; 2) корыстная или иная личная заинтересованность.

Характеризуя интеллектуальный момент прямого конкретизированного умысла при служебном подлоге, следует исходить из того, что, во-первых, виновный должен понимать (осознавать), что он искажает подлинность и достоверность сведений, содержащихся в документе, с помощью одной из предусмотренных в законе форм. Во-вторых, в его сознании должно отражаться, что он совершает эти действия с использованием полномочий, предоставленных ему по службе. В-третьих, он должен знать, что фальсифицируемые им документы являются официальными.

Перечисленные положения характеризуют интеллектуальный момент умысла и свидетельствуют об осознании субъектом общественно опасного характера совершаемых им действий. Ответственность по ст. 346 УК ДНР возможна лишь при наличии трех обозначенных положений в совокупности.

По конструкции объективной стороны состав служебного подлога, предусмотренный ч. 1 ст. 346 УК ДНР, является формальным. В уголовно-правовой доктрине установилось правило, озвученное А. И. Рарогом: «...при совершении преступления с формальным составом содержание умысла всегда заключается в сознании виновным общественно опасного характера совершаемого действия и в желании совершить это действие» [5, с. 39].

Следовательно, для признания лица виновным в совершении служебного подлога по ч. 1 ст. 346 УК ДНР не требуется выявлять моменты предвидения им возможности или неизбежности наступления последствий своих действий, а также стремления к их наступлению. В то же время – это положение в практической деятельности имеет значение только для определения момента окончания деяния: ведь сложно представить, что субъект, умышленно фальсифицируя официальный документ, не охватывает своим сознанием определенные последствия. Более того, только стремление добиться нужных ему последствий побуждает его совершить конкретные действия с документами – предметами преступления.

Волевой момент анализируемых деяний выражается в желании лица выполнить подлог документов, будучи сподвигнутым мотивами корыстной или иной личной заинтересованности.

Отметим, что изложенные соображения о форме вины при совершении служебного подлога относятся к так называемому простому составу. Однако состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 346 УК ДНР сформулирован как материальный, вина которого выражена в виде прямого или косвенного умысла.

Как отмечено выше, в ряд обязательных субъективных признаков служебного подлога законодатель возвел «заведомость» совершенного деяния. Исходя из этого, следует согласиться с О. В. Чесноковым, который писал: «...подтверждением допустимости при совершении служебного подлога только прямого умысла является содержащееся в уголовном законе указание на заведомость ложности вносимых в официальный документ сведений. ... Таким путем законодатель акцентирует внимание,

прежде всего, правоприменителя на том, что обязательным условием ответственности за служебный подлог является понимание субъектом ложности информации, включаемой в официальный документ» [6, с. 125]. Следовательно, установление отсутствия у лица осведомленности о ложном характере вносимых им в документ сведений безоговорочно исключает его ответственность по ст. 346 УК ДНР.

Любой состав преступления представляет собой юридическое понятие об определенном общественно опасном деянии, поэтому он включает в себе те необходимые признаки деяния, при наличии которых закон устанавливает возможность привлечения лица к уголовной ответственности и признания его виновным в совершении преступления. Служебный подлог относится к составам преступлений, в котором в качестве одного из конструктивных (обязательных) признаков субъективной стороны выступает мотив преступления, имеющий большое значение в определении признака «заведомости». По этому поводу Волков Б.С. писал: «Особенно заметно влияние мотива и цели на квалификацию тех преступлений, основным условием уголовной ответственности за которые признается «заведомость». Признак «заведомости» в преступлении всегда означает, что сознание общественно опасного и противоправного характера совершаемых действий является важнейшей частью мотивации преступления. Поэтому в определении этого признака большую роль играет мотив противоправного поведения лица» [7, с. 42].

Мотивы преступного поведения при совершении служебного подлога представляют собой, по определению Б. С. Волкова, «побуждения, которыми руководствовалось лицо при совершении преступления и которые определили его поведенческие устремления» [7, с. 49]. С этим согласны большинство ученых, поскольку мотив не только освещает характер совершенного преступного деяния, но и определяет его волевое содержание, целевую направленность.

Представляется, что асоциальная сущность корысти как мотива преступления всегда будет иметь первостепенное значение при его оценке, поскольку, как правильно отмечает С. А. Елисеев, «корыстный мотив преступления, выражая собой личностный смысл, является субъективным отражением объективных причин общественно опасного поведения» [8, с. 19–20]. Также, следует отметить, что при конструировании уголовно-правовых норм, содержащих указание на корыстную мотивацию деяния, законодатель подразумевает неосновательное, а, следовательно, противоправное обогащение субъекта.

Деятельность лица, избравшего преступление средством удовлетворения своих личных материальных и имущественных потребностей, направлена лишь на присвоение благ и ценностей, созданных другими, и связана с нарушением основных норм и законов общества.

Вышеизложенное позволяет определить корыстную заинтересованность как мотив служебного подлога. Это психологическое побуждение виновного к противоправной деятельности, выражающее его стремление к достижению материальной (имущественной) выгоды противоправным (асоциальным) способом в результате использования возможностей, предоставленных ему по службе.

Корыстная заинтересованность как мотив служебного подлога состоит во внесении в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, в целях приобретения каких-либо выгод материального (имущественного) характера. Однако требование о наличии у субъекта корыстного мотива нельзя понимать в том смысле, что для окончательного состава служебного подлога обязательно фактическое извлечение материальной (имущественной) выгоды.

Корыстная заинтересованность выступает достаточно распространенным мотивом совершения служебного подлога, уголовно-правовая оценка которого особых

сложностей у судов не вызывает. Возможно, этому способствует разъяснение данного признака субъективной стороны должностных преступлений, которое содержится в п. 16 Информационного письма Верховного Суда Донецкой Народной Республики «О практике применения судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Высший судебный орган определил корыстную заинтересованность как стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т. п.) [9].

Изучение судебных приговоров Российской Федерации, содержащих оценку мотива корыстной заинтересованности по делам о служебном подлоге, показывает в целом единообразное понимание судебными органами указанного признака состава преступления. В качестве мотива «корыстная заинтересованность» при совершении служебного подлога суды расценили: «получение денег за выдачу заведомо ложной справки»; «получение премии, материальной помощи».

Конструируя составы должностных преступлений в действующем УК ДНР, законодатель ввел в отдельные из них (в том числе и в состав служебного подлога) такой субъективный признак, как «иная личная заинтересованность». Это способствовало уточнению другого мотива таких преступлений, а именно корыстной заинтересованности. При этом законодатель не раскрывает содержания понятия «иная личная заинтересованность», однако правильная трактовка данной дефиниции очень важна для уголовно-правовой оценки служебного подлога.

Из пункта 16 Информационного письма Верховного Суда Донецкой Народной Республики «О практике применения судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» следует, что мотив, характеризующий иную личную заинтересованность, свидетельствует об асоциальных интересах лица, допускающего служебный подлог, о его стремлении извлечь выгоду нематериального характера для себя, своих родных или близких [9].

Вместе с тем, Верховный Суд Донецкой Народной Республики в вышеуказанном информационном письме не выразил свою позицию по спорному в теории и в практической деятельности вопросу: следует ли признавать «ложно понятые интересы службы» мотивом должностного преступления, в том числе и служебного подлога, поскольку большинство ученых полагают, что состав подлога отсутствует, когда субъект фальсифицирует официальный документ из ложно понятых интересов службы.

Противоположное мнение высказано В. А. Канунниковым: «... отнесение неправильно, ложно понимаемых интересов службы к «иной личной заинтересованности» как мотиву служебных преступлений является вполне обоснованной» [10, с. 146].

Представляется более правильной правовая оценка тех правоведов, которые считают, что ложно понятые интересы службы не могут быть причислены к «иной личной заинтересованности», ибо у лица в этом случае отсутствует антисоциальный интерес, который придает подлогу характер преступления.

Правильно подмечено О. В. Чесноковым, что «дискуссия относительно отнесения в категорию «иная личная заинтересованность» ложно понятых интересов службы ... содержит противоречия, так сказать, изнутри. Ведь, по сути дела, ложное понимание интересов службы есть неправильное понимание таковых». Автор справедливо полагает, что «...формулировкой «ложно понятые интересы службы», как правило, обозначают ситуации, когда субъект совершает определенные действия, мотивируется

стремлением исказить объективные показатели служебной деятельности конкретного подразделения, искусственно их улучшив, облегчить работу службы и т. п. При этом вряд ли уместно говорить о том, что лицо таким образом ложно понимает интересы службы. Скорее лицом здесь правильно понимается фактическая и юридическая сущность подобных действий, но оно руководствуется не интересами службы (в широком понимании таковой), а «интересами» конкретного подразделения службы, к которому и принадлежит» [6, с. 127].

Поэтому, когда речь идет об уголовно-правовой оценке подлога официального документа из ложно понятых интересов службы, надлежит устанавливать, имелось ли при этом у лица стремление извлечь выгоду нематериального характера для себя или других лиц. Ложно понятый интерес службы не может быть направлен на извлечение какой-либо нематериальной выгоды для себя или других лиц, а соответственно не может быть интерпретирован как частный случай личной заинтересованности.

Указанные противоречия содержатся не только в словесной полемике, но и в судебных актах, принимаемых судами по конкретным делам. Так, по приговору Оренбургского областного суда от 28 августа 2018 года несколько лиц были признаны виновными в совершении служебного подлога из ложно понятых интересов службы, в целях улучшения показателей раскрываемости преступлений, тогда как обвинялись они в совершении преступления из иной личной заинтересованности. По результатам рассмотрения кассационных жалоб Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации расценила вмененный подсудимым признак «ложно понятые интересы службы» как иную личную заинтересованность и нашла приговор законным и обоснованным, тем самым санкционировала возможность неточного толкования закона судами [11].

Последствия принятия высшей судебной инстанцией данного Определения выразились в том, что нижестоящие суды стали ориентироваться на озвученную в нем правовую позицию. Как показывает изучение судебной практики по делам о служебных подлогах, нередко суды признают граждан виновными в совершении служебного подлога из ложно понятых интересов службы. Например, судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда в кассационном акте прямо указала: «Мотивом преступлений являются интересы службы, ложно понятые Ш., совершившим должностные подлоги с целью искусственного увеличения показателей своей работы» [12].

Однако имеется немало судебных решений, в которых суды констатируют: «Согласно уголовному закону, установление мотива корыстной или иной личной заинтересованности, которым лицо руководствовалось при совершении преступления, является обязательным. В случае, когда лицо действует из ложно понятых интересов службы и не стремится получить в результате личные блага, состав преступления отсутствует» [13, с. 127].

Формулируя свои правовые позиции, высшие суды участвуют в формировании и становлении общеобязательных правил, значение которых трудно переоценить для обеспечения единообразного понимания и применения закона нижестоящими судами. Изложенное позволяет согласиться с высказанным теоретиками мнением о необходимости ревизии правовой позиции высшей судебной инстанции.

Таким образом, фрагментарное изложение проблем уголовно-правовой оценки признаков субъективной стороны служебного подлога показывает, что остаются нерешенными множество вопросов в сфере правотворчества и правоприменения, в связи с чем представляется целесообразным с учетом практической значимости проведенного исследования на уровне Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики дать разъяснения о порядке применения нормы, регламентирующей ответственность по ст. 346 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Донецкая Народная Республика. Законы. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 (по состоянию на 17.12.2019) [Текст]: Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsoviet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodekdonetskoj-narodnoj-respubliki/>
2. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве [Текст] / Я.М. Брайнин // Москва: Госюриздат, – 1963. – С. 210 – 256.
3. Одинцова Л.Н. Отдельные вопросы индивидуализации привлечения к ответственности за совершение должностных преступлений при наличии мотива корыстной или иной личной заинтересованности [Текст] / Л.Н. Одинцова // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань: Академия права и управления ФСИН России, – 2015. – С. 9 – 27.
4. Иванчин А.В., Каплин М.Н. Служебные преступления [Текст] / А.В. Иванчин, М.Н. Каплин // Ярославль: ЯрГУ, – 2013. – С. 74 – 91.
5. Рарог А.И. Уголовное право. Общая часть [Текст]: учебник / А.И. Рарог // Москва: ИНФРА-М, – 2008. – 664 с.
6. Чесноков О.В. Уголовно-правовые аспекты борьбы со служебным подлогом [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право / О.В. Чесноков // Ростов н/Д., 2012. – 250 с.
7. Волков Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность [Текст] / Б.С. Волков // Казань: Изд-во Казанского ун-та, – 2015. – С. 41 – 59.
8. Елисеев С.А. Вопросы теории и практики предупреждения корыстных преступлений [Текст] // С. А. Елисеев // Томск: Изд-во Томского ун-та, – 2012. – 110 с.
9. Информационное письмо Верховного Суда Донецкой Народной Республики «О практике применения судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» [Текст]: Официальный сайт Верховного Суда Донецкой Народной Республики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://supcourt-dpr.su/zakonodatelstvo/infm/o-praktike-primeneniya-sudami-doneckoy-narodnoy-respubliki-zakonodatelstva-po>.
10. Канунников В.А. Уголовная ответственность за служебный подлог: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право / В.А. Канунников // Ростов н/Д., 2011. – 253 с.
11. Дело № 22-6570/2018 (приговор № 4-74/2018): Оренбургского областного суда от 28 августа 2018 г. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/courtrossnenskij-gorodskoj-sud-leningradskaya-oblast-s/act-10043-> Дата обращения: 04.01.2020. – Загл. с экрана.
12. Дело № 22-6188/2019 (приговор № 2-51/2019): Свердловского областного суда от 05 августа 2019 г. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/courtrossnenskij-gorodskoj-sud-leningradskaya-oblast-s/act-10043-> Дата обращения: 04.01.2020. – Загл. с экрана.
13. Харченко А.Н. Служебный подлог и его специальные разновидности в системе преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления / А.Н. Харченко // Теория и практика общественного развития. – 2012. – С. 359 – 363.

SUBJECTIVE SIDE OF OFFICIAL FORGERY

Annotation. This study examines the signs of the subjective side of official forgery under article 346 of the criminal code of the DPR. In order to ensure a uniform understanding of the provisions of the law when applying the rules on official forgery, it is proposed that the relevant resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Donetsk people's Republic explain in detail the issues that cause difficulties in qualifying the subjective side of this crime.

Keywords: forgery, forgery of documents, forgery, motive of the crime, self-interest.

Karpelyanskaya N.

Scientific adviser: Semykina L., Ph. D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: natali.karpelyanskaya@bk.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В МИРЕ МОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Карпунина Е.М.

*Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматривается проблема защиты института модного права, в том числе дизайнерских изделий. Проанализированы слабые стороны в сфере патентного права относительно охраны дизайнерских изделий.

Ключевые слова: модное право, дизайнерское изделие, патент, промышленный образец, временная охрана.

Институт интеллектуальной собственности в отечественном гражданском праве с каждым годом приобретает все большую значимость. В связи с появлением новых технологий и видов искусств, возникает острая необходимость в защите подобных продуктов интеллектуального труда. Одним из самых незащищенных институтов в России остается так называемый институт «модного права». Несмотря на то, что зарубежному законодателю, уже удалось разработать способы защиты интеллектуальных прав в индустрии моды, российское право в сфере модного дизайна находится на стадии формирования.

Цель исследования – рассмотреть проблему защиты института модного права, в том числе дизайнерских изделий.

Основной проблемой, с которой сталкиваются дизайнеры при попытке защитить результаты своей творческой деятельности с помощью патента на промышленный образец, является долгосрочность его получения. Данный способ правовой защиты представляется не рациональным, если речь идет о сезонных коллекциях. Как известно, получение патента – это процесс долгосрочный, требующий к тому же материальных вложений, окупить которые не всегда удастся. В среднем выдача патента на промышленный образец занимает от шести до девяти месяцев, а в случае проведения дополнительных экспертиз – может длиться более года. Логично, что к моменту выдачи охранного документа, сезонная коллекция уже устареет, а дизайнер с большой долей вероятности уже будет работать над созданием новой. Стоит отметить, что законодатель учел этот момент относительно недавно, приняв в 2018 году Федеральный закон № 549-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [1]. Данным нормативным актом в гражданское законодательство был добавлен режим предоставления временной охраны промышленным образцам. Однако необходимость разработки ускоренного особого способа защиты интеллектуальных прав на дизайнерские изделия все еще остается актуальной по ряду причин, которые будут рассмотрены в ходе исследования.

Прежде чем говорить о проблемах в сфере защиты модного права, обратимся к понятию дизайна как такового. Согласно определению, которое дано в Гражданском кодексе РФ, произведения дизайна являются самостоятельным объектом авторских прав. И уже здесь возникает первое противоречие. В рамках авторского права существенные трудности составляет выявление нарушений, при которых очевидно создание сходного общего впечатления от дизайна, чего не скажешь о патентном праве. Представляется возможным утверждать, что наиболее благоприятным режимом охраны изделия дизайна является режим промышленного образца. Оба эти режима можно применять одновременно, в случае потребности правообладателя в усиленной защите. Как пояснил Суд по интеллектуальным правам в своем постановлении, «один результат

интеллектуальной деятельности может охраняться одновременно как авторским, так и патентным правом. Выбор способа защиты является прерогативой правообладателя» [2].

Однако потребность в усиленной охране промышленных образцов слишком очевидна, в связи с чем в марте 2018 года депутатами Государственной Думы РФ было предложено внести поправки в ГК РФ в части государственной регистрации промышленных образцов. Федеральный закон от 27.12.2018 № 549-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» вступил в силу в июне 2019 года, существенно изменив механизм предоставления правовой охраны промышленных образцов. Теперь она предоставляется изделию со дня публикации Роспатентом сведений о заявке на промышленный образец в случае положительного прохождения формальной экспертизы до даты публикации сведений о выдаче патента. Тем не менее дискуссионным остается вопрос, будет ли являться универсальным средством решения правовых и экономических проблем предоставление временной охраны промышленному образцу, содержащему произведения интеллектуального труда автора – дизайнера.

Так, в соответствии с нововведениями, «промышленному образцу, на который подана заявка в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности, со дня публикации сведений о заявке до даты публикации сведений о выдаче патента предоставляется временная правовая охрана в объеме, определяемом совокупностью существенных признаков промышленного образца, нашедших отражение на изображениях внешнего вида изделия, содержащихся в опубликованной заявке на промышленный образец, но не более чем в объеме, определяемом совокупностью существенных признаков, нашедших отражение на изображениях внешнего вида изделия, содержащихся в решении указанного федерального органа о выдаче патента на промышленный образец» [1]. Следовательно, в случае использования еще не зарегистрированного промышленного образца, то есть образца, на получение патента на который заявка уже подана, но сам патент еще не выдан, патентообладателю предоставляется следующее право: в случае получения патента правообладатель сможет взыскать в досудебном порядке или по решению суда вознаграждение с лица за использование патента.

На сегодняшний день мнения цивилистов относительно целесообразности и эффективности подобного режима правовой охраны расходятся. Так, например, Крюкова А.И., Суценко М.С., Татарина Е.П. сходятся на том, что подобное решение едва ли решает проблему плагиата дизайнерских изделий, зато способствует получению необоснованного преимущества перед конкурентами и влечет за собой безосновательное обогащение [3]. В качестве примера они приводят следующую ситуацию: существует некий принт, используемый неоднократно многими дизайнерами, предположим смайлик «эмодзи», однако никем ранее не зарегистрированный. Далее один из производителей регистрирует патент на промышленный образец, а именно на подобный рисунок на дизайнерском изделии, из чего следует прекращение выпуска изделий с таким принтом другими дизайнерами, а также выплаты ими компенсации за нарушение прав заявителя. Таким образом, лицо, хоть и не являясь автором подобного дизайнерского подхода, получает право требовать от других лиц прекращения использования изделия.

Рассматривая вышеуказанный аспект нововведения, следует сразу затронуть проблему оригинальности дизайнерского изделия. Как известно, для получения патента, промышленный образец должен обладать такими качествами как новизна и оригинальность. Эти критерии раскрываются в п. 2 ст. 1352 ГК РФ, согласно которому «промышленный образец является новым, если совокупность его существенных признаков, нашедших отражение на изображениях внешнего вида изделия, не известна

из сведений, ставших общедоступными в мире до даты приоритета промышленного образца; и оригинальным – если его существенные признаки обусловлены творческим характером особенностей изделия, в частности, если из сведений, ставших общедоступными в мире до даты приоритета промышленного образца, неизвестно решение внешнего вида изделия сходного назначения, производящее на информированного потребителя такое же общее впечатление, какое производит промышленный образец, нашедший отражение на изображениях внешнего вида изделия». В связи с этим возникает вопрос о том, что в дизайнерском изделии подпадает под термин оригинальности, и обладают ли изделия легкой промышленности таким качеством в принципе. Представляется возможным согласиться с Т.Д. Богдановой, утверждающей, что оригинальностью в произведении дизайна следует считать нечто не известное ранее, созданное творческим трудом автора, но при этом подлежащее повторимости, воспроизведению каким-либо способом, что в корне отличается от понятия уникальности [4]. Если же обратиться к практике американского законодателя, можно заметить, что в США институт модного права, именуемого «fashion law», развит весьма слабо, но вот в рамках правовой доктрины существует интересный подход. Американские юристы предложили разделить копирование дизайна на «близкое» и «неточное» фирмами так называемой «быстрой моды». Подобные производители копируют дизайн более известных брендов в кратчайшие сроки, нередко выжидая, чтобы посмотреть, какие модели лучше примет общественность, с целью получения наибольшей прибыли. Причем данная продукция вовсе не является контрафактной, ведь бренды, занимающиеся «близким копированием», официально зарегистрированы и пользуются особой популярностью, как правило, среди молодежи. «Неточное же копирование», по мнению авторов подхода не должно наказываться, поскольку это лишь заимствование идеи. Сама грань между плагиатом и заимствованием уже известного подхода весьма тонка. Так, например, молодежный бренд «Forever 21» был вынужден отстаивать оригинальность своих товаров в суде, в то время как такие компании как «H&M» и «Zara» остаются безнаказанными, занимаясь «неточным копированием» [5].

Таким образом, становится очевидно, что вопрос оригинальности модных изделий остается весьма дискуссионным, причем не только в российском законодательстве. Формулировка «творческий характер особенностей изделия», использованная в гражданском кодексе РФ, в принципе является спорной. Поскольку понятие творчества связано непосредственно с духовным развитием человека, его внутренними качествами и вряд ли поддается объективной оценке. Однако эта проблема требует отдельного исследования.

Вернемся к еще одной слабой стороне вышеописанного способа охраны промышленных образцов. Как было сказано ранее, автор изделия должен убедиться в новизне результатов своей творческой деятельности. Но даже этот момент вызывает трудности. Автор, подавая заявку, может использовать имеющиеся в бесплатном доступе базы Роспатента, однако в данном случае этого будет недостаточно, чтобы обеспечить необходимость выявления публикаций среди всех действующих в РФ патентных документов, закрепленную в Регламенте поиска на патентную чистоту. Для получения доступа к дополнительным поисковым системам заявителю необходимо будет заключать договор с Роспатентом на доступ к поиску по дополнительному перечню баз данных, в том числе полной базе данных российских изобретений, что является уже платной услугой. Помимо того, поиск необходимо будет провести и по базам данных евразийских патентов, действующих в РФ [3]. Такие процедуры влекут за собой дополнительные финансовые убытки со стороны автора, что, в свою очередь, может стать решающим фактором для дизайнера в принятии решения о рациональности регистрации за собой патента. Если в случае регистрации одного

изделия сумма взноса не является чрезмерно большой, то при регистрации, например, коллекции одежды, размеры платежей становятся внушительными.

Также неоднозначным представляется вопрос целесообразности предоставления правовой охраны модным дизайнерским изделиям в целом. Некоторые цивилисты склоняются к тому, что главной целью большинства творческих компаний является отнюдь не разработка и внедрение уникальных продуктов и творческих идей, а получение прибыли.

В целом право на дизайнерскую разработку является по своей природе правом ограниченным, его вряд ли можно отнести к исключительным правам. Монополизм патентообладателя является несколько ограниченным, ведь российский законодатель допускает случаи независимого творчества, в результате которых может быть создан аналогичный зарегистрированному продукт [6].

Тем не менее, несмотря на спорные аспекты нововведений, существуют и положительные моменты. Так, правообладатели могут самостоятельно определить наиболее удачный режим правовой охраны. В течение года с момента введения продукта в гражданский оборот, у них есть возможность понять, насколько выгодным будет решение о регистрации патента. Кроме того, в случае, если уже после регистрации патентных прав, промышленный образец потеряет свою ценность, патентообладатель может просто отказаться от продления охранного документа. Подводя итог всего вышесказанного, нужно отметить прорыв в сфере патентного права России за последние полтора года. Однако индустрия моды все еще нуждается в отдельном более обособленном правовом регулировании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. N 549-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314674/ (дата обращения: 29.01.2020)
2. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 марта 2016 г. № С01-265/2015 по делу NA76-12136/2014 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71275660/> (дата обращения: 29.01.2020).
3. Крюкова А.И., Сущенко М.С., Татарина Е.П. Патентование «модных» промышленных образцов как панацея от инновационных рисков // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева 2019. № 2, том 1. С. 115.
4. Богданова Т.Д. Объекты патентных прав и их правовой режим по российскому законодательству. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Волгоград. 2015. С. 119
5. Афанасьева Е.Г., Афанасьева Е.А. Проблемы защиты интеллектуальных прав в американской индустрии моды // Право интеллектуальной собственности: Сборник научных трудов / РАН. ИНИОН; под ред. Е.Г. Афанасьевой, Р.М. Янковского. – Москва, 2017. – С. 132–139.
6. Николаева М.С. Правовая охрана дизайна (модели) одежды: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Николаева М.С. Москва. 2016. С. 12.

INTELLECTUAL PROPERTY IN THE FASHION WORLD IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This paper deals with the problem of protecting the Institute of water law, including design products. Identified weaknesses in the field of patent law regarding the protection of design products.

Keywords: fashion law, design product, patent, industrial design, temporary protection.

Karpunina E.

Scientific adviser: Finkina A., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: katekattycat@gmail.com

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Картавенко Д.В.

*Научный руководитель: Карпенко Л.К., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Работа посвящена анализу проблемных аспектов отечественного законодательства в сфере противодействия торговле людьми. Выявлены факторы, влияющие на увеличение масштабов данного явления. Проанализированы отдельные элементы состава преступления и положения международно-правовых актов о предупреждении и противодействии торговле людьми. Аргументирована необходимость совершенствования действующего законодательства в части противодействия торговле людьми.

Ключевые слова: торговля людьми, защита жертв торговли людьми, противодействие торговле людьми.

Глобализационные процессы, происходящие в современном мире, весьма прогрессивно влияют на развитие международных отношений и даже отдельных стран и регионов. Однако развитие и совершенствование происходит не только в тех сферах, в которых заинтересованы государства. Одним из негативных факторов, сопровождающих современную мировую глобализацию, является активное развитие и совершенствование форм преступной деятельности. Вызовом XXI века стали международный терроризм, транснациональная организованная преступность и другие преступления, разрушительные последствия которых затрагивают целые регионы. За последнее время особые масштабы приобретает распространенность торговли людьми.

О феномене торговли людьми известно с древнейших времен. Еще в античный период Аристотель, изучая природу рабства, охарактеризовал его как естественный вид деятельности, констатируя неизбежность «что одни люди повсюду рабы, другие нигде таковыми не бывают» [1, с. 692]. Несмотря на то, что в ранние исторические периоды данное явление носило легальный характер, позволяя одной социальной группе подчинять своей воле другую, попытки борьбы с рассматриваемым феноменом все же предпринимались и не прекращаются по сегодняшний день.

Торговля людьми стала самой быстроразвивающейся и очень прибыльной деятельностью для транснациональной организованной преступности. Огромные доходы, получаемые от торговли людьми, не перестают вовлекать все большее количество людей в международные преступные сообщества. Об этом также свидетельствует тот факт, что отдельные транснациональные преступные группировки, отказавшись от торговли наркотиками, перешли к этой сфере. По оценкам международных экспертов, общий оборот рынка по торговле людьми на современном этапе развития приравнивается к 9,5 млрд. долларов. Согласно данным международной организации труда, ежегодно торговцы людьми отмывают порядка 150 млрд. долларов. В последнее время торговля людьми особо разрослась среди населения, живущего в условиях конфликта или бегущего от него [2]. Естественно, проводимые данные не отражают всего масштаба проблемы, что связано с высокой латентностью данного преступления, но и на их основании можно сделать вывод о необходимости кардинальных, и, прежде всего, уголовно-правовых мер борьбы с торговлей людьми.

Указанное выше обуславливает наличие проблемы, существующей не только на уровне определенного государства, но и на международном уровне, что и определяет актуальность данного научного исследования.

На основании этого целью настоящего исследования является изучение и анализ уголовно-правовой характеристики такого общественного опасного, противоправного деяния, посягающего на свободу человека, как торговля людьми.

В Конституции Донецкой Народной Республики (далее ДНР) устанавливается что, человек, его права и свободы представляют собой высшую ценность, их признание, соблюдение и защита являются обязанностью государства (ст. 3) [3]. Вместе с тем Основной Закон не содержит прямого запрета на торговлю людьми. Таким образом, в Конституцию ДНР не были включены положения ст. 4 Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод: «Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии» [4]. Отсутствие прямого конституционного запрета на торговлю людьми несколько «снижает планку» требовательности государства и общества в противодействии указанному явлению.

Из-за сложного состава данного преступления представляется целесообразным обратить пристальное внимание на устранение факторов, влияющих на увеличение масштабов торговли людьми, и на ликвидацию причин, побуждающих жертв указанного преступления оказаться в данной ситуации. Безусловно, в большинстве случаев торговля людьми происходит без согласия данных лиц. Однако, в отдельных случаях, указанные лица сами создают ситуации, в которых они становятся жертвами. Так, дискриминация и нищета в последующем становятся основанием для возникновения более ограниченных возможностей в жизни, что толкает определенных людей к принятию небезопасных и рискованных решений. В то время как при условии удовлетворения всех их основных нужд подобные поступки не имели бы место быть [5]. В большинстве случаев, если человек проявляет заинтересованность к миграции с целью трудоустройства в другой стране, он становится потенциальной жертвой торговцев людьми. Связано это, прежде всего, с ограниченностью легальных каналов трудоустройства, слабостью развития официальной инфраструктуры трудовой миграции (особенно, в государствах, имеющих низкий социально-экономический уровень развития).

Неизбежна также эрозия государственной власти. Вооруженные конфликты, стихийные бедствия, столкновения на политической или этнической почве могут приводить к появлению большого числа внутренне перемещенных лиц, которые в последующем в большей степени подвержены риску стать жертвой торговли людьми.

Ввиду перечисленных факторов, оказывающих влияние на рост уровня торговли людьми, и причин, побуждающих жертв указанного преступления оказаться в подобной ситуации, целесообразным для снижения уровня торговли людьми, также видится необходимость налаживания политических и вооруженных конфликтов, установления баланса в экономике, уменьшения безработицы, увеличения легальных каналов трудоустройства и создания для этого необходимых условий, а также уменьшения спроса на дешевую рабочую силу и высокодоходные услуги нелегального характера.

Следует понимать, что жертвы торговли людьми, как уязвимая категория, находятся в ситуации, когда у них нет иного выбора, кроме как подчиниться эксплуатации, вследствие этого их нельзя привлечь к ответственности за преступные деяния, которые могли быть совершены под принуждением или в результате того, что эти лица стали предметом торговли. Таким образом, с понятием уязвимости жертвы тесно связан принцип некриминализации. В соответствии с которым закон обязан освобождать таких лиц от уголовной ответственности за те деяния, которые были совершены ими в результате того, что они стали объектами торговли, включая незаконный въезд в страну, фальсификацию проездных документов или занятие проституцией, если таковые считаются в соответствующей стране уголовно наказуемыми преступлениями. Следовательно, с тем, чтобы указанная категория лиц не подвергалась преследованию в уголовном порядке за нарушения иммиграционных законов или за деятельность, к которой они были причастны в качестве прямого

следствия их положения как лиц, являющихся объектами торговли, необходимо закрепить соответствующую гарантию в нормах УК.

В соответствии с Конвенцией Совета Европы о противодействии торговле людьми 2005 года торговля людьми означает осуществление в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо [6].

Объективная сторона согласно теории уголовного права – это внешнее проявление преступления, то есть проявление преступления во вне, представляющее собой совокупность внешних, объективных признаков (обстоятельств) преступления, характеризующих посягательство на его объект и поддающихся восприятию, установлению и доказыванию [7, с. 188]. Определенную сложность, и, следовательно, научный интерес представляет ряд альтернативных действий, входящих в состав объективной стороны. Объективная сторона такого состава преступления, как торговля людьми, согласно ст. 129 Уголовного Кодекса (далее УК) ДНР включает в себя куплю-продажу человека, иные сделки в отношении человека, совершенные в целях его эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение [8].

Таким образом, в Конвенции Совета Европы указанное понятие закрепляется гораздо шире, нежели в УК ДНР. По нашему мнению подробная регламентация способов получения людей при их купле-продаже является важным элементом анализируемого преступления. Безусловно, международные договоры являются частью российской правовой системы, однако на практике риск неверной квалификации торговли людьми весьма высок. Все это связано не только с деятельностью правоохранительных органов, но и со сложным психологическим состоянием жертвы, которая не всегда способна оценивать собственное тяжелое положение.

Наиболее распространенной схемой действий при торговле людьми является следующая цепочка: вербовка и вывоз – перевозка – прием и эксплуатация. Следует также указать, что указанная схема действий, ее составные части будут иметь место в случае их реализации как на территории одного государства, так и на территории нескольких государств (потерпевший транспортируется в другое государство). Отличия между указанными случаями, главным образом, состоит в необходимости виновного лица заранее предусмотреть и в последующем реализовать пересечение потерпевшим границы того или иного государства (в подавляющем большинстве случаев такое пересечение будет являться незаконным).

Затрагивая стадии вербовки и перевозки потерпевших, следует указать, что они являются наиболее проблемными с точки зрения возможности выявить и в последующем препятствовать осуществлению противозаконных деяний, поскольку доказательственная база данной деятельности, как правило, отсутствует, даже если в поведении подозреваемых лиц и содержатся признаки указанного преступления. Можно также сказать, что потерпевшие не всегда способны осознавать значение происходящего, в результате чего в силу доверчивости и не предвидят той участи, которая их настигает в государстве назначения. Таким образом, виновные лица в реальной степени становятся уязвимыми для уголовного преследования лишь с момента непосредственной перевозки потерпевших.

Субъективная сторона преступления согласно теории уголовного права представляет собой психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением этим лицом преступления, и является внутренней сущностью любого преступления [9, с. 188]. Субъективная сторона в ст. 129 УК ДНР подразумевает наличие определенной цели. В данном случае речь идет об эксплуатации при совершении таких действий как вербовка, перевозка, передача укрывательство или

получение человека. Более подробно этот вопрос освещается далее в примечании 2 к ст. 129 УК ДНР, где указывается исчерпывающий перечень деяний, подразумевающих собой эксплуатацию человека, в частности, это рабский труд, подневольное состояние, использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации. Такое правовое определение эксплуатации, как цели торговли людьми, видится, по меньшей мере, спорным.

Следует отметить, что в некоторых случаях жертвы могут подвергаться не только рабскому труду и сексуальной эксплуатации, но и иные формы преступных посягательств на права и свободы человека могут иметь место. В частности, указанные действия могут предшествовать факту купли-продажи и быть совершенными, например, для принуждения человека к участию в медицинских опытах, эксплуатации женщины в качестве суррогатной матери, последующего приобретения ребенка с целью его воспитания, с целью использования ребенка в попрошайничестве и так далее.

Цель указанной эксплуатации, как правило, присутствует в действиях покупателя, и то не всегда (например, он может иметь намерение использовать купленных лиц в вооруженных конфликтах). С осознанием наличия ее у покупателя действует и вербовщик. Вместе с тем, возможно проявление безразличия, например, со стороны перевозчика, по отношению к дальнейшей судьбе используемых лиц, то есть в последующем продаваемых, что подразумевает незнание цели покупателя или продавца. Последующие действия (перевозка, передача, укрывательство и получение) также вполне могут совершаться без цели данной в законе дальнейшей эксплуатации человека, выступавшего предметом сделки, и даже без осознания того, что с такой целью действует приобретатель «живого товара». Подобные соображения вызывают у некоторых ученых критику в отношении включения цели эксплуатации в состав торговли людьми [10, с. 104].

Необходимо учитывать, что сам факт обращения с человеком как с вещью представляет собой достаточно высокий уровень опасности, и расширение перечня возможной эксплуатации человека гарантирует, что никакое деяние не выйдет из поля зрения уголовного закона. В связи с этим, полагаем необходимо изложить примечание 2 к ст. 129 УК ДНР в следующей редакции: «Под эксплуатацией человека в настоящей статье понимаются использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние и иные формы эксплуатации, в результате которых виновный может получить материальные или личные выгоды».

Примечание 1 ст. 129 УК ДНР предполагает возможность освобождения виновного лица от уголовной ответственности за указанное совершенное деяние, а именно, которое предусмотрено частью 1 или пунктом «а» частью 2 данной статьи (в отношении двух или более лиц) при наличии ряда условий. В данном случае предполагается, что виновное лицо должно добровольно освободить потерпевшее лицо, а также способствовать раскрытию указанного преступления. В то числе предполагается, что в деяниях виновного лица не содержатся признаки состава иного преступления. Следует обозначить, что добровольное освобождение предполагает предоставление жертве преступления свободы, в результате чего последняя приобретает возможность передвижения и выходит из под непосредственного контроля виновного лица. При этом виновное лицо должно осознавать возможность дальнейшего удержания потерпевшего.

Вместе с тем, установленное законодателем основание освобождения от уголовной ответственности сформулировано, по нашему мнению, некорректно и позволяет совершать противозаконные действия и достигать преступных целей, избегая ответственности. По смыслу закона представляется, что освобождению от уголовной ответственности на основании рассматриваемого примечания подлежит также лицо,

которое объективно не может освободить потерпевшего ввиду того, что не удерживает его (например, вербовщик, перевозчик по окончании перевозки и так далее). Видится важным отметить также следующий недостаток: отсутствие в определении основания для освобождения от уголовной ответственности ссылки на временной промежуток, в течение которого преступник может освободить потерпевшего.

В связи с принципиальной важности времени, в течение которого жертва будет освобождена и наступивших последствий, изложить примечание 1 к ст. 129 УК ДНР в следующей редакции: «Лицо, впервые совершившее деяния, предусмотренные частью первой или пунктом «а» части второй настоящей статьи добровольно освободившее потерпевшего в течение 24 часов и способствовавшее раскрытию совершенного преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления»;

Во избежание вышеуказанных недостатков при формулировании новых норм уголовного права автор предлагает в порядке «de lege ferenda» внести предложенные изменения в действующее законодательство.

В заключении следует указать, что эффективность противодействия такому транснациональному преступлению, как торговля людьми, может быть достигнута только при тесном взаимодействии государств в рамках сотрудничества с международными и неправительственными организациями, совместной разработке новых международно-правовых актов, соответствующих современным реалиям, имплементации в национальное законодательство положений международных правовых актов, а также принятии конкретных мер по реабилитации, социальной адаптации в общество жертв данного преступления и дополнительных усилий по пресечению и искоренению данной торговли как явления в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель, Политика. Метафизика. Аналитика // пер. с древнегреческого. – М.: Эксмо, 2008. – 960 с.
2. Абдрахманова М.А. Беспрецедентная миграция привела к росту торговли людьми [Электронный ресурс] // URL: <http://khabar.kz/archive/ru/v-mire/item/47725-bespretsedentnaya-migratsiya-privela-k-rostu-torgovlilyudmi> (дата обращения: 2.02.2020).
3. Конституция Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]: принята Верховным Советом Донецкой Народной Республики 14 мая 2014 года (С изменениями, внесенными Законами от 27.02.2015 года № 17-ІНС, от 29.06.2015 года № 63-ІНС, от 11.09.2015 года № 92-ІНС, от 29.12.2017 года № 205-ІНС, от 30.11.2018 года № 01-ІНС). URL: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (Дата обращения: 2.02.2020).
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]: принята в Риме 4 ноября 1950 года. Библиотека по правам человека // Университет Миннесоты. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rz17euroco.html> (Дата обращения: 2.02.2020).
5. Права человека и торговля людьми [Электронный ресурс]: Управление Верховного Комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека: [сайт]. [1996]. URL: <https://www.ohchr.org/RU/Issues/Trafficking/TiP/Pages/Index.aspx> (дата обращения: 2.02.2020).
6. Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми: Заключена в г. Варшаве 16.05.2005 / Официальный сайт Совета Европы [Электронный ресурс]. – URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168047cd74> (дата обращения: 2.02.2020).
7. Кобец П.Н. Общая характеристика объективной стороны преступления по действующему уголовному законодательству Российской Федерации // Международный научный журнал «Символ науки». – 2017. – №02-2. – С. 187-189.
8. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики (утвержден Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014., (С изменениями, внесенными Законами от 23.09.2014 № 35-1/1, от 01.02.2019 № 13-ІНС, от 02.08.2019 № 48-ІНС, от 04.09.2019 № 58-ІНС, от 13.09.2019 № 59-ІНС, от 27.09.2019 № 61-ІНС). – Ст. 431.
9. Ревин, В. П. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / В.П. Ревин. – М.: Юстицинформ, 2016. – 580 с.
10. Рахимов М.С. Субъективные признаки, характеризующие торговлю людьми по уголовному законодательству Республики Таджикистан // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – 2014. – С. 102-106.

COUNTERING HUMAN TRAFFICKING: PROBLEM ASPECTS OF THE CRIMINOLOGICAL AND CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS

Annotation. The work is devoted to the analysis of problematic aspects of domestic legislation in the field of combating human trafficking. The factors affecting the increase in the scale of this phenomenon are identified. The individual elements of the crime and the provisions of international legal acts on the prevention and combating of human trafficking are analyzed. The necessity of improving the current legislation with regard to combating trafficking in human beings is argued.

Keywords: human trafficking, protection of victims of human trafficking, combating human trafficking.

Kartavenko D.

Scientific adviser: Karpenko L., Candidate of Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: kartavenko.dsh@gmail.com

УДК 342.9

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОКУРОРА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Кондратенко Ю.А.

*Научный руководитель: Каблов Д.С., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Данная работа посвящена вопросу о правовом статусе прокурора в административном процессе. Выявлены основные пробелы в действующем законодательстве, а также представлены пути их решения для принятия собственного нормативно-правового акта в Донецкой Народной Республике.

Ключевые слова: прокурор, правовой статус прокурора, административный процесс, судопроизводство.

Актуальность проблемы правового статуса прокурора в административном судопроизводстве объясняется необходимостью проведения научно-теоретических исследований организационно-правового статуса прокурора, как участника административного процесса, так как в литературе данный вопрос является открытым и малоисследованным.

Вопросы участия прокурора в административном судопроизводстве неоднократно рассматривались такими учеными, как: А. А. Чиж, О. М. Соловьева, Т. А. Черноштан, К. В. Белая, И. И. Головки и др.

С учётом того, что на данном этапе в Донецкой Народной Республике продолжается процесс становления органов государственной власти, в том и числе и прокуратуры, меняется статус, основания участия прокурора в суде при представлении интересов государства и граждан.

На основании Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики № 9-1 от 02.06.2014 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» [1], на территории Донецкой Народной Республики действует законодательство Украины в части, не противоречащей законодательству Донецкой Народной Республики, соответственно и Кодекс административного судопроизводства Украины [2], в котором урегулированы полномочия прокурора при представительстве интересов государства и граждан при рассмотрении дел в суде в рамках административной юрисдикции.

Вопросы организационно-правового обеспечения представительских функций органов прокуратуры освещены в работах К. А. Гузе, В. С. Бабковой и др., однако вопрос о правовом статусе прокурора в целом этими учёными не рассматривался.

С учётом вышеизложенного, целью данной статьи является анализ работ учёных по вопросу правового статуса прокурора в административном процессе, а также формулировка конкретных предложений по устранению пробелов в законодательстве при осуществлении представительской функции прокурора.

По мнению В. В. Стрельникова вопрос об определении места прокуратуры в системе субъектов административного права является дискуссионным, но в то же время он относит органы прокуратуры к числу участников административных правоотношений [3]. Как вывод, можно сказать, что участие прокурора в суде значительно отличает его от других участников процесса, поскольку это объясняется его особым правовым статусом, который имеют органы прокуратуры в системе государственной власти.

Как известно, Прокуратура – это самостоятельный институт, который не отнесён ни к одной ветви государственной власти. Одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры, как правозащитного органа, является защита публичных и частных интересов. Представляя в суде интересы государства или гражданина, прокурор реализует конституционные положения, закреплённые в ст. 12-13 Конституции Донецкой Народной Республики [4], в соответствии с которыми государство должно обеспечивать защиту прав и свобод граждан.

Как отмечает А.П. Шергин, участие прокурора в административном судопроизводстве также следует признать особым видом участия прокурора в административно-юрисдикционных производствах [5].

Участие прокурора в административном процессе является необходимым средством для защиты прав и свобод граждан, интересов государства, соблюдения законности в обществе, нормального функционирования государственного механизма в условиях разделения властей на три ветви.

В то же время, вследствие несовершенства действующего законодательства существует ряд проблем, связанных с институтом представительства прокурора в административном процессе, поскольку от выполнения данной функции прокуратурой зависит становление и развитие Донецкой Народной Республики как правового государства, постулатом которой является законность и верховенство права.

Статья 10 Кодекса административного судопроизводства Украины [2] определяет равенство всех участников административного процесса перед законом и судом. Не может быть привилегий либо ограничений прав участников административного процесса по признакам расы, цвета кожи, политических, религиозных и иных убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного положения, места жительства, по языковому или иным признакам.

На основании ч. 3 ст. 56 Кодекса административного судопроизводства Украины [2] представительство может выражаться в двух формах – на основании закона (законное) и на основании договора (договорное). Данный нормативно-правовой акт определяет, что в качестве законных представителей действуют также органы и иные лица, которым законом предоставлено право защищать права, свободы и интересы других лиц, к числу которых как раз относится прокурор.

При этом следует заметить, что, хотя прокурор и может выступать в качестве представителя в административном процессе, правовой статус прокурора и представителя не следует отождествлять.

Представительство в административном процессе – это совокупность административно-процессуальных правоотношений, в которых одна сторона (представитель) обязана или имеет право совершать юридически значимые процессуальные действия от имени и в интересах другой стороны [6].

Представитель на основании полномочий, предоставленных ему договором или законом, совершает в судебном административном процессе процессуальные действия,

направленные на защиту прав и законных интересов другого лица, а также интересов в сфере публичных отношений.

Так, представитель по делу для выполнения своих обязанностей наделяется рядом соответственных полномочий, которые чётко указаны в доверенности, и не может выходить за их рамки, а также действует в интересах представляемого и никак иначе. Наряду с этим прокурор, с одной стороны, наделён более широкими полномочиями в ходе осуществления представительской деятельности, но с другой стороны в некоторых вопросах его полномочия ограничены по сравнению с полномочиями представителя в административном процессе.

Основной задачей прокурора при осуществлении представительских функций является соблюдение прав и законных интересов граждан, государства, а также принятие судом законных и обоснованных решений по делу.

В то же время, прокурор, обратившийся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов гражданина не может завершить дело примирением в соответствии со ст. 61 Кодекса административного судопроизводства [2], это право предоставляется лишь истцу по делу.

Таким образом, прокурор при любых обстоятельствах в случае выявления нарушений законодательства и обращения в интересах государства с соответствующим иском имеет право на поддержание заявленных исковых требований независимо от позиции истца в суде, однако лишен права на заключение мирового соглашения между истцом и ответчиком.

В то же время, в случае обращения прокурора в суд в качестве истца, прокурор имеет все те права, которыми наделён истец, в том числе правом на отказ от иска, изменение предмета и основания иска, заключения мирового соглашений и т.д.

Проанализировав институт представительства в суде, необходимо заметить, что все виды представительства предусматривают в обязательном порядке правовые отношения между представителем и лицом, которое он представляет. Прокурор же действует от имени государственного органа – прокуратуры.

Полномочия представителей, которые участвуют в суде на договорной основе, обязательно должны быть подтверждены соответствующими документами, например, доверенностью. Оригиналы доверенности либо копии, заверенные подписью судьи, прикладываются к делу.

Полномочия законных представителей подтверждаются документами, которые удостоверяют занимаемую ими должность или факт родственных связей, опекунских отношений и т.п. Доверенности от имени органа, предприятия, учреждения, организации выдаются с подписью руководителя или другого лица, уполномоченного на это законом, и удостоверяются печатью этого органа, предприятия, учреждения, организации (при наличии).

Доверенность физическому лицу на ведение дела в суде удостоверяется нотариусом или должностным лицом, которому по закону дано право удостоверить доверенности.

Полномочия представителя могут также удостоверяться ордером, поручением органа, уполномоченного законом на оказание бесплатной правовой помощи. К ордеру обязательно прикладывается извлечение из договора, в котором указаны полномочия адвоката как представителя или ограничения его прав на совершение отдельных процессуальных действий.

Доверенности или другие документы, подтверждающие полномочия представителя и удостоверенные в других государствах, должны быть легализованы в установленном законодательством порядке, если иное не установлено международными договорами (ст. 58 Кодекса административного судопроизводства Украины) [2].

В то же время, при осуществлении представительских функций прокурором, прокурору не нужно предоставлять какие-либо документы суду, поскольку он, как представитель государства, осуществляет эту деятельность на основании закона, а его полномочия подтверждаются служебным удостоверением.

Наряду с этим, участие прокурора в административном процессе при предъявлении служебного удостоверения, с одной стороны, упрощает процедуру оформления оснований для представительства прокурором, однако, с другой стороны, в случае увольнения лица с должности прокурора и не возврата служебного удостоверения в кадровый отдел, есть возможность недобросовестных процессуальных действий, которые могут в дальнейшем навредить интересам государства или гражданина при принятии судом окончательного решения по делу.

Также заслуживает внимания вопрос об основаниях участия прокурора при рассмотрении административного дела судом по своему собственному иску, т.е. когда прокурор по сути является истцом в деле.

Так, прокурор, который обратился в суд в интересах государства по административному делу в исковом заявлении самостоятельно определяет, в чём состоят нарушения и обосновывает необходимость защиты, таким образом прокурор приобретает статус истца в деле.

Следовательно, встаёт вопрос каким же документом необходимо подтверждать полномочия прокурора в данном случае, поскольку в случае выполнения прокурором представительских функций в суде это подтверждается служебным удостоверением, а в данном случае – прокурор сам приобретает статус стороны в деле. При таких обстоятельствах прокурор должен принимать участие в деле на основании соответствующего документа, подтверждающего его статус, например, доверенность. Однако данный вопрос в действующем законодательстве является неурегулированным, т.е. не установлена форма данного документа, лицо, которое его выдаёт и подписывает и т.д.

Таким образом, необходимо преодолеть данный пробел в законодательстве и урегулировать данный вопрос в будущем Кодексе административного судопроизводства Донецкой Народной Республики.

Наибольшее значение на формирование правового статуса прокурора оказывают принципы судопроизводства, такие как: состязательность сторон, диспозитивность и т.д. Поэтому, поддерживая в суде иски требования, прокурор является равноправной стороной процесса, однако он не перестаёт быть представителем государственного органа, который осуществляет надзор за соблюдением и применением положений Конституции и других нормативно-правовых актов, действующих на территории Донецкой Народной Республики.

Необходимо заметить, что прокурор осуществляет в суде представительство интересов граждан или государства в порядке, установленном в законодательстве, а также может осуществлять данные процессуальные действия на любой стадии административного процесса. Проанализировав действующее законодательство, которое регулирует правоотношения в данной сфере, следует указать, что законодатель чётко не указал правовой статус прокурора в административном процессе в случае вступления его в дело. Чётко не определено на чьей стороне прокурор имеет право выступать, в каких конкретных обстоятельствах. Соответственно считаю необходимо принятие собственного усовершенствованного Кодекса в Донецкой Народной Республике с учётом данных пробелов в законодательстве, который бы чётко обозначил правовой статус прокурора и основания для вступления прокурора в дело.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 9-1 от 02.06.2014 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период».

2. Кодекс административного судопроизводства Украины. – [Электронный ресурс] //Офіційний сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/2747-15>.
3. Стрельников В.В. Особенности административно правового статуса органов прокуратуры российской прокуратуры / В.В. Стрельников // Административное право и процесс. – 2011. – № 5. – С.36.
4. Донецкая Народная Республика. Законы. Конституция Донецкой Народной Республики (принята Верховным Советом Донецкой Народной Республики 14.05.2015, с изм., внесенными Законами ДНР от 27.02.2015 года № 17 – ІНС, от 29.06.2015 года № 63 – ІНС, 11.09.2015 года № 92-ІН).
5. Шергин А.П. Административно-юрисдикционный процесс как вид юридического процесса // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 8. – С. 143.
6. Головки И.И. Актуальные проблемы статуса и процессуального положения прокурора в гражданском, арбитражном процессе и административном судопроизводстве // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 4 (57). – С. 124-130.

LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR IN THE ADMINISTRATIVE PROCESS

Annotation. This work is devoted to the issue of the legal status of the prosecutor in the administrative process. The main gaps in the current legislation have been identified, and ways to address them for the adoption of their own legal act in the Donetsk People's Republic are presented.

Keywords: prosecutor, legal status of the prosecutor, administrative process, legal proceedings.

Kondratenko Y.

Scientific adviser: Kablov D., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: ulaceo@gmail.com

УДК 343.85

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ПОНЯТИЯ КОМИССИОННОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Кондрашов А.В.

*Научный руководитель: Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Статья посвящена анализу процессуального закрепления понятия комиссионной судебной экспертизы с использованием специальных познаний. Проанализированы точки зрения различных авторов в определении совокупности признаков, характеризующих экспертное исследование как комиссионное. В результате исследования указаны некоторые недостатки уголовно-процессуального закона в этой части, сформулированы предложения о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) для устранения этих недостатков.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, специальные познания, единоличная судебная экспертиза, комиссионная судебная экспертиза, экспертная деятельность.

Анализ юридической и судебно-экспертной литературы показывает, что весомым вкладом в процесс становления и дальнейшего развития теоретических основ комиссионной экспертизы послужило большое количество исследований и научных трудов. На сегодняшний день, представляя собой самостоятельный вид, комиссионная экспертиза играет определенную ключевую роль в системе судебных экспертиз интерес к которой растет неуклонно.

Законодателем установлен приоритет Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) перед иными законами относительно регулирования уголовно-процессуальных отношений. Такое установление облегчает работу правоприменителя, поскольку законодательство становится обозримым и тем самым существенно снижаются риски искажения аутентичной воли законодателя [1, с.46].

К сожалению законодатель нашего государства не учел этого обстоятельства, вследствие чего комиссия экспертная не нашла должного закрепления в нормах уголовно-процессуального права.

Правовое регулирование производства комиссионных судебных экспертиз на территории ДНР осуществляется лишь на основании ст. 28 Закона Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности» [2] (далее – Закон «О судебно-экспертной деятельности») и Инструкции о назначении и проведении судебных экспертиз и экспертных исследований [3].

Следует отметить, что законодатели некоторых стран ближнего зарубежья (например, Российской Федерации, Беларуси, Казахстана) поступили иначе, закрепив процессуальное положение комиссионной экспертизы в собственном уголовно-процессуальном законодательстве.

Части 1 и 5 ст. 27 Закона «О судебно-экспертной деятельности» декларируют возможность выполнения комиссионной экспертизы двумя экспертами одной или разных специальностей «в составе комиссии экспертов, которой поручено производство судебной экспертизы, каждый эксперт независимо и самостоятельно проводит исследования, оценивает результаты, полученные им лично и другими экспертами, и формулирует выводы по поставленным вопросам в пределах своих специальных знаний». Вышеизложенная действующая норма, устанавливающая юридический статус комиссионной судебной экспертизы, будет являться причиной нечеткого толкования рассматриваемых понятий как у судебных экспертов, так и у лиц, назначающих эти исследования. На наш взгляд, категорически недопустимо признавать экспертизу комиссионной в случае ее проведения экспертами разных специальностей.

Следует согласиться с позицией Ю.К. Орлова, который указывает, что комиссия экспертная – это экспертиза, проводимая несколькими экспертами одной специальности (или узкой специализации). Обычно производство экспертизы поручается нескольким экспертам в случае ее особой сложности или значимости по делу [4, с. 33]. Согласно ведомственному нормативному акту Министерства здравоохранения Донецкой Народной Республики (а именно – Порядку определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [5]) комиссионно проводят все судебно-психиатрические экспертизы, а также некоторые виды судебно-медицинских экспертиз. Автор считает, что в остальных случаях, когда этот вопрос не регулируется какими-либо нормативными актами, вопрос о комиссионном характере экспертизы может быть решен как лицом или органом, ее назначившим, так и руководителем экспертного учреждения.

Аналогичного мнения придерживается Е. Р. Россинская, полагающая, что единоличную экспертизу проводит один эксперт, комиссионную – комиссия, состоящая из двух или более экспертов, специализирующихся в одном или различных родах или видах экспертизы. Вопрос комиссии решается органом или лицом, ее назначившим, либо руководителем судебно-экспертного учреждения в зависимости от содержания и сложности экспертного задания, а также степени разработанности экспертной методики [6, с. 145]. Следует отметить, что изложенная позиция все еще является актуальной, поскольку на настоящий момент существует необходимость в привлечении экспертов узкой специализации, обладающих специальными знаниями в одной области деятельности человека. В условиях этих познаний интеграционное исследование позволяет разрешать возникающие сложные вопросы разного характера (юридического, технического, экономического) при расследовании различных категорий преступлений (в сфере экономики, против безопасности движения и эксплуатации транспорта, против мира и безопасности человечества и т.д.).

Как в 70-х гг. XX в. указывал В.И. Шиканов, «коэффициент полезного действия» специалистов, привлеченных для производства той или иной комиссионной

экспертизы, превышает простую арифметическую сумму возможностей, которыми располагает каждый из них в отдельности [7].

Одним из наиболее действенных инструментов решения прикладных задач при расследовании уголовных дел категории дорожно-транспортных происшествий является назначение комиссионных экспертиз, которые открывают перед органами предварительного следствия и судом новые, более широкие возможности получения судебных доказательств. При производстве комиссионной судебной экспертизы группой экспертов (не менее чем двумя), специализирующихся в одном виде судебных экспертиз, например, в судебно-автотехнической, судебной транспортно-трасологической, судебно-металловедческой, каждый из которых проводит исследования в полном объеме, совместно анализируют полученные результаты, формулируют выводы по поставленным вопросам. После чего, придя к совместному мнению, комиссия экспертов составляет заключение или сообщение о невозможности дать заключение и подписывает их. В случае возникновения разногласий между судебными экспертами каждый из них или эксперт, который не согласен с другими, дает отдельное заключение.

Е. Р. Россинская указывает, что комиссионные экспертизы назначаются при решении особо сложных вопросов, а также при производстве экспертиз как повторных. Некоторые исследования проводятся не иначе, как только комиссионные (судебно-психиатрические и некоторые виды судебно-медицинских экспертиз). Однако далеко не всегда назначение экспертиз как комиссионных обоснованно. Абсолютно соглашаемся с изложенным мнением ученого. В некоторых случаях комиссии экспертов направляются объекты, и каждый из экспертов исследует их ровно в той мере, чтобы сформулировать выводы по вопросам, которые входят в его компетенцию. При этом, исследования экспертов, включенных в комиссию, между собой никак не пересечены.

Проиллюстрируем это на примере.

На экспертизу предоставлены объекты исследования (детали и узлы органов управления транспортного средства) и на разрешение судебной экспертизы был поставлен вопрос: имеют ли повреждения предоставленные на исследование детали и узлы органов управления автомобиля, если имеют, то, когда они возникли – до происшествия, в момент, либо после рассматриваемого дорожно-транспортного происшествия? Судебная экспертиза была поручена трем экспертам, а именно – автотехнику, транспортному трасологу и металлуведу, которые произвели каждый свое исследование в пределах своей компетенции, а также составили общее заключение. В выводах последовательно описаны выявленные повреждения, установлен механизм и причина их появления, определено время их образования относительно момента расследуемого дорожно-транспортного происшествия. Поскольку отсутствует коллегиальность в исследовании вопросов, указанная экспертиза, будучи исполнена как комиссионная, по своей сути не является таковой. В данном случае необходимо было назначить три единоличных экспертизы вместо одной комиссионной.

К слову сказать, в нашем регионе квалифицированных экспертов не так много, чтобы обеспечить комиссионное исследование по делам, касающимся преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Судебно-экспертная практика показывает, что зачастую экспертизу делает один эксперт, а другой только подписывает заключение, чтобы все выглядело как комиссия.

Среди ученых и юристов, которые по-разному раскрывают содержание понятия комиссионной экспертизы, нет единообразия в определении совокупности признаков, характеризующих экспертное исследование как комиссионное. Так, В. Я. Карлов указывает, что основанием принятия решения и создания комиссии экспертов является сложный и ответственный характер вопросов, поставленных перед экспертами, и большой объем экспертного задания [8, с. 26].

А. И. Таркинский указывал, что производство комиссионной экспертизы организуется «в целях объективного решения поставленных вопросов, когда знания одного сотрудника недостаточны для принятия решения» [9, с. 21]. Поскольку в комиссию необходимо включать высококвалифицированных экспертов одной специализации, вышеуказанное мнение автора, на наш взгляд, остается совершенно неприемлемым.

По нашему мнению, достаточно емкие и полные законодательные основания назначения комиссионной экспертизы предложил заслуженный юрист Российской Федерации А. С. Червинский, который указывает, что: «Комиссионная судебная экспертиза назначается в случаях необходимости производства сложных экспертных исследований или повторных экспертиз и производится не менее чем двумя высококвалифицированными экспертами одной специальности» [10].

Резюмируя вышеизложенное следует отметить, что на настоящем этапе развития государства и общества в процессе глубоких изменений в правовой системе ДНР неизбежно произойдет становление комиссионных экспертиз, и в связи с этим статус комиссионной экспертизы должен найти законодательное закрепление в нормах уголовно-процессуального законодательства. Для достижения этой цели предлагаем внести изменения в УПК ДНР, касающиеся закрепления статуса комиссионной экспертизы как отдельного процессуального вида экспертного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондрат И.Н. Рассмотрение жалоб прокурором и руководителем следственного органа в порядке статьи 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики досудебного производства по уголовным делам // Вестник Российской правовой академии. – 2012. – №4. – С. 45-51.
2. Закон «О судебно-экспертной деятельности», принят Народным Советом Донецкой Народной Республики 20.02.2015г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovnet.su/zakon-dnr-o-sudebnoj-deyatelnosti/> (дата обращения: 04.09.2019. – Загл. с экрана).
3. Инструкция о назначении и проведении судебных экспертиз и экспертных исследований. Утверждена Приказом Министерства юстиции Донецкой Народной Республики от 10.02.2016 № 99 / Официальный сайт законодательства Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2016/05/PrikazMinust_N99_10022016.pdf. (дата обращения: 04.09.2019. – Загл. с экрана).
4. Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам): учебное пособие. – М., 1995. – 64 с.
5. Порядок определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека. Утвержден Приказом Министерства здравоохранения Донецкой Народной Республики от 23 августа 2018 года № 1480 / Официальный сайт законодательства Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpra-dnr.ru/npra/0014-1480-20180823/>. (дата обращения: 04.09.2019. – Загл. с экрана).
6. Россинская. Е.Р. Криминалистика: Учебник. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. – 464 с. : ил.
7. Шиканов В.И. Комплексная экспертиза – методологический и процессуальный аспекты // Теоретические, процессуальные и организационные проблемы судебной экспертизы: материалы Всесоюзной науч. конф. «Современные тенденции развития судебной экспертизы вещественных доказательств и пути внедрения новых физических, химических и биологических методов исследования в экспертную практику». Ч. 1. М.: ВНИИСЭ, 1972, С. 67-72.
8. Карлов В.Я. Судебная экспертиза в уголовном процессе Российской Федерации: Учебное пособие. – М.: Издательство «Экзамен», 2008. – 286 с.
9. Таркинский А.И. Назначение и производство криминалистических экспертиз: Учебное пособие / Под ред. Т.Б. Рамазанова. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2017. – 102 с.
10. Червинский А. С. Уголовно-процессуальный статус руководителя судебно-экспертного учреждения: и автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.09 / А. С. Червинский. – Нижний Новгород, 2011 – 199 с.

TO THE QUESTION OF THE PROCEDURAL ATTACHMENT OF THE CONCEPT OF THE COMMISSION FOR JUDICIAL EXPERTISE

Annotation. The article is devoted to the analysis of the procedural consolidation of the concept of commission forensic examination using special knowledge. The points of view of various authors in determining the totality

of features characterizing an expert study as a commission are analyzed. As a result of the study, some shortcomings of the criminal procedure law in this part are indicated, proposals are formulated to amend the criminal procedure legislation of the Donetsk People's Republic to eliminate these shortcomings

Keywords: criminal procedure legislation, special knowledge, sole judicial examination, commission forensic examination, expert activity

Kondrashov A.

Scientific adviser: Timoshenko N., Candidate of Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: 6182223@mail.ru

УДК 343.85

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА В ПРАВОВОМ ПОЛЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИМ НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ОРГАНАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Кондрашова Э.В.

*Научный руководитель: Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. Статья посвящена анализу полномочий прокурора при осуществлении надзора за оперативно-разыскной деятельностью, их правовом регулировании в процессуальном законодательстве Донецкой Народной Республики (далее – ДНР). В результате анализа отмечены некоторые пробелы уголовно-процессуального законодательства ДНР в данной сфере, внесены предложения о его изменениях для устранения выявленных недостатков. На основании анализа нормативно-правовых актов предложено усовершенствовать законодательство, в частности, согласовать между собой нормы Уголовно-процессуального кодекса ДНР и Законов ДНР «О прокуратуре» и «Об оперативно-разыскной деятельности». Сделан вывод о том, что полномочия прокурора должны быть отражены в законодательстве чётко и недвусмысленно.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, прокурор, компетенция, полномочия, прокурорский надзор, органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность.

Для осуществления своих функций в уголовном процессе Донецкой Народной Республики прокурор наделяется соответствующей компетенцией, т.е. объемом полномочий, предоставляющих определённые права, которые одновременно являются и обязанностями. Указанные полномочия предоставляются прокурору законодателем прежде всего для надзора за соблюдением законности в деятельности различных субъектов уголовного судопроизводства.

Так как уголовный процесс имеет в своем содержании различные направления, имеющие каждое свою специфику деятельности, то и полномочия прокурора имеют свои объём и особенности относительно каждого из специфических направлений деятельности субъектов, за исполнением законов которыми осуществляется прокурорский надзор.

На современном этапе развития общества борьба с преступностью исключительно методами уголовно-процессуального закона является недостаточно эффективной. Оснащенная самыми передовыми технологиями и методами преступность представляет уже глобальную угрозу и такие её виды как экстремизм, терроризм, наркоторговля, торговля людьми, коррупция, кибер-преступность и др. требуют в борьбе с ними задействования таких методов, которые были бы способны предоставить возможность действовать быстро, чётко, слаженно и, зачастую, на опережение.

Оперативно-разыскная деятельность является одним из направлений, позволяющих вести эффективную борьбу с преступностью, осуществлять раскрытие и предупреждение преступлений. В ходе её реализации создаются предпосылки и условия для возможного последующего уголовного преследования, и, таким образом, поэтапно решаются задачи обнаружения и раскрытия преступления, выявления преступников, обоснования их вины. И методы и средства, используемые для этого, должны находиться в строгом соответствии нормам закона. Органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, являются одними из субъектов уголовного процесса, и соблюдение ими, при выполнении поставленных перед ними задач, прав и свобод человека и гражданина является одной из важнейших задач прокурорского надзора, который в данной сфере отличается определенной спецификой, продиктованной задачами и особенностями оперативно-разыскной работы. Эффективный прокурорский надзор способен являться гарантией законности ведения оперативно-разыскной деятельности, если он обеспечен нормами, устанавливающими полномочия прокуратуры на санкционирование оперативно-разыскных мер, ограничивающих права человека, или же нормами, которые устанавливают порядок прокурорского реагирования на жалобы и заявления граждан о нарушении их прав при проведении оперативно-разыскной деятельности.

Особенностями и проблемами данной сферы прокурорского надзора занимались такие процессуалисты как И. И. Басецкий [1], А. Ю. Винокуров [2, 3], О. В. Воронин [4], Н.С. Железняк [5], А. А. Зуев [6], К. В. Камчатов [7], А. Ф. Козлов [8], А. Ф. Козусев [9], Е. Л. Никитин [10], В. С. Шадрин [11].

В этой сфере в ДНР полномочия прокурора устанавливаются Уголовно-процессуальным кодексом Донецкой Народной Республики от 24.08.2018 (далее – УПК ДНР), Законом Донецкой Народной Республики от 31.08.2018 № 243-ІНС «О прокуратуре» (далее – Закон «О прокуратуре»), а также Законом Донецкой Народной Республики от 24.08.2018 № 239-ІНС «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – Закон «Об оперативно-разыскной деятельности»). Однако, на настоящий момент, в законодательстве имеется коллизия норм права, проявляющаяся в расхождении норм, что, естественно, вносит в процесс правоприменения определенные трудности и противоречия.

Так, главой 3 Закона «О прокуратуре» регламентирован прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; ст. 30 предметом надзора определено «соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-разыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, дознание и предварительное следствие».

В части 1 статьи 31 Закона «О прокуратуре» указано, что «полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством».

Статьями 5, 10 и 22 Закона «Об оперативно-разыскной деятельности» регламентирован прокурорский надзор за оперативно-разыскной деятельностью в целях соблюдения прав и свобод человека и гражданина в ходе её осуществления.

Однако ст. 243 УПК ДНР полномочия прокурора ограничены осуществлением надзора за исполнением законов только органами дознания и предварительного следствия. Данной статьей надзор за органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, в перечень его полномочий не включен.

Налицо прослеживается аналогия со ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно нормам которой в Российской Федерации прокурор также наделен полномочиями осуществлять надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, а осуществление надзора за органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, в перечень его полномочий не входит.

Следует отметить, что согласно нормам ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Украины, действовавшим на территории ДНР до введения в действие УПК ДНР, прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве охватывал надзор за соблюдением законов органами, ведущими оперативно-разыскную деятельность. В условиях законодательства переходного периода нашего государства это, естественно, оказало свое воздействие на формирование норм отраслевых законов, регламентирующих деятельность прокуратуры и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. Но с введением в действие УПК ДНР данные нормы вошли в противоречие и создали коллизию норм права.

Неурегулированность властно-распорядительных полномочий в сфере надзора за органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, ставит прокурора в двусмысленное положение. С учетом изложенного нельзя не согласиться, что указанная ситуация вносит определенную неоднозначность в сферу правоприменения. Противоречивость норм приводит к разбалансированности системы права, нарушает последовательность и взаимосвязанность правовой конструкции. Правоприменительный процесс при такой несогласованности правовых норм усложняется, юридический эффект снижается, что в итоге способно вообще привести к произволу.

Разрешение выявленной правовой коллизии относительно полномочий прокурора в сфере надзора за органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, является вопросом дискуссионным и относится сугубо к компетенции законодателя. Только субъекты законодательной инициативы вправе решить – наделять или не наделять прокурора указанными полномочиями. И от этого решения зависит: требуют ли изменений нормы УПК ДНР, либо изменениям должны подвергнуться Закон «О прокуратуре» и Закон «Об оперативно-разыскной деятельности». В любом случае, преодоление сложившейся ситуации лежит в поле процесса правотворчества, и может разрешиться исключительно путем приведения правовых норм к единству и согласованности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басецкий И. И., Родевич Л. И. Субъекты и участники оперативно-розыскного и уголовного процессов // Проблемы правоохранительной деятельности. 2007. № 1. С. 22–26.
2. Винокуров А. Ю. Точность использования понятийного аппарата как элемент компетенции прокурорского работника // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 2. С. 28–33.
3. Винокуров А. Ю. К вопросу о классификации надзорных полномочий прокурора // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 274–281.
4. Воронин О.В. Теоретические основы современной прокурорской деятельности. Томск: Изд-во НТЛ, 2013. 192 с.
5. Железняк Н. С. Правовая основа, предмет и организация прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 2. С. 6–17.
6. Зуев А. А. Прокурорский надзор за ОРД: проблемные аспекты пределов полномочий правового регулирования // Политика и право. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2014. С. 156–162.
7. Камчатов К. В., Янчуркин О. В., Журавлева А. С. Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия по уголовным делам в сфере торговли людьми // Юридический мир. 2013. № 11. С. 62–67.
8. Козлов А. Ф. Компетенция прокуратуры и организации ее работы. Свердловск: СЮИ, 1983. 84 с.

9. Козусев А. Ф. Надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности – отрасль прокурорского надзора // Проблемы теории и практики прокурорского надзора в современных условиях: тезисы науч.-практ. конф. М., 2005. Ч. 1. С. 75.
10. Никитин Е. Л. Концептуальный подход к определению функций и системы полномочий прокуратуры в России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 6. С. 58–64.
11. Шадрин В. С., Андросов С. В. О соотношении прокурорского надзора и судебного контроля за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования // Криминалист. 2016. № 2. С. 66–69.

TO THE QUESTION OF THE PROCEDURAL ATTACHMENT OF THE CONCEPT OF THE COMMISSION FOR JUDICIAL EXPERTISE

Annotation. The article is devoted to the analysis of the powers of the prosecutor in the supervision of investigative activities, their legal regulation in the procedural legislation of the Donetsk People's Republic. The subject of analysis is the norms of the Code of Criminal Procedure of the Donetsk People's Republic, the Laws of the Donetsk People's Republic «On the Prosecutor's Office» and «On the Investigation Activities». Based on the analysis of regulatory legal acts, it was proposed to improve the legislation, in particular, to harmonize the norms of the Code of Criminal Procedure of the DPR and the Laws of the DPR «On the Prosecutor's Office» and «On the operational-search activity». It is concluded that the powers of the prosecutor should be reflected in the law.

Keywords: criminal procedure legislation, public prosecutor, competence, plenary powers, directorate of public prosecutions, organs carrying out operatively-search activity

Kondrashova E.

Scientific adviser: Timoshenko N., Candidate of Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: 1522112@mail.ru

УДК 658.562.6

ИНФОРМАЦИЯ О КАЧЕСТВЕ И БЕЗОПАСНОСТИ БИОИНЖЕНЕРНЫХ ПРОДУКТОВ

Конпелько Т.С.

*Научный руководитель: Пашков С.Н., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматриваются действующие в Донецкой Народной Республике требования к информации о качестве и безопасности биоинженерных продуктов. Представлены предложения по усовершенствованию требований к информации о качестве и безопасности биоинженерных продуктов.

Ключевые слова: качество, безопасность, биоинженерные продукты, генетически модифицированные организмы (ГМО), генная инженерия.

Спорным является момент относительно безопасности и влияния на человеческое здоровье биоинженерных пищевых продуктов, созданных с использованием генетически модифицированных организмов (ГМО). Не вдаваясь в дискуссию относительно последствий для здоровья употребления таких продуктов, важным является вопрос информирования о качестве и безопасности биоинженерных продуктов.

Цель научной статьи – разработать предложения по усовершенствованию требований к информации о качестве и безопасности биоинженерных продуктов.

Генетически модифицированные продукты способны решить многие проблемы голода и недоедания в мире, а также помочь защитить и сохранить окружающую среду за счет повышения урожайности и снижения зависимости от синтетических пестицидов

и гербицидов. Генная инженерия – неизбежная волна будущего, мы не можем позволить себе игнорировать технологию, которая обладает такими огромными потенциальными преимуществами. Однако необходимо решать проблемы во многих областях, а именно, тестирование уровня безопасности, регулирование, маркировка и этикетирование пищевых продуктов [1, с. 5].

Как отмечает О.В. Попова, камнем преткновения ведущихся дискуссий о ГМО стали этические проблемы, связанные со статусом измененного искусственным путем (путем вмешательства человека, не имеющего аналогов в природе) генетического материала. Противники распространения генетически модифицированных организмов, как правило, используют аргумент «от естественного», следуя которому подчеркивают, что изменения генома, характерные для генетически модифицированных организмов, невозможны в естественной среде обитания и искажают природную норму, в связи с чем делается вывод, что использование ГМО должно находиться под запретом [2]. Мы не поддерживаем запрет применения генетически модифицированных организмов при производстве пищевых продуктов, поскольку данные продукты могут решить проблемы голода и выращивания продуктов в географически непригодных условиях, но решение об употреблении таких биоинженерных продуктов человек должен принимать самостоятельно, для этого ему необходимо предоставить информацию о качестве и безопасности пищевых продуктов.

Качество пищевых продуктов часто зависит от их географического происхождения, традиционных рецептов, используемых для их производства, и методов, используемых в производстве и переработке, в частности использования генетически модифицированных организмов. Цели системы качества пищевых продуктов заключаются в предоставлении потребителям четкой информации, позволяющей им сделать более осознанный выбор при покупке того или иного продукта.

Закон ДНР «Об информации и информационных технологиях» определяет, что информация представляет собой сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления (п. 1 ч. 1 ст. 1). Право на информацию не раскрывается, однако дается определение понятия «доступ к информации»: возможность получения информации и ее использования (п. 6 ч. 1 ст. 1 Закона ДНР «Об информации и информационных технологиях») [3].

Исследователь Т.В. Пашнина дает авторское определение права на информацию и понимает под ним «основное, неотъемлемое право личности (гражданина, иностранного гражданина, лица без гражданства), состоящее из совокупности информационных правомочий (создание, поиск, получение, передача, распространение информации), а также обеспечения защиты информации и информационной безопасности личности и общества (защиты от информации), выступающее в качестве гарантии полноценной реализации всей системы прав и свобод человека и гражданина» [4, с. 105].

Часть первая статьи 5 Закона ДНР «О безопасности и качестве пищевых продуктов» относительно информации о качестве и безопасности пищевых продуктов. Так, субъекты хозяйствования, осуществляющие деятельность по изготовлению и обороту пищевых продуктов, материалов и изделий, оказанию услуг в сфере розничной торговли пищевыми продуктами обязаны предоставлять покупателям, потребителям, а также органам государственного надзора и контроля полную и достоверную информацию о качестве и безопасности пищевых продуктов, о соблюдении требований нормативных документов при изготовлении и обороте пищевых продуктов [5].

Действующее в Донецкой Народной Республике законодательство устанавливает требования относительно информирования покупателей, потребителей в форме этикетирования пищевых продуктов, которые содержат генетически модифицированные организмы объемом более 0,9 процента или произведенных из сельскохозяйственной

продукции, содержание генетически модифицированных организмов в которой составляет более 0,9 процента, что должно проводиться их производителем (поставщиком) с указанием соответствующей информации. В перечне составляющих пищевого продукта после наименования каждого из тех, что содержат генетически модифицированные организмы или произведенные с их использованием, в скобках выполняется надпись «(генетически модифицированный)», «(содержит генетически модифицированный организм)» или «(произведенный из генетически модифицированного организма)» с указанием наименования организма или к каждой такой части делается соответствующая сноска. Надпись выполняется тем же самым шрифтом, что и перечень составляющих. Для пищевых продуктов, содержащих одну составляющую, надпись «(генетически модифицированный)», «(содержит генетически модифицированный организм)» или «(произведенный из генетически модифицированного организма)» с указанием наименования организма выполняется на этикетке шрифтом размера не менее 2 миллиметра. Этикетирование пищевых продуктов, которые не содержат генетически модифицированные организмы или содержание которых составляет менее 0,1 процента, может быть осуществлено добровольно с выполнением надписи «Без ГМО» [6].

Следовательно, информация об использовании при производстве пищевых продуктов указывается на этикетках только в том случае, если в продукте присутствует генетически модифицированные организмы, однако биоинженерные продукты могут быть очищены от ГМО и конечный продукт, поступающий на прилавок не должен содержать обязательной информации об использовании ГМО при производстве пищевых продуктов.

Вполне предсказуемо, учитывая противоречия, связанные с биоинженерией, много споров сосредоточилось вокруг того, как определить, что является (или не является) генетически модифицированной пищей.

Например, в США применяется законодательное определение «биоинженерного продовольствия», закрепленное в измененном законе о сельскохозяйственном маркетинге 1946 года. Биоинженерные пищевые продукты представляют собой продукты, содержащие генетический материал, который был модифицирован с помощью методов рекомбинантной ДНК *in vitro*, и для которых модификация не могла быть получена естественным путем или с помощью обычной селекции. Следует отметить, что пищевые продукты, для которых наличие модифицированного генетического материала обусловлено побочными добавками, не считаются таковыми.

Даже в рамках относительно технического определения, принятого в окончательном правиле, остаются существенные спорные моменты. Например, существуют две противоположные точки зрения относительно того, следует ли освобождать высокоочищенные пищевые продукты и ингредиенты от требований о раскрытии информации. Одна точка зрения, которой придерживаются многие в пищевой промышленности, гласит, что продукты высокой степени очистки следует исключить, поскольку определение прямо требует наличия «генетического материала», а генетический материал удаляется из высокоочищенных пищевых продуктов в ходе процесса очистки. Другая точка зрения заключается в том, что определение «биоинженерных продуктов» должно включать высокоочищенные продукты, поскольку высокоочищенные продукты, полученные из генетически модифицированных пищевых продуктов, содержат модифицированный генетический материал до обработки и могут все еще содержать модифицированный генетический материал (хотя и на неопределенных уровнях) после обработки.

После тщательного обсуждения (проекты документов правила включали значительное письменное обсуждение этой темы) в США было решено принять первое мнение [7]. Применяемый в США по инициативе Службы сельскохозяйственного маркетинга (AMS) окончательный национальный стандарт раскрытия информации о биоинженерных продуктах питания (Final Rule) требует, чтобы производители пищевых

продуктов, импортеры и розничные торговцы, которые упаковывают и маркируют продукты для розничной продажи или продают оптовые продукты питания, раскрывали наличие биоинженерных ингредиентов в своей продукции. К импортерам и отечественным предприятиям предъявляются одинаковые требования по раскрытию информации и соблюдению требований. Последнее правило было встречено неоднозначными отзывами. По большому счету, адвокаты отреагировали на это благосклонно. Институт Маркетинга пищевых продуктов, например, высоко оценил последнее правило как последовательный и прозрачный способ предоставления потребителям важной информации о продуктах, содержащих генетически модифицированные ингредиенты.

Хотя мы признаем обе позиции, считаем, что объективной является вторая. В то же время, с практической точки зрения было бы чрезвычайно сложно определить, является ли продукт, не содержащий обнаруживаемого генетического материала, производным от модифицированного генетического материала, здесь скорее идет речь о добросовестности производителя и поставщика, а также о надлежащем контроле со стороны государственных органов. В любом случае продукты питания, которые не содержат обнаруживаемых количеств модифицированного генетического материала, освобождаются от требований о раскрытии информации.

Вывод. Предложено расширить требования относительно информации о качестве и безопасности биоинженерных продуктов. Производителю и поставщику требуется раскрывать информацию об использовании при производстве пищевых продуктов генетически модифицированных организмов и технологий по очистке данных биоинженерных продуктов от ГМО в целях раскрытия информации и информирования покупателей, потребителей, государственных органов.

Для реализации данного предложения необходимо предусмотреть порядок этикетирования биоинженерных продуктов:

«Для пищевых продуктов, созданных с использованием высокой степени очистки от генетически модифицированных организмов продуктов и ингредиентов, не содержащих генетически модифицированных продуктов или содержание которых составляет менее 0,1 процента, должно быть произведено этикетирование таких пищевых продуктов с указанием надписи «(высокая очистка от ГМО)» с указанием наименования организма выполняется на этикетке шрифтом размера не менее 2 миллиметра».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баишева А.С. Определение ГМО в Пищевых продуктах растительного и животного происхождения на основе ДНК-диагностики // Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки: Материалы XVIII международной научно-практической конференции. – North Charleston, Lulu Press, Inc., 2019. – С. 5-8.
2. Попова О.В. Этические подходы к нормативному регулированию использования генетически модифицированных организмов: европейский опыт // Международное право. – 2019. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29199 (дата обращения: 16.01.2019). – Загл. с экрана.
3. Об информации и информационных технологиях: Закон Донецкой Народной Республики от 07 августа 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-informatsii-i-informatsionnyh-tehnologiyah/> (дата обращения: 16.01.2020).
4. Пашнина Т.В. Дискуссионные аспекты определения термина «Право на информацию» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2017. – №2. – С. 98-105.
5. О безопасности и качестве пищевых продуктов: Закон Донецкой Народной Республики от 08 апреля 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-bezopasnosti-i-kachestve-pishhevyh-produktov/> (дата обращения: 16.01.2020). – Загл. с экрана.
6. Об утверждении Порядка этикетирования пищевых продуктов, содержащих генетически модифицированные организмы или произведенные с их использованием и вводимые в обращение: Постановление Кабинета Министров Украины от 13 мая 2009 года № 468 // Официальный вестник Украины. – 2009. – № 37. – Ст. 1240.

7. To BE or Not To BE. USDA releases final National Bioengineered Food Disclosure Rule [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.foodqualityandsafety.com/wp-content/uploads/2019/02/FQU0119_FlipThrough.pdf (дата обращения: 16.01.2019). – Загл. с экрана.

INFORMATION ABOUT THE QUALITY AND SAFETY OF BIOENGINEERED PRODUCTS

Annotation. This paper examines the requirements for information on the quality and safety of bioengineered products in the Donetsk people's Republic. Suggestions for improving the requirements for information about the quality and safety of bioengineered products are presented.

Keywords: quality, safety, bioengineered products, genetically modified organisms, genetic engineering.

Konopelko T.

Scientific adviser: Pashkov S., Ph. D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: tanukha.konopelko@gmail.com

УДК 343.3

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИОБРЕТЕНИЯ ИЛИ СБЫТА ИМУЩЕСТВА ЗАВЕДОМО ДОБЫТОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Константинова К.А.

*Научный руководитель: Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматривается вопрос о приобретении или сбыте имущества заведомо добытого преступным путём. Выявлены некоторые проблемные вопросы, а также представлены варианты их решения, путём внесения изменения в законодательство.

Ключевые слова: приобретение имущества заведомо добытого преступным путём, сбыт имущества заведомо добытого преступным путём, предмет имущества заведомо добытого преступным путём, наследование имущества заведомо добытого преступным путём.

В соответствии со статьей 192 Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) предметом данного преступления, является имущество, заведомо добытое преступным путем. В связи с этим можно выделить ряд значимых признаков у предмета посягательства.

Во-первых, предметом посягательства является имущество. В качестве предмета преступления по данному составу не могут выступать вещи, не являющиеся чьей-либо собственностью – бесхозяйные вещи, а равно вещи, брошенные собственником. В таких случаях лицо будет считаться добросовестным приобретателем.

Одной из проблем при точном определении предмета статьи 192 УК ДНР является возможность или невозможность отнесения предметов, изъятых из гражданского оборота или ограниченных в нём. В разрешении этого вопроса мнения ученых разделились. Так, В. В. Скосарев считает, что под имуществом в данном контексте могут пониматься только предметы, не изъятые из гражданского оборота[1, с. 29-30]. Другие ученые, такие как Л. Д. Гаухман и С. В. Максимов считают, что к предмету данного преступления должны быть отнесены любые вещи и те, что изъяты из гражданского оборота либо ограничены в нём, за исключением тех, уголовная ответственность за неправомерные действия с которыми установлена специальными нормами УК ДНР (конкуренция норм)[2, с. 202].

Во-вторых, преступный характер происхождения данного имущества. То есть, имущество получено в результате совершения преступлений: хищений, вымогательства, получения взятки, а также коммерческого подкупа, незаконного

получения кредита, подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов, браконьерства и др.

Отсутствие в УК ДНР четкого определения имущества как предмета данного преступления позволяют говорить о видах имущества, которые определены в Гражданском кодексе Украины (далее – ГКУ).

В соответствии со ст. 190 ГКУ, имуществом считается отдельная вещь, совокупность вещей, а также имущественные права и обязанности. Вещью является предмет материального мира, относительно которого могут возникать гражданские права и обязанности (ст. 179 ГКУ).

В гражданском праве различается движимое и недвижимое имущество, что имеет важное значение для раскрытия сущности предмета состава приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем. К недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, т.е. объекты, перемещение которых невозможно без их обесценивания или изменения их назначения (например, здания, сооружения). К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты. Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество, право на которое подлежит государственной регистрации. К движимым вещам относятся вещи, которые можно свободно перемещать в пространстве (ст. 181 ГКУ)[3].

Рассматривая Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), стоит обратить внимание на договор продажи предприятия. По данному договору продавец обязуется передать в собственность покупателя предприятие в целом как имущественный комплекс, в который входят не только имущество, но и исключительные права (ст. 559 ГК РФ). Однако предметом преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ (приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем), исключительные права не являются. Поэтому, приобретая предприятие, (например, изъятое у законного собственника рейдерами), виновный должен нести ответственность за приобретение только имущества, заведомо добытого преступным путем, которое включено в предприятие как имущественный комплекс, но не исключительных прав на имущество[4].

Так, Лопашенко Н. А. говорит о том, что чаще всего предметом приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, выступает движимое имущество [5, с. 118].

По мнению Н. В. Репиной предметом анализируемого деяния являются любые вещи или права, имеющие определенную ценность или сохраняющие ее при изъятии, поскольку они могут быть приобретены или сбыты и могут удовлетворять какую-либо потребность виновного. В том числе – предметы, имеющие особую ценность, любое транспортное средство, заведомо добытое преступным путем, ценные бумаги, права из которых не утрачиваются при смене владельца, даже если она осуществлена незаконным путем. Предмет приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, должен быть для виновного чужим, т.е. не должен находиться в собственности или законном владении виновного [5, с. 11–12].

Милин А. Е. говорит о том, что предметом рассматриваемого деяния является обладающее вещными признаками движимое и недвижимое имущество, заведомо добытое в результате совершения другим лицом преступления, или имущество, полученное взамен его, в гражданско-правовом его понимании. Исключение составляет имущество, уголовная ответственность за незаконный оборот которого предусмотрена специальными нормами [6, с. 17].

Дробот С. А. под предметом рассматриваемого преступления понимает имущество (т.е. материальные объекты, обладающие экономическими свойствами товара) [7, с. 34].

Серебренникова Л. И. утверждает, что предметом приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, являются индивидуальноопределенные вещи (в том числе подпадающие под эти признаки – деньги, ценные бумаги, а также переработанные вещи), выбывшие из обладания собственника или иного законного владельца в результате совершения преступного деяния при условии, что ответственность за приобретение или сбыт этих предметов не установлена другими нормами УК [8, с. 16].

Исходя из вышесказанного, мы видим, что единого мнения по поводу определения предмета такого преступления как приобретение или сбыт имущества, приобретенного заведомо преступным путём, у учёных нет. А в законодательстве и вовсе отсутствует разъяснение по поводу предмета данного преступления.

Итак, предметом приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, а именно движимые и недвижимые вещи, а также имущественные права, которые не изъяты из гражданского оборота и заведомо добыты в результате совершения лицом преступления.

Нельзя не рассмотреть вопрос о приобретении или сбыте имущества заведомо добытого преступным путём в разрезе правового института «наследования». В современном обществе особую актуальность приобрела проблема наследования имущества, заведомо добытого преступным путем. Результатом криминального «передела» собственности возникла многочисленная группа лиц, которые оказались владельцами преступно нажитого имущества. Данное имущество, в свою очередь, становится предметом наследования.

Спорным представляется включение в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 192 УК ДНР, вопрос принятия наследства. Согласно гражданскому законодательству наследственное имущество переходит к другому лицу как единое целое и в полном объеме. Согласно ч. 3 ст. 1273 ГКУ отказ от принятия наследства является безусловным и безоговорочным. Приведенные нормы подтверждают то, что, если в состав наследственного имущества входит имущество, заведомо добытое преступным путем, наследник не может отказаться от него, при этом не отказавшись полностью от наследства (исключением является завещательное распоряжение).

Однако в этом случае возникает закономерный вопрос, каким образом в наследственную массу может быть включено имущество, заведомо добытое преступным путем, в то время как по наследству передается только имущество, находящееся на праве собственности умершего лица. По нашему мнению, при ответе на этот вопрос нужно исходить из следующего. Имущество добыто заведомо для его приобретателя преступным путем; нотариус таких сведений не имеет, включает это имущество в наследственную массу и придает ему статус законного. Поэтому действие по принятию наследства в этом случае содержит оконченный состав преступления, предусмотренного ст. 192 УК ДНР.

Здесь, на наш взгляд, существует противоречие в законодательстве, которое необходимо устранить. Решение проблемы видится в дополнении ст. 192 УК ДНР нормой о специальном освобождении от уголовной ответственности лиц, добровольно заявивших правоохранительным органам о получении ими по наследству имущества, заведомо добытого преступным путем.

Таким образом, предлагается дополнить редакцию ч. 1 ст. 192 УК ДНР во избежание неверной трактовки предмета данного преступления и изложить её в таком виде: «Заведомо не обещанные приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, а именно движимые и недвижимые вещи, а также имущественные права, которые не изъяты из гражданского оборота и заведомо добыты в результате совершения лицом преступления». Также предлагается дополнить редакцию ст. 192 УК

ДНР примечанием о специальном освобождении от уголовной ответственности: «Освобождаются от уголовной ответственности лица, добровольно заявившие правоохранительным органам о получении ими по наследству имущества, заведомо добытого преступным путем».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скосарев В. В. Уголовный закон о борьбе с приобретением и сбытом имущества, заведомо добытого преступным путем // Российский следователь. – 2002. – С. 34.
2. Гаухман Л. Д. Преступления в сфере экономической деятельности / Л. Д. Гаухман, С. В. Максимов. – М., 1998. – 293 с.
3. Гражданский кодекс Украины от 16.01.2003 года № 435-IV // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2003. – №№ 40-44. – 1308 с.
4. Грузинская Е.И. Уголовная ответственность за не-правомерный захват органов управления юридического лица: вопросы конструирования составов преступлений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2–3. С. 177-189.
5. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография. В 2 ч. Ч. I / Лопашенко Н.А. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 336 с.
6. Репина Н.В. Уголовная ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Репина Нааля Владимировна. – Москва, 2008. – 33 с.
7. Милин А.Е. Уголовная ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Милин Андрей Евгеньевич. – Москва, 2004. – 25 с.
8. Дробот С.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Дробот Сергей Александрович. – Москва, 2000. – 163 с.
9. Серебренникова Л.И. Криминологические и уголовно-правовые проблемы приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (по материалам Дальневосточного федерального округа): автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право / Серебренникова Лариса Ивановна. – Владивосток, 2009. – 26 с.

GENERAL CHARACTERISTIC OF ACQUISITION OR SALES OF PROPERTY OBTAINED BY AN EXPERIENCED CRIMINAL WAY

Annotation. In this paper, the issue of the acquisition or sale of property known to be obtained by criminal means is considered. Some problematic issues have been identified, as well as options for resolving them by introducing amendments to the law.

Keywords: Acquisition of property known to be obtained by criminal means, sale of property known to be obtained by criminal means, item of property known to be obtained by criminal means, inheritance of property known to be obtained by criminal means.

Konstantinova K. A.

Scientific adviser: Timoshenko N.A. Ph.D., associate professor

Donetsk National University

E-mail: karina.konstantinova.2000@bk.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЯХ

Константинова К.А.

*Научный руководитель: Олейникова А.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматривается вопрос о правовом регулировании алиментных обязательств в международных соглашениях. Выявлены некоторые проблемные вопросы, а также представлены варианты их решения.

Ключевые слова: алиментные обязательства, конвенция, международные соглашения.

Признание и принудительное исполнение иностранных судебных решений (либо судебных решений Украины, РФ, ДНР на территории иностранного государства) в большинстве случаев сопряжено со сложностями и препятствиями законодательного регулирования. Этим объясняется актуальность проблемы урегулирования порядка выплаты алиментов супругам и бывшим супругам, которые являются гражданами другого государства.

С одной стороны, в силу ст. 409 ГПК РФ в России признаются и исполняются иностранные судебные решения, только если это предусмотрено международным договором Российской Федерации. С другой стороны, Россия в настоящее время не участвует ни в одной универсальной международной конвенции по признанию и исполнению судебных решений о взыскании алиментов. Международная универсальная конвенция о признании и исполнении иностранных решений по гражданским делам вовсе отсутствует и в настоящее время лишь разрабатывается.

Российская Федерация является участницей региональной Минской конвенции 1993 г. «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» [1], заключенной между странами СНГ. В Кишиневе 7 октября 2002 г. государствами – участниками Содружества Независимых Государств подписана Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (далее – Кишиневская конвенция) [2]. Кишиневская конвенция вступает в силу для подписавшего ее государства после ее ратификации этим государством (ст. 120). В связи с тем, что Российская Федерация не ратифицировала Кишиневскую конвенцию, в отношениях между Российской Федерацией и странами СНГ продолжает применяться Минская конвенция от 22 января 1993 г. Следует отметить, что каких-то существенных изменений Кишиневской конвенцией в рассматриваемый нами вопрос внесено не было.

В соответствии с Минской конвенцией страны-участницы признают и исполняют судебные решения друг друга, в том числе решения, вынесенные по алиментным делам. Россия заключила также двусторонние соглашения о правовой помощи, в которых далеко не во всех предусмотрено такое признание и исполнение. Как следствие, исполнить российское решение о взыскании алиментов за границей в странах, с которыми Россия не имеет международного договора, практически невозможно.

Обязанность России принимать участие в международных конвенциях о взыскании алиментов прямо вытекает из ее присоединения к Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. [3].

Актуальны вопросы защиты детей, которые «похищаются» их родителями или отцы которых находятся за границей и не платят алиментов и т.д. В этих условиях Россия обязана участвовать в конвенциях, способствующих получению алиментов за границей, в чем она может брать пример со стран СНГ, участвующих в таких

конвенциях. Так, в Нью-Йоркской конвенции 1956 г. «О взыскании за границей алиментов» участвуют Беларусь (1996 г.), Казахстан (2000 г.), Кыргызстан (2004 г.), Молдова (2006 г.), Украина (2006 г.).

Как представляется, Российской Федерации в первую очередь необходимо присоединиться к Гаагской конвенции о международном взыскании алиментов на детей и других формах содержания семьи от 23 ноября 2007 г. и к Протоколу о праве, применимом к алиментным обязательствам, от 23 ноября 2007 г. дополняющему Конвенцию 2007 г. [4]. Конвенция от 23 ноября 2007 г. совмещает максимальную эффективность механизма международного взыскания алиментов с гибкостью, необходимой для ратификации как можно большим количеством государств. При ее разработке учтен многолетний опыт применения Конвенции о признании и выполнении решений относительно обязательств о содержании 1973 г. и Нью-Йоркской конвенции о взыскании алиментов за границей 1956 г. В Конвенции 2007 г. устанавливается, что государства, к которым поступит обращение с просьбой обеспечить выплату алиментов детям их граждан, должны будут «применять, по крайней мере, тот же набор принудительных мер», какие применяются в случаях, касающихся выплат алиментов в пределах этих государств. Конвенция упростила процедуры взыскания алиментов в случаях, когда один из родителей находится на территории другого государства и не перечисляет ежемесячно средства на содержание ребенка [5].

Вопросы применимого права разрешены в Протоколе о праве, применимом к алиментным обязательствам, от 23 ноября 2007 г., дополняющем Конвенцию 2007 г. Коллизионное регулирование алиментных обязательств осуществляется посредством права государства обычного места жительства кредитора, за исключением случаев, когда Протоколом предусматривается иное. Протокол предоставляет государствам право сделать заявление, «что для дел, которые возникают перед их органом, слово «гражданство» в ст. 4 и 6 заменено «постоянным местом жительства» как определенном в том государстве» (ст. 9). Таким образом, как отмечается в научной литературе, при присоединении к Протоколу проблема несоответствия его норм и норм СК РФ может быть снята путем заявления.

В настоящее время действует Гаагская конвенция о праве, применимом к алиментным обязательствам, от 2 октября 1973 г. [6]. Россия в Конвенции не участвует. Конвенция 1973 г. применяется к алиментным обязательствам, возникающим из семейных отношений, отцовства или материнства, брака или свойства, включая алиментные обязательства в отношении внебрачного ребенка (ст. 1). Здесь охватывается круг практически всех возможных субъектов алиментных обязательств. Эта Конвенция исходит из единого коллизионного принципа выбора применимого права к алиментным обязательствам независимо от их субъектного состава – применимым является внутреннее право обычного проживания кредитора, получающего алименты (ст. 4). Представляется, что предусмотренная российским законодательством дифференциация коллизионных принципов выбора применимого права в зависимости от субъектов алиментных обязательств позволяет точнее учесть и принцип тесной связи, и принцип наиболее благоприятного права. В Конвенции предусмотрено императивное правило, согласно которому потребности кредитора и средства должника должны приниматься во внимание при определении суммы алиментов, даже если применимое право предусматривает иное (ст. 11 Конвенции).

Следовательно, можно сделать вывод о том, что алиментирование – это хотя и основной, но явно недостаточный путь для обеспечения содержания детям. Что касается других членов семьи (иных родственников), то здесь алиментирование с очевидностью является лишь альтернативным вариантом, и круг таких родственников должен быть сокращен до минимума. Желательно активнее перенимать опыт зарубежных стран по созданию гарантийных фондов на содержание нуждающихся нетрудоспособных лиц, в

частности детей. Этот аспект в исследовании алиментных обязательств лишний раз убеждает в том, что забота о нуждающихся нетрудоспособных гражданах выходит за пределы семейных отношений; это – обязанность социального государства и общества, и то, как она исполняется, свидетельствует о зрелости общества.

Коллизионное регулирование семейных правоотношений с иностранным элементом, в том числе алиментных обязательств как имущественных семейных правоотношений осуществляется и с помощью двусторонних договоров о правовой помощи. На сегодняшний день Россия заключила около 30 двусторонних договоров о правовой помощи. Не все договоры данного вида содержат коллизионные нормы. В большинстве этих договоров объект и цель – правовая помощь по гражданским делам (куда включаются и семейные дела) и признание и исполнение судебных решений. В частности, не решают этих вопросов договоры о правовой помощи в форме обмена нотами (с Великобританией, США, Францией).

Российская Федерация заключила договоры о правовой помощи и правовых отношениях с Азербайджанской Республикой от 22 декабря 1992 г., Республикой Кыргызстан от 14 сентября 1992 г., Республикой Молдова от 25 февраля 1993 г. Все три договора были подписаны до вступления в силу Минской конвенции. После принятия Минской конвенции двусторонние договоры о правовой помощи со странами СНГ Россия больше не заключала. Все три договора имеют в принципе одинаковое коллизионное регулирование алиментных обязательств. В них не выделяются алиментные обязательства, но регулируются в целом имущественные отношения между супругами, родителями и детьми. Коллизионные привязки соответствуют тем, которые применяются в Минской конвенции.

В отличие от Минской конвенции названные договоры содержат норму, отсутствующую в Конвенции о правоотношениях между внебрачным ребенком и его матерью и отцом. Они определяются законодательством договаривающейся стороны, гражданином которой является ребенок. Эту норму следует признать излишней. Вряд ли можно признать ее удачной и необходимой. Во-первых, она противоречит одному из краеугольных принципов российского семейного права – принципу равенства детей, рожденных в браке и вне брака. Во-вторых, как показывает практика, в настоящее время многие семьи живут в так называемом гражданском браке, то есть без регистрации брака, а потому имеют общее совместное жительство. Все ситуации укладываются в формулировку одной статьи, регулирующей применимое право к правоотношениям между родителями и детьми без указания на наличие брака между родителями. Как видим, эти договоры имеют даже больше недостатков в коллизионном регулировании алиментных отношений, чем Минская конвенция. В частности, в них нет правила, внесенного Протоколом 1997 г., о праве, применимом к алиментным обязательствам других членов семьи.

Россия заключила договоры о правовой помощи с Латвией, Литвой, Эстонией. В них вопросы применимого права к имущественным правоотношениям, осложненным иностранным элементом, между супругами, родителями и детьми решаются так же, как и в договорах о правовой помощи со странами СНГ. Эти же вопросы решаются в целом ряде, но не во всех договорах о правовой помощи с другими странами (Албания, Алжир, Венгрия, Вьетнам, Греция и др.).

Таким образом, поскольку материальные нормы семейного права различных стран с трудом поддаются унификации, сотрудничество стран в сфере семейного права идет по пути унификации коллизионного регулирования семейных отношений, осложненных иностранным элементом в международных соглашениях, универсальных и региональных, многосторонних и двусторонних. России следует активнее участвовать в ратификации конвенций, направленных на защиту прав и законных интересов детей, и в частности алиментных конвенций.

Также есть необходимость принятия на международном, а затем и внутригосударственном уровне решения относительно допустимости исполнения иностранных судебных решений без каких-либо предварительных условий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1064.
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Кишиневе 07.10.2002) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=11613. Журнал международного частного права. 2008. № 3.
3. Ибрагимов Н.Ш. Особенности правового регулирования института алиментных обязательств в семейном праве Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 2 (32). – С. 125-129.
4. Галенская Л.Н. Взыскание алиментов за границей (о возможности присоединения России к Конвенции 2007 г. «О международном порядке взыскания алиментов на детей и других формах содержания семьи») // Журнал международного частного права. 2009. № 1. С. 3–16.
5. Заключение и рекомендации регионального семинара «Содействие международному сотрудничеству путем Гаагских конвенций», Тбилиси, Грузия, 26–28 февраля 2013 г. URL: http://www.hcch.net/upload/concl_sem2013ge_ru.pdf
6. Гаагская конвенция о праве, применимом к алиментным обязательствам, от 2 октября 1973 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=INT&n=3270&req=doc>.

LEGAL REGULATION OF ALIMENTARY OBLIGATIONS IN INTERNATIONAL AGREEMENTS

Annotation. This paper discusses the legal regulation of maintenance obligations in international agreements. Some problematic issues are identified, and options for solving them are also presented.

Keywords: maintenance obligations, convention, international agreements.

Konstantinova K.

Scientific adviser: Oleinikova A., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: karina.konstantinova.2000@bk.ru

УДК 336.22

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТАМОЖЕННЫХ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ

Корнев Д.А.

*Научный руководитель: Сынкova Е.М., проф., д.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности административно-правовом регулировании взаимодействия таможенных и правоохранительных органов. Обосновано, что Таможенные органы взаимодействуют с правоохранительными органами в порядке, установленном законодательством при выполнении задач, которые возложены на таможенную службу. Рассмотрены формы взаимодействия таможенных и правоохранительных органов.

Ключевые слова: таможенные органы, правоохранительные органы, таможенный контроль, внешнеэкономическая деятельность, таможенное законодательство

Внешнеэкономическая деятельность находится под государственным контролем. В условиях развития внешнеторговых отношений, участия в процессах международной таможенной интеграции, распространения миграции трудовых ресурсов, капиталов,

туризма таможенный контроль существенно осложняется и нуждается в применении новейших форм и методов, а также высокой профессиональной подготовке органов доходов и сборов.

Таможенный контроль товаров и транспортных средств, которые перемещаются через таможенную границу, предусматривает непосредственное осуществление контрольных мероприятий, направленных на проверку соответствия реального количества товаров отмеченной в товаросопроводительных документах, задекларированной таможенной стоимости – реальной таможенной стоимости, и другие контрольные действия, выполнение которых является условием пропуска товаров, предметов, транспортных средств через таможенную границу государства. В частности, органы доходов и сборов руководствуются классификацией товаров ТН ВЭД, в соответствии с которой определяются ставки ввозной пошлины.

Следовательно, мероприятия организационного и материально-технического характера, направленные на обеспечение законности и дисциплины субъектов ВЭД, выносятся за рамки узконормативного определения таможенного контроля как деятельности, которая выполняется в пунктах пропуска через таможенную границу или в других нормативно определенных местах.

Целью исследования является анализ взаимодействия таможенных и правоохранительных органов при осуществлении таможенного контроля.

Юридическое правомочие предприятия – легитимность ВЭД и соблюдение других разрешений юридического лица для выполнения таможенных операций (наличие лицензий, патентов, сертификатов и т.п.). Задачи таможенного контроля этого объекта является установление правомерности осуществления ВЭД экономического субъекта в соответствии с законодательством, наличие документации относительно лицензирования и квотирования операций, прохождения санитарно-эпидемиологического, фитосанитарного, ветеринарного, экологического, радиологического и других видов контроля, который является обязательным условием выдачи сертификата соответствия и таможенного оформления.

Происхождение товаров как объекта таможенного контроля проверяется с целью налогообложения товаров, которые перемещаются через таможенную границу, применения к ним мероприятий нетарифного регулирования ВЭД, запретов и/или ограничений относительно перемещения через границу, а также обеспечения учета этих товаров в статистике внешней торговли. При этом соблюдается конфиденциальность информации, предоставленной для целей определения страны происхождения товара, которая не может быть разглашена без специального разрешения в том случае, если это требуется для рассмотрения дела в суде.

Таможенные органы при выполнении задач, возложенных на таможенную службу, взаимодействуют с правоохранительными органами в порядке, установленном законодательством. В случае выявления во время осуществления таможенных платежей и сборов и других мероприятий, которые осуществляются таможенными органами, признаков правонарушений, расследование которых не принадлежит к полномочиям таможенных органов, таможенные органы сообщают об этом соответствующие правоохранительные органы. Правоохранительные органы сообщают таможенным органам об обнаруженных ими нарушениях таможенных правил или контрабанде. Правоохранительные органы обязаны в письменном виде сообщать таможенным органам о наличии оперативной информации относительно возможных случаев перемещения товаров с нарушением норм законодательства ДНР и ЕАЭС».

Но, к сожалению, не все задачи объединения усилий таможенной службы с соответствующими подразделениями органов внутренних дел, прокуратуры, ветеринарной и фитосанитарной службы, санитарно-эпидемиологической службы, и другими правоохранительными органами по делу обеспечения законности и

правопорядка на сегодняшний день решены. В первую очередь, обращает внимание то обстоятельство, что до сих пор существуют проблемы правового регулирования взаимодействия этих органов в отмеченной сфере, которая в конечном итоге негативно отражается на борьбе с правонарушениями, которые оказываются при осуществлении таможенных платежей и сборов на государственной границе.

Между тем, функции борьбы с ними прямо или опосредствовано возложенные на всех перечисленные выше и некоторые другие органы, о чем свидетельствует анализ законодательства, которое определяет их задачи и полномочия. Отдельные аспекты взаимоотношений между правоохранительными органами были закреплены в утвержденных общими приказами органов исполнительной власти

К сожалению, эти инструкции со временем утратили свое действие, а новые вместо них не были утверждены, а потому координация действий должностных лиц правоохранительных органов в целом осталась вне рамок правового регулирования. Именно поэтому рассмотрение вопросов относительно взаимоотношений между собой подразделений таможенной службы с другими правоохранительными органами в сфере обеспечения соблюдения разнообразных общеобязательных правил на государственной границе возможна лишь на основе анализа нормативно-правовых актов, которые закрепляют их компетенцию по делу борьбы с правонарушениями, практики их реализации, а также научных публикаций из этой проблематики.

Анализ действующего законодательства и практики его применения позволяет прийти к выводу, что таможенные органы при выполнении своих функций взаимодействуют с органами внутренних дел, органами прокуратуры, контрольно-наблюдательными органами (ветеринарного, фитосанитарного, экологического контроля, санитарного надзора и др.), органами государственной пограничной службы.

Контроль правильности определения таможенной стоимости товаров проводится во время проведения таможенного контроля и таможенного оформления путем осуществления проверки заявленной таможенной стоимости, определение которой производится декларантом. Задачей таможенного контроля является начисление таможенных платежей; применение других мероприятий государственного регулирования ВЭД; ведение таможенной статистики и расчет налогового обязательства, определенного по результатам документальной проверки.

Контроль определения таможенной стоимости товаров важен при проверке вопросов, связанных с заявлением неполной и/или недостоверной информации о таможенной стоимости товаров, в том числе неправильно определенной стоимости декларантом, непредставления или отсутствия документов, которые подтверждают составляющие таможенной стоимости [1].

Целью деятельности таможенных органов, связанной с контролем перемещения товаров, является, с одной стороны, создание наиболее благоприятных условий для реализации предписаний норм таможенного законодательства в поведении, деятельности граждан и экономических субъектов, обеспечении эффективности правового регулирования общественных отношений в таможенной сфере, а с другой – охрана и защита экономических интересов государства, обеспечения законности и правопорядка в таможенно-правовой сфере.

Уклонение от таможенного налогообложения – правонарушение, которое заключается в невыполнении или ненадлежащем выполнении плательщиком своих обязанностей из уплаты таможенных платежей. Задачей таможенного контроля является своевременное выявление и предотвращение уклонением от уплаты таможенных платежей и повышение экономической безопасности государства.

Источники информации включают: законодательные акты, нормативно-правовые документы, планомерно регулирующие, организационно предписывающие документы, фактографическую информацию.

Методическими приемами таможенного контроля являются общенаучные и конкретные эмпирические (собственные) приемы контроля (методы фактического контроля, расчетно-аналитические и приемы документалистики, освещенные в специальной литературе.

Под результатами осуществления контроля правильности определения таможенной стоимости товаров орган доходов и сборов признает таможенную стоимость, которая была заявлена декларантом, или принимает решение о необходимости коррекции [2].

Основными направлениями взаимодействия таможенных и правоохранительных органов являются:

1) разработка и осуществление согласованных мероприятий по предотвращению, выявлению и раскрытию нарушений действующего законодательства по пограничным, налоговым, таможенным, экологическим и другим вопросам, противодействию организованной нелегальной миграции, контрабандному, незаконному перемещению через границу товаров и других предметов, перемещению через государственную границу экологически опасных объектов; предупреждение и прекращение преступлений, административных правонарушений и других противоправных действий;

2) внесение в соответствующие министерства, других центральных и местных органов исполнительной власти представлений относительно устранения обнаруженных причин и условий, которые способствуют нарушению налогового законодательства;

4) обобщение итогов и разработка новых форм взаимодействия;

5) предоставление в районах прохождения службы специально уполномоченным на то государственным органам и должностным лицам необходимой помощи в их деятельности по контролю за соблюдением соответствующих общеобязательных норм и правил;

К основным формам такого взаимодействия в этих инструкциях следует отнести:

1) проведение совместных заседаний коллегий соответствующих министерств и других центральных органов исполнительной власти, оперативных совещаний их руководящего состава, а также совещаний руководителей региональных подразделений этих органов; 2) проведение общих операций по единому плану с комплексным использованием имеющихся сил и средств; 3) создание общих оперативных штабов (рабочих групп) для координации действий (при необходимости) по предупреждению и прекращению соответствующих правонарушений, для борьбы с которыми указанные органы существуют; 4) оперативный обмен информацией, которая касается совместной деятельности на государственной и налоговой границе (как правило в письменной форме или электронном виде), с соблюдением требований конспирации и защиты сведений, которые передаются с помощью соответствующих каналов связи [3].

Необходимо предусмотреть также, что механизм реализации задач, принципов и форм взаимодействия правоохранительных органов и соответствующих подразделений налоговых органов должны стать совместно утвержденные планы такого взаимодействия, которые будут отрабатываться на местном уровне и которые периодически (например, ежеквартально, а в случае необходимости – немедленно) уточняются с учетом возможных изменений [4].

При осуществлении ими своих функций по борьбе с таможенными правонарушениями таможенные органы взаимодействуют с подразделениями органов внутренних дел: полицией (относительно выявления и прекращения любых уголовных преступлений); общественной безопасности (относительно содействия задержанию лиц, в действиях которых обнаружены признаки правонарушений; в случаях, предусмотренных действующим законодательством, – по применению соответствующих административно-принудительных мероприятий с целью

обеспечения общественного порядка); ГАИ ДНР (относительно выдачи ею в установленном порядке разрешений на движение транспортных средств со сверхгабаритными, опасными грузами и в колонне, параметры и перечень которых установлены правилами дорожного движения, государственными стандартами, соглашениями о межгосударственных перевозках опасных грузов и осуществлении контроля за соблюдением при этом соответствующими должностными и служебными лицами и гражданами норм, правил и стандартов обеспечения безопасности дорожного движения при перемещении через таможенную границу); следователями (относительно выявления и прекращения преступлений, подследственных органам внутренних дел, для решения вопроса о нарушении по ним уголовных дел).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Досмырза, Д. Концептуальные перспективы развития таможенного администрирования. / Д. Досмырза. // Современное таможенное регулирование в условиях функционирования единого экономического пространства. не в – 2012. – С. 37.
2. Коробейникова К.В. Регулирование инновационно-инвестиционной деятельности в государствах-членах Евразийского экономического союза // В сборнике: Развитие юридической науки в контексте евразийской интеграции Сборник научных статей по итогам работы международного круглого стола. Министерство образования и науки Донецкой Народной Республики; ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2018. – С. 88-93.
3. Закон Донецкой Народной Республики «О таможенном регулировании в Донецкой Народной Республике» № 116-ИНС от 25.03.2016. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики-Режим доступа: <http://dnrsovet.su/kontakty/>. Дата обращения 15.01.2020.
4. Халипов, С. В. Таможенное право / С.В. Халипов. – М.: Юрайт, Юрайт, 2016. – 464 с.

CO-OPERATION OF CUSTOM AND LAW-ENFORCEMENT BODIES DURING REALIZATION OF CUSTOM CONTROL

Annotation. In the article features are considered административно-правовом adjusting of co-operation of custom and law-enforcement organs. It is grounded, that the Custom organs co-operate with law enforcement authorities in an order, set a legislation at implementation of tasks which are laid on custom service. The forms of co-operation of custom and law-enforcement organs are considered.

Keywords: custom organs, law enforcement authorities, custom control, foreign economic activity, customs legislation

Kornev D.

Scientific adviser: Synkova E., Prof. Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: kornevcampfloggnaw22@gmail.com

УДК 342.951

К ВОПРОСУ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Коробейников В.Н.

*Научный руководитель: Сынкova Е.М., проф., д.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности административно-правового регулирования строительной отрасли в Российской Федерации. Обосновано, что Российской Федерации сократились масштабы административного влияния на предпринимательскую деятельность, связанную с лицензированием, в том числе в сфере обеспечения безопасности работ. Обоснована роль саморегулируемых организаций в регулировании качества и безопасности работ в строительстве.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, строительная отрасль, лицензирование, саморегулируемые организации, строительный рынок.

В результате проведения ряда реформ в области делегирования государственных функций некоммерческим организациям – саморегулируемым организациям (СРО), в строительной отрасли Российской Федерации сократились масштабы административного влияния на предпринимательскую деятельность, связанную с лицензированием, в том числе в сфере обеспечения безопасности работ. В Федеральном Законе «О саморегулируемых организациях», вступившем в силу с 1 декабря 2007 года, предусматривается, что государство делегирует функции контроля и отраслевого регулирования СРО, сохраняя при этом за собой функции контроля и надзора за поведением участников рынка. При этом членство в СРО строительных, проектных и архитектурских организаций заменяет лицензию. Такой подход был призван содействовать развитию строительной сферы, обеспечить поддержку бизнеса и создать конструктивный диалог бизнеса с государством, а также способствовать устранению барьеров, которые противоречат законодательству и ликвидации экономически необоснованных ограничений, в том числе ограничений, касающихся допуска к работам, влияющим на уровень безопасности строительных объектов.

Анализ функционирования СРО за рубежом показывает, что стимулом к участию хозяйствующих субъектов строительной отрасли в саморегулируемых организациях является их стремление повысить уровень доверия к ним со стороны потребителей, а также способствовать устранению неполноты и недоверия в отношении безопасности объектов капитального строительства. Это становится возможным благодаря способности саморегулируемых организаций соблюдать стандарты рыночного поведения в строительной отрасли, способствовать обеспечению безопасности объектов капитального строительства.

Роль саморегулируемых организаций в строительстве заключается в том, что они должны стать препятствием на пути допуска на строительный рынок непрофессиональных участников строительного бизнеса, и способствовать обеспечению качества и безопасности возводимых объектов капитального строительства.

На законодательном уровне разработаны соответствующие правила, позволяющие индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам реализовывать свое право вступать в СРО и получать допуски для осуществления различных работ, а саморегулируемым организациям обеспечивать надзор за их работой и нести ответственность за совершаемую ими работу. Нормативными актами закреплены условия и требования, при которых строительные организации смогут реализовать свое право на осуществление различных видов работ в сфере строительства.

В то же время на строительном рынке, несмотря на тенденцию к устранению со строительного рынка с помощью системы саморегулирования организаций, работающих с нарушением требований к безопасности и качеству работ, по-прежнему остаются нерешенные проблемы в регулировании.

Ведущим фактором оптимизации строительного рынка является стремление к ликвидации компаний «однодневок», которые получают допуск для выполнения работ для конкретного заказчика, и фирм, имеющих неотрасловую основу, и не обеспечивающих необходимых ресурсов для ведения качественного строительства. Формирование законодательных инициатив по сокращению участия подобных компаний в СРО, позволяет расширить присутствие в рассматриваемой отрасли профессиональных компаний.

Процедура получения допуска на осуществление работ, влияющих на безопасность строительных объектов, которая регламентируется принятыми в СРО стандартами и правилами, предполагает вынесение заключения о профессионализме и

качестве работы претендентов. Поэтому требования к претендентам, заинтересованным вступить в СРО, включают необходимость наличия высококвалифицированных кадров, соответствующего оборудования и техники, системы контроля качества и финансового обеспечения ответственности.

Деятельность СРО в сфере безопасности строительства способствует формированию долгосрочных программ развития строительных организаций; является важным фактором структуризации законодательства, делает его понятным и доступным для широкой общественности строителей; существенно снижает бюрократическую нагрузку на строительный бизнес; совершенствует систему регулирования, дает возможность при условиях ограниченных ресурсов правительства уменьшить расходы на выполнение регуляторных актов в строительном комплексе; способствует повышению конкурентоспособности организаций строительной индустрии;

В мировой практике накоплен достаточный опыт относительно повышения эффективности регуляторных отношений между государственными органами и строительным бизнесом в сфере обеспечения безопасности, его целесообразно использовать для построения отечественной модели современного управления строительным рынком в России. Использование зарубежного опыта будет способствовать созданию в России определенной институциональной инфраструктуры участия бизнеса в экономическом взаимодействии с государством.

Анализ зарубежного опыта показывает, что особое значение в зарубежных СРО имеет Хартия социальной ответственности, в которой определяются задачи строительных организаций по соблюдению качества и безопасности строительства. Таким образом, проблема повышения роли СРО во взаимодействии с органами исполнительной власти при решении вопросов в части формирования требований к строительным организациям в отношении их допуска к работам, влияющих на безопасность строительных работ во многом обусловлена высоким социальным статусом СРО, консолидации строительных организаций РФ.

Государство, отменяя лицензирование и подталкивая строительные организации к объединению в СРО, передаёт часть своих функций по контролю и регулированию строительного рынка самим участникам рынка.

Ростехнадзор, являясь надзорным органом в отношении всех СРО строительного комплекса РФ, обязан осуществлять проверку каждой саморегулируемой организации. В случае наличия нарушений в деятельности – имеет право инициировать процесс лишения статуса СРО, что повлечет недействительность выданных Свидетельств о допуске к работам.

Итоговым положением может являться утверждением в том, что на рынке профессиональной предпринимательской деятельности произошли изменения, затронувшие область государственного контроля организаций в области строительства. Функции по контролю и регулированию в практической области были переданы саморегулируемым организациям, которые в соответствии с Градостроительным кодексом РФ являются некоммерческие партнерства, сведения о которой внесены в государственный реестр саморегулируемых организаций и которые основаны на членстве индивидуальных предпринимателей и (или) юридических лиц, выполняющих строительство, реконструкцию, капитальный ремонт объектов капитального строительства. Оценка данного шага, предлагаемая экспертами, имеет значительную поляризованность и не может быть выработана в компромиссной форме.

СРО осуществляет также плановые проверки, в ходе которых проверяются осуществляется проверка :

- требований к выдаче свидетельств о допуске;
- правил саморегулирования;

- требований стандартов СРО;
- требований технических регламентов;
- условий членства в СРО.

Введение института саморегулирования предпринимательской деятельности в строительстве наряду с неоспоримыми плюсами, как снижение административного давления на бизнес, повышение материальной ответственности предпринимателей за ущерб, причиненный в результате недостатков работ, породило и ряд проблем. В частности, остаются не решенными такие комплексные проблемы как: выход субъекта предпринимательской деятельности из рядов СРО; возможность возврата взносов в компенсационный фонд СРО, которые является основой всего института СРО в строительной отрасли; коллизии нормативных актов в части принуждения субъектов предпринимательской деятельности к прохождению добровольной сертификации и получению сертификатов соответствия, которые стали одним из обязательных документов для получения допуска на право осуществления строительной деятельности; надзор за саморегулируемыми организациями со стороны государства; судьба членов СРО, лишенной своего статуса в судебном порядке; «коммерциализация» деятельности саморегулируемых организаций. Кроме того, дискуссионным представляется вопрос о требованиях к кадровому составу организации, вступающей в саморегулируемую организацию строителей, который не согласуется с конституционными принципами права на труд и профессию и приоритетами социальной политики государства, а также вопрос наделения дополнительными полномочиями Национальных объединений СРО.

Особую значимость приобретает проблема объема компетенции СРО в строительстве, которая до сих пор не решена, и споры по которой до сих пор не утихают. Саморегулируемая организация, имея дополнительные (делегированные ей государственные полномочия по контролю за своим членами-строителями) права, в силу закона предъявляет к соискателям жесткие требования. Членство в строительной саморегулируемой организации является обязательным требованием для строительных организаций и индивидуальных предпринимателей, которые выполняют работы и оказывают услуги, отнесенные к компетенции СРО. Перечень таких работ содержится в Приказе Министерства регионального развития РФ №624 от 30.12.2009 г.

Члены строительной саморегулируемой организации для осуществления строительной деятельности должны получить свидетельство о допуске к работам в области строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства (допуск к строительным работам). В свою очередь, саморегулируемая организация помимо предъявления требований к своим членам и контроля их выполнения обязана осуществлять защиту прав и законных интересов членов СРО; оказывать помощь в повышении квалификации сотрудников членов СРО; осуществлять информационную поддержку членов и т.п.

В строительстве система нормативных документов создает единое нормативное поле, которое включает: а) совокупность требований к проведению организации строительного проектирования; б) общетехнические нормы строительного проектирования; в) нормы проектирования в сфере градостроения; г) нормы проектирования зданий и сооружений различного назначения; д) совокупность требований к проведению инженерных изысканий.

Таким образом, нормативно-правовое обеспечение строительной отрасли характеризуется комплексностью охвата всех требований к качеству и безопасности работ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Салин П. Б. Становление и развитие института саморегулируемой организации в Российской Федерации: Диссерт. на соискание ученой степени канд. юр. наук. – СПб., 2010. – С.182

2. Исупова Л.В. проблемы правового регулирования объектов долевого строительства //Академическая публицистика. 2019. № 3. С. 145-150.
3. Зими́на М.Ю. Разрешение (согласие) на строительство: правовое регулирование и практика применения //Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 2. С. 63-68
4. Мищенко В.И., Гудков А.И., Красильщиков А.В. О новеллах правового регулирования в сфере жилищного строительства //Евразийское Научное Объединение. 2019. № 6-2 (52). С. 137-140.
5. Синдеева И.Ю. государственное регулирование сметной стоимости строительства:правовой аспект //Государственная служба. – 2019. – Т. 21. –№ 3 (119).– С. 80-89

TO THE QUESTION OF ADMINISTRATIVE LEGAL REGULATION OF THE CONSTRUCTION INDUSTRY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article discusses the features of administrative regulation of the construction industry in the Russian Federation. It is substantiated that the Russian Federation has reduced the extent of administrative influence on entrepreneurial activities related to licensing, including in the area of work safety. The role of self-regulatory organizations in regulating the quality and safety of work in construction is substantiated.

Key words: administrative and legal regulation, construction industry, licensing, self-regulatory organizations, construction market.

Korobeynikov V.

Scientific adviser: Synkova E., Prof. Law, Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: v_korob@mail.ru

УДК 331.5-053.6

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ – ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВА

Кочетова М.В.

*Научный руководитель: Меркулов С.Н., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В данной работе рассматривается проблема насилия в семье, которая является одной из глобальных проблем современного общества. Выявлены основные причины домашнего насилия и способы решения данной проблемы.

Ключевые слова: насилие, семья, агрессия.

Каждые 15 минут в России происходят избиения женщин в семье. Это данные официальной статистики МВД, согласно которой только в 2015 году в отношении женщин в семье было совершено более 35 тысяч насильственных преступлений.

К пятая женщина в России подвергалась физическому насилию. Из них только 12 % обратились за помощью в полицию, медицинское учреждение или к адвокату после инцидента.

Проблема насилия в отношении детей в семье является одной из глобальных проблем современного общества. Стоит отметить, что в мире количество случаев жестокого обращения в семье, по отношению к ее членам, увеличивается с каждым годом. Эта проблема всегда существовала во всех культурах и обществах, независимо от того, является ли это общество высокоразвитым или нет. Однако этот вопрос, который был вынесен на обсуждение в обществе, все же был запрещен за злоупотребления в семье, это был секрет, как говорится, не нужно стирать грязную одежду на людях, проблемы, которые возникают в семье, должны оставаться в ней и решаться ею. Но на современном этапе развития общества проблема бытового насилия начинает осознаваться членами общества и постепенно разрешаться, так как становится очевидным, что бытовое насилие ведет к серьезным последствиям [6, с. 14].

Насилие в семье является одним из самых сложных и противоречивых вопросов в большинстве современных обществ. Эта проблема отражает дисгармонию и искажения, существующие в отношениях в обществе. Его суровость свидетельствует о нездоровой социальной и моральной среде. Терпимость общества к любому виду насилия-это, по сути, отказ от создания современного цивилизованного общества. Мы привыкли видеть все виды насилия в средствах массовой информации, на телевидении и в кино. Они стали относиться к нему спокойно и ничего не замечали. В Донецкой народной республике до сих пор нет закона «О борьбе с бытовым насилием», который принят практически повсеместно за рубежом, в том числе и в странах СНГ.

Насилие в семье – это социальная проблема современного общества. в качестве доказательства можно использовать следующие аргументы:

- во-первых, растет интерес к семье как к одному из важнейших институтов социализации личности ребенка, самостоятельной, самостоятельной ячейке общества;

- во-вторых, существует потребность в социально-педагогической поддержке, социально-педагогической поддержке и защите» семей риска», поскольку именно в таких семьях часто происходит насилие, направленное в первую очередь на более слабых ее членов, это могут быть дети или бабушки и дедушки, которые не защищены и требуют большего внимания, интереса, заботы и ухода;

- в-третьих, необходима социально-педагогическая профилактика и, в некоторых случаях, коррекция насилия в семье. Профилактические мероприятия включают педагогическое воспитание родителей (через лекции, семинары, деловые игры, классные часы и др.), а социальный педагог может координировать работу межведомственных организаций по обеспечению эффективности профилактических процедур [2, с. 63].

Понятие насилия в семье тесно связано с явлением агрессии. По своей сути насилие – это форма агрессивного поведения.

Агрессия – это тенденция или совокупность тенденций, проявляющихся в реальном поведении или фантазии, целью которых является причинение вреда, вреда другому человеку, группе, разрушение, унижение, принуждение к каким-либо действиям и т. д. [8, с. 127].

Сегодня обострились многие проблемы, в том числе социальные. Это включает в себя проблему роста насилия в отношении женщин и детей в семье. И самое страшное, что насилие рассматривается только в свете причинения физического вреда, но насилие может проявляться в различных формах, это психологические, эмоциональные, моральные и даже экономические. Существует множество причин бытового насилия. Они подвержены влиянию и влиянию в той или иной степени многих различных по содержанию факторов, эти факторы нельзя рассматривать изолированно, поскольку они влияют и определяют причины бытового насилия в совокупности, поэтому принято решение рассмотреть и изучить факторы и причины бытового насилия, возникшие в этом контексте в целом.

Но насилие в отношении ребенка в семье-это очень сложное явление, больше, чем просто результат индивидуальной патологии. Существует несколько факторов, влияющих на возникновение и развитие бытового насилия: личностные особенности родителя и ребенка, характер детско-родительских отношений, особенности семьи, ее открытость или закрытость, конфликтность и семейные проблемы, стресс, вызванный различными факторами, в самом широком смысле это социальная среда, в которой развивается и функционирует семья [4, с. 37].

Недостаточный уход за ребенком, пренебрежение его основными потребностями, эмоциональное и психологическое насилие и любые формы насилия в отношении детей являются примерами искаженных отношений между родителями (или их заместителями) и детьми, находящимися на их попечении. К числу наиболее существенных последствий жестокого обращения с детьми относятся:

- неспособность достичь определенных успехов в профессиональной карьере, стать активным и полезным членом общества;
- трудности в создании собственной семьи, установлении супружеских, детско-родительских отношений, решении бытовых проблем;
- проблемы в воспитании и воспитании собственных детей, «наследование» насильственных методов и форм воспитания, неумение строить доверительные и уважительные отношения с детьми;
- неспособность видеть и понимать насилие в отношении собственных детей (со стороны других членов семьи) и защищать их;
- нарушение сексуальной ориентации ребенка;
- вовлечение в употребление алкогольных напитков, психоактивных веществ, проституцию (по данным зарубежных исследователей, 80% проституток подвергались сексуальному насилию в детстве);
- участие в преступной деятельности [5].

В настоящее время нет единого мнения о том, что является источником насилия в семье. Это связано с тем, что проявления насилия в семье настолько разнообразны и причины у каждого человека разные, поэтому невозможно выявить универсальную первопричину насильственного поведения в семье.

Хочу еще раз отметить, что в нашей стране нет закона «О борьбе с бытовым насилием», который существует в 143 странах мира. Если мы примем законодательство таким, как оно есть, то увидим, что государство каким-то образом берет на себя задачу защиты пострадавших членов семьи, поскольку судебное преследование является частным и публичным. Теперь, если убрать все это, то получится очень простая история: будет какой-то акт агрессии, побои и штраф, который, скорее всего, повиснет на семейном бюджете. Если речь идет о семьях с низкими доходами, например, 15 тысяч рублей, то 5-10 тысяч из них будут изъяты для уплаты этого штрафа. Это может быть как дополнительным стимулом для последующей агрессии, так и отпугнуть потерпевших от подачи заявления.

Но хуже всего то, что это все не предполагает защиты со стороны государства в случае повторного акта агрессии. То есть женщина, оказавшаяся в такой ситуации во второй раз, должна будет потом самостоятельно собрать все доказательства, пойти в мировой суд и доказать, что с ней произошло, доказать вину человека, который это с ней сделал. Мы знаем, что подавляющее большинство женщин в нашей стране не обращаются ни в суд, ни в полицию. Мы абсолютно уверены, что это очень и очень неэффективный механизм, и не всегда даже те люди, которые защищают свои интересы с помощью юристов, могут пройти этот путь достойно. Поэтому можно сказать, что в принципе мы зафиксируем насилие как норму поведения [7, с. 27].

Я думаю, что люди, которые поддерживают закон, прикрываются псевдотрадиционалистскими лозунгами «невмешательства в семейные дела», но на самом деле руководствуются осознанием того, что наша правоохранительная система разложилась до такой степени, что не способна бороться с такими сложными видами преступности. Это одно из немногих таких преступлений, которые действительно нужно пресекать на ранней стадии. Тот факт, что насилие в семье является серийным преступлением, редко случается только один раз. Если насилие в семье началось, оно будет нарастать, жертва изолирована, и на следующих стадиях это могут быть серьезные травмы или, в конечном счете, убийство.

Проблема создания системы воспитания и образования подрастающего поколения является очень важной и актуальной для Донецкой народной республики, поскольку существующая система показала свою неэффективность в современных условиях развития общества. В зависимости от того, какое образование мы даем и как мы воспитываем наших детей сегодня, это будет общество через 5-10 лет. А изменения в

прогрессивную сторону придут через десятилетия, что не так уж и долго в истории и развитии государства и общества.

Отношение к бытовому насилию в семье и в обществе в целом в любом государстве-это социальная проблема, которая заключается в воспитании детей как подрастающего поколения, в формировании нового общества.

В пример домашнего насилия приведем дело Кристины Сидуковой: молодая мать против жестокого мужа.

Жертвы, которые отважились защищаться от насильников, редко получают поддержку в суде, говорят правозащитники. 4 июля в Геленджике суд присяжных признал виновной молодую 28-летнюю мать Кристину Шидукову. Она зарезала своего мужа до смерти. Обвинение настаивает на том, что убийство было преднамеренным, хотя судебно-медицинская экспертиза зафиксировала, что перед смертью муж действительно жестоко избил Кристину. Теперь ей грозит до 15 лет лишения свободы. Петиция в ее защиту уже собрала более ста тысяч подписей.

То, что дело Кристины появилось в публичном пространстве-это редкость и удача, уверена правозащитница, соучредитель движения «Стоп насилию» Алена Попова. В Геленджике много семей, где хотя бы один из супругов воспитывался на Кавказе, поэтому побои и разборки в семье особенно замалчиваются. Муж Кристины был этническим кавказцем. – Молча ее давно бы посадили в тюрьму, обвинив в том, что она провоцирует мужа. Хотя Кристину били несколько лет, даже когда она была беременна», – рассказывает Попова.

Обратимся к зарубежной практике. Закон строг для семейных насильников в Англии, где он также означает ограничение доступа к банковским счетам, контроль в социальных сетях и любое наблюдение. Срок может быть до пяти лет. В Чешской Республике жертв бытового насилия не спрашивают, согласны ли они с возбуждением уголовного дела против насильника: если поднял руку то в суд и в тюрьму. В Германии развита социальная помощь и существует много так называемых женских домов, где пострадавшие могут получить временное убежище, им помогут получить пособия и найти работу. В законодательстве страны нет такого преступления, как насилие в семье. Правонарушители проходят по другим статьям, но нет никаких шансов, что такое дело будет замято [3, с.123].

Чтобы решать данную проблему предлагаю дополнить статью 117 УК ДНР следующим содержанием:

Статья 117.1. Умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия

1. Умышленное причинение телесного повреждения, не повлекшего за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности, -

наказывается штрафом в размере до двадцати пяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот часов, либо арест до двух месяцев.

2. Нанесение побоев, не повлекшее причинения телесных повреждений, умышленное причинение боли, физических или психических страданий, совершенные в отношении близкого родственника либо члена семьи, -

наказываются штрафом в размере сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот часов, либо исправительными работами на срок до шести месяцев [9].

В социологической литературе насилие в семье рассматривается как система отношений между членами семьи, характеризующаяся высокой степенью близости, жесткой иерархичностью и консерватизмом, основанная на социальных нормах и

культурных традициях. Эти отношения строятся членом семьи, который использует очень жестокие меры, чтобы утвердить свою власть и контроль над другими. Латентный характер проблемы приводит к различным социальным последствиям: гибели людей, росту стоимости социальной помощи пострадавшим, судебной системе, системе здравоохранения, нарушению социализации детей, росту алкоголизма, наркомании, преступности и проституции среди несовершеннолетних [1, с. 32].

Существует 4 основных вида насилия в семье: физическое, сексуальное, психологическое и экономическое. Насилие не всегда проявляется в шрамах и ссадинах на теле жертвы. в настоящее время психологическое насилие носит особенно насильственный характер, что приводит к деградации человека как личности, делая его зависимым от обидчика. Насилие в семье может быть вызвано социальными факторами, стрессом в семье, употреблением алкоголя или наркотиков. Они прибегают к физической силе, когда нет возможности мирно повлиять на принятие тех или иных решений в семье, когда кто-то в семье является алкоголиком или наркоманом и их мнение не принимается во внимание. Существует много различных мнений о причинах бытового насилия. Это могут быть как психические расстройства, так и низкий культурный уровень. Исходя из сложности человеческой природы, трудно определить единственную причину.

Следует помнить, что после того, как насилие произошло, оно, скорее всего, будет продолжаться с постепенным увеличением – напряженность в семье снова возрастет. Насилие в семье – это проблема, о которой очень важно говорить, поскольку никто не должен подвергаться насилию или другому жестокому или унижающему достоинство обращению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елисеев, Д. Насилие в семье как проблема современного общества / Д. Елисеев – М.: Свобода, 2011. – 212 с.
2. Григович, И. Н. Синдром жестокого обращения с ребенком. Общие вопросы и физическое насилие: учебное пособие для студентов и врачей / И. Н. Григович. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2011.- 288 с.
3. Горшкова, И. Д. Насилие над женщинами в современных российских семьях [Текст] / И. Д. Горшкова, И. И. Шурыгина. МАКС-ПРЕСС, 2009–196 с.
4. Андреева А. А. Насилие в семье как социальная проблема современного общества [Текст] // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2015 г.). – Уфа: Лето, 2015. – 112 с.
5. Рамих В. А. От ненасилия в семье – к ненасилию в обществе [Электронный ресурс] / В. А. Рамих // Тез. докл. Третий Российский философский конгресс «Рационализм и культура на пороге III тысячелетия», 2005. – Режим доступа : <http://www.auditorium.ru>.
6. Синельников А. С. Выученные уроки: Подростки и проблема насилия в семье / А. С. Синельников // Обыкновенное зло : исследования насилия в семье / под ред. О. М. Здравомысловой. – М. : Едиториал УРСС, 2008. – С. 92 – 122.
7. Социальному работнику о проблеме домашнего насилия / под ред. А. Б. Синельникова. – М. : Университетская книга, 2011. – 262 с.
8. Фурманов И. А. Агрессия и насилие : диагностика, профилактика и коррекция / И. А. Фурманов. – СПб. : Речь, 2013. – 480 с.
9. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики: утвержден Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014.

DOMESTIC VIOLENCE IS A SOCIAL PROBLEM

Annotation. This paper considers the problem of domestic violence as one of the global problems of modern society. The main causes of domestic violence and ways to solve this problem are identified.

Keywords: violence, family, aggression.

Kochetova M.

Scientific adviser: Merkulov S., Ph. D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: ko4etova.m@mail.ru

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ СТРАХОВАНИЕ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Кравченко А.А.

*Научный руководитель: Хоруженко К.А., к.и.н., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Анотация. В статье проведено исследование действующего обязательного медицинского страхования граждан в Российской Федерации и перспектив его дальнейшего развития, с возможностью концептуального подхода к внедрению и развитию медицинского страхования в Донецкой Народной Республике. На сегодняшний день потенциал страховой медицины не востребован и реализуется в искаженном виде, существуют противоречия в действующем законодательстве о медицинском страховании, порождающие в этом множество правовых рисков. Законотворческий процесс формируется, к сожалению, не в пользу позитивного развития системы обязательного медицинского страхования (далее – ОМС). Новый Федеральный закон об ОМС, для придания единства системе, должен содержать правовые основы ОМС, ее функции, ответственность Федерального и территориальных фондов ОМС и страховых медицинских организаций.

Ключевые слова: обязательное медицинское страхование, страховой полис, фонды медицинского страхования, финансирование медицинской помощи.

Противоречия в действующем законодательстве о медицинском страховании, а также то, что законотворческий процесс формируется не в пользу позитивного развития системы обязательного медицинского страхования и не в направлении реализации страховых принципов, является основной причиной того, что на сегодняшний день потенциал страховой медицины не востребован и реализуется в искаженном виде. Успех системы ОМС не возможен без существенного изменения системной правовой базы.

Согласно ст. 55 Конституции Российской Федерации, в Российской Федерации (далее – РФ) не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц. В современном законодательстве в сфере здравоохранения это соблюдается не в полной мере.

Правовые пробелы федерального законодательства заполняются территориальными законами о здравоохранении и ОМС. Несовершенство законодательной базы, прямо или косвенно регламентирующей деятельность системы ОМС и ее субъектов, порождает множество правовых рисков. Во многих случаях это происходит из-за субъективной трактовки существующей противоречивой законодательной базы субъектами системы ОМС в своих интересах.

Статья 12 Закона Российской Федерации от 28 июня 1991 года № 1499-1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» (далее – Закон ОМС) предусматривает федеральный (далее – ФФОМС) и территориальные (далее – ТФОМС) фонды ОМС как государственные органы, обеспечивающие финансовую стабильность системы ОМС. Но финансовая стабильность системы ОМС не может быть обеспечена без закрепления в федеральном законодательстве правового положения фондов ОМС. Такой статус фондов мог бы, например, повлиять на сдерживание поправок в Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ. Часть первая (далее – часть 1 НК) о сокращении ставки единого социального налога (далее – ЕСН) для зачисления в ТФОМС с 3,4% до 2% и увеличении процента отчислений в Федеральный фонд ОМС с 0,2% до 0,8% от фонда оплаты труда. Это привело к

устойчивому сокращению поступлений финансовых средств, направляемых на реализацию территориальных программ ОМС и тем самым к снижению доступности для граждан бесплатной медицинской помощи, ущемляя их конституционные права.

Действующие сегодня нормативно-правовые акты по ОМС имеют двойственный характер: с одной стороны, они не предусматривают централизованного подчинения ТФОМС Федеральному фонду ОМС, но исполняют нормативные акты ФФОМС, а с другой стороны, ТФОМС подчинены органам исполнительной власти субъектов Федерации, что во многих случаях приводит к некоторым правовым и организационным противоречиям. Утраты ЕСН фонда ОМС (ФОМС), обусловленные новым налоговым законодательством исчезают, млн. руб.

Система ОМС (в соответствии с законодательством) обязана контролировать качество медицинской помощи (далее – КМП) и расходование средств ОМС в УЗ путем проведения экспертиз и ревизий на предмет рационального и целевого использования средств ОМС. Официальные документы по выявленным нарушениям в установленном порядке передаются в органы управления здравоохранением для принятия соответствующих мер по снижению нарушений. Однако контроль со стороны ТФОМС и страховых медицинских организаций (далее – СМО) не достигает цели по следующим причинам:

1. Обеспечение гарантированного качества медицинских услуг требует от органов управления и УЗ дополнительных затрат на совершенствование медицинских технологий в соответствии с ГОСТ Р 52623-2006 «Национальный стандарт Российской Федерации. Технологии выполнения простых медицинских услуг» (далее – ГОСТ Р 52623-2006) на применение надлежащего оборудования и качественных материалов, на внедрение стандартов и лучших медицинских операций, на повышение квалификации медицинских работников и т. д. Законодательно такие финансовые средства не предусмотрены в системе ОМС в составе Территориальной программы ОМС (далее – ТПОМС), поскольку страховым случаем в ОМС (по Закону ОМС) считается только заболевание застрахованного, а не риски снижения качества медицинских технологий. Однако здесь присутствуют факторы прямого влияния на качество медицинской помощи качества используемых при этом технологий и ресурсов. Следовательно, риски, связанные с качеством участвующего в процессах медицинского персонала (врачебными ошибками, снижением квалификации персонала и его психическим состоянием и т. п.), с качеством применяемых в них методик, информации, стандартов, с качеством применяемых основных средств и материальных ресурсов, с их доставкой, хранением, обслуживанием, контролем и т. п., относятся к сфере не медицинского, а ресурсного страхования. Принятие этих тезисов может помочь принципиально разделить, с одной стороны, правовую и финансовую ответственность ОМС за оплату непосредственной медицинской помощи, и, с другой стороны, ответственность производителя медицинских услуг за риски, возникающие при обеспечении их качества. На эти цели должны направляться средства по бюджетной смете в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ, принятым Государственной думой 17 июля 1998 года (далее – БКРФ), которые управляются органами здравоохранения. Но эти затраты никак не связаны с обязательствами ТФОМС, не включены в ТПОМС и управляются вне зависимости от результатов экспертиз. В связи с этим, по нашему мнению, трудно найти мотивацию власти к дополнительным затратам, направленным на ликвидацию причин низкого КМП, при отсутствии ее ответственности за эти риски. Эту оценку подтверждают данные службы защиты прав застрахованных ФФОМС: количество обоснованных, по мнению независимых экспертов, жалоб застрахованных на низкое качество медицинской помощи возросло с 2001 года по 2018 год более чем в 5 раз, на отказ в оказании и взимание средств за оказание медицинской помощи – почти в 3 раза.

2. Органы управления здравоохранением сегодня не управляют объемами и качеством платных услуг, оказываемых во вверенных им УЗ. Эти услуги недоступны для вневедомственной экспертизы их качества и уровня использования в них ресурсов, оплаченных из средств ОМС. Этот бесконтрольный фактор может нести в себе: для застрахованных – риски повторных госпитализаций, хронизации заболеваний и других последствий некачественной медицинской помощи, а для ФОМС – дополнительные расходы на медицинскую помощь этим застрахованным.

3. При оказании медицинской помощи в рамках ТПОМС в случаях, когда необходимые и оплаченные по ОМС ресурсы (лекарственные средства или изделия медицинского назначения) по требованию медперсонала приобретаются самим пациентом без гарантии их качества, имеет место высокая вероятность возникновения негативных последствий их применения. Вневедомственный контроль в такой ситуации теряет смысл, ибо УЗ (в случаях приобретения ресурсов самим пациентом) правовой ответственности за качество медицинской помощи не несет.

Взимание денег и ресурсов с пациентов в УЗ при оказании им медицинской помощи по ОМС является фактором, с одной стороны, явного нарушения прав населения на получение в государственных и муниципальных УЗ бесплатной медицинской помощи и, с другой стороны, негласным принуждением больных к участию в содержании плохо работающих УЗ.

Таким образом, решение всех указанных выше проблем возможно при введении одноканального финансирования УЗ с применением принципов бюджетирования, ориентированного на результат и с одновременным проведением административной реформы органов управления.

Из перечисленных в статье 11 Федерального закона Российской Федерации от 16 июля 1999 года № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» (далее – 165-ФЗ) прав и обязанностей, которыми наделены страховщики в системе ОМС, видно, что такими же полномочиями в настоящее время наделены ТФОМС. Статьей 13 165-ФЗ установлено, что страховщики осуществляют оперативное управление средствами ОМС, следовательно социальные внебюджетные фонды (в том числе ТФОМС) являются страховщиками. Статья 9.2 165-ФЗ определяет, что «регистрация страхователя в исполнительных органах страховщика осуществляется в случаях, установленных федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования». Статья 9.1 Закона ОМС определяет, что «Регистрация страхователей при обязательном медицинском страховании осуществляется в территориальных фондах обязательного медицинского страхования». По этому определению ТФОМС автоматически считается участником отношений по обязательному социальному страхованию. Статьей 6 165-ФЗ также утверждается положение, что ТФОМС является субъектом обязательного социального страхования, т. е. субъектом ОМС.

Однако в ст. 2 Закона ОМС ТФОМС в качестве субъекта системы ОМС не значится. Следовательно, статус ТФОМС в данном случае законодательно не определен, а его функции по регистрации страхователей – не легитимны и ответственности за результаты регистрации страхователей ТФОМС не несет.

Статьей 11 п. 2 165-ФЗ предусмотрено, что страховщик, т. е. по Закону ОМС – СМО, обязан «обеспечивать контроль за правильным начислением, своевременной уплатой и перечислением страховых взносов страхователями». С 1 января 2001 года в соответствии со п. 7 ст. 9 НК часть 1, контроль за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения взносов в государственные социальные внебюджетные фонды (Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ и фонды ОМС), уплачиваемых в составе единого социального налога (взноса), осуществляется налоговыми органами РФ. Дополнительно, согласно ст. 63 НК часть 1 органами, уполномоченными принимать решение об изменении срока уплаты налогов, являются

«...по единому социальному налогу – федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный по контролю и надзору в области налогов и сборов», т. е. те же налоговые органы РФ. Таким образом, налоговым органам, не являющимся субъектами ОМС, полностью делегированы полномочия по сборам страховых взносов в фонд ОМС. В соответствии с ч. 1 ст. 122 НК, неуплата или неполная уплата сумм налога (сбора) влечет взыскание штрафа. Законодательно установленные санкции за неуплату налога, вероятно, слабо стимулируют налогоплательщиков к исполнению своих обязанностей и, возможно поэтому, в последние годы сохраняется на высоком уровне их задолженность и недоимка по ЕСН

В Устав Федерального фонда ОМС, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 29.07.1998 № 857, внесено дополнение в функции Федерального фонда по осуществлению в соответствии с законодательством РФ расходов на реализацию мер социальной поддержки отдельных категорий граждан по обеспечению лекарственными средствами (см.: Постановление Правительства РФ от 16.12.2004 № 795). В то же время, Закон ОМС и «Положение о территориальном фонде обязательного медицинского страхования», утвержденное ВС РФ от 24.02.1993 № 4543-1, данной функцией не дополнены. Территориальные фонды ОМС, вынуждены самостоятельно регламентировать свою деятельность по реализации федеральных полномочий, не свойственных медицинскому страхованию и связанных с распределением федеральных бюджетных финансовых средств в сфере здравоохранения. Такая же ситуация возникла при исполнении фондами ОМС функций по реализации национального проекта «Здоровье» и пилотного проекта, направленного на повышение качества услуг в здравоохранении.

Законом ОМС предусмотрено, что осуществление медицинского страхования возлагается на СМО с любыми формами собственности, обладающими необходимым уставным фондом, имеющими государственное разрешение (лицензию) на право заниматься медицинским страхованием и организующими свою деятельность в соответствии с законодательством РФ. В Гражданском кодексе РФ и Законе РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» используется понятие «уставный капитал», а в Законе ОМС – «уставный фонд». Такая незначительная правовая коллизия вызывает сложности при проведении конкурсного отбора СМО для осуществления деятельности в системе ОМС.

Общие принципы системы обязательного социального страхования (далее – ОСС), установлены ст.ст. 6 и 13 165-ФЗ. Там же определено, что ОСС, к которому относится и ОМС, осуществляют страховщики – некоммерческие организации, создаваемые Правительством РФ в соответствии с федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования. Из содержания названных норм следует, что положения Закона ОМС в части, касающейся определения страховщиков, имеющих право осуществлять ОМС, противоречат закону 165-ФЗ, а поэтому ст. 2 («Субъекты медицинского страхования») и 14 («Страховая медицинская организация») Закона ОМС, регулирующие эти вопросы, применяться не могут.

СМО, создаваемые в установленном порядке, подчиняются регламенту, установленному законом 165-ФЗ. Вместе с тем, законодательство, регламентирующее деятельность и ответственность СМО в рамках ОМС, отсутствует. Это создало в сфере деятельности страховщиков ряд существенных недостатков по реализации страховых принципов.

Страховые медицинские организации:

- не влияют на потоки пациентов в системе ОМС и поэтому не могут ограничить обращения пациентов в плохо оснащенные медицинские учреждения;

- не несут финансовой ответственности перед застрахованными гражданами, медицинскими учреждениями за деятельность в системе ОМС;

- заинтересованы только в увеличении страхового поля, так как финансирование, в том числе и на ведение дела, зависит от количества застрахованных граждан;
- не влияют на величину налогов (так называемых страховых сборов);
- не отвечают по обязательствам государства, выраженным в Территориальной программе государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи;
- не обеспечивают соответствие объемов медицинской помощи с выделенными финансовыми средствами на оказание этой помощи, так как объемы финансирования планируются ТФОМС, а государственные и муниципальные задания для УЗ и тарифы на медицинскую помощь устанавливаются органом управления здравоохранения субъекта Федерации на основании соглашения с ТФОМС;
- не несут ответственности перед страхователями за финансовое обеспечение страхового случая;
- не конкурируют друг с другом за привлекаемый в систему ОМС контингент страхователей, за заключение договоров с лучшими медицинскими учреждениями, так как для обеспечения прав граждан на получение доступной медицинской помощи и ее оплаты каждая СМО должна заключать договоры со всеми УЗ, куда по праву обращаются их застрахованные;
- не участвуют в процессе формирования условий страхования и размеров страховых взносов;
- не имеют прав контроля за рациональным использованием средств ОМС в УЗ, так как эта обязанность возложена на ТФОМС;
- не определяют порядок дифференцирования стоимости медицинской помощи, оказанной УЗ застрахованным различными СМО;
- не имеют целевых показателей критериев оценки эффективности деятельности СМО;
- не определяют порядок восстановления средств ОМС, использованных в УЗ не по целевому назначению в тех случаях, когда оплата медицинской помощи осуществляется СМО.

На фоне законодательной неопределенности статуса и правового поля страховщиков возникают организационные риски. Например, конфликт интересов СМО между реализацией социальных задач, с одной стороны, и получением максимальной прибыли, с другой стороны, остро проявляется в условиях высокой экономической привлекательности и отсутствия законодательного запрета на совмещение деятельности одной и той же СМО по ОМС и добровольному медицинскому страхованию в одних и тех же УЗ одновременно. Между УЗ, СМО и ТФОМС заключаются договоры, которые, по сути, не отражают нормальных товарно-денежных отношений. Они, по нашему мнению, являются инструментом трансляции (перераспределения) средств, выделенных государством на оплату медицинской помощи.

В соответствии со ст. 15 Закона ОМС, СМО имеет право контролировать объем, сроки и качество медицинской помощи в соответствии с условиями договора и при этом, на основании ст. 27 Закона ОМС, в случае нарушения медицинским учреждением условий договора, вправе частично или полностью не возмещать затраты по оказанию медицинских услуг. До настоящего времени эти права СМО реализуются в условиях недостаточной законодательно-правовой базы, регламентирующей выявление фактов оказанной УЗ некачественной медицинской помощи и правила последующего начисления сумм «частично или полностью не возмещенных затрат». Все это сегодня основывается на субъективной оценке медэкспертами СМО в условиях отсутствия законодательно установленных регламентов деятельности СМО, что практически не осуществимо для независимых негосударственных организаций.

Статья 161 БКРФ предусматривает финансирование бюджетных учреждений (каковыми являются УЗ) из соответствующего бюджета или бюджета государственного внебюджетного фонда на основе сметы доходов и расходов, а ст. 24 Закона ОМС в системе ОМС предусмотрена оплата медицинской помощи по тарифам на медицинские услуги. На этой основе на уровне учреждения здравоохранения действует экономический принцип двухканального финансирования, действуют два совершенно разных экономических режима: один режим ОМС, когда платят за объем оказанной медицинской помощи, и второй – бюджетный, когда деньги идут на содержание учреждения по смете. На этой почве возникли риски диспропорций финансирования УЗ при реализации ТПОМС. Из средств ОМС обеспечивается заработная плата медперсонала УЗ, приобретение медикаментов и мягкого инвентаря, питание больных. Однако для оказания медицинской помощи необходимы, как было сказано выше, одновременно и сбалансировано разнообразные ресурсы (человеческие, информационные, технические, материальные и т. п.), оплачиваемые как из средств ОМС, так и из бюджета. Поэтому, при существовании двух режимов финансирования эффективное планирование результатов деятельности УЗ недостижимо. При оплате УЗ за фактические услуги объемы стационарной помощи становятся неуправляемыми. Больницы получают мощные стимулы к наращиванию объема работ – необоснованно принимаются на лечение больные, в том числе те, которые могли бы лечиться в амбулаторных условиях. Затратный механизм по режиму ОМС усиливается по сравнению со сметным финансированием. Ресурсные диспропорции обостряются. При введении одноканального финансирования УЗ с применением принципов бюджетирования, ориентированного на результат, возможно решение этих проблем. Статья 2 Закона ОМС предусматривает в качестве субъектов системы ОМС лиц, осуществляющих медицинскую деятельность как индивидуально (частнопрактикующих врачей), так и коллективно. Однако одной ст. 56 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года № 5487-1 для определения взаимоотношений частнопрактикующего врача с другими субъектами ОМС недостаточно. Введение в систему ОМС частных медицинских учреждений требует принятия специального федерального закона, так как взаимоотношения частной системы здравоохранения с государственной и муниципальной системами здравоохранения в настоящее время не регламентированы. Устранить правовой вакуум – дело Государственной думы РФ.

В статье 3 Закона ОМС установлено, что объектом медицинского страхования является страховой риск, связанный с затратами на оказание медицинской помощи при возникновении страхового случая. В данной интерпретации риском является не факт появления ущерба, связанного с заболеванием застрахованного (его вероятность и случайность), а случай возникновения затрат УЗ при обращении пациента для оказания ему медицинской помощи. Такие случаи следует рассматривать как риски материального ущерба, который наносит учреждению застрахованный, востребовав гарантированное ему Конституцией оказание бесплатной медицинской помощи. Предполагаемое событие как риск утраты здоровья не является, по определению Закона ОМС, страховым событием. Видимо, здесь законодатель предполагает, что права пациентов автоматически обеспечиваются самим фактом существования медицинских учреждений.

В «Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу до 2020», утвержденной Распоряжением Правительства РФ 17 ноября 2008 г. № 1662-р, указывается, что «...участие страховых медицинских организаций в системе обязательного медицинского страхования необходимо для создания в системе здравоохранения субъектов, экономически заинтересованных в защите прав пациентов и в повышении эффективности использования ресурсов системы здравоохранения, достигаемой благодаря конкуренции страховых медицинских

организаций. Одним из основных условий достижения конкуренции является реальный выбор самими застрахованными страховой медицинской организации». Действительно, ст. 6 Закона ОМС закреплено право выбора гражданином «медицинской страховой организации» и «медицинского учреждения и врача в соответствии с договорами обязательного и добровольного медицинского страхования». По ст. 9 этого же закона страхователь, в том числе как работодатель для работающего застрахованного или государственный орган для неработающего, имеет право на «свободный выбор страховой организации», автоматически отменяя действие ст. 6 для своего работника или неработающего гражданина. В итоге, последний оказывается в невыгодном положении потому, что, для реализации своего права, должен суметь заставить своего номинального страхователя – работодателя, либо государственный орган для неработающего, заключить договор страхования в его пользу. В соответствии со ст. 15 Закона ОМС, СМО имеет право свободно выбирать медицинские учреждения для оказания медицинской помощи и услуг по договорам медицинского страхования. Одновременно по ст. 6 Закона ОМС гражданин также имеет право выбора «медицинского учреждения и врача в соответствии с договорами обязательного и добровольного медицинского страхования». Такая противоречивая путаница в законодательстве говорит о неладах законодателя с системным анализом ситуаций в правовом поле.

Таким образом, гражданин из-за «перекосов» в законодательстве, как получатель медицинских услуг и выгодоприобретатель по договору ОМС лишен возможности влиять на экономическое положение СМО и УЗ посредством прямого выбора из ряда других.

Распоряжением Правительства РФ 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу до 2020» отмечены серьезные проблемы в системе здравоохранения: ограниченность государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи и несбалансированность их с финансовыми ресурсами; снижение доступности медицинской помощи для населения; необходимость в уточнении системы государственных гарантий; отсутствие существенного влияния сложившейся системы ОМС на эффективность использования ресурсов здравоохранения; обострение проблемы неравенства регионов, связанной с различным уровнем финансирования; отсутствие действенных рычагов привлечения средств граждан и организаций в систему ОМС.

Таким образом, новая законодательная база системы ОМС, по моему мнению, должна четко регламентировать права, обязанности и ответственность ее субъектов – страхователей, фондов ОМС, страховых медицинских организаций, учреждений здравоохранения и застрахованных, правила взаимодействия между ними, а также обеспечивать сбалансированность государственных обязательств по программам ОМС с размерами страховых платежей и иных поступлений в ТФОМС, конкуренцию страховщиков как фактор эффективного взаимодействия с УЗ в интересах застрахованных, непротиворечивость прав выбора страховщиков организованным страхователем (работодателем) и отдельными представителями населения, обязанность страховщиков разделять финансовые риски с ТФОМС в отношении оплаты медицинской помощи.

Исходя из вышеизложенного, хотелось бы выразить надежду на то, что в Донецкой Народной Республике будет создана необходимая нормативно-правовая база для внедрения и развития медицинского страхования на примере Российской Федерации учитывая положительные изменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года No 145-ФЗ (Принят Государственной думой 17 июля 1998 года).
2. ГОСТ Р 52623-2006 Национальный стандарт Российской Федерации. Технологии выполнения простых медицинских услуг.

3. Закон Российской Федерации от 28 июня 1991 г. No 1499-1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации».
4. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. No 146-ФЗ. Часть первая.
5. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 54871.
6. Распоряжение Правительства РФ 17 ноября 2008 г. N 1662-р «О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу до 2020 г. «.
7. Федеральный закон Российской Федерации от 16 июля 1999 г. No 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования».

COMPULSORY MEDICAL INSURANCE LEGISLATIVE AND LEGAL PROBLEMS

Annotation. To date, the potential of insurance medicine is not in demand and is being realized in a distorted form, there are contradictions in the current legislation on medical insurance, which generate many legal risks in this area. The legislative process is being formed, unfortunately, not in favor of the positive development of the system of compulsory medical insurance (hereinafter – the compulsory medical insurance). The new federal law on compulsory medical insurance, to give unity to the system, should contain the legal basis of compulsory medical insurance, its functions, the responsibility of the federal and territorial funds of compulsory medical insurance and medical insurance organizations.

Keywords. compulsory health insurance, insurance policy, health insurance funds, financing of medical care.

Kravchenko A.

Scientific adviser: Khoruzhenko K., Ph.D., Senior Lecturer

Donetsk National University

E-mail: doctor.kravchenko@gmail.com

УДК 316.19

ОБЩЕСОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЛИЦАМИ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Кувалдина П.А.

*Научный руководитель: Левендаренко О.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Аннотация. В работе проанализированы способы общесоциального устранения преступности несовершеннолетних лиц женского пола в Донецкой Народной Республики, а также установлена взаимосвязь правоохранительных органов с представителями общественности относительно устранения преступности несовершеннолетних лиц женского пола.

Ключевые слова: общесоциальное предупреждение, несовершеннолетние лица женского пола, предупреждение преступности.

Общесоциальное предупреждение – это комплекс стратегических социально-экономических и культурно-воспитательных мероприятий, направленных на дальнейшее развитие и совершенствование общественных отношений на пути создания благополучной жизни всего общества.

По сферам и целям осуществления общесоциальные меры предупреждения могут быть социально-экономическими, хозяйственно-управленческими, идеологическими, культурно-воспитательными, экологическими, психологическими, медицинскими, образовательно-правовыми. Особенностями этих мероприятий является разработка, планирование и осуществление которое производится для гармонизации и либерализации общественных отношений [1, с. 76].

На сегодня, социологические исследования свидетельствуют о том, что в Донецкой Народной Республики есть несколько главных источников зарождения

антиобщественных действий, под влиянием которых несовершеннолетние девушки склонны совершать противоправные деяния: неблагополучные семьи, из которых выходят несовершеннолетние девушки с виктимным поведением; неформальные (примитивные и сложные) группы несовершеннолетних девушек, или группы несовершеннолетних лиц и лиц взрослой возрастной категории с криминальной направленностью.

Так, на данном этапе названные группы существуют во всех сферах жизни общества, но существуют и такие, которые менее всего доступны информационно и поддающихся контролю и учету со стороны общества и государства. Неконтролируемый досуг, улица, средства массовой информации – это не только территориальные и коммуникативные понятия, но и часть окружающей среды, которые способны исказить моральный облик несовершеннолетних девушек [2, с. 19].

Становление личности, будущих несовершеннолетних преступниц – достаточно сложный, длительный процесс привлечения еще малолетней девушки к криминогенной социализации. Социализация охватывает все социальные процессы, благодаря которым несовершеннолетние девушки усваивают определенные знания, нормы, ценности, требования, которые дают им возможность функционировать как членам общества. Ведущим и определяющим началом социализации является целенаправленное воздействие. Психологическими исследованиями доказано, что усвоение индивидом социальных и моральных норм, проходит ряд последовательных стадий. Моральное сознание развивается во время активного творческого взаимодействия субъекта с социальной средой. Но при этом может и не быть достигнуто соответствие между нормативными позициями личности и требованиями социальных норм. Надо в частности учесть, что нормы относительно стабильны, а жизненные ситуации, опыт личности значителен и разнообразен [3, с. 83]. В следствие взаимодействия определенных факторов с определенными людьми несовершеннолетние девушки переменяют на себя ту или иную манеру поведения, как правильную, так и неправильную. Следовательно, несовершеннолетние девушки учатся преступному поведению не потому, что имеют к этому особые преступные задатки, а потому, что криминальные образцы чаще им попадаются на глаза, и сильнее доминируют в процессе их социальной жизни.

Во-первых, предупреждение преступности – одна из основных задач государства, поэтому рассмотрение этого вопроса всегда вызывает несомненный интерес среди специалистов.

Анализ проблем противодействия негативным явлениям показал, что в юридической литературе и нормативных актах достаточно часто применяется термин «профилактика» или «предупреждение» преступности. Более детальное определение профилактики преступности несовершеннолетних сформулировал Н.И. Ветров, который понимает под ней совокупность социально-экономических, идеологических, культурно-воспитательных, организационно-управленческих мероприятий, направленных на выявление и предотвращения причин преступности, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, на исправление и перевоспитание лиц, имеющих отклонения в поведении, на предостережения общества от противоправных деяний [4, с. 102].

Под «предупреждением» преступности среди несовершеннолетних женщин следует понимать особый вид социальной деятельности, осуществляемой государственными органами и общественностью, которая должна иметь системный характер как по комплексу мероприятий, так и по кругу субъектов, которые ее осуществляют и направляют на предупреждение возникновения, устранение, минимизацию, блокирование или нейтрализацию детерминант подростковой женской преступности. Такое обеспечение приводит к преобразованиям общественных отношений, в результате которых минимизируются, устраняются, нейтрализуются или блокируются детерминанты преступного поведения несовершеннолетних девушек.

Мероприятия общесоциального предупреждения внедряются в жизнь через государственные механизмы экономического и государственного развития. Их предупредительное значение заключается в том, что предусмотрена стратегия и тактика социально-экономического развития государства или региона учитывает возможные «затраты» от осуществления заложенных в них мероприятий.

Совершение преступлений несовершеннолетними девушками – это одна из главных проблем современности, как и вообще вся преступность несовершеннолетних. Несмотря на позитивные данные официальной статистики, уровень преступности среди несовершеннолетних девушек остается высоким, учитывая ее значительную латентность и ее омоложение.

Осуществляя мероприятия общесоциального предупреждения, государство должно обратить внимание на еще одну важную задачу – обеспечение самостоятельности семей, где проживают несовершеннолетние дети. Исходя из стремлений не установить опеку над такими семьями, а создать условия для их самостоятельного жизнеобеспечения и духовного самовоспитания. Общесоциальные меры должны предусматривать: повышение материального благосостояния семей; обеспечение работой всех трудоспособных членов семьи; оказание индивидуальной помощи наиболее уязвимым слоям населения; организацию содержательного досуга несовершеннолетних девушек и их семей и тому подобное.

Во-вторых, учитывая гуманистические аспекты в уголовной политике, история правовых идей знакомит нас с двумя основными концепциями социальной защиты от преступности, в их основу положены: уголовное наказание и система предупреждения преступности [5, с. 576].

Предупреждение совершения преступлений несовершеннолетними женщинами путем использования общесоциальных мероприятий является предельно ранней формой предотвращения правонарушений, поскольку в процессе его осуществления не прекращается генезис противоправного поведения несовершеннолетней девушки, а устраняется сама возможность ее появления. Предотвращения в данном случае базируются на общих закономерностях формирования в несовершеннолетней девушки социального типа. Так, за последние пять лет в Донецкой Народной Республике принято на различных уровнях правотворчества подзаконные акты, концепции, программы, планы, в которых прослеживается тенденция внедрения мероприятий, направленных на ослабление влияния криминогенных факторов на несовершеннолетних. К сожалению, нестабильность социально-политического статуса в Донецкой Народной Республике, негативные процессы, происходящие во многих сферах жизни, не ослабляют, а усиливают эти факторы и болезненно поражают не только взрослых, но и несовершеннолетних лиц и особенно несовершеннолетних женщин. В основном, эти меры, из-за вышеупомянутых обстоятельств, не достигают стратегических целей, о них в течение времени, просто забывают и не выполняют те лица, на которых возложено их выполнение. Особенно это проявляется тогда, когда происходит смена высших должностных лиц власти [6, с. 24].

Для предупреждения преступности несовершеннолетних основополагающее значение имеют общесоциальные меры, применяемые к несовершеннолетним и реализующие антикриминогенный потенциал общества. Первостепенное значение приобретают предложенные мероприятия общегосударственного влияния, обеспечивающих защиту прав и законных интересов несовершеннолетних в целом, и меры, направленные на предупреждение противоправного поведения девушек-подростков. На государственном уровне к ним относятся комплекс мер, закрепленных в Законах Украины «О молодежных и детских общественных организациях» от 01.12.1998 г. № 281-XIV, «О предупреждении насилия в семье» от 15.11. 2001 г. № 2789-III.

Основными задачами предупредительной деятельности, в соответствии с положениями действующего законодательства, являются: обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних девушек; социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних женщин, которые находятся в социально опасном положении; предупреждение детской безнадзорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних женщин, предупреждение противоправных действий со стороны взрослых лиц, которые вовлекают несовершеннолетних девушек в преступную и иную антиобщественную деятельность.

Мероприятия общесоциального предупреждения преступности несовершеннолетних женщин должны быть соизмеримы основным сферам жизнедеятельности несовершеннолетних девушек и иметь необходимый нормативный, научно-методический, кадровый и финансовый потенциал с учетом исторических, демографических, социально-экономических особенностей региона и поступления из местного и общегосударственного бюджетов финансов на реализацию программ в отношении несовершеннолетних лиц исследуемой категории [7, с. 113].

В-третьих, в заинтересованности общества и политиков к реализации осуществления общесоциальных программ предупреждения и принятие участия в усилении мер эффективности социальных мероприятий, то здесь усматривается потенциал развития правосознания и понимания общности общественных и личностных интересов граждан и политиков. Для этого нужна длительная и хорошо организована работа по распространению соответствующих знаний, создание общественных структур, усиление взаимодействия и координации с государственными субъектами предупреждения преступности несовершеннолетних.

В криминологических источниках указывается, что до принятия предупредительных мер должны учувствовать представители общественности, группа внештатных сотрудников, но, на сегодня их численность значительно уменьшилась. Без восстановления тесной связи с широкими слоями населения профилактическая работа с несовершеннолетними девушками не даст желаемых результатов. В первую очередь, среди представителей общественности, следует назвать родителей, членов общественных формирований, внештатных сотрудников органов внутренних дел, студентов колледжей и вузов (медицинских, педагогических и юридических) и других лиц, которые могут быть наставниками правонарушительниц. Участие граждан и политиков является особенно важным на этапе предупредительной деятельности. К ней относится: улучшение условий жизни и воспитания несовершеннолетних девушек в случаях, когда обстоятельства микросреды угрожают их нормальному развитию; нейтрализация и ликвидация объектов антисоциального влияния на них; психологическая помощь несовершеннолетним девушкам, которые имеют некриминальные отклонения в поведении, с целью не дать возможности им перейти к совершению преступлений. Несовершеннолетние правонарушительницы нуждаются прежде всего в воспитании, защите и в психологической помощи.

Осуществление предупредительной деятельности на общесоциальном уровне создает предпосылки для проведения специально-криминологических мер специальными органами и службами по делам несовершеннолетних и специальными учреждениями для несовершеннолетних, что, безусловно, способствует снижению преступности среди несовершеннолетних девушек.

Подытоживая изложенное, можно сделать вывод о том, что взаимодействие между субъектами предупредительной деятельности в отношении контингента несовершеннолетних женщин должна заключаться:

– в четких и скоординированных действиях, направленных на выявление и постановки на учет неблагополучных семей, в которых несовершеннолетние девушки попрошайничают, бродяжничают, занимаются проституцией. Круглосуточное

наблюдение за криминогенным контингентом несовершеннолетних девушек, информирование всех субъектов по делам несовершеннолетних о возникновении угрожающей микросреды для девушек-подростков;

– в мгновенном реагировании на поступление любой информации и своевременном обмене ею между субъектами предотвращения и предохранительной деятельности о криминогенном контингенте в школах и специальных учебных заведениях;

– в координации деятельности правоохранительных органов, общественных организации, учреждений образования, науки и здравоохранения в обеспечении планомерного и комплексного использования средств массовой информации, направленных на блокирование, нейтрализацию или минимизацию условий жизни и воспитания, способствующих возникновению и формированию противоправного поведения у несовершеннолетних лиц женского пола.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Минц Н. А. Преступность среди несовершеннолетних и меры по ее профилактике // Наукові праці [Чорноморського державного університету імені Петра Могили]. Сер.: Соціологія. – 2011. – Т. 156, Вип. 144. – С. 76-79. – [Електронний ресурс] – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Npchdusoc_2011_156_144_18.pdf
2. Бугера О. И. Проблемы использования СМИ для предотвращения преступлений среди несовершеннолетних: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Национальний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова. — К., – 2006. — 19 с.
3. Ставицька О.В. Анормний стан особистості як фактор злочинної поведінки підлітка // Питання боротьби зі злочинністю: зб.наук.праць. – Х., – 2004. – Вип.8. – С.83 – 85.
4. Ветров Н. И. Криминологическая характеристика правонарушений молодежного возраста: учеб. пособ. [для вузов]. — М., – 1998. — 102 с.
5. Бураков В. Н. Криминология: учеб. [для вузов]. — СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. — 576 с.
6. Долгова А. И. Теория криминологии : проблемы, поиски, решения // Вопросы борьбы с преступностью. — 1988. — № 46. — С. 23—27.
7. Юзинкова Н. С. Меры предупреждения преступности несовершеннолетних в советское время // Юридичний вісник. – 2011. – № 17 – С. 113-117.

GENERAL SOCIAL PREVENTION OF CRIMES COMMITTED BY JUVENILE DELINQUENCY FEMALE

Annotation. The paper analyzes the ways of general social elimination of the crime of female minors in the Donetsk People's Republic, and also establishes the relationship of law enforcement agencies with members of the public regarding the elimination of the crime of female minors.

Keywords: general social warning, female minors, crime prevention.

Kuvaldina P.

Scientific adviser: Levendarenko O., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: polikuv@gmail.com

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Вестник студенческого научного общества
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
2020. – Вып. 12**

**Том 4
Юриспруденция**

Часть 1

Оригинал-макет подготовлен *А.К. Миронова*

Подписано в печать 25.02.2020 г.
Формат 60×84/8. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 25,07

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.